

РОМАН О ПРЕКРАСНЫХ МОНСТРАХ

ПОРОЧНЫЕ ЗАНЯТИЯ

СИГГИ ШЕЙД

Он мой профессор, и я прибегну к шантажу, чтобы сделать его своим.

Когда я встречаюсь с красивым мужчиной, с которым познакомилась в магазине фетишей, я думаю, что нашла папика. Но он оказывается моим новым профессором и решает прекратить все.

Он не обычный преподаватель — он высокий, темноволосый, неотразимый, и прячет секреты. Секреты, из-за которых его могут уволить. Секреты, из-за которых его могут убить.

Я уже знаю один из них, и, если ему нужно мое молчание, пусть лучше порадует меня.

Но вскоре я понимаю, что профессор не слабак. Что происходит, когда охотник становится добычей?

Сигги Шейд

«Порочные занятия»

Вне серий

Переводчик: Владислава В.

Редактор: Татьяна Н.

Перевод для группы:

vk.com/towersauthors

*Каждому, кто любит неоднозначных героев,
способных ради Вас сжечь мир до тла.*

ФЕНИКС

Мне нужен папик.

Прямо сейчас.

Потому что моя жизнь унылее, чем закат, затмевающий небо. Я тащусь по Марина-Хай-стрит, оглушенная грохотом уличного движения субботним вечером.

Он правда сделал это.

После многолетних угроз бросить мой неблагодарный и избалованный зад на произвол судьбы, папа наконец ушёл. Сегодня утром я вернулась домой и обнаружила, что дом пуст. Ни машины на подъездной дорожке, ни мебели, которую можно было бы заметить в окне, ни записки на пороге с адресом пересылки.

Только ключ, который больше не проворачивается в замке, и голова, гудящая в замешательстве. У папы слишком хорошие связи в преступном мире, чтобы умереть, и он не настолько импульсивен, чтобы позволить себя убить. Он бухгалтер, по крайней мере, если ему верить, и я никогда не видела при нем оружия.

Разве не мог он намекнуть мне на прошлой неделе или хотя бы сделать последнее предупреждение? Как мне теперь оплачивать учебу, если отец просто взял и исчез, а я даже не могу до него дозвониться?

Возможно, это звучит эгоистично, но папа — мудака. Он сексист, жлоб, и у него вспыльчивый характер... По крайней мере, по отношению ко мне и к тем, кто не может дать сдачи.

Он из вредности взял опеку, когда мне было пять, а потом каждую минуту бесился из-за моей принадлежности к женскому полу.

Челюсти сжимаются от негодования. Конечно, он дал мне крышу над головой, но с нее слишком часто сыпалась черепица и слишком больно била по голове. Вот, почему я не могу проявить и капли беспокойства о его жалкой заднице.

Ко всему этому, он сделал меня бездомной, ибо все, что у меня есть — это книги, мобильный телефон и то, что осталось на банковском счете.

На самом деле, у меня перерасход средств. Это делает мое положение еще более отчаянным.

Я прохожу мимо всех своих любимых мест на Хай-стрит: колумбийской кофейни, бутика, где продаются работы студентов, но, когда я приближаюсь к магазину с тонированными в красный цвет витринами, мои шаги замедляются.

Возле «Красной комнаты» припаркован серебристый «Мазерати». Именно о нём папа всегда мечтал, но никогда не мог себе позволить.

«Красная комната» — один из тех бесовски смелых магазинов на Хай-стрит, где продаются непристойные книги, извращенные игрушки и экзотическое белье. Даже их продавец-консультант носит фетишистскую одежду.

Инстинкты призывают меня зайти внутрь и утопить печали в захватывающей истории, но дни чтения для меня закончились. Теперь книги — роскошь, которую я не могу себе позволить.

Разум подсказывает, что пора устроиться на работу. Я же напоминаю ему, что задолжала университету пятизначную сумму. Я никак не смогу совместить работу и выпускной курс. По крайней мере, официально точно нет.

Я кладу руку на витрину и вдруг вижу одного из покупателей у стеллажа с кожаными наручниками. Его темные волосы цвета красного дерева коротко подстрижены по бокам и зачесаны назад на макушке. Он отвернулся, поэтому мне видно только его острые скулы.

— Черт возьми, — шепчу я, и в животе пробуждаются бабочки.

Он высокий, чуть меньше двух метров, одет в угольно-серые джинсы, черный пиджак и ведет себя как один из папиных коллег. С расправленными плечами, чуть наклонившись, он заполняет своим присутствием все пространство. Его аура буквально сочится доминанцией.

Горло сжимается, и чувство одиночества тонет в возбуждении. Он источает темноту, опасность, да еще и одет в дизайнерскую одежду.

А я прочитала достаточно мрачных романов, чтобы осознавать свою привлекательность для такого «папочки».

Что? Не судите меня.

Мой настоящий отец только что исчез, даже не написав что-то вроде «катись к чёрту», и я не собираюсь спорить с ростовщиками.

Мурашки пробегают по спине при мысли о том, что эти люди делают с девушками, неспособными платить непомерные проценты. Такого не будет.

«Ты можешь это сделать», — говорю себе, потому что больше некому меня подбодрить. — «Иди туда и флиртуй так, будто от этого зависит твоя жизнь».

Вообще, так и есть.

Я прячу эту мысль подальше. Отчаяние непривлекательно, и я не хочу производить впечатление обедневшей студентки, ищущей мужчину, который оплатил бы ее счета. Кроме того, Господин Высокий, Мрачный и Загадочный выглядит соблазнительно. Немного старше парней из университета, но именно то, что мне нужно.

Изображая уверенность женщины, которая каждый день делает покупки в «Красной комнате», я открываю дверь и вхожу. Ноздри наполняются смешанными ароматами сгоревших свечей и благовоний. Это приятно, но и близко не так очаровательно, как мужчина, который теперь перешел к изучению кожаных пэددлов¹.

Звенит колокольчик над дверью, и *он* поворачивает голову.

Паника накатывает на меня волной. Какого чёрта я делаю? Я не одета подобающе. Не готова к встрече с кем-то вроде него. Я не все продумала.

Наши взгляды встречаются, искра притяжения пробегает по позвоночнику, пробуждая моё желание.

У него ярко-голубые с зелеными бликами глаза, которые контрастируют со смуглой внешностью и густыми ресницами. Брови даже темнее, чем волосы, а от его тяжелого взгляда у меня дрожат колени.

Моё сердце взлетает, движимое сотнями безумных бабочек. Все инстинкты говорят мне опустить глаза, отвернуться, потому что смотреть на него — все равно, что дразнить хищника.

Но я не могу.

Его присутствие — магнит, я едва осознаю, как иду к нему на негнущихся ногах, колени все еще дрожат, а между ног с каждым шагом разливается жар.

Он задерживает на моём лице пристальный взгляд, который почти граничит с физическим прикосновением. Затем скользит по моему пастельно-розовому кардигану и серой юбке макси.

Я носила это ради отца. Мой наряд прикрывает каждый сантиметр кожи, иначе он будет разглагольствовать об искусительницах, шляхах и неблагодарных сучках. Наряд, который делает меня невидимкой для таких мужчин, как тот, что стоит передо мной.

Его взгляд достигает моих туфель из толстой коричневой кожи, путешествует по бесформенному наряду и возвращается к лицу.

У меня перехватывает дыхание. Увидит ли он потенциал сквозь безвкусную одежду?

На его лице появляется пренебрежение, и он отворачивается к витрине с хлыстами.

Надежда, трепетавшая в груди, падает в желудок с глухим стуком. Его отказ обжигает горло, как кислота. Я пытаюсь проглотить разочарование, но оно возвращается.

Его должно было привлечь хотя бы мое лицо.

Отец говорил, что я похожа на свою мать, женщину со светло-серыми глазами и ослепительной улыбкой. Из-за этого он никогда не разрешал мне краситься. Желудок сжимается, но я отталкиваю наступающую пустоту.

Если я не привлекаю его внешне, придется найти другой путь. Я осматриваю магазин в поисках шанса, и мой взгляд останавливается на мужчине за прилавком, который одаривает меня обнадеживающей улыбкой. Он такой же высокий, как мой загадочный Господин, но тощий, с выпуклыми глазами, маленьким подбородком и кадыком, который подпрыгивает вверх-вниз над воротником рубашки.

Неторопливо подходя к нему, я провожу пальцем по высокому воротнику кардигана и держу свою настоящую цель в поле зрения. *Он* не обращает на меня внимания, но его

присутствие ощутимо всюду. Я бы угадала, где он находится даже с закрытыми глазами.

— Привет, — говорю я с придыханием. — Какие фиксаторы у вас есть для удержания девушки во время самых жестких поездок?

Загадочный Господин замирает, а моё сердце делает тройное сальто назад. *Получилось.*

Ассистент поправляет свои длинные волосы. У него тот грубоватый рокерский вид, который моя подруга Шарлотта сочла бы привлекательным, но я предпочитаю аккуратную стрижку. Именно такую, как у мужчины неподалеку, повернувшегося в мою сторону.

Я не слышу ответ ассистента потому, что меня буквально поглотило присутствие потенциального «папочки». Когда продавец замолкает, я опускаю взгляд на серебряный бейджик с надписью «Ник».

— Мммм, — протягиваю, добавляя хрипотцу. — Что еще у вас есть, Ник?

Он усмехается, в уголках его глаз появляются морщинки.

— А что вы ищете?

— Предпочтительно мужчину, оснащенного всем необходимым. — говорю я, надув губки и чувствуя взгляд загадочного Господина. Его внимание придает мне уверенности, чтобы добавить: — В конце концов, хорошей девочке не обязательно самой покупать себе игрушки.

— Так ты саба? — спрашивает Ник.

Год назад мои брови приподнялись бы при этом вопросе. Возможно, я бы даже покраснела. Но не сейчас. Я прочитала так много непристойных книжек, что ответ слетает у меня с языка, будто я героиня своего собственного тёмного романа.

— Самая отчаянная, — говорю я, пожимая плечами.

Ассистент облизывает губы.

— Я свитч² и, если ты ищешь...

— Нет, — загадочный Господин пересекает магазин широкими шагами.

Я даже не смотрю в его сторону, но мое сердце сжимается от басовитой команды, и каждый сантиметр кожи начинает тлеть.

Чёрт. Я завладела его любопытством, но теперь нужно удержать.

В зависимости от того, что я скажу дальше, он либо выйдет из игры, либо заинтересуется и продолжит.

Я делаю паузу, глубоко вдыхаю и успокаиваюсь. Затем поворачиваю голову настолько медленно, насколько возможно.

— Прошу прощения?

Кладу руки на бедра и прохожусь взглядом по его телу. У меня бы сдали нервы, если бы я сразу посмотрела ему в глаза.

Под блейзером видна черная рубашка, расстегнутая на пару пуговиц, открывая его грудные мышцы ровно настолько, чтобы у меня потекли слюнки. Ткань явно шелковая, судя по тому, как она переливается на свету и обтекает его мускулистый торс. Джинсы темно-серого цвета облегают крепкие бедра.

Я поджимаю губы, поднимаю взгляд и вижу ухмылку. В глазах блеск, которого раньше не было. Вблизи его зрачки не столько зеленые, сколько снежно-голубые с золотым кольцом, напоминающим крошечные язычки пламени.

Его все это забавляет.

Раздражение покалывает кожу от того, что он так небрежно проигнорировал меня в первый раз, а теперь стоит, ожидая, что я... что? Буду развлекать его?

Или потеряю сознание от количества впечатлений?

— Мы с Ником были на середине разговора, — отвечаю отрывисто.

— Который вел в никуда.

У него акцент образованного человека, слишком правильный, для того, кто выглядит так опасно. Не совсем аристократичный, но есть в нем что-то от профессора университета.

— Нижняя не должна утруждать себя подобными вещами, — добавил он.

Дыхание сбивается, и мне приходится приложить все усилия, чтобы не двигаться. Чтобы не сжать бедра и не ерзать под его взглядом.

Магазин исчез, все моё внимание сосредоточено на этом интригующем мужчине. Я борюсь с инстинктом, который кричит мне опуститься на колени.

— Он пристаёт к тебе? — спрашивает откуда-то издалека Ник.

— Нет. — говорю я, даже не взглянув в его сторону.

Я чувствую себя дерьмово из-за того, что был так груба. Как бы сильно мне ни хотелось повернуться к Нику и поблагодарить его за помощь, я не могу отвести глаз от загадочного Господина.

Он подходит ближе, мы оказываемся на расстоянии вытянутой руки. Его запах резкий, мужской, беспощадный. Он напоминает металл, разрезающий красное дерево, с дразнящими оттенками кожи, табака и сандала.

Это завораживает.

Его взгляд становится острее.

— Как тебя зовут?

— Феникс, — вру я.

Что-то вроде того.

Будь я проклята, если признаюсь, что мое полное имя Хедвига Феникс Шталь. Никто никогда не поверит, что моя мать назвала меня в честь святых, а не в память о вымышленной сове из Гарри Поттера.

— Мариус, — отвечает он одновременно глубоким и притягательным тоном. — Итак, тебе нравится играть?

— Тебе-то какое дело?

— Я хочу услышать ответ.

Кожу покалывает от приливающего румянца, я тяжело дышу, пытаюсь оттянуть начало ментального оргазма. Даже, если я не заполучу его в качестве «папочки», я бы хотела, чтобы он был моим парнем.

В противном случае — связь на одну ночь.

Мариус — это то, о чем я и не смела мечтать, и теперь, когда нет отца, контролирующего меня каждый час, я намерена наслаждаться жизнью во всем её многообразии.

Его бровь приподнимается, и я понимаю, что не ответила на вопрос.

Мне нравится читать об играх. И мне нравится играть с собой, воображая непристойности. Но меня никогда даже не шлепали. По крайней мере, не тем образом, который мог бы показаться жестким.

По словам папы, я самая ужасная врунья в мире, поэтому даю уклончивый ответ.

— А ты?

Мой будущий «папочка» одаривает меня резкой ухмылкой, говорящей, что ответ все еще не получен. А также намекая, что он из тех мужчин, которые доминируют только над

достойными.

Кожу пощипывает, как от статического электричества.

— Хочешь посмотреть мою игровую комнату? — спрашивает он.

Я переступаю с ноги на ногу.

— Она впечатляет?

Его глаза загораются, и я понимаю, что только что сделала намек. Румянец, который я пыталась сдержать, возвращается с удвоенной силой, чтобы сжечь всё внутри.

— Приходи ко мне в следующую субботу и убедись лично, Феникс.

Если бы мое тело было термометром, ртуть бы уже вытекла из макушки и лилась по щекам.

Чёрт.

Я начала с того, что была недостойна внимания мужчины, а в итоге получила экскурсию с гидом по его секс-подземелью.

Спасибо, папа, где бы ты ни был. Потому что на следующей неделе к этому времени я буду воплощением всего, что ты презираешь.

МАРИУС

Я знал, что у нее неприятности, с того момента, как она вошла в магазин, но не придавал этому значения.

Феникс, если это настоящее имя, смотрит на меня глазами лани, которые излучают интригующее сочетание невинности и жажды риска.

Она красива, с персиково-кремовой кожей, которая выдает каждую эмоцию, а изящные черты лица делают её похожей на фарфоровую куклу.

Но я не из тех мужчин, которые имеют слабость к милому личику. Мне нравятся грязные девочки.

И все же её пухлые губки выглядели бы идеально, умоляя меня о большем.

Вначале я подумал, что она забрела не в тот магазин или, того лучше, решила прочитать проповедь сопляку за стойкой. Зачем еще такой хорошенькой девушке заходить сюда? Судя по одежде, её место в воскресной школе.

Но затем этот скользкий тип, явно сабмиссив, решил подыграть ей. Пришлось вмешаться. Я до сих пор хочу врезать по горлу этому тощему гаду за то, что он притворился свитчем. Практика существует не для похотливых ублюдков, намеренных сыграть на

женских фантазиях.

Он даже примерно не понимал бы, что делать с нижней. Я откладываю идею расправы подальше и достаю мобильный из кармана.

— Дай свой номер.

— Что? — шепчет она.

Я приподнимаю бровь, сдерживая ухмылку, когда ее щеки приобретают приятный розовый оттенок.

Саба, которая краснеет?

И нуждается в моём руководстве?

Сердце замирает от перспективы воспитать её по своим требованиям.

Она проводит маленьким розовым язычком по полным губкам, пробуждая монстра, который дремлет глубоко в моем либидо.

Прошли месяцы с тех пор, как у меня была нижняя, достойная игры. В основном, все, кого я встречал, либо уже были профессионалами, либо обладали вкусами, далекими от моих.

Если бы я знал, что найду кого-то в «Марина-Виллэдж», то, возможно, не переехал бы сюда так плохо подготовленным.

Я протягиваю ей телефон и смотрю, как тонкие пальцы танцуют на экране. Она дрожит, взволнованная, но это ничто по сравнению с шумом моей крови. Дьявол внутри представляет это хрупкое маленькое тело, трепещущее у моих ног. Не могу дождаться, когда начну обладать ею, даже если это будет всего один раз.

Она возвращает телефон, наши пальцы соприкасаются, создавая разряд электричества, который проходит прямо к паху.

Мои брови непроизвольно сдвигаются. Такого раньше не было.

Поймав взглядом большие серые глаза, я набираю номер.

При звуке мелодии ее глаза расширяются, и она оглядывается на жуткую сумочку, висящую на плече.

— Ты думал, я дала тебе неправильный номер? — спрашивает она.

Это был её шанс. Часть меня сомневалась, действительно ли этой милашке нужно укрощение.

— Как еще ты узнаешь, кто это, когда я позвоню?

Феникс опускает голову, выглядя так, словно прячет улыбку. Она что-то скрывает, и пусть, пока её секреты могут остаться при ней. Потому что в субботу я перекину ее через колено и научу никогда не скрывать свою красоту. Позже, когда я буду трахать ее до потери пульса, она сама выложит всю историю своей жизни.

Она поворачивается на каблуках скрипучих туфель, которые я бы заменил шпильками на красной подошве. Наблюдаю, как она пытается выглядеть непринужденно в этом бесформенном наряде. Вдруг осознаю, что у меня это первая девушка, которая выглядит так чопорно, что даже слово «ванильная» для нее слишком.

Феникс останавливается у двери, через плечо бросает кокетливый взгляд и машет рукой.

— Тогда пока.

Провожая ее взглядом, когда она выходит на главную улицу и скрывается из виду. Убедившись, что она ушла, я поворачиваюсь к мудаку за стойкой.

— Дай мне по одной из всех игрушек, которые у тебя есть в наличии.

Он смотрит на меня, открыв рот.

— Так, значит, ты не доминант?

Я с ненавистью смотрю на этого недоделанного свитча, пока он съеживается под моим взглядом. Ему не стоит знать, что я никогда не использую один и тот же набор игрушек с разными сабмиссивами.

Мои губы кривятся.

— Тебе нужны мои деньги или ты будешь пялиться дальше?

Через десять минут я уже еду на своем кабриолете по центру города и выезжаю на набережную. Солнце нависает над горизонтом, окрашивая небо в насыщенный оттенок красного. Как раз такой был у витрины магазина, где я встретил Феникс.

Прежде, чем я успеваю обдумать, какими способами надругаюсь над ней, звонит одноразовый телефон. Только Квинн знает этот номер, и она — технический волшебник, необходимый для завершения моей опасной и глупой миссии.

Я отвечаю.

— Ты что-нибудь нашла?

Она колеблется, и я уже представляю ее возмущенный взгляд.

— И тебе привет, — огрызается она.

— Так что?

Квинн шумно выдыхает. Она моя тетья, хоть и младше на восемь лет. Ни мать, ни я не знали о ее существовании до тех пор, пока не сбежали от Криуса.

Мать попыталась наладить связь со своей семьей и оказалось, что они погибли в автомобильной катастрофе, оставив десятилетнюю сироту.

Квинн была причиной, по которой мать держалась подальше от наркотиков. Возможно, со своей младшей сестрой она пыталась справляться лучше, чем это было со мной. В любом случае, присутствие Квинн дало нам ощущение семьи, которого у нас никогда раньше не было.

— Уборщик обнаружил восемнадцать скрытых камер и столько же записывающих устройств, — говорит она.

Я присвистываю.

— Что-нибудь еще?

— Стационарный телефон прослушивается.

— Естественно.

Я сворачиваю направо на Сидней Кресент, U-образную дорогу с высокими таунхаусами в георгианском стиле, расположенными вокруг большого сквера.

Тот, что Криус арендовал для меня, находится в самом центре, с панорамным видом на море. Это белая викторианская вилла, которая отдаленно напоминает мой прошлый таунхаус в Белгравии.

Видя это, я испытываю прилив негодования, который заставляет мою челюсть сжаться.

— А замки? — спрашиваю я.

— Уже сменили. И уборщик устранил все приборы слежения. Если Криус хочет шпионить за тобой, ему придется позвонить по телефону, как и всем остальным.

К тому моменту, когда я паркуюсь, фургоны компании по вывозу мусора уже уехали, а уборщики освобождают помещение.

— Спасибо, — говорю я.

Она мешкает.

— Просто будь осторожен. Когда он заставлял тебя работать на него в прошлый раз, все было иначе. Ты пробудешь в университете достаточно долго, чтобы кто-нибудь смог вмешаться, если тебя заподозрят.

— Сестрёнка, не переживай обо мне, — говорю я, чтобы поднять ей настроение.

— Тётушка, — огрызается она.

— Это последнее задание, которое я выполню для него.

— Мы оба удостоверимся, чтобы он не дожил до момента, когда сможет вцепиться в тебя зубами.

Квинн вешает трубку, и моё настроение портится от осознания того, где я нахожусь. Хорошо, что есть маленькая милая саба, которая скрасит мои печали.

Феникс, возможно, не такая норовистая, как утверждает, но явно нуждается в учителе, если не может отличить настоящего домина от притворщика, который просто пытается с ней переспать.

Последняя домработница уходит, и я спешу по белому коридору вниз по лестнице, ведущей в подвал. Его стены выложены кирпичом, полы из темного дерева, и здесь явно не достаёт важного элемента — моего оборудования для игровой комнаты.

— Черт возьми, — бормочу себе под нос, достаю телефон и звоню представителю компании доставки. Гудок звучит дважды, прежде чем я перебиваю его приветствие.

— Это Мариус Сегал. Где, черт возьми, моя мебель из подвала?

— Это... Эм... — мужчина кашляет и запинается. — Этого не было в договоре.

— Я хочу, чтобы её доставили завтра, — говорю я, смутно припоминая, что сказал им оставить игровую комнату в Лондоне нетронутой.

— В воскресенье никак. Но в среду — вполне.

— Отлично. Будьте на месте к восьми утра.

Я отключаюсь и провожу пальцами по волосам. Отлично, среда. «Красная комната» доставит мои покупки завтра, лекции я читаю только по понедельникам и четвергам. Игровая комната будет готова для неё к субботе.

Феникс...

Как, черт возьми, изменилась моя судьба с потери работы в Лондонской школе финансов до поиска усердной и старательной сабы?

Такой, которую смогу воспитать на свой вкус.

Я выхожу из подвала, поднимаюсь по лестнице, проходя мимо гостиной и белой кухни. И вот, после очередного перелета я нахожусь в точной копии своей спальни в Белгравии. За исключением того, что здесь есть панорамное окно с видом на море.

Солнце находится так близко к горизонту, что небо кажется темно-малиновым, чего в Лондоне не увидишь. Я все еще слишком заведён после встречи с Феникс, чтобы любоваться видами.

Она уже проникла мне под кожу и заставила жаждать большего. Я должен увидеть ее прямо сейчас.

Моя рука тянется к телефону. Я достаю его и набираю ее номер.

Она не отвечает сразу, и моя челюсть напрягается. Будь я проклят, если оставлю голосовое сообщение. Как только я убираю телефон от уха, появляется ее имя вместе с входящим сообщением по FaceTime.

Глубокий смешок наполняет мою грудь. Я в игре.

Я отвечаю, и на экране появляется Феникс, одетая в серебристую кофточку с кружевными чашечками, которые едва скрывают ее округлую грудь. Она запыхалась, щеки покраснелись.

Тепло приливает к моему члену, яйца напрягаются. Святые угодники. Я знал, что эта женщина что-то скрывает, но такое роскошное миниатюрное тело?

Лицо и фигура Феникс могли бы поставить любого мужчину на колени. Но не меня. Мариус Сегал не склоняется ни перед кем.

Я не понимаю, как она умудрилась спрятать свое очарование за низким хвостиком и мешковатой одеждой. То, что я вижу, резко контрастирует с первым впечатлением.

Ее лицо такое же красивое, как и раньше, но теперь его обрамляют темно-каштановые с янтарным отблеском локоны, которые каскадом ниспадают на грудь. Она — воплощение хрупкой невинности в ожидании разрушителя.

В ожидании меня.

Но затвердевший член напоминает, что об это лучше подумать позже.

— Ты думала обо мне? — спрашиваю я.

Она ухмыляется.

— А ты всегда такой любопытный?

Я улыбаюсь в ответ, принимая ее отказ за «да».

— Ты все равно не поверишь.

— Итак... — Феникс ослепляет меня улыбкой, которая дает первое представление о личности под овечьей шкуркой. Это заразительно, и я чувствую, как мои губы пытаются растянуться в улыбке.

— Так, где твоя игровая комната?

— В подвале, но я наверху, в главной спальне, — я нажимаю на значок, чтобы переключиться на заднюю камеру, и поворачиваю телефон так, чтобы она могла всё видеть.

Стены белые, как и везде в этом доме, но моя мебель состоит из смеси антиквариата, который я приобрел во Франции, и репродукций произведений рококо и барокко.

Серебряные кресла, обитые слоновой костью, кровать королевских размеров со стеганым изголовьем, обрамленным платиновым вермеем. Все комоды и приставные столики имеют одинаковые изогнутые ножки, либо металлические, либо окрашенные в белый цвет.

Это элегантно, просто и с ноткой статуса. Разительный контраст с убожеством моего прошлого.

Услышав ее громкий вздох, я уже представляю, как она смотрит на меня этими красивыми серыми глазами.

Всему свое время.

Я поворачиваю камеру обратно к себе и ухмыляюсь.

— Я чему-то помешал?

Она опускает ресницы и улыбается, отчего на щеках появляются две глубокие ямочки. Жаль, что мне не нравится стиль школьницы, потому что Феникс сумела найти баланс

между наивностью с широко раскрытыми глазами и распутством.

— Сколько тебе лет? — спрашиваю я.

— Двадцать один, — она наклоняется к камере. — А тебе?

Младше, чем я думал, но достаточно взрослая.

— Двадцать восемь. А теперь ответь на мой вопрос. Что ты делала до того, как я позвонил?

— Трогала себя, — говорит она с придыханием. — Думая о тебе.

Мой член твердеет. Уголки рта подергиваются, когда я пытаюсь сдержать реакцию.

— Извини, что прервал такой важный процесс. Продолжай.

Феникс облизывает губы, и на этот раз я стону.

— Правда? — она хлопает ресницами. — Ты этого хочешь?

— Думай об этом как о пробном прослушивании перед вечером субботы.

Она ставит телефон и откидывается на спинку двуспальной кровати, накрытой смятыми белыми простынями. Все, что я могу видеть из окружающей обстановки — это полки, забитые разнообразными книгами там, где должно быть изголовье кровати.

Когда в поле зрения появляются её ноги, я теряю интерес к ее материалам для чтения. Они стройные, длинные и, что самое главное, ведут к блестящей киске.

Вся кровь, которая осталась на моём лице, приливает к члену, оставляя головокружение. Я хочу телепортироваться сквозь экран телефона и наслаждаться этой сладкой киской, пока она не начнет молить о пощаде.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спрашивает она дрожащим голосом.

Мой член пульсирует под металлическими пуговицами джинсов, отчаянно нуждаясь в свободе. Я могу придумать по меньшей мере сотню грязных вещей, но все же приберегу их для субботы.

— Поставь телефон ближе.

Феникс повинуется, ее глаза горят возбуждением.

— Заведи руки за спину.

Когда она принимает позу, отведя плечи назад, серебряное кружево кофточки туго натягивается на сосках.

— Вот так?

Я стону.

— Да, именно так.

Телефон раскачивается, прежде чем упасть в сторону. Я качаю головой.

— Давай настроим наше оборудование и сделаем это должным образом. Тогда ты сможешь показать мне всё.

ФЕНИКС

Такого со мной раньше никогда не происходило — заводиться в присутствии мужчины. Идиот, с которым я потеряла девственность на первом курсе, не в счёт. Это случилось только один раз, и я была пьяна.

Перед звонком Мариуса я перебирала одежду в поисках того, что надеть в субботу. Не успела я переодеться в этот старый серебристый топ, как зазвонил телефон.

И вот я здесь, на мне тонкий лоскуток ткани, прикрывающий верхнюю половину тела, и ничего, что могло бы скрыть мою киску. Я откидываюсь на подушки, положив телефон на стопку учебников.

Пока Мариус настраивает технику, я складываю ноги вместе, стараясь выглядеть привлекательно. Я так возбуждена, что все сознание устремилось прямо вниз.

Я уверена, что вся кровь циркулирует где-то на юге, потому что не могу думать даже о долгах, неоплаченном обучении или арендной плате. Я хочу прикоснуться к себе, чтобы снять напряжение.

И ничто не возбуждает больше, чем делать это, наблюдая, как Мариус двигается, обхватив пальцами член.

Он восседает на миниатюрном троне в полностью расстегнутой черной рубашке, открывающей смугло-бежевую кожу, которая в лучах заходящего солнца приобретает золотистый оттенок. Это подчеркивает контуры его скульптурных грудных мышц и впадинки между кубиками пресса.

Я хочу провести языком по дорожке, исчезающей за поясом его джинсов.

— Ну, тогда, — говорит он глубоким тоном, лениво растягивая слова. — Давай начнем.

Я тяжело дышу сквозь приоткрытые губы и напоминаю себе сохранять хладнокровие. Веду себя как саба с богатым хозяином. Это означает сопротивляться желанию склониться вперед.

— Могу я тебя увидеть? — выпаливаю внезапно.

От его смешка кожу покалывает.

Мариус расстегивает джинсы и вытаскивает член длиннее, чем любой дилдо в «Красной комнате».

Из-за того, что телефон расположен под углом, он выглядит толще моего предплечья и украшен сетью рельефных вен. Массивная головка блестит от смазки, и у меня пересыхает в горле от его объёма.

Как, чёрт возьми, я справлюсь с ним в субботу?

Он что-то говорит, но я слишком занята стонами, чтобы расслышать.

— Опусть бретельку своей кофточки, — повторяет он.

— Хорошо.

Я спускаю атласную ленту с плеча, и она безвольно свисает с моей руки. Кружевные чашечки по-прежнему облегают мою грудь.

— Хорошая девочка, — говорит он. — Мы проведём время намного лучше, если ты будешь послушной.

Мои губы изгибаются в ухмылке.

— А если не буду?

— Поверь, ты не хочешь знать, что я делаю со своенравными девчонками.

Дрожь возбуждения пробегает прямо между ног. Я сжимаю бедра и сдерживаю стон.

— Может быть, мне нравится быть плохой. Или мне нравится бояться.

— Я буду иметь это в виду, когда ты встанешь передо мной на колени в субботу, — говорит он, и в его голосе слышится мрачное веселье. — Теперь потяни вниз другую бретельку.

Мое сердце взмывает. Ему все нравится настолько, что наш уговор насчет субботы все еще в силе. Я снимаю вторую бретельку с плеча, и атласная кофточка спадает до бедер.

— Сожми сосок. Представь, что я тяну его зубами.

Клитор пульсирует от этого приказа. Я сжимаю бугорок и немного тяну, посылая ударную волну по нервам.

Прикусив нижнюю губу, дышу быстрее. Мышцы внутри охватывает пульсация, а складки становятся блестящими.

Мариус наклоняется вперед, и второй сосок твердеет под его вниманием.

— Отведи ногу в сторону, как хорошая девочка.

Приказ в его голосе звучит так, будто он не привык получать ничего, кроме повиновения. Еще до того, как осознала, что он просит показать ему мою киску, раздвигаю ноги, устраиваясь возле камеры.

Прохладный сквозняк проносится по комнате, касаясь разгоряченной кожи, как ласка. Я

бы никогда не сделала ничего настолько рискованного, но присутствие этого мужчины дает мне особое чувство безопасности.

— Готова, — рычит он.

Сердце воспаряет от его похвалы.

— Ты возбуждалась, думая обо мне?

Жар разливается по щекам. Я беспомощна перед его мужским шармом. Но часть меня, противящаяся этой нужде, берет все под контроль.

Я отрицательно качаю головой.

— Маленькая врушка, — говорит он. — С такой влажной и блестящей киской. Зачем еще звонить мне в видеочат, не надевая трусиков?

Он прав, и я бы удвоила попытки вести себя хладнокровно, но низкий тембр его голоса гипнотизирует, возвращая в состояние вечной похоти.

Я скольжу пальцами вниз по животу, по свернутому атласу топа, к самому центру удовольствия.

Мариус наклоняется вперед, давая мне уверенность в том, что я смогла его зацепить. Он сжимает пальцы вокруг толстого члена с таким уровнем самоконтроля, которого явно не хватает мужчинам моего возраста. Не то чтобы у меня было много опыта, но я не ожидала такого спокойствия.

Я провожу нежными кругами по клитору и наблюдаю, как он смотрит на меня из-под полуприкрытых век.

— Разве ты не прелестна? — говорит он. — Нетерпеливая маленькая шлюшка.

Волна ощущений захлестывает так, что перехватывает дыхание. *Что ты только что сказал?*

— Ты наслаждаешься своим падением.

Я качаю головой, мой взгляд прикован к огромному члену. Его головка из темно-розовой стала багровой, с капелькой жидкости, которую мне до боли хочется попробовать.

Мариус ошибается. Я ненавижу, когда меня обзывают грязными словечками, но почему тогда реакция была такой сильной?

— Грязная девочка, — растягивает он, и звук доходит прямо до моего клитора.

Палец, кружащий по нему, ускоряется, надавливает сильнее, и я стону.

Что за идиотка будет показывать голую киску мужчине, с которым она только что познакомилась?

Стон жажды срывается с моих губ. Я двигаю пальцами еще усерднее. Меня возбуждают не слова, а то, как он их произносит. Как будто всем сердцем одобряет то, что я делаю.

Мариус такой спокойный и так хорошо держит себя в руках. Большинство мужчин уже потрогали бы себя, но не он. Взгляд прикован ко мне, но то, как резко понимается и пускается его грудь не скрыть.

— О чем ты думала, когда прикасалась к себе? — спрашивает он.

— Представляла, как хорошо быть у тебя на коленях, — вру я, потому что суетиться, пытаюсь навести порядок в комнате — это не то, чем занимаются грязные девочки.

— Тебе нравится, когда тебя шлепают? — спрашивает он.

Я абсолютно не представляю, как это, когда тебя шлепают в реальности, но авторы в книгах подают это безумно сексуально.

— Обожаю, — говорю я. — Пэддлы, плети и флоггеры. Нет ничего лучше мужчины, который умеет держать всё под контролем.

Мариус стонет от моих слов, и я испытываю трепет триумфа от того, что вызвала такую реакцию.

— Маленькая озорная проказница, — с урчанием говорит он. — Я хочу, чтобы ты широко раздвинула свои красивые ножки.

У меня перехватывает дыхание, но я раздвигаю ноги, пока они не начинают дрожать от напряжения, представляя, как его руки будут держать меня в таком положении.

— Хорошая девочка. А теперь покажи, как ты кончаешь, фантазируя обо мне.

Я облизываю губы, чувствую себя такой незащищенной, лежа на кровати и демонстрируя свою мокрую киску. Любой мог бы войти прямо сейчас и увидеть меня, ведь я не помню, чтобы заперла дверь.

Мысль о том, чтобы быть пойманной, заставляет сердце подпрыгнуть, и я кружу пальцами сильнее, быстрее, будто искушая судьбу.

Мариус скользит пальцами вверх-вниз по всей длине жесткими рывками. Затем он смазывает головку члена круговым движением ладони.

Я потираю набухший клитор, мои движения повторяют его, представляя, как бы он лично доставлял мне удовольствие.

Каждое поглаживание — это водоворот ощущений, который задерживается в самом ядре моего тела, пока оно целиком не превращается в оголенный нерв.

— Ты близко, — говорит он.

Я киваю, слишком поглощенная его плавными движениями вверх-вниз, чтобы осознать, насколько прерывистое моё дыхание. Касаясь себя под его командованием, ощущаю, словно это он подталкивает меня к расплавленному экстазу. Кульминация всё ближе и ближе.

Мариус тяжело дышит, его грудь ходит ходором, когда он отшлифовывает этот огромный, твердый член.

Пульс у меня в ушах — барабанная дробь.

Я на грани срыва, когда он говорит:

— Трахни свою киску пальцами.

— Но я...

— Сейчас же, Феникс.

Застонав, убираю палец с клитора и разочарованно выдыхаю, когда сладкое удовольствие уходит. Затем проскальзываю в дырочку и понимаю, что я более горячая, скользкая и мокрая, чем когда-либо. Просто от вида и голоса этого мужчины. Мои мышцы сжимаются вокруг пальца, нуждаясь в большем.

— Вот и все, — говорит Мариус напряженным голосом. — Я хочу, чтобы ты использовала два пальца.

Просовываю внутрь указательный и средний.

— Вот так?

— Сильнее. Быстрее, — говорит он и ускоряется.

Я двигаю пальцами внутрь и наружу, представляя, каково было бы, если бы он заполнил меня своими пальцами, членом или какой-нибудь игрушкой.

Сладкие ощущения, которые были раньше, возвращаются вдвойне, и я усиливаю толчки. Не успеваю опомниться, как оказываюсь на грани.

— Подними бедра, — рычит он и ускоряется. — Покажи мне, как ты кончаешь.

Я делаю, как он говорит и всхлипываю. Экстаз закручивается водоворотом, набирая скорость по мере моих движений.

Клитор настолько чувствителен, что простое прикосновение ладони наполняет меня волнами удовольствия.

Тьма застилает зрение.

— Так близко...

— Какие милые звуки ты издаешь для меня, — говорит он тем самым культурным тоном. — Но я хочу услышать, как ты кончаешь.

Апогей подкрадывается, и мой голос становится громче, прерывистее, требовательнее. Мышцы живота напрягаются, перекрывая доступ воздуха перед тем, как я взрываюсь огромным шквалом ощущений.

— О, черт!

Всё сжимается вокруг пальцев волнами удовольствия настолько интенсивного, что тело содрогается. Я шиплю сквозь стиснутые зубы, отчаянно стараясь не транслировать свой звук людям в комнатах по обе стороны.

Когда мой оргазм затихает, я падаю на спину, тяжело дыша, наблюдая за Мариусом из-под полуприкрытых век. Его кулак движется по стволу быстрыми, скручивающими движениями. Я пытаюсь запомнить, что ему нравится, для нашей встречи, но не могу собраться. Даже ноги сдвигаются.

— Держи их открытыми, — говорит он, голос выводит меня из ступора. — Возьми пальцы в рот.

Застеснявшись, я задаюсь вопросом, правильно ли расслышала.

— Вылижи их дочиста, — его рычание — это команда, от которой я не могу отказаться.

Я провожу языком вверх и вниз по влажным пальцам, устраивая Мариусу шоу. В комнате тишина, если не считать его хриплого тяжелого дыхания и отдаленных звуков, доносящихся из коридора.

— Скажи мне, какая ты на вкус.

— Восхитительная, — говорю я, мой мозг не в состоянии выдать описание.

Он одобрительно урчит, двигаясь сильнее, быстрее, короткими рывками.

— Если бы ты была здесь, я бы вылизал твою киску и доводил до оргазма снова и снова, пока не потеряешь сознание.

— Это нереально.

Его порочный смех заставляет волосы на затылке встать дыбом.

— Сколько оргазмов ты можешь выдержать?

— Ммм... три?

— Не могу дождаться, чтобы насладиться тобой...

Что бы он ни собирался сказать, всё прерывается низким стоном, который отзывается внутри меня.

Мариус выплескивается на кубики пресса, мышцы груди и доходит до впадины между ключицами. Мои губы приоткрываются. Как это будет, когда он кончит внутри меня?

— Черт возьми, — говорит он со стоном. — Я не могу дождаться, когда ты будешь в моей игровой комнате.

Глаза закрываются, Мариус говорит что-то о своём адресе. Я бормочу «до встречи» и машу рукой, позволяя ему самому повесить трубку.

Мгновение спустя телефон жужжит от сообщения. Когда он вибрирует снова, я перекатываюсь к стопке учебников и проверяю сообщения.

Текст гласит: «Суббота, ужин в шесть». С адресом, содержащим гиперссылку, которая

ведет на Гугл-карты. Я открываю её, и когда она, наконец, регистрирует, где он живет, у меня отвисает челюсть.

По мебели в его спальне я уже поняла, что Мариус богат. Но он живет в одном из самых больших домов среди викторианских вилл, выстроенных полумесяцем с видом на море.

Никто из живущих там никогда не принадлежал к среднему классу. Эти виллы выглядят так, словно стоят по меньшей мере пять миллионов фунтов стерлингов.

Я не представляю, как сосредоточусь на университете на этой неделе, зная, что впереди ждёт суббота.

Чего бы это ни стоило, я должна заманить Мариуса в ловушку.

Он — решение всех моих проблем.

МАРИУС

Забавно, что сперма еще не успела остыть, а я уже чувствую себя идиотом. Сажу в главной спальне своего нового дома, залитый по самую шею в буквальном смысле, и качаю головой, глядя на телефон.

«Если бы тебя видели в Лондонской школе финансов...» Вырывается лающий смешок, но в нём мало веселья.

О чём, чёрт возьми, я думал? Вытаскиваю член перед сабмиссив и дрочу, как школьник, первый раз зайдя на PornHub?

С каких это пор я теряю самообладание из-за девушки?

Решаю не думать о Феникс до субботы, но на следующий день рано утром приезжает этот мудака из «Красной комнаты» с машиной, полной коробок. Он явно до сих пор обижен, но я говорю ему оставить всё на пороге. Мне будет хреново, если я впущу его в свой пустой подвал.

Если он каким-то образом свяжется с Феникс и донесёт, что я солгал и у меня нет никакой игровой комнаты...

Раздражение резко отрезвляет. Я же собирался не думать о ней!

К вечеру воскресенья, разобравшись с покупками, отправляю сообщение и спрашиваю, что на ней надето. За те четыре часа, что она не отвечала, я чувствую себя не лучше, чем придурок из магазина, который притворился свитчем ради шанса побыть с Феникс.

Ради всего святого.

Завтра я приступаю к новой работе, и Криус, несомненно, позвонит, чтобы потребовать продвижения в моей миссии, но всё, о чем я могу думать, — это невинные серые глаза и то, как послушно она ублажала свою голенькую влажную киску.

Телефон жужжит и предвкушение приливает к члену. Я уже с ума схожу от мысли, что это может быть она.

Это фото.

Феникс стоит, поставив одну ногу на стул, спиной к камере, установленной на полу. На ней гольфы до колен и джинсовая мини-юбка, которая обнажает аппетитную попку и мокрую киску.

Вот и весь наряд, и я его от всего сердца одобряю.

Она позирует так, чтобы смотреть в камеру сверху вниз, подняв одну руку, её тело повернуто в сторону, чтобы мельком было видно одну грудь.

Она снова отправляет сообщение:

«Нервничаю перед субботой. Ф. Целую»

«Бесстыдница»

Я громко стону и позирую, чтобы отправить уже твёрдый результат её стараний.

Она пишет в ответ:

«Можно его лизнуть, сэр?»

Затем добавляет смайлик с изображением леденца на палочке и подмигивающую мордашку с высунутым языком.

«Можешь даже отсосать»

Я посылаю крупный план своего твердого члена. И она отвечает фотографией киски.

Феникс слишком тяжело выбросить из головы. Все мысли о моей прежней жизни, новой работе и о том, чего хочет от меня Криус, улетучиваются, и к вечеру воскресенья я валяю дурака в солнечной комнате своей виллы, обмениваясь горячими фотографиями с девушкой, которую едва знаю.

Перед сном я намерен потребовать, чтобы она носила одежду для воскресной школы все время, за исключением моментов, когда рядом нахожусь я. Она принадлежит мне и я не намерен делиться.

Чёрт. Я никак не протяну неделю. Позвоню ей завтра после работы и перенесу нашу игру на вечер среды.

В понедельник утром я еду на место миссии, челюсти сжимаются так, что болят зубы.

«Университет королевы Марина» являет собой полную противоположность

Лондонской школы финансов. Это бетонное чудовище 1960-х годов постройки расположено в пределах частной территории на окраине «Мария-Виллэджд».

С таким же успехом это могла быть тюрьма с вооруженной охраной, высокими стенами и вездесущими камерами.

Выражаясь академическим языком, это полная задница, но почти каждая семья преступного мира в Соединенном Королевстве отправляет сюда своих отпрысков учиться. Половина преподавателей вовлечена в систему, а другая половина держит рот на замке.

Я думал, что сбежал из этого мира, когда Криус позволил мне учиться за границей — вдали от него, вдали от преступного мира и от моего бурного прошлого. Десятилетие, проведенное в академических кругах, было блаженным, и я верил, что начал все заново.

И все же я здесь, снова в деле. Это не заказное убийство, но задача, поставленная Криусом, не менее ужасна.

Время, которое я провел вдали от преступного мира, только подготовило меня к этой миссии. Правда, есть один нюанс — нас всех может убить самая могущественная криминальная семья Великобритании.

Пройти через охрану — тяжелое испытание, даже несмотря на то, что у вооруженных охранников на воротах уже есть все данные и они ожидают моего прибытия. Кампус за высокими стенами в основном состоит из лужайки, квартета многоэтажек и множества четырехэтажных зданий.

Я запускаю университетское приложение и использую карту для навигации по корпусу. На двери кабинета до сих пор написано имя предыдущего владельца. Профессор Арнольд Экхардт, директор отдела бизнес-исследований.

Бедняга.

Я с удивлением обнаруживаю, что офис отделан панелями из красного дерева, с коричневыми кожаными креслами и журнальным столиком, предназначенным для кофебрейков. Окно от пола до потолка выходит на широкую лужайку, а напротив письменного стола с кожаной столешницей находится целая стена книжных полок.

Старый стиль, благородный и изысканный. Не очень отличается от комнаты, которая была у меня в «ЛШФ».

Я бы ничего не менял.

Кто-то стучит в дверь. Я обхожу стол и опускаюсь в роскошное кожаное кресло.

— Войдите.

Входит мужчина с растрепанными волосами в твидовом пиджаке, протягивая руку.

— Я Карл Ксандер, главный преподаватель макроэкономики, очень рад с вами познакомиться.

Я смотрю на него, улыбка медленно сползает, а рука опускается. Он выдыхает, озадаченно нахмурившись.

— Мы с профессором Экхартом обычно проводим встречу каждое утро, чтобы обсудить студентов.

— В этом не будет необходимости.

Я поднимаюсь со своего места и игнорирую укол вины из-за автомобильной аварии, которую Криус устроил моему предшественнику, чтобы я мог занять его место.

— Вы понимаете, что они из необычных семей? — спрашивает он.

— Да, я прекрасно понимаю, что это мафиозная пародия на Хогвартс, — огрызаюсь я. — А теперь, извините меня.

— Хорошо, — говорит Ксандер, его голос прерывается. — Может быть, позже?

Я проверяю время. 8:58. Лекция вот-вот начнется. Вот что происходит, когда тратишь весь вечер и половину ночи на интимные переписки и не оставляешь времени на чрезмерно усердных охранников.

Злясь, я встаю и прохожу мимо озадаченного доктора Ксандера в коридор.

— Если Вы ищете малый лекционный зал, то он слева, — звучит где-то за спиной.

— Спасибо, — я мысленно делаю пометку перестать быть таким мудаком по отношению к Ксандеру.

Гнев лучше приберечь для Криуса.

Криус — печально известный сутенер и руководитель секс-трафика, который обращается с людьми как с марионетками, выполняющими его прихоти. Мама не исключение из-за того, что бежала из подполья и вернулась к нему. Потому он снова использует её как рычаг, чтобы вернуть меня в организацию.

Мне не терпится снять напряжение в компании Феникс.

Когда я выхожу из кабинета, на моем пути появляется женщина с ярко-рыжими волосами и кожей еще бледнее, чем у Феникс. Мой взгляд отскакивает от ярко-красной помады и пышного декольте.

Она облизывает губы, взгляд скользит по моей фигуре.

Когда она расправляет плечи, я продолжаю идти по коридору, не обращая внимание. Паранойя говорит, что она агент «Одина». Здравый смысл подсказывает, что она просто слишком старается. Мне не нравится все готовое, и я презираю тех, кто так очевидно выдаёт свои намерения.

— Профессор Сегал? — она покачивается на шпильках, пытаюсь попеть за моими широкими шагами. — Я Джули Раринг, преподаватель маркетинга. Добро пожаловать в «Университет Марина».

— Спасибо, — отвечаю я, не глядя.

— Декан Уэстмор сказал, что я должна ввести вас в курс дела.

— Карл уже предложил показать мне окрестности.

Она делает паузу.

— Какой Карл?

— Доктор Ксандер.

Я направляюсь к месту назначения, оставляя её стоять в коридоре.

Небольшой лекционный зал представляет собой серую комнату с сиденьями, расположенными в U-образной форме. Он уже битком набит студентами, которые болтают между собой. Я начинаю понимать, зачем доктору Ксандеру были нужны его утренние встречи. Старшекурсники ЛШФ — ангелы по сравнению с этим неуправляемым сбродом.

Ненавижу себя за дефицит самоконтроля.

Будь проклята эта Феникс и её сладкая задница.

Я скриплю зубами и рычу, жалея, что проспал.

Нет времени настраивать проектор и слайды, хотя на экране спереди меня представляют как профессора *М. СЕГАЛ, ФИНАНСЫ И БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ*. Что верно, но я больше, чем лектор по подсчету налички.

Прохожу и встаю между столом и подиумом.

— Добро пожаловать на курс по финансам и бухгалтерскому учёту, — я напрягаю голос, чтобы перекрыть шум аудитории.

Несколько студентов поворачиваются лицом вперед и немедленно продолжают говорить.

Возможно, мне не следовало надевать костюм-тройку. Я так привык уничтожать все признаки своего происхождения, что забыл об очевидном, а конкретно, что студентам Университета Марина наплевать на то, что я происхожу из преступной семьи.

— Внимание, — кричу, но они не реагируют.

Сзади стоит длинноволосый студент. Он наклоняется, чтобы поднять гитару, и бренчит на ней, как уличный бард. Пока он раскачивается туда-сюда в такт какофонии, которую создает пальцами, студентки, сидящие перед ним, поворачиваются на местах, чтобы посмотреть.

К чёрту это всё.

Я подхожу к столу справа, беру стул и швыряю его через ряд сидений в сторону ублюдка. Он пригибается, но ножка стула задевает блондинистую макушку.

Только когда мебель с грохотом ударяется о заднюю стену, маленькие засранцы замолкают.

Одобрительно кивнув, я прохожу через сцену и возвращаюсь к подиуму.

— Какого хрена, — орет блондин, хватаясь за голову.

— Подойди, — я поднимаю руку.

Он напрягается, его плечи расправляются, как будто я бросил ему вызов.

Что же, именно это и произошло. Если эти маленькие говнюки хотят заниматься херней в моем классе, им лучше понять последствия.

— Ты, с дерьмовой гитарой и стрижкой, — я указываю на многоярусные сиденья. — Спускайся, если планируешь быть главным. Или заткнись на хрен и сядь.

Ноздри мальчишки раздуваются. Он расправляет плечи, сжимает руки в кулаки и тяжело дышит, будто настраивается на то, чтобы прибежать на подиум и научить меня манерам.

Я приподнимаю бровь, но он плюхается на свое место.

По крайней мере, сейчас каждый студент в лекционном зале смотрит на меня.

— Я Мариус Сегал, ваш новый профессор финансов и бухгалтерского учета. Поскольку это продвинутый курс, можно с уверенностью предположить, что каждый здесь желает сделать карьеру в бизнесе.

Несколько студентов хихикают.

— Все предприятия, законные или нет, работают ради финансовой выгоды своих владельцев. Владельцами могут быть партнеры, акционеры, семьи. Даже Тони Монтана из «Лицо со шрамом» управлял бизнесом.

Это вызывает еще больше смеха, и напряжение в комнате немного спадает.

Обычно я не начинаю первые лекции с отсылок к фильмам, но «Университет Марина» вряд ли можно назвать бастионом академического совершенства. Это место, где следующее поколение криминальных авторитетов может завязать дружеские узы, завершая свое образование. Большинство здешних студентов уже обеспечили свое будущее.

Прогуливаясь по сцене, я пристально смотрю на нетерпеливых студентов, которые ловят каждое мое слово.

— Управление финансами может показаться неприглядным или даже утомительным, но это источник жизненной силы любой коммерции, — я начинаю загибать пальцы. —

Какой смысл защищать территорию от конкурирующих банд, если простой бухгалтер может выкачивать миллионы без вашего ведома? Зачем идти на рискованные сделки, которые не приносят положительной отдачи от инвестиций?

Молодой человек с короткой афро-стрижкой поднимает руку.

— Профессор Сегал?

— Представься.

— Феми, — отвечает он и выпрямляется на своем сиденье. — Феми Олорун.

Конечно, это он. Десять лет я провел в другом мире, но даже я не могу игнорировать тонкий шрам на его правой скуле. Это не просто ударился, а метка. Шанго из тех эгоистов, которые отмечают всех своих потенциальных наследников.

— Твой вопрос? — спрашиваю я.

— Какое у вас прошлое, сэр?

— Лондонская школа финансов, — отвечаю я, впервые улыбаясь.

Он качает головой.

— Нет, я имею в виду...

— Догадайся сам, — моя улыбка становится шире.

Криус может и мой биологический отец, но он не женился на моей матери. Чёрт, мы с ней всё ещё остаёмся его маленькой тайной.

Феми откидывается на спинку стула, лицо напрягается от разочарования, и я возвращаю свое внимание к студентам сзади.

— Без прочной финансовой основы вы можете с таким же успехом вкладывать свои деньги в государственные облигации и плакать, когда инфляция разрушает ваши...

Мой взгляд натывается на огромные серые глаза девушки, которая преследовала меня все выходные. Она смотрит в ответ, ее пухлые губы вытягиваются в идеальную «о».

Волосы у меня на затылке встают дыбом, ноздри раздуваются.

Я знал, что Феникс что-то скрывала от меня, но такого даже представить не мог.

Она играла со мной.

Играла так, как ей вздумалось.

Маленькая шалунья знала. Точно знала, что делала, когда вошла в тот магазин, одетая так, словно хотела врезать мне Библией. Знала точные слова, чтобы привлечь мое внимание. Знала точный способ заставить меня желать большего.

Блять.

Как дурак, ведомый членом, я не просто съел наживку, я сожрал её с крючком.

Если бы я не хотел убить Криуса, то обрадовал бы, что его враги уже выяснили нашу семейную связь и послали шпиона, который знает мою слабость к сабмиссивам.

Нахрен его.

И её тоже.

И в жопу того, кто послал её шпионить.

Феникс придётся ответить на пару моих вопросов.

ФЕНИКС

Чёрт, чёрт, чёрт.

Ничто не предвещало беды, пока стул не пролетел мимо, задев Вира Бестлэссона. И я даже обрадовалась, что кто-то поставил этого выскочку на место, пока не увидела нашего нового лектора.

Каким образом такого человека, как Мариус, поставили на место профессора Эркхарта? Прошлый профессор финансов и бухгалтерского учёта был безобидным мужчиной средних лет с животиком, а Мариус...

Калейдоскоп картинок пробегает в моей голове: его острые черты, скульптурное тело, то, как он сжимает свой огромный член. Голова кружится и всплеск возбуждения перекрывает шок. Я сжимаю бёдра и подавляю стон.

На нём костюм серого цвета с оттенком стали, скроенный под его мускулистую фигуру, бледно-голубая рубашка и синий галстук. Вчера он выглядел как сексуальный миллиардер, а уже сегодня так, будто собрался на заседание совета директоров.

Понятно, откуда взялось это красноречие. Он чёртов профессор.

Возможно, мне следовало поинтересоваться, прежде чем отдавать ему роль папочки, но все признаки были налицо — от экстравагантного дома до дизайнерской одежды. И вот, он

академик. Такие люди не бывают богатыми без связей.

Как, чёрт возьми, я должна была догадаться, что он будет работать в таком месте, как это?

Когда Вир Бестлэссон не выходит на сцену и садится обратно на место, бормоча проклятия, Мариус, или, скорее, профессор Сегал, возобновляет свою лекцию. Я не слышу ни слова из того, что он говорит, сползая на стуле в попытке ускользнуть от внимания.

Это почти невозможно, учитывая, что я сижу перед бубнящим придурком и его гитарой.

— Фи, — шепчет Шарлотта. — Что случилось?

Эти несколько дней были жарче, чем все, что я когда-либо испытывала, и впервые за всё моё жалкое существование я подумала, что мне повезло.

Качаю головой, жалея, что потратила первые десять минут лекции, хвастаясь ей выходными, проведенными за секс-перепиской с горячей, мрачной и британской версией Кристиана Грея. На следующей неделе она спросит, как все прошло в его игровой комнате, и...

Дерьмо.

Если профессор Сегал узнает, что я его студентка, он отменит наше свидание.

Я еще ниже съезжаю на своем сиденье, стараясь не двигаться. Этот трюк всегда срабатывает с папой, когда он ругается.

Когда я не говорю, не двигаюсь и не дышу, он выдыхается и напивается до одури. Любые акты неповиновения или защиты могут стать для него поводом к спору.

Если Мариус не заметит, что я в его классе, я могла бы поговорить с директором приемной комиссии и сменить «финансы и бухгалтерию» на что-нибудь другое. Например, на макроэкономику. Черт возьми, да хоть макраме, если предложат. Потому что академично это или нет, я все равно хочу, чтобы Мариус был моим Кристианом Греем на следующей неделе.

Кроме того, отца больше нет рядом, чтобы диктовать, что учить меня.

Лекция резко обрывается. Я поворачиваюсь вперед, встречаясь взглядом с его голубыми глазами. Голубые глаза, которые ожесточаются ноткой предательства.

Петля затягивается вокруг горла.

Я опускаю взгляд на ноутбук и притворяюсь, что делаю заметки. Так или иначе, я должна выбраться из этой комнаты, пока он не передумал насчет субботы.

Остаток часа мне кажется, что я тону. Со страхом, разочарованием из-за предстоящего конца.

Снова.

Мой желудок скручивает, а в горле возникает боль. Я почти чувствую кислый привкус отказа.

Все эмоции, которые я сдерживала с тех пор, как приехала в пустой дом, всплывают наружу, и в уголках глаз щиплет от подступающих слез.

Я бы не вынесла, если Мариус отменит наше свидание. Это слишком много для одного человека и семидесяти двух часов.

— Фи? — Шарлотта наклоняется, длинная прядь ее медово-светлых волос появляется сбоку. — Поговори со мной.

— Все в порядке, — шепчу я в ответ.

Ее взгляд обжигает щеку, но я смотрю в компьютер, зрение затуманивается. Только когда все вокруг начинают двигаться, понимаю, что лекция закончилась.

Я закрываю свой ноутбук, засовываю его в сумку и прохожу вдоль ряда сидений. Вир спускается передо мной, неся чехол с гитарой на спине. По напряженным плечам понятно, что он с ужасом ждет момента, когда ему придется пройти сцену, чтобы добраться до двери.

Как и я.

Может быть, Вир наконец задумается, насколько неприятно, когда отдаешь свою девственность, а человек ведет себя так, будто этого никогда не было. Я выбрасываю это воспоминание из своей головы.

Дни тоски по этому парню давно прошли.

— Эй, ты, — голос профессора Сегала звенит, как удар хлыста.

Вир останавливается, и я натываюсь на его чехол.

Профессор — темный призрак в моем периферийном зрении. Я не смогла бы не заметить его присутствия, даже если бы повернула голову в другую сторону. Как будто мои глаза обладают собственной волей, слежу за ним краем глаза.

— Да? — говорит студент сквозь стиснутые зубы.

— Не ты, — профессор Сегал поворачивает голову в сторону выхода и пронзает меня своим холодным взглядом.

Я вздрагиваю. С таким же успехом он мог бы метнуть кинжал.

— Я говорю с девушкой, которая за всю лекцию ни разу не подняла глаза от компьютера.

Тревога проникает сквозь грудную клетку и сжимает мое сердце. Но я заставляю лицо оставаться неподвижным.

— Да, сэр? — сохраняю спокойный тон, стараясь не выдавать, что я потратила половину выходных, посылая ему фотографии своей киски со всех мыслимых ракурсов.

— Следуйте за мной, — профессор поворачивается на каблуках. Мысленно я даже больше не могу называть его Мариусом, потому что ничто в этом мужчине не напоминает чертовски сексуального домина, который засыпал меня непристойными сообщениями и восхитительными фотографиями члена.

Вир поворачивается, одаривает меня сочувственной гримасой и направляется к выходу из лекционного зала. Это больше, чем все его действия за два года, но у меня есть дела поважнее.

Шарлотта крепко сжимает мое плечо.

— Ты ездил домой в прошлые выходные. Что-то случилось с отцом?

Я прикусываю нижнюю губу и, наконец, встречаюсь взглядом с ее обеспокоенными зелеными глазами.

— Да, — мой голос срывается. — Рассказать позже?

Она кивает.

— Приходи ко мне на ланч.

Я склоняю голову, наполовину в знак согласия, наполовину в знак извинения. Потому что я понятия не имею, о чём соврать. Шарлотта не самая лучшая хранительница секретов, а наши отцы — партнеры. Если до папы каким-то образом дойдет весть, что я заинтересовала профессора...

Мой разум пустеет. Даже не хочу думать об этом.

Когда я выхожу из лекционного зала, профессор Сегал стоит в коридоре, но уходит в тот момент, когда наши взгляды встречаются. Я едва знаю этого человека, но уже могу сказать, что он выследит меня, если не пойду за ним.

Я шагаю по коридору на негнущихся ногах, сворачиваю за угол и поднимаюсь по лестнице в крыло главного здания, где все преподаватели проводят свое рабочее время.

К тому моменту, как добираюсь наверх, Мариуса нигде не видно, но я уже догадываюсь, что он занимает старый кабинет профессора Экхарта.

Что, черт возьми, я должна ему сказать? Я качаю головой. Правду. Я же понятия не имела, что он здесь работает.

Виски пульсируют от начинающейся мигрени. Вопрос скорее в том, что теперь будет в субботу у. У такого мужчины, должно быть, есть из кого выбрать.

Зачем ему рисковать своей карьерой ради романа со студенткой?

Я стучу, но никто не отвечает.

Стучу снова, но он по-прежнему не отвечает.

— Профессор Сегал? — мой голос дрожит на первом и последнем слоге.

И снова тишина.

Это наверняка тот кабинет. Все остальные уже заняты, а старый профессор Экхарт все еще в реанимации. Я нажимаю на ручку, толкаю дверь и обнаруживаю, что кабинет пуст, но пиджак, который был на Мариусе этим утром, висит на вешалке из красного дерева.

Он никак не мог успеть подняться сюда, снять его и уйти в другую комнату.

Вхожу внутрь, мой взгляд прикован к открытому ноутбуку, стоящему на столе, дверь со щелчком закрывается.

Сильные руки хватают меня сзади и прижимают к твердой груди. Это он. Никто другой не пахнет красным деревом, кожей и сандалом. Прежде, чем я успеваю ахнуть, он зажимает мне рот рукой.

— Что все это значит? — шипит мне на ухо.

Сильное и быстрое биение его сердца отдается эхом у меня за спиной. Но это пустяк по сравнению с быстрым стаккато моего пульса.

— Отпусти меня, — пытаюсь сказать я, но слова звучат приглушенно.

— Кто тебя послал?

Я качаю головой.

Его смешок столь же зол, сколь и мрачен, и все предположения, которые я сделала о нем, снова всплывают в голове. Он никак не может быть академиком Лондонской школы финансов. Он точь-в-точь как те опасные люди, которые работают с папой.

— Не. Ври. Мне.

Каждое слово несет смертельную угрозу.

Я снова качаю головой, дыша так быстро, что в глазах пляшут темные пятна. Мои колени дрожат, тело вот-вот рухнет на паркет. Единственное, что удерживает на ногах — это сила его хватки.

Он ослабляет руку, закрывающую рот. Ровно настолько, чтобы я могла говорить, но не кричать.

— Пожалуйста, — шепчу я. — Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Почему ты подошла ко мне в субботу? — спрашивает он.

Истерический смех наполняет мою грудь. Зачем еще девушке подходить к хорошо одетому мужчине, который безумно сексуален?

Я выдавливаю из себя слова:

— Не потому, что ты преподаватель в моем университете, если это то, о чем ты беспокоишься.

— Ответ на мой вопрос.

— Ты выглядел как...

Я бросаю взгляд через отделанный деревянными панелями кабинет, останавливаясь на окне. Снаружи студенты прогуливаются на солнышке, не обращая внимания на то, что один из преподавателей сейчас озверевает.

Как, черт возьми, мне закончить это предложение, не прозвучав как золотоискатель или шлюха?

— Продолжай, — рычит он.

— Ты напомнил мне героя романа, — выпаливаю я.

Он замирает, и хватка на шее ослабевает.

— Объясни.

— На прошлой неделе я вернулась домой и обнаружила, что мой отец исчез.

Это первый раз, когда я произнесла эти слова вслух, и боль от того, что меня бросили, душит. Горло сжимается, перекрывая доступ воздуха. Моргая, я борюсь с подступающими слезами.

— Я чувствовала себя дерьмово, а потом проходила мимо «Красной комнаты» и увидела тебя...

— И?

Челюсть сжимается, я сглатываю. Мариус не производит впечатления человека, который напрашивается на комплименты или похвалу.

— Ты хочешь, чтобы я разжевала всё?

— Если только не хочешь, чтобы я выбил это из тебя, — его тон спокойнее, звучит почти как мужчина, который не давал мне уснуть ранним утром.

От смутного напоминания о том, что мы делали вместе, к моим щекам приливает тепло. Оно набирает скорость, спускаясь по груди к бедрам.

Воображение рисует меня, склонившейся над его коленями и получающей обещанную порку. Часть беспокойства проходит, но теперь пульсация клитора почти синхронна с его сердцем.

— Говори.

— Я хотела сексуального и богатого парня, — бормочу я.

— И?

Ощущение тепла на коже вызывает раздражение. Я вырываюсь из хватки, и, к огромному удивлению, Мариус позволяет мне повернуться к нему лицом.

Солнечный свет проникает через высокое окно, освещая одну сторону его лица и придавая кончикам темно-каштановых волос сочный оттенок красного. Он смотрит на меня сверху вниз расширенными зрачками, окруженными тонким голубым кольцом.

Какую бы угрозу он ни видел во мне, теперь она исчезла, сменившись любопытством, граничащим с весельем.

И это все?

Никаких извинений за то, что выскочил и напугал меня? Никаких извинений за обвинения?

Должна ли я продолжить и перейти к грязным разговорам?

— Если ты уже забыл, чего я хочу, перечитай сообщения, — огрызаюсь я. — Потому что у нас свидание в субботу в твоей игровой комнате.

Свет в его глазах меркнет.

— Этого не будет, Мисс...

Его отказ бьет, как пощечина. Я отступаю назад, каблук моих туфель запутывается в толстом ковре.

— Почему? — спрашиваю я, прежде чем успеваю остановить себя.

— Ты студентка, — говорит он так, как будто это очевидно. — Я преподаватель, правила Университета Марина запрещают...

— А что говорят правила о фотографиях члена от профессора? — я поднимаю подбородок.

Его лицо вытягивается, и взгляд становится убийственным.

Мой желудок падает на пол из темного дерева и летит вниз несколько лестничных пролетов. О чем, черт возьми, я думала? Я не просто угрожаю сварливому старому академику. Этот человек швырнул стулом в племянника самого могущественного британского гангстера.

Профессор Сегал надвигается, черты его лица убийственны. Я отступаю назад, снова чуть не спотыкаясь о ковер, пока моя задница не ударяется об угол стола.

Его рука обхватывает мою шею. Не настолько крепко, чтобы задушить, но достаточно, чтобы дать понять, что он может раздавить мне трахею. Я падаю назад, позвоночник прижат к твердой поверхности, голова рядом с открытым ноутбуком.

Нужно бежать или отбиваться, но я хочу замереть. Профессор Сегал опасен, но он не отец. Та часть меня, которая отчаянно нуждается в острых ощущениях, устремляется вперед и руководит губами.

— Ты, должно быть, сделал что-то особенное, чтобы стать профессором в возрасте двадцати восьми лет, — говорю я. — Было бы жаль потерять все из-за домогательств к студентке.

Я ожидаю, что его глаза вспыхнут или хватка усилится, но выражение лица выглядит почти как облегчение, прежде чем снова окрашивается яростью.

— Объясни, — шипит он сквозь стиснутые зубы.

— Ты не отменяешь наше свидание в субботу, — говорю я дрожащим голосом. — Я хочу шикарный ужин и экскурсию по твоей игровой комнате, а потом потрахаться.

— И?

Его хватка не усиливается и не ослабевает. Не могу сказать, происходит ли это потому, что он соглашается с моими требованиями, или же хочет, чтобы я окончательно себя утопила.

Сглатываю.

— И ты будешь доступен для секса, когда я захочу.

Его ноздри раздуваются, а мускулы челюсти каменеют.

— Ты сумасшедшая.

Что безумно, так это то, что он не задушил меня до смерти. Я решаю воспринять это как положительный знак.

Профессор Сегал поднимает брови в безмолвном вопросе. Я интерпретирую это как вопрос, есть ли у меня еще какие-нибудь требования.

Черт возьми. Я в ударе.

С таким успехом я могу вытянуть из него что угодно.

— Я хочу денег.

Его глаза сужаются.

— Сколько?

— Мне нужно оплатить обучение, аренду и прочие расходы, — выпаливаю я.

Впервые с тех пор, как уложил меня на стол, он отводит взгляд, ослабляет хватку на шее и отходит в сторону.

Отсутствие зрительного контакта ощущается как отказ.

— Сколько? — его голос холоден.

— Что?

— На твои расходы.

Эти слова — заряд мужества, который мне нужен, чтобы двигаться дальше. Завуалированно профессор Сегал только что согласился оплатить мою аренду и плату за обучение. Теперь он хочет, чтобы я озвучила сумму.

Папа давал мне двести долларов в месяц, которые покрывали расходы на еду, канцелярские принадлежности и очень небольшое другое. Мне приходилось выпрашивать дополнительные средства на книги, а он всегда требовал чеки.

— Две тысячи в месяц должно хватить, — говорю я беззаботным голосом, хотя внутри все дрожит, и я ожидаю, что он рассмеется мне в лицо.

Он сурово смотрит сверху вниз.

— Сделка в силе? — спрашиваю я.

Профессор Сегал не отвечает. Он не душит меня и не прижимает к столу, так что я принимаю эту тишину как знак согласия.

— Тогда увидимся в субботу за ужином, — я похлопываю его по груди поверх сшитого на заказ костюма. — И обсудим остальные детали нашего соглашения.

Я обхожу его, вены пульсируют от триумфа. Я никогда не чувствовал себя такой могущественной.

МАРИУС

Я — не мой отец.

Вот, почему позволяю Феникс проскользнуть к двери вместо того, чтобы избавиться от нее, хоть она и поставила миссию под угрозу.

Я склоняюсь над столом, упираясь, мой взгляд устремлен на ее покачивающиеся бедра. На ней платье в стиле фигуристки, которое облегает восхитительную круглую попку и заканчивается на середине бедра. На нем узор из розовых и бирюзовых цветов.

Она выглядит слишком невинной для той, кто только что шантажировал меня, чтобы я стал ее... игрушкой для траха? Папочкой? Доминантом?

Жар приливает к паху, и моя челюсть сжимается.

Какого хрена предатель в моих штанах твердеет от вымогательства?

Феникс опускает дверную ручку и оглядывается на меня через плечо с торжествующей ухмылкой.

— Увидимся в субботу, — шепчет она. — Мариус.

Мои ноздри раздуваются. Криус сказал бы мне убить ее. Сейчас же, пока не распространился слух о том, что новый профессор домогается студентов. Сейчас же, пока

декан не отменил мой допуск в «Университет Марина». Сейчас, прежде чем Один и остальные члены семьи Бестлэссонов поймут, что шпион собирается лишить их наследника.

Но Криус Ванир не имеет никакого влияния на мои действия. Я сжимаю кулаки и смотрю, как Феникс исчезает в коридоре.

Дверь захлопывается и закрывается со щелчком, который выводит меня из ступора.

С сегодняшнего дня до субботы осталось пять дней. Пять дней у Феникс на то, чтобы рассказать другим студентам, что она планирует трахнуть с профессором.

Я щиплю себя за переносицу. Как, черт возьми, мне заставить ее замолчать?

— Ты думаешь не верно, — бормочу я себе под нос. — Чего она хочет?

Обед.

Игровую комнату.

Секс в субботу.

Дальнейший секс по требованию.

Финансовую поддержку.

И она готова хранить молчание до тех пор, пока я удовлетворяю ее требования.

Короче говоря, Феникс хочет папочку.

Уголки моих губ подергиваются, и дрожь веселья ударяет в живот, прежде чем разразиться глубоким смехом, от которого я хватаюсь за живот. Неужели я всерьез подумывал прикончить сексуальную красотку за то, что она пыталась заставить меня дать ей то, чего я сам хочу?

Снаружи раздается стук.

Дверь открывается, и доктор Ксандер просовывает голову в проем.

— Профессор Сегал? — говорит он с надеждой в голосе. — У Вас есть время поболтать?

Мое веселье сдувается, как спущенная шина.

— Нет.

Лицо мужчины хмурится, а голова втягивается, как у черепахи, залезающей в панцирь.

— Может быть, в другой раз?

— Подождите.

Он останавливается.

— Как мне посмотреть подробную информацию о студенте?

Доктор Ксандер, который был бы рад, если бы я называл его Карлом, вбегает в комнату и регистрирует меня в интернете сотрудников «Университета Марина», где я могу просматривать информацию обо всем, что только можно представить, включая записи с камер наблюдения в коридорах, на территории и в аудиториях.

Я делаю мысленную пометку помнить о том, как заманиваю свою цель в ловушку. Один не должен связать исчезновение своего племянника с Криусом и, что более важно, со мной.

— Есть ли кто-то конкретный, кого вы хотели проверить? — спрашивает другой мужчина.

Упомянуть Вира Бестлэссона было бы все равно, что подписать признание в моем будущем преступлении. По тем же причинам я не буду упоминать Феникс.

— Я познакомился с многообещающим студентом по имени Феми. Не помню его фамилии.

Он показывает мне записи. В отличие от Лондонской школы финансов, которая

ограничила доступ к этой информации одной командой администраторов, «Университет Марина» позволяет руководителям отделов просматривать все мыслимые данные.

Доктор Ксандер открывает профиль молодого человека. Я не удивлен, увидев, что клан «Шанго» платит за его обучение, учитывая, что он лидер Олоруна.

Это одна из четырех крупнейших семей в криминальном мире, наряду с Уранос, Дагда и семьей Одина, — Бестлэссон. Криус — глава «Ванир», небольшой организации, связанной с Одином, которая управляет сетью секс-рынков и борделей, но Криус всегда стремится к большему.

— Есть ли еще студенты, которых Вы хотели бы изучить, Мариус? — спрашивает Ксандер.

Я бросаю на него такой взгляд, что он вздрагивает.

— Спасибо Вам, доктор Ксандер, — я делаю ударение на его звании, потому что мы с ним не друзья. — Это все.

Черты его лица искажаются дискомфортом. Я не пробуду здесь достаточно долго, чтобы захотеть обращаться к этому человеку по имени. И я не позволю ему собрать на меня какую-либо компрометирующую информацию, чтобы она распространилась, когда Один и его ближайшее окружение начнут штурмовать университет в поисках своего пропавшего младшего сына.

В тот момент, когда я доставлю Криусу мальчишку-Бестлэссона, я намерен покинуть криминальный мир. Навсегда.

— Я подумал, не пришло ли время обсудить проблему, с которой сталкивается наш факультет из-за поведения студентов? — его голос жужжит в моих ушах, как мошка.

— Может быть на следующей неделе, — я поворачиваюсь к компьютеру, не обращая внимания на то, как его плечи опускаются от разочарования.

Если этот тощий дурак хотел работать с академически мыслящими студентами, ему следовало бы подать заявление на работу в настоящий университет. Откинувшись на спинку кожаного сиденья, я жду, пока он, сутулясь, выйдет из комнаты, прежде чем вернуться к компьютеру.

Система сообщает мне, что нет студентов с именем Феникс, поэтому я открываю поиск по всем материалам.

И нахожу ее.

На фотографии она выглядит младше, лицо еще более наивное, немного веснушек, а в серых глазах угадывается мягкость.

— Хедвига Феникс Шталь? — я потираю подбородок.

По крайней мере, она не солгала о своем возрасте, и я понимаю, почему она назвала мне только свое второе имя.

Шталь — не узнаю эту семью, но я не был в курсе событий преступного мира последние десять лет, прошедшие с тех пор, как я освободил маму от Криуса.

Свобода была куплена семьёй убийствами. Семь жизней оборвались, и все это было напрасно, потому что мама годами встречалась с ним за моей спиной. Он просто позволял ей приходить и уходить до тех пор, пока я не понадоблюсь ему для выполнения нового опасного задания.

Челюсть сжимается. Когда женщины поймут, что мужчина не изменится, пока ему не приставишь пистолет к яйцам?

Негодование пронзает изнутри из-за того, что мне снова приходится работать, чтобы

обеспечить ее безопасность.

Я просматриваю досье Феникс, отмечая два интересных факта. Первый заключается в том, что система безопасности регистрирует ее как студентку, которая покидает кампус каждые выходные. Второй — ее арендная плата и контракт на обучение просрочены на месяц, и в последний раз их оплачивал Гордон Гофаннон, давний сотрудник Деклана «Дагды».

Еще один папочка?

Я качаю головой. Она только что потеряла своего отца.

Или он бросил её. Это обычная практика среди мужчин, которым не хватает ресурсов для защиты отпрысков от могущественных врагов, — давать им альтернативные фамилии. Криус — как раз тот случай.

Я был слишком поглощен перспективой того, что она может быть шпионкой Бестлэссона, чтобы расспрашивать, но все, что она рассказала мне до сих пор, подтверждает тот вывод, что она ищет богатого любовника.

Я ввожу ряд других имен, которые запомнил из группы на случай, если кто-то позже просмотрит мою историю поиска. Удостоверившись, что все выглядит невинно, я набираю имя своей цели, Вир Бестлэссон.

Появляется фотография длинноволосого мудака с гитарой.

Имя человека, который оплачивает его обучение, — младший брат Одина, Вили Бестлэссон.

— Один будет разочарован, что его племянник такой клоун, — бормочу я, прежде чем найти еще нескольких случайных студентов.

Какими бы заманчивыми ни были ее требования, я не намерен подчиняться. Шантаж работает в обе стороны. Если девчонка одевается как учительница воскресной школы, чтобы увидаться со своим отцом, то сомневаюсь, что она хотела бы, чтобы он знал, как она ведет себя в его отсутствие.

Я достаю телефон и набираю сообщение:

«Как бы отреагировал Гордон Гофаннон, узнав, что его дочь делает непристойные предложения незнакомцам?»

Через несколько секунд видеться «прочитано».

На экране появляются точки, указывая на то, что она набирает ответ. Мое дыхание учащается, и я готовлюсь к битве. Но минуту спустя они исчезают.

Губы растягиваются в улыбке.

Это игра на взаимно гарантированное уничтожение. Она не посмеет раскрыть секрет, если я пригрожу раскрыть ее.

Феникс не отвечает на мое сообщение, и я могу только предположить, что она передумала насчет шантажа. Рано утром в среду компания будит меня, чтобы доставить в подвал уже ненужную мебель для игровой комнаты.

Я прислоняюсь к стене, в полусне, наблюдая, как их руководитель обустроивает новую игровую комнату в точном соответствии с рекомендациями, составленными в Лондоне. Дав им чаевые, развешиваю покупки с субботы и рычу.

Какая пустая трата прекрасного оборудования.

Каждая новая саба заслуживает абсолютно новых игрушек, которые можно использовать с ней и только. Вот почему я каждый раз избавляюсь от всего, когда заканчивается соглашение. Стою в стороне, любясь новой коллекцией флоггеров, пэддлов и хлыстов ручной работы.

Я считал, что Феникс заслуживает самого лучшего. В ней было что-то такое восторженное и неукротимое, как будто огненная буря пыталась прорваться сквозь ее внешнюю респектабельность и невинность.

Теперь я этого, скорее всего, не узнаю.

Когда Феникс не появляется на моей лекции в четверг, я возвращаюсь в офис, чтобы узнать, не бросила ли она университет или даже не покинула ли кампус. Но записи ничего не дают.

Приходится звонить Криусу, единственному человеку, который мог бы пролить свет на то, что случилось с ее отцом.

Он отвечает после одного гудка.

— Мариус, мой мальчик...

— Что ты можешь рассказать мне о Гордоне Гофанноне? — я не позволяю ему напомнить, что у нас общая ДНК.

Криус делает паузу, и я уже могу представить, как его губы неодобрительно поджимаются.

— Он новый надзиратель.

— Где?

— В тюрьме Сикрофт, — отвечает он так, как будто ответ очевиден. — Учреждение строгого режима, которое четыре семьи создали восемь лет назад, чтобы содержать худших из нашего вида. Его местоположение остается загадкой для всех, кроме немногих избранных.

— Один?

— Один, Дагда, Шанго и Уранос. Вся цель нашей миссии — раскрыть местонахождение тюрьмы.

Мои брови приподнимаются.

— В самом деле?

— Ты бы знал это, если бы разговаривал со мной дольше двух минут, — говорит он усталым голосом.

Работа идет без особых проблем. Я смотрю на время и задаюсь вопросом, кого подкупить, чтобы организовать Криусу камеру в этом прекрасном заведении.

Я собираюсь подтвердить слова и повесить трубку, когда он говорит:

— Почему ты спрашиваешь о Гофанноне?

— Кто-то упомянул его имя, — бормочу я.

— Ты видел мальчишку? — спрашивает он.

Я ворчу.

— Он живет в кампусе отдельном от других студентов и в более безопасном здании, повсюду установлены камеры. Взять его будет нелегко.

— У нас есть время, — говорит Криус, уже звуча рассеянно. — Что-нибудь еще?

— Нет, — я вешаю трубку, прежде чем этот ублюдок сможет меня взбесить.

Поворачиваю свое кресло к окну и смотрю на лужайку. Зная Криуса, он хочет использовать Вира Бестлэссона в качестве рычага воздействия на Одина, чтобы либо раскрыть местонахождение Сикрофт, либо обеспечить свободу одному из его обитателей.

Заложники — метод работы моего отца и причина, по которой я здесь. Криус спрятал мать либо в одном из своих многочисленных борделей, либо с не менее развратным сообщником.

Единственный способ, как я могу обеспечить ее свободу, — это предложить взамен невинного молодого человека.

Если Гордон Гофаннон — новый начальник тюрьмы, находящейся во власти преступников, неудивительно, что он не передал эту информацию своей дочери. Люди сделали бы что-то похуже, чем убийство, за сведения о тюрьме. Если бы я сказал Криусу, что у Гофаннона есть дочь, и притом красивая, он нашел бы способ использовать ее в качестве рычага давления.

В пятницу Феникс так и не появилась в университете, и к концу дня я уже вернулся к записям о студентах, разыскивая ее квартиру.

Феникс живет на территории кампуса в одном из четырех многоквартирных домов, где проживают студенты. Я не знаю, почему отсутствие контакта так сильно зудит в груди и создается ощущение, что устранить его может только ее присутствие.

Я должен быть рад, избавившись от нее, но не могу отделаться от мысли, что она могла вернуться в «Красную комнату», бросая кокетливые взгляды на других мужчин. Зубы скрипят при мысли, что она обменялась бы номерами с тем продавцом.

— О чем я думаю?

Провожу рукой по волосам и снова обращаю внимание на записи о мальчишке Бестлэссона. На его карточке безопасности есть пометка, в которой говорится, что ему запрещено покидать территорию кампуса, а это делает мою работу в тысячу раз сложнее.

Феникс, с другой стороны, уходит каждую субботу утром и возвращается поздно вечером следующего дня. Я сотру зубы в порошок. Мне следовало бы думать о том, как выманить парня из университета, а не заикливаться на маленькой шантажистке.

Не могу перестать думать о Феникс. Не тогда, когда делаю заметки о племяннике Одина, не тогда, когда отчитываю доктора Ксандера, и не в субботу вечером, когда сижу с бокалом «Шабли» в саду на крыше, глядя на горизонт.

Но вдруг тихий звук дверного колокольчика разрезает воздух и устремляется прямо к моему члену.

Она здесь.

ФЕНИКС

Каблуки цокают по брусчатке, когда я выхожу из автобуса 210, прижимая к груди бутылку «Сансер Фест Теско». Это лучшее, что я могу себе позволить, учитывая минус на карте, и надеюсь, что профессор Сегал сочтет его приемлемым.

Я прогуливаюсь по набережной Марина, сердце трепещет. Сидней Кресент находится всего в квартале отсюда, как и мое будущее в качестве содержанки.

Шантажистка, — шепчет тихий голосок в глубине сознания.

Я говорю совести, чтобы она не лезла не в свое дело. У профессора Сегала было достаточно шансов в период со вторника по настоящий момент, чтобы отменить свидание.

Финансовый отдел университета уже отправил письмо с напоминанием о том, что плата за обучение просрочена на месяц, как и аренда. Я не слышала, чтобы назойливый голос предлагал какое-либо решение, когда банковское приложение сообщило мне о перерасходе средств.

Нет, он хранил молчание, даже когда я шестой день подряд ела рамен быстрого приготовления.

Сука.

Субботним вечером движение с грохотом несется по длинной дороге, отделяющей белые пятиэтажные таунхаусы от нетронутых лужаек, окаймляющих пляж.

Морской бриз дует с океана и охлаждает разгоряченную кожу. Слишком тепло для длинного плаща, но у меня не хватает духу разгуливать по Марина-Виллэдж в кожаном наряде.

Сидней в реальной жизни выглядит еще более величественно, чем на картах Гугл. Это огромный сквер, достаточно большой, чтобы вместить пятьсот человек, с припаркованными по периметру роскошными автомобилями.

Ни один профессор не может быть в состоянии позволить себе жить в таком месте, не говоря уже о самом большом доме. Но опять же, среднестатистический академик не швыряет стульями в студентов с такими связями, как у Вира.

Волна возбуждения пробегает по позвоночнику. Он вел себя как альфа. И когда профессор Сегал прижал меня к столу, я чуть не кончила.

Конечно, я была в ужасе. Этот человек — воплощение тьмы с яркими глазами, которые мерцают жарче любого пламени. Но потребовалось всего мгновение, чтобы осознать свою власть.

Профессор Сегал — мой.

И он ничего не может с этим поделать.

Я дохожу до дома 79 и пересекаю выложенную черно-белой плиткой дорожку, которая соединяет улицу с входной дверью. С обеих сторон есть перила и спуск на цокольный этаж. Я пытаюсь заглянуть сквозь жалюзи в его игровую комнату, но ничего не вижу.

Неважно. У меня будет экскурсия с гидом после ужина.

Желудок выбирает этот момент, чтобы заурчать, и я прижимаю тыльную сторону ладони, пытаюсь заверить его в предстоящем пиршестве.

Внизу покалывает от нетерпения, и я сжимаю бедра, уверенная, что профессор Сегал более чем способен удовлетворить мои потребности.

Звоню в дверь, отступаю назад и поднимаю бутылку вина и подбородок.

Вот так я войду в дом своего папочки. Гордая и непобедимая. Я составляю список всех способов, которыми профессор Сегал может мне услужить. Сначала я хочу, чтобы он подхватил меня на руки, затем слегка отшлепал, прежде чем заставит встать на колени и отсосать его член.

У меня текут слюнки, и тепло разливается внизу живота. Это будет самая жаркая ночь в моей жизни.

Через два дома женщина подходит к крыльцу, останавливается у входной двери и бросает на меня долгий взгляд.

Кожа зудит под плащом. Я поворачиваюсь и провожаю ее взглядом, пока она не исчезает в доме.

Где профессор Сегал?

Я снова звоню в дверь.

По-прежнему никакого ответа.

Скриплю зубами. Если он игнорирует меня...

— Мариус Сегал, — кричу я так громко, чтобы перебить крабов на пляже. — Впусти меня. У нас была договоренность.

Ударяю медным дверным молотком по пластине, издавая грохот.

— Профессор! Впусти. Меня. Внутрь.

Женщина из соседнего дома выходит и скрепчивает руки на груди.

— Могу я вам помочь?

— Нет, — огрызаюсь я, как раз в тот момент, когда сосед с другой стороны выходит посмотреть. — Не лезьте не в свое дело.

— Это сложно, когда Вы кричите на всю улицу. Мне стоит вызывать полицию?

Я напрягаюсь.

Она не посмеет.

— Вызывайте, — трясусь бутылкой вина. — Но я уйду до того, как они приедут.

Позади открывается дверь. Я резко оборачиваюсь и вижу профессора Сегала, на котором не надето ничего, кроме пары кожаных штанов.

Выражение его лица грозное: опущенные брови, сжатые губы и горящие глаза. Щетина покрывает щеки, придавая ему опасный вид, который заставляет мышцы моего естества сжиматься.

— Чего ты хочешь? — говорит он голосом столь же смертоносным, сколь и культурным.

Пульсация внизу усиливается, и колени сами хотят подогнуться, чтобы я могла пасть ниц у его ног. Но это я контролирую ситуацию, а не он.

Вздернув подбородок, я вхожу в дверь с уверенностью женщины, которая владеет домом. По факту, с информацией, которой я располагаю, профессор принадлежит мне.

Я переступаю порог дома, чувствуя прохладное покалывание на разгоряченной коже. До этого момента Мариус был лишь фантазией. Теперь он исполнит любой мой сексуальный каприз.

Каблуки стучат по полированным половицам из орехового дерева в коридоре вдвое шире того, что был у меня дома. Первая комната слева — это гостиная с белыми кожаными диванами, черным роялем, огромным камином и окнами от пола до потолка, которые выходят на сад.

Его дом великолепен, но нуждается в женской руке.

И этой женщиной буду я.

Когда он не хватает меня сзади за плащ, и дверь со щелчком закрывается, внутренности вспыхивают триумфом. Своим молчанием он принял мое неприличное предложение.

— Мисс Шталь? — спрашивает он.

— Ты можешь называть меня Феникс, — я поворачиваюсь к нему и ухмыляюсь.

Профессор Сегал стоит совершенно неподвижно, его глаза темнеют с каждым неглубоким вдохом. Он напоминает мне кобру, готовую нанести удар. Очень сексуальную кобру с рельефным прессом и грудью, которую я хочу потрогать руками, зубами и языком, но то, как он смотрит на меня сверху вниз, заставляет бабочек в животе съежиться.

— Что не так? — слова выходят неожиданно робкими. Я прижимаю бутылку вина к груди, как будто это может создать барьер между мной и разгневанным профессором.

Примерно в этот момент совесть выползает напомнить, что она не одобряла такой образ действий. Я даже не могу сказать ей замолчать, потому что прикована к злобному взгляду профессора.

— Ты действительно думала, что я поведусь на шантаж студентки? — говорит он голосом холодным, как ветер.

На самом деле, так я и предполагала.

— Если ты думаешь сделать что-нибудь глупое, все мои друзья знают, куда я пошла

сегодня вечером, — выпаливаю я. — У них есть твой адрес, и они вызовут полицию, если ты...

— Ничего подобного ты не сделала, — профессор сексуально заигрывает со мной, его крупная фигура, кажется, занимает все пространство.

Пuls учащается. Я отступаю к лестнице, ноги дрожат.

— Сделала.

— Сама цель шантажа — заполучить что-то ценное в обмен на молчание, — говорит он сквозь стиснутые зубы. — Как только эта информация попадает к третьей стороне, она больше не имеет ценности.

Мой рот приоткрывается. На подобное заявление нет ответа, потому что это правда. Конечно, я никому не сказала, куда направляюсь. Я ни за что на свете не стала бы рисковать, чтобы кто-нибудь узнал о моем романе с профессором Сегалом.

Его брови приподнимаются так, как это делают преподаватели, когда медлительный студент близок к получению правильного ответа. Я ерзаю на шпильках, соски неуместно твердеют, пока задаюсь вопросом, что сделала, чтобы потерять контроль.

— Повторяю свой вопрос, — говорит он. — Чего ты хочешь?

— Опыт с Кристианом Греем, — слова срываются с губ прежде, чем я успеваю их остановить.

Прикрываю рот рукой, чтобы подавить вздох, но уже слишком поздно. Он уже видит во мне неуклюжую, отчаявшуюся дурочку.

Профессор Сегал стоит так близко, что его тепло проникает сквозь ткань плаща, заставляя кожу покрываться потом. Я делаю еще один шаг назад, чтобы освободить немного места, взять передышку, но позвоночник ударяется о перила.

Он хватает меня за руку, заставляя вздрогнуть.

— Ты действительно думала, что я поддамся? — говорит он низким и глубоким голосом.

— Почему ты впустил меня, если собирался отказать? — шепчу я.

Его брови приподнимаются.

— Почему бы вам не рискнуть высказать предположение, мисс Шталь, о том, по какой причине университетскому профессору может не понравиться полуголая девушка, вопящая у его входной двери.

— Но я не...

— Красная помада, туфли на шпильках и ни намек на чулки или рубашку под длинным плащом, — его теплое дыхание обдаёт мою кожу. — А что еще должен думать человек?

Сила его взгляда заставляет меня опустить ресницы и сделать самый долгий вдох.

— Ты выгонишь меня?

Профессор Сегал хихикает, но звук скорее злорадный, чем веселый, и заставляет каждый волосок на моем теле встать дыбом.

— Моя дорогая девочка, ты пробудила во мне что-то, что теперь нужно удовлетворить.

— Извини?

Ухмылка, которой он одаривает меня, дикая.

— Пришло время посмотреть, как на самом деле ведется игра.

МАРИУС

Феникс стоит спиной к лестнице, изумленно уставившись на меня, ее хорошенький ротик приоткрыт.

Глупая девчонка думала, что ведет охоту, хотя на деле все это время была добычей.

Ее язык высовывается, чтобы проскользнуть по нижней губе, и я не могу пропустить это движение. Я хочу, чтобы она стояла на коленях, чтобы этот язычок ублажал мой член, прежде чем я трахну ее маленькую тугую глотку.

— Что ты делаешь? — её голос почти не дрожит. Почти.

— Я надеюсь, ты уже поняла, что шантаж не является эффективным методом принуждения, когда у твоего оппонента есть равное количество компрометирующих материалов.

Выпрямляясь, Феникс поджимает губы.

— Не меня уволят, если эти фотографии станут достоянием общественности.

— Но что бы сказал Гордон Гофаннон, если бы узнал, что его драгоценная дочь отправляла фотографии своей киски его врагу?

Ее глаза расширяются, а рот отвисает.

— Ты не знаешь моего отца...

— Не лично, но я знаю, почему он внезапно пропал и как с ним связаться.

Уверенность исчезает с ее лица, оставляя только бесстрастную маску. Это было бы впечатляюще, если бы у меня не было информации, которую она отчаянно пытается сохранить в секрете.

— Ты блефуешь.

— Уверена? — спрашиваю я. — На случай, если ты беспокоишься, он жив и здоров.

Отсутствие изменений в ее чертах говорит, что она либо мало обеспокоена его благополучием, либо уже знает, почему он исчез. Я не могу винить ее, если Гордон Гофаннон хотя бы на десятую часть такой убудок, как Криус.

— Чего ты хочешь? — спрашивает она.

Я поднимаю руки, просто чтобы сплести пальцы, а она застывает.

— Давай забудем про этот шантаж, — говорю я. — У тебя есть фотографии, которые оставят след в моей карьере, в то время как то, что имею я, может обрести гораздо более печальные последствия.

— Ты не скажешь моему отцу? — спрашивает она.

Что-то глубоко в моем иссохшем сердце болит. Я вижу в ней частичку юного себя, но этого недостаточно, чтобы остановить мой каменеющий член.

— Я никогда не собирался использовать эти фотографии для чего-то помимо собственного удовольствия.

Румянец расцветает на ее щеках, ресницы опускаются. Феникс — восхитительное сочетание пикантного и сладкого, и у меня текут слюнки от желания ее попробовать.

— Глаза вверх, — я повышаю тон.

Пристальный взгляд возвращается ко мне, жар приливает к паху от немедленного повиновения.

— У тебя все еще есть проблемы с финансами, — заявляю я.

Феникс кивает и прикусывает нижнюю губу.

— Теперь у меня тоже есть проблема, которую, я думаю, ты могла бы решить.

— Какая? — отвечает она с придыханием в голосе.

— Мне нужен старательная сабмиссив, — я поднимаю руку к ее щеке, но держу пальцы в нескольких сантиметрах от кожи. — Когда я наблюдал, как ты играешь с киской в видеочате, и слушал, как кончаешь, во мне проснулось нечто, что теперь невозможно унять.

— Правда? — спрашивает она с выдохом.

Мне требуется все самообладание, чтобы не издать недоверчивый смешок. Неужели она понятия не имеет, какой эффект производит на мужчин? Возможно, это к лучшему, потому что я захотел сделать ее своей ровно в тот момент, когда впервые увидел в «Красной комнате».

— Я сделаю предложение, которое ты можешь принять или отклонить без последствий.

Она сглатывает, дыхание учащается, и мне уже физически больно хочется увидеть обнаженное тело под этим плащом.

— Я оплачу твою арендную плату и контракт за семестр независимо от ответа.

— Почему? — спрашивает она.

— Я не закончил, — отвечаю, приподнимая бровь. — Однако в обмен на ежемесячное пособие ты будешь моей сабмиссив.

Ее грудь поднимается и опускается, она прижимает руку к горлу, будто пытается сдержать ответ.

— Что это значит? — спрашивает она.

Я подавляю улыбку. Умная девочка. Я думал, она либо примет, либо отвергнет мое предложение, но я впечатлен, увидев, что она, по крайней мере, заинтригована.

— Я хочу трахнуть тебя игровой комнате, после чего ты перейдешь в мое постоянное распоряжение для секс-услуг, — перефразирую то, что она требовала при нашей последней встрече. — И ты пройдешь обучение, чтобы расширить свои границы.

— И это все?

Теперь моя очередь округлять глаза. Неужели она не понимает, чего я требую? Очевидно, нет, судя по взгляду, светящемуся надеждой.

Подавляю вздох. Я не мой отец, но монстр совершенно другого рода. Однако, я постараюсь не сломать эту маленькую игрушку... Ну, или, по крайней мере, не безвозвратно.

— Если ты согласишься быть моей сабой, то будешь беспрекословно следовать всем указаниям.

Она нетерпеливо кивает.

— Сними плащ, — отступаю назад, чтобы лучше рассмотреть восхитительное тело, которое видел только на видео.

Феникс засовывает бутылку вина под мышку. Ее пальцы дрожат, когда развязывают бант на поясе плаща. Узел рассыпается. Плащ распахивается, обнажая нежные ключицы, по которым мне хочется провести языком.

Смотрю на нее, сопротивляясь желанию поглотить ее одним взглядом. Такой женщиной, как Феникс, нужно наслаждаться, ведь никто не откупорит марочное вино, не подумав, и не выпьет его залпом прямо из бутылки.

Ее кожа бледнее, чем казалась на видео, гладкая, как алебастр, с розовым оттенком, который переливается румянцем на шее и груди. Мне нравится, что цвет кожи выдает эмоциональность, ведь так, независимо от выражения лица, я всегда смогу определить ее текущее состояние.

Ее нижнее белье представляет собой кружево глубокого бордового оттенка, граничащего с черным, и выглядит восхитительно на бледной коже. Нежная ткань натягивается на округлой груди, и мои пальцы дергаются, чтобы сжать эти твердые соски, пока она не попросит о пощаде.

Я видел Феникс обнаженной в разной степени, но от этого вида становлюсь диким. Я хочу провести языком вниз от ямочки между ключицами, по ложбинке груди и вниз по плоскому животу. Я хочу сорвать с нее чертовы трусики зубами и как следует вылизать.

— Ты разъезжала по городу в плаще поверх нижнего белья? — рычу я.

— Да, — шепчет она.

— Зачем?

— Чтобы облегчить тебе задачу.

Я смотрю на нее сверху вниз, пока она не начинает ерзать. Демон внутри наслаждается этим дискомфортом.

— Это очень плохо, Феникс, — говорю я. — Один порыв ветра и любой мог увидеть, что ты полуголая под плащом. Что, если бы ты споткнулась на шпильках и плащ распахнул? Или человек, помогающий тебе встать, увидел бы эти крошечные трусики?

Ее дыхание учащается. Она склоняет голову и поджимает локти к груди, словно пытаясь стать меньше. Бедрa сжимаются в попытке создать хоть какое-то трение.

— Простите, сэр. Это больше не повторится.

Уголок моего рта приподнимается в полуулыбке.

— Тебе нравятся словесные порицания? — спрашиваю я. — Унижение?

Она приоткрывает губы, чтобы ответить, и я думаю, что ответ положительный, но затем взгляд опускается.

— Я не знаю.

— Посмотри на меня.

Она встречается со мной взглядом.

— Объясни.

— Мне делали выговоры из ненависти. Я всегда боялась.

Интересно, не бывший ли парень причинил ей боль? Всплеск собственничества портит настроение. Она еще даже не согласилась быть моей, поэтому я воздержусь от вопросов до тех пор, пока она не решит подчиниться.

— Ты обдумала мое предложение? — спрашиваю я.

Она смотрит на дверь, прежде чем осмеливается встретиться со мной взглядом.

— Ты сказал, что я могу отказаться и все равно получать оплату за аренду и обучение.

— Правильно.

— Почему?

— Скажем так, есть и худшие способы оплатить учебу, — мои зубы сжимаются, и я отталкиваю лица соперников, которых Криус приказал убить.

— Могу я принять решение позже? — я приподнимаю брови, а она переминается с ноги на ногу. — Я имею в виду после того, как мы проведем время вместе. Я хочу увидеть, на что соглашаюсь...

— Это вполне приемлемо, — склоняю голову.

— Тогда ладно.

— В течение всего вечера ты будешь называть меня «сэр» и обращаться на «вы». Понятно?

— Да, сэр, — с придыханием говорит она. — Я готова.

— Подожди меня у входа в игровую комнату, — я указываю на дверь, ведущую в подвал.

Она расправляет плечи.

— Хорошо, я могу идти?

— Конечно, на коленях, — я поднимаю палец.

Феникс отступает.

— Что?

— Ты поползешь в игровую комнату на четвереньках, — произношу каждый слог.

Ее рот открывается и закрывается, как будто она хочет возразить.

Наклоняю голову, сдвинув брови в насмешливом замешательстве.

— Ты думала, что быть моей сабой означает только игрушки и сексуальное удовольствие?

— Но я держу бутылку...

— Я принесу ее вниз, — отвечаю с ухмылкой.

Ее лицо меркнет.

— А как же ужин?

— Ты голодна? — спрашиваю я.

Она краснеет.

— Нет.

— Нет, что? — скрещиваю руки на груди.

— Нет, сэр.

— Тогда ползи.

Наблюдать конфликт в ее глазах восхитительно. Видеть, как она по-хозяйски уверенно врывается в мою обитель, только чтобы осознать неизбежность подчинения... У меня кружится голова.

Я стою неподвижно, сдерживая волнение, пока она в нижнем белье встает на четвереньки. Ставит бутылку у плинтуса и смотрит на меня оленьими глазами.

Феникс дала мне восторженное согласие в субботу вечером, в воскресенье днем и рано утром в понедельник делать с ней все, что мне заблагорассудится. Однако теперь, когда она стоит на коленях, у нее есть сомнения.

— Это полностью твое решение, подчиняться или нет, и сегодня вечером и далее ничего не произойдет без твоего согласия. Ты понимаешь это?

— Да, сэр.

— В любое время ты можешь произнести стоп-слово и уйти, — говорю я.

Она кивает.

— Выбери одно.

— Можем ли мы использовать «красный», чтобы остановиться, и «желтый», чтобы сказать, что я близко к пределу? — спрашивает она.

— Конечно, — отвечаю я. — Теперь скажи мне, каковы твои ограничения?

Ее брови сходятся.

— Я... я никогда особо об этом не задумывалась.

Мне требуется пара секунд, чтобы осознать ее слова. У каждой профессиональной сабмиссив, с которыми я играл, есть длинный список. Без мочи, без экскрементов, без игр с кровью, без иглок, без огня, без электричества, без фистинга. И это только начало.

— Мне нравится всего понемногу, — добавляет она, пожимая плечами.

Глаза сужаются. Это мой первый опыт работы с подобной сабой, которая не берет почасовую оплату, но я не буду принимать этот ответ за чистую монету.

— Мы начнем медленно, и я хочу, чтобы ты использовала стоп-слово, — говорю я. — Это понятно?

Она кивает.

— Ты на противозачаточных? — спрашиваю я.

— Да, — шепчет она.

— Теперь у меня есть твое согласие продолжить?

Ее лицо замирает в решимости, и моя кровь вскипает. Феникс не уйдет, пока не получит папочку, которого хочет.

И я намерен заставить ее отработать каждую копейку.

Пока она ползет, я смотрю на мокрый кусочек ткани между округлыми бедрами и представляю, как ее киска промокла. Похоже, Феникс наслаждается небольшим унижением.

Она идет по коридору, являя собой зрелище, которое я хочу запомнить на вечность. Не могу дожидаться, чтобы отшлепать эту сладкую попку, пока ее щеки не окрасятся в бардовый, засунуть член в плотный влажный жар и долбить, пока искры из глаз не посыплются.

— Хорошая девочка, — говорю я, когда она подходит к двери.

Феникс смотрит на меня горящими глазами. Я мысленно делаю пометку похвалить еще раз, чтобы понять, не это ли один из ее заскоков.

Наклоняюсь, беру бутылку и иду за ней. Она терпеливо ждет, но быстрые поверхностные вздохи говорят о том, что она в таком же предвкушении, как и я.

Это будет невероятная ночь.

ФЕНИКС

Смотрю на белую дверь, в глазах темнеет от смеси волнения и ужаса.

Что я творю?

Я могла бы отказаться несколько минут назад, когда профессор Сегал предложил мне деньги, чтобы я осталась в университете, но этого было недостаточно. Все это было не столь важно, на самом деле я хотела его.

Его компании, ласки, комфорта... его член.

Всего.

Но действительно ли мне нужно было унижаться и ползать? Я делаю долгий судорожный вдох. Он ищет не содержанку, а сабмиссив. Которая будет ползать по дому, судя по всему.

Пульс между ног такой сильный, что я чувствую его внутренней поверхностью бедер. Я сжимаю их, надеясь, что влажность киски не видна сквозь ткань моих трусиков.

Унижение совсем не возбуждает. Я просто взволнована его присутствием. Вот и все. Это никак не связано с тем, что он заставил меня ползать на коленках и назвал хорошей девочкой. И то, что сказал раздеться перед ним, а потом отчитал за прогулку в белье, с этим

тоже никак не связано.

Профессор Сегал открывает дверь на хорошо освещенную лестницу и жестом приглашает спуститься.

Я опираюсь рукой на пол и пытаюсь встать, но он кладет руку мне на голову и слегка придавливает.

— Что ты делаешь? — его голос неожиданно холоден.

— Я не могу сползти по лестнице.

— Сможешь, если не захочешь наказания, — говорит он и нежно гладит меня по голове. — Не торопись.

Мои внутренности содрогаются от возбуждения, которое проникает прямо в сердце. Мышцы напрягаются, и я ерзаю на заднице, чувствуя, как моя киска становится все более влажной. Неподчинение стоило бы того, если бы эти руки оказались на моей попе.

Я смотрю на него и спрашиваю:

— Какого наказания?

Он даже не улыбается, когда отвечает:

— Того, которое оставит твою киску горячей, пульсирующей и неспособной достичь оргазма.

— Ох...

Его брови поднимаются.

— Не весело?

Профессору Сегалу не нужно приказывать дважды. Я сползаю вниз, кладя одну ладонь на ступеньку, а затем медленно спускаюсь, стараясь не потерять равновесие и не упасть.

Он стоит позади меня и, готова поспорить, наслаждается настоящим шоу под таким углом. И если раньше мои трусики еще были сухими, то теперь они точно промокли.

Мне требуется целая вечность, чтобы спуститься по лестнице, но профессор следует за мной с адски раздражающей терпеливостью. Я хочу, чтобы он наклонился, схватил меня за задницу, ободряюще шлепнул по ней — хоть как-то прикоснулся, но он держится на расстоянии.

В игровой комнате темнее, чем на лестнице, хотя с потолка светят красные прожекторы, и она как минимум в два раза больше гостиной.

Я провожу взглядом по кирпичным стенам, замечаю зеркала в черных рамах, расположенные со стратегической точностью, далее стеллажи с черными кожаными игрушками, крест в форме буквы X и нечто, похожее на пыточное колесо.

Он разделил игровую комнату на две части. Слева что-то вроде тюрьмы, такой, как я представляла себе в книгах. Я даже не знаю названий вещей — узнаю трон, высокий стул, перед которым нужно встать на колени, чтобы обнажить свою задницу, и еще один, похожий на гинекологическое кресло, со стременами.

Каждый предмет мебели сделан либо из черной кожи, либо из темного металла, который кажется почти черным. В дальнем правом углу комнаты стоит черная кровать с балдахинном, скрытая красными занавесками, а на стене огромные картины связанных рук и ног.

— Черт возьми, — шепчу я себе под нос.

Эта комната превосходит все, о чем я читала в книжках.

— Присядь на минутку, — говорит профессор Сегал.

Я подчиняюсь, и он подносит тонкий кожаный ремешок к моему лицу.

— Это временный ошейник, который символизирует твоё подчинение, — говорит он. — Ношение означает передачу власти от тебя ко мне.

— Вы когда-нибудь давали постоянный? — спрашиваю я.

— Нет, — ответ настолько окончательный, что я не осмеливаюсь спросить, почему. —

Ты согласна надеть его?

Пульсация между ног учащается, по позвоночнику пробегает приятная дрожь. Это как в романтических книгах.

Даже лучше, потому что это реальность.

— Пожалуйста, — отвечаю я.

Кожаный ошейник мягко обхватывает шею, почти обнимая. В груди разливается тепло, когда раздаётся звон металлической пряжки.

Следующие несколько ударов сердца он кладёт руки мне на плечи и нежно сжимает. Не знаю, наслаждается ли он этим моментом, но я точно да.

Мое сердце замирает, а дыхание учащается. Никто никогда не заставлял меня чувствовать себя такой желанной.

Профессор Сегал проходит мимо, садится на кожаный трон и кладёт руки на подлокотники. Сочетание тагуировок на груди и черных кожаных брюк придает ему величественный вид. Все, что нужно, это корона, и я готова поклоняться ему как королю демонов.

— С чего ты взяла, что прибегнуть к шантажу было мудрой идеей?

Мои глаза расширяются.

— Что?

— Такое поведение не может остаться безнаказанным.

Я сглатываю.

— Разве вы тоже не шантажировали меня, заставляя молчать? Разве минус и минус не дают плюс?

Он поднимает бровь.

— Ты слышишь себя?

Мое сердце замирает. Он абсолютно прав.

— Послушайт, — бормочу я. — Это была лишь пустая угроза. Я бы никогда...

— Тогда я научу тебя не угрожать без причины, особенно тем, кто сильнее.

— Простите, сэр, — бормочу я.

Он хохочет, звук темный и насыщенный.

— Я решу, когда удовлетворюсь твоими извинениями.

— Что вы хотите сделать?

— Подойди сюда, — он манит меня.

Сейчас я уже понимаю, что он хочет, чтобы я подползла, поэтому двигаюсь вперед на четвереньках.

— Поцелуй мои ноги, — говорит он.

Мой взгляд перескакивает с его лица на мускулистый торс и на эрекцию, выделяющуюся сквозь кожаные штаны. Я раскрываю губы, желая, чтобы он попросил меня поцеловать его там. С неохотным вздохом я смотрю на его бедра, икры и голые пальцы ног.

Если говорить о мужских ногах, то его ноги в целом привлекательны. Кожа немного бледнее, чем на бронзовой груди, нет волос, а ногти аккуратно подстрижены.

Я мягко целую его ногу. И целую вторую на всякий случай.

— Извините, что прибегла к шантажу. Это никогда не повторится.

Когда я поднимаю голову, чтобы посмотреть ему в глаза, он запускает пальцы в мои волосы и толкает меня обратно.

— Кто сказал, что этого хватит? — рычит он. — Я хочу, чтобы ты целовала каждый палец на ноге, а затем получишь дальнейшие указания.

Я снова наклоняюсь, прижимаюсь губами к его мизинцу, затем двигаюсь по каждому пальцу его ступни, пока не дохожу до последнего.

— Ты мокрая? — спрашивает он.

— Не от целования ваших ног, — говорю я.

Когда профессор Сегал не отвечает, я сажусь на пятки, поднимаю голову и встречаю его улыбающиеся глаза.

Желудок сжимается.

— Вы мне не верите?

— А если я проверю твои трусики?

Жар приливает к щекам. Я бормочу, прежде чем сказать:

— Это другое.

— Иди сюда.

— Но я сказала...

— Феникс, — говорит он стальным голосом. — Ты не будешь говорить без разрешения.

Это понятно?

Я киваю.

Он подзывает меня пальцами.

— Не заставляй просить дважды.

Я вскакиваю на ноги и становлюсь между раздвинутыми бедрами профессора. Несмотря на то, что он сидит, а я стою, мне все же удается почувствовать себя маленькой, особенно под его суровым взглядом.

Его глаза темнее в красном свете. Расширенные зрачки обведены цветом индиго. Тени делают его черты более резкими, угловатыми, жестокими, и я чувствую себя птицей, пойманной голодным котом.

Профессор Сегал протягивает руку, его пальцы скользят по моей руке. Это всего лишь прозрачное прикосновение, но, клянусь, я чувствую, как электричество потрескивает в воздухе между нашей кожей.

Повисает тишина, пока атмосфера не становится натянутой. Мое дыхание прерывистое, и я дрожу в ожидании, что он сделает что-нибудь, хоть что-нибудь, чтобы ослабить невыносимое натяжение.

— Повернись, — он наклоняется вперед на троне.

Мои мышцы напрягаются. Что он собирается делать? Отшлепает меня? Сунет пальцы в кружево белья и докажет, что я лгу? На дрожащих ногах я шаркаю в сторону, держа бедра вместе, чтобы он не мог видеть следов моего возбуждения.

Профессор Сегал кладет меня на свои раздвинутые ноги, я визжу и в итоге лежу на животе лицом к полу, подняв задницу в воздух и балансируя ладонями по деревянным половицам.

Ерзаю у него на коленях, но он кладет руку мне на спину, чтобы удержать на месте.

— Ох...

Я стону, потому что разговор без позволения только усугубит мое наказание, да еще и

он вот-вот обнаружит, что я возбуждена, когда я сказала ему, что это не так.

Он делает медленные круговые движения по моей заднице большой теплой ладонью, словно готовя к удару. Каждое прикосновение заставляет меня дрожать, и я прикусываю нижнюю губу, чтобы подавить стон.

— Теперь, моя непослушная девочка, ты научишься лучше выбирать цели для шантажа.

Я втягиваю воздух и готовлюсь к первому шлепку, но этого не происходит. Вместо этого он раздвигает мои бедра и скользит пальцами к трусикам.

— Нет, — шепчу я.

Он делает паузу.

— Что это было?

Я не хочу, чтобы это прекращалось, но также не хочу проводить все свое время, целуя ноги мужчины, потому что он думает, что меня это заводит.

— Ничего, — говорю я сквозь стиснутые зубы. — Сэр.

Его пальцы скользят под кружево трусиков, и я съеживаюсь, не от прикосновения, мое тело приветствует его, но он вот-вот уличит меня во лжи. Он двигается мучительно медленно, словно растягивая момент для максимального напряжения.

Кожа покалывает от предвкушения. Мышцы внутри сокращаются, отчаянно нуждаясь в его члене. Я сжимаю зубы, желая, чтобы мое тело поняло, что он собирается добавить к наказанию.

Пальцы профессора Сегала скользят по моим скользким складочкам, но тут же останавливаются.

— Мисс Шталь?

В моем животе порхают бабочки, потому что даже они знают, что будет дальше. Я шепчу:

— Да, сэр?

— Ты такая мокрая от поклонения моим ногам?

— Нет, — отвечаю я. — Это было...

Шлепок.

Его ладонь приземляется на левую ягодицу со звоном.

Я кричу, сердце подпрыгивает в горле.

— Не. Ври. Мне, — рычит он и шлепает справа.

Ноги сгибаются, как будто могут защитить от его гнева, но рука профессора Сегала быстрее.

Только он не шлепает, а скользит пальцами обратно под ткань трусиков и гладит разгоряченный клитор.

После жгучей боли наслаждение восхитительно, и мои ноги сползают на пол.

— Ммм...

Его глубокий смешок вибрирует, когда он кружит пальцами, и каждая мышца моего тела тает от прикосновений.

— Я начинаю думать, что ты не преувеличивала, утверждая, что ты норовистая саба, — бормочет он. — Только посмотри, как тебе нравится быть наказанной.

— Мне не...

Шлепок!

Я поднимаю голову и вскрикиваю, когда электричество пронизывает меня и оседает в ноющем клиторе.

— Я разрешил тебе говорить?

подавляю всхлип.

Он снова шлепает меня.

— Я задал вопрос.

Мои щеки горят. Я тяжело сглатываю и выдавливаю ответ.

— Нет, сэр.

— Следи за тоном.

Я поняла его игру. В тот момент, когда я извиняюсь, он снова шлепает меня. Вместо того, чтобы говорить, я опускаю голову и немного раздвигаю бедра.

Когда его пальцы возобновляют свои сладкие ласки, все мое тело снова расслабляется. Это то, за чем я пришла. Удовольствие от рук профессора. Он трет вперед-назад, вперед-назад, водя пальцами вверх и вниз по горячей плоти, останавливаясь только для того, чтобы обвести клитор.

Я сжимаю пальцы ног и стону от терпения в его прикосновениях. Парни моего возраста делали бы это быстро, жестко и грубо, пока не лишат чувствительности абсолютно все. Но не профессор, который точно знает, как доставить удовольствие. Я могла бы всю жизнь наслаждаться этой медленной, изысканной пыткой.

Как только мое дыхание учащается с первыми порывами оргазма, он убирает руку.

Я вздрагиваю.

— Что...

Шлепок!

Боль растекается по правой ягодице, спина выгибается, а голова поднимается до уровня его груди.

— Можно было подумать, что ты уже все усвоила, но это за разговоры без разрешения, — профессор Сегал одной рукой направляет мою голову вниз и еще сильнее прижимает свое предплечье к моей пояснице. — Сколько еще шлепков я должен добавить к твоему наказанию?

Я качаю головой, не решаясь произнести ни слова.

— Хорошие девочки получают удовольствие, а плохие — наказание, — говорит он с той же авторитетностью, с которой читал свою первую лекцию. — В любом случае, ты будешь хотеть моих прикосновений и умолять об этом. И каждый оргазм, который ты испытываешь не от моих рук, будет безвкусным.

Я качаю головой, отказываясь слышать эти слова, хотя знаю, что они могут оказаться правдой.

Он продолжает в том же духе, каждый шлепок вызывает жжение, посылающее дрожь в клитор, который начинает болеть от желания. Тогда после боли приходит удовольствие. Я так близко, мое тело балансирует совсем рядом с вершиной оргазма, и я выдержу любую боль, если он позволит мне кончить.

К тому времени, когда он останавливается, мое зрение плывет от слез, и я едва могу ясно мыслить. Все еще на грани и отчаянно нуждаюсь в его прикосновениях.

— Поскольку тебе это так нравится, мы включим поклонение ногам в твои тренировки. Я научу тебя сосать пальцы ног.

Сдерживаю стон, потому что он не поверит мне, если я скажу, что мне это не понравилось.

Но мне нравится он.

Может быть, не так сильно после жесткой порки, но я переживу.
— Но сначала ты будешь сосать мой член.

МАРИУС

Есть только одна вещь еще более восхитительная, чем задница Феникс, и это задница Феникс после того, как я отшлепал ее до удивительного оттенка красного. Отпечатки ладоней образуют два аккуратных овальных пятна, контрастирующие с ее бледной кожей. Освещение только подчеркивает картину.

Она лежит у меня на коленях, ее ноги дрожат, обмякшие и раздвинутые, открывая блестящую киску.

Требуется вся сила воли, чтобы не засунуть пальцы в эту сладкую дырочку, не почувствовать, как напряженные мышцы сжимаются вокруг пальцев, когда я представляю, что они могут сделать с моим членом.

Это ее наказание, и я доставил ей достаточно удовольствия, чтобы приучить жаждать моих прикосновений. Все идет по плану, пока она стонет и дрожит.

— На колени, — я убираю руку, которая удерживала ее за поясницу и откидываюсь на кожаный трон.

Феникс не двигается. Вместо этого она стонет от разочарования, ее попка мягко покачивается из стороны в сторону, как воплощение искушения. Мой член пульсирует от

желания.

— Это ваш невербальный способ сказать, что Вы хотите кончить, мисс Шталь? — спрашиваю я, и мои губы изгибаются в улыбке.

Она кивает, издавая приглушенный звук.

— Можешь говорить.

— Пожалуйста, — шепчет она.

— Используй слова.

— Пожалуйста, я хочу ваши пальцы, — говорит она, тяжело дыша. — Мне нужно кончить.

Моя грудь удовлетворенно гудит, потому что Феникс именно такая, какую я хочу: униженная, отчаявшаяся, нуждающаяся. После сегодняшнего дня я сомневаюсь, что она когда-нибудь посмеет подумать, что у нее есть преимущество передо мной. Я нежно похлопываю ее по заднице, внутренности вспыхивают от тепла, исходящего от ее кожи.

— Встань на колени и делай свое дело.

С еще одним стоном она соскальзывает и падает на колени между моими раздвинутыми ногами. Бедняжка, вероятно, не может сидеть на корточках из-за того, что я сделал с ее попкой, но она упирается предплечьями в мои раздвинутые бедра.

Я позволяю это, ведь я великодушен.

Феникс склоняет голову, опустив ресницы, и предполагаю, она смотрит на член, твердеющий в штанах. Делаю заметку в следующий раз надеть что-то менее тесное, потому что я никогда еще не был таким твердым и диким, как сейчас.

Обычно я мог остаться или уйти, когда дело касалось других женщин. Но нет времени останавливаться на том, почему она так сильно на меня влияет. Я хочу, чтобы эти красивые губки обхватили мой член.

— Принимайся за работу, — говорю я с ухмылкой. — А я буду ставить оценки за технику.

Она наклоняется вперед, ее пальцы нащупывают пуговицы на кожаных джинсах. Либо она жаждет моего члена, либо хочет покончить с этим, чтобы я мог довести ее до оргазма.

Феникс вот-вот узнает, что ждать ей предстоит долго.

Первая пуговица расстегивается, ослабляя давление на головку. Я вздыхаю от облегчения, когда она расстегивает вторую, третью и четвертую.

Феникс рывком расстегивает ширинку, останавливается и ее челюсть отвисает.

— Проблемы, мисс Шталь? — спрашиваю я, и голос дрожит от удовольствия.

— Он такой... — она выдыхает через приоткрытые губы.

Мои брови приподнимаются в предвкушении того, как она сформулирует вторую часть предложения. Я не устану смотреть на огромные глаза девушек, которые впервые видят мой член. Он длиннее среднего, но, самое важное, массивный. Когда я был студентом, девки называли его «Крушитель челюстей».

— Да? — спрашиваю я.

— Как я помещу его в рот?

— Ты смышленная юная леди, — говорю я с ухмылкой. — Найдешь способ приловчиться.

Она шумно втягивает воздух, словно собираясь с духом, и обхватывает пальцами ствол. От ее прикосновения удовольствие пробегает по позвоночнику и сжимает яйца, поднимая каплю смазки.

Ад. Такими темпами я не продержусь дольше минуты.

Когда она наклоняется вперед и открывает рот, я кладу ладонь ей на лоб, удерживая.

— Не так быстро.

Феникс смотрит на меня хмурым взглядом, который говорит: *что теперь?*

— Заработай право сосать мой член, и если произведешь на меня впечатление, я позволю тебе получить награду.

Я подавляю веселье при виде разочарования, промелькнувшего в ее глазах.

Она тихонько скулит.

— Вам есть что сказать, мисс Шталь?

— Могу я хотя бы потрогать себя?

— Категорически нет, — отвечаю я четкими словами. — Твоё удовольствие принадлежит мне, даже если мы не рядом. Что я сейчас сказал?

Она опускает ресницы, хмурится, а затем смотрит с вызовом.

— Не кончать без вашего разрешения, поняла.

Я приподнимаю бедра с трона, и она принимает сигнал, стягивая кожаные штаны. Они падают на пол, и остаются у моих ног.

— Первое правило фелляции — это подъем, — говорю тем голосом, который обычно оставляю для преподавания.

Она на мгновение встречается со мной взглядом, прежде чем опустить глаза на член. Он застывает под ее вниманием.

— Проведи языком до яиц.

Она облизывает внутреннюю часть бедра от колена медленным, размеренным движением, от которого у меня учащается дыхание. Когда она достигает яиц, легкие замирают.

Ее пальцы сжимают мои бедра, и она раздвигает их, прежде чем поцеловать правое яичко. Удовольствие скручивается в животе, и я сдерживаю стон.

Феникс заменяет язык кончиками пальцев и нежно проводит круговыми движениями по внутренней поверхности бедер, распространяя ощущения по нервам.

Любое напряжение тает под ее прикосновением. Мое тело еще никогда не было таким чувствительным.

Горячий влажный язык медленно очерчивает круги по яйцам и облизывает их, словно наслаждаясь вкусом. Маленькая капля смазки удваивается в размере, прежде чем скатиться по члену.

Ожидание мучительно.

Я хочу схватить ее за волосы и трахать в горло, пока не взорвусь, но все же намерен еще немного растянуть удовольствие, прежде чем стану грубым.

— Хорошая девочка, — бормочу я, заставляя ее дышать быстрее. — Теперь проведи этим красивым язычком вверх и вниз по члену.

Она повинуется и проходится по каждой вене, затем нежными движениями обводит толстый ствол. Я сжимаю пальцы в кулаки и стону от ее изобретательности.

Такой сладкий ротик мог бы продлить удовольствие на несколько часов... если бы я был терпеливым.

Феникс смотрит на меня, ее глаза улыбаются, она выглядит так, будто контролирует ситуацию. Потому что каждое движение ее языка вызывает реакцию, которую я не могу подавить.

Я позволю ей так думать... по крайней мере, пока что.

Когда она прижимается губами к краю моей головки, из щели выходит еще одна капля смазки. Подкрадывается слепое желание — мне нужно быть у нее во рту.

Рано.

— Грязная девочка, — слова вырываются из моей груди. — Тебе все мало моего члена.

Она кивает и мычит.

— Посмотри, какой он твердый. Как сильно он откликается на твое внимание, — рычу я. — Наслаждайся.

С восторженным мычанием она проводит языком взад и вперед по щели, смакуя жидкость. Ощущение, будто разряды электричества пронизывают корень члена и заряжают яйца. Мне приходится тяжело дышать, чтобы предотвратить кульминацию.

Блять. Она потрясающая. Но я не собираюсь заливать себя спермой. Не тогда, когда Феникс прямо передо мной.

— Открой пошире и соси, — говорю я.

Когда она раздвигает губы, мои легкие замирают. Предвкушение заставляет сердце стучать, как перед убийством. Я вдыхаю, пока края зрения не расплываются, и выдыхаю только тогда, когда она полностью заглатывает член.

Мои губы раздвигаются с безмолвным вздохом.

Блять.

Ее рот горячий, влажный и тесный. Она сжимает меня, как тиски, и скользит головой вниз до тех пор, пока я не чувствую заднюю стенку горла. Горячее дыхание Феникс упирается мне в лобок, но это чувство длится недолго, когда она отстраняется.

— Глаза на меня.

Ее пристальный взгляд встречается с моим. В красном свете игровой комнаты серые глаза кажутся почти черными, ресницы густые, но красивое лицо все еще излучает невинность, противоречащую тому факту, что она сосет мой член. И не менее волнующе осознавать, что она моя студентка.

— Хорошая девочка, — рычу я. — Такая красивая. Ты выглядишь идеально, когда твои губки обхватывают мой член.

Звук, который она издает, вызывает у меня приступ экстаза.

— Ты течешь из-за меня? — спрашиваю.

Когда она кивает, я запускаю пальцы в шелковистые пряди ее волос и сжимаю их в кулак. Пока она качает головой вверх и вниз, я задаю идеальный ритм.

Феникс не отдает мне контроль полностью. Ее маленький язычок дергает из стороны в сторону, ударяя то чувствительное место, где головка встречается со стержнем. Каждое движение отдается в яйцах, и мне требуется весь самоконтроль, чтобы заставить себя дышать.

— Ты так красиво сосешь мой член, — говорю я. — Прямо как я представлял.

Собственник внутри меня хочет спросить, где она научилась сосать с такой ловкостью и мастерством. Однако остальная часть разума посылает все к чертям и предлагает наслаждаться.

— Такая нетерпеливая маленькая шлюшка.

Позволяю ей продолжать в том же духе и проверяю реакцию на грязные словечки одобрения. Вопреки тому, что она сказала ранее, унижение не заставляет ее колебаться.

— Посмотри на себя, отсасываешь своему профессору. Пытаешься получить пятерку?

Феникс издает восторженный звук, который вибрирует над головкой моего члена. Пальцы одной руки бегают туда-сюда по внутренней стороне бедра, а другой массируют яйца. Она везде — вокруг моего члена, яиц, в моем сознании. Черт, я теряю себя из-за нее.

Моя спина выгибается, как рукоятка лука, и каждый нерв в теле натягивается. Я больше не контролирую удовольствие. В любой момент она ускорится, и я солью свое это ей в глотку.

Этот минет превратился в битву воли, и Феникс полна решимости довести меня до оргазма по команде.

Я крепче сжимаю ее волосы, пока она не издает болезненный звук, но даже он вибрирует на члене и подталкивает к кульминации.

Черт побери.

Она даже лучше, чем я представлял.

Хватка усиливается, пока она не смотрит на меня с болью в глазах.

— Вот и все, — говорю сквозь стиснутые зубы, потому что даже мои голосовые связки дрожат. — А теперь давай проверим твой рвотный рефлекс.

Поднявшись с трона, я заставляю ее немного отодвинуться назад, чтобы не упала. Она смотрит на меня, глаза широко раскрыты от удивления. Рука, которая массировала яйца, падает в сторону, а другой она держится за мое бедро.

— Я буду трахать тебя жестко и быстро, и ты примешь это. Если возникнут проблемы, похлопай меня по ноге. Поняла?

Она кивает.

Я крепко держу ее голову, толкаю бедрами и трахаю в горло жесткими толчками.

Она зажмуривает глаза и кашляет.

— Дыши через нос.

Феникс кивает, удушье проходит. Я делаю еще один резкий рывок бедрами вперед, заставляя ее вдохнуть через ноздри.

— Посмотри на меня, — шиплю я.

Когда она поднимает взгляд, ее красивые глаза блестят.

— Молодец, — бормочу я. — Так хорошо берешь член.

Она дышит громко и тяжело, слезы катятся по лицу.

— Помнишь, что делать, если тебе тяжело?

Она кивает.

Глядя прямо в глаза, я трахаю ее в горло как последнюю блядь. Пальцы сжимают мои бедра, но пока она не постукивает, я не замедляюсь.

Слюна стекает по ее подбородку, когда она полностью теряет контроль. Я влетаю в ее рот и выталкиваю, вздрагивая каждый раз, когда она глотает. Единственное, на что она способна в этом состоянии — цепляться за меня для равновесия.

— Не двигайся, — говорю я, хотя слова лишние.

Он останется здесь, пока я не буду удовлетворен.

Одна ее рука падает. Моя челюсть сжимается, пока я жду, когда она даст сигнал, что с нее достаточно. Но вместо постукивания она обхватывает мои яйца и сжимает их.

Гребаный.

Ад.

Мое зрение застилает белым, прежде чем мир рассыплется на осколки. Я взрываюсь глубоко в ее горле, мускулы содрогаются, когда она глотает мой член.

Горячая жидкость выплескивается поток за потоком. Феникс стонет, охает и сглатывает, но я едва слышу ее сквозь судорожное дыхание.

Я кончаю, кончаю и кончаю, как будто все оргазмы, которыми я наслаждался, когда смотрел, говорил или думал о ней, вернулись с удвоенной силой. Колени подгибаются, и только мышцы ног удерживают меня в вертикальном положении.

Когда оргазм затухает, она смотрит на меня, глаза расфокусированы, сперма стекает по ее губам.

— А мне теперь можно кончить? — спрашивает она.

Феникс заговорила без разрешения. Я не могу оставить это безнаказанным, но также не хочу сломить бунтарский дух, который дал мне лучший оргазм в истории.

— Давай перейдем к смотровому креслу, — говорю я, прерывисто дыша. — Я хочу проверить твою реакцию.

ФЕНИКС

Я падаю на задницу и вздрагиваю, когда мои горящие ягодицы ударяются о деревянный пол.

Профессор Сегал возвышается надо мной со своего трона, воплощение мужского величия. Татуировки на голой груди резко контрастируют с кожей, а с красным светом над головой кажется, что я нахожусь в похотливом круге ада.

В горле першит. Болит челюсть. Но это ничто по сравнению с пульсирующей потребностью внутри. Клитор такой горячий и набухший, что ощущение граничит с болью.

Он не позволял мне играть с собой во время минета, но ощущение огромного члена во рту и так возбудило до чертиков.

Я провожу языком по губам, слизывая горечь, и делаю пометку попросить его не кончать так глубоко. В следующий раз я хочу как следует попробовать его.

— Скоро ты научишься не говорить без разрешения, — его резкий голос прерывает мои мысли.

Моргая, я снова смотрю на профессора.

Он уже стоит, кожаные штаны снова на месте, и в целом выглядит настолько

собранным, что я начинаю задаваться вопросом, не был ли этот минет плодом моего воображения.

Что случилось с мужчиной, который стонал и дрожал от моих прикосновений?

Куда делся тот, кто чуть не потерял сознание, когда я дразнила его твердый член языком?

Исчез, его заменил суровый профессор, швырнувший стул через лекционный зал.

— Последние слова перед тем, как мы начнем, мисс Шталь? — спрашивает он.

По позвоночнику пробегает дрожь. Стараюсь не реагировать, когда она доходит до моего голодного сердца.

Несмотря на все усилия, я выпаливаю:

— Когда я кончу?

Улыбка, которую он мне дарит, настолько безумна, что желудок падает на пол. Вместо того, чтобы говорить, профессор Сегал шагает по комнате, оставляя меня сидеть на полу, как сломанную куклу.

Я оборачиваюсь и смотрю, как он останавливается у кожаного кресла, напоминающего кресло гинеколога. Оно наклонено назад, со стременами по обеим сторонам и низким табуретом, на котором врач может сидеть во время осмотра.

Профессор Сегал стоит за ним и кладет обе руки на спинку.

— Ты будешь сидеть здесь, а я закреплю твои руки и ноги кожаными наручниками. Затем проверю твою реакцию на несколько игрушек. Понятно?

Между ног пробегает жар, а сердце замирает в предвкушении. Он собирается вернуть должок. Может быть, он привяжет меня к этому приспособлению и будет дразнить фаллоимитаторами и языком, пока мои глаза не закатятся к затылку?

— Звучит отлично, — я кладу руку на сиденье трона и отталкиваюсь вверх.

— Ползи, — говорит он, и его слова прохладны, как ветерок.

Мои губы сжимаются в тонкую линию. Я бы пожаловалась на унижение, но это только поставит под угрозу мой оргазм.

Приближаюсь к нему на четвереньках, кожа зудит. Грудь налилась в тесном лифчике, а клитор набух так, что трется о ткань трусиков.

Профессор Сегал притопывает ногой.

— Поторопитесь, мисс Шталь. Мы же не хотим просидеть здесь до утра?

— Я иду так быстро, как могу, — ворчу, ускоряя темп.

Когда добираюсь до стула, он, наконец, позволяет мне встать, но только, чтобы я откинулась на спинку кресла и положила ноги на стул.

Он связывает запястья кожаными наручниками, свисающими со спинки.

— Скажешь мне, если будет слишком туго.

Сердце подпрыгивает.

— Да, сэр, — говорю хриплым от волнения голосом.

Он раздвигает мои бедра, ставя в стремя левую ногу, затем правую. Следующими он затягивает кожаные застёжки, фиксирующие бедра, колени и лодыжки.

Мои нервы расслабляются со странным ощущением спокойствия. Это приятное ожидание, которое переполняет меня перед массажем или перед тем, как Шарлотта заплетет мне волосы. Наверное, должна быть противоположная реакция на связывание, но меня греет

мысль, что я буду лежать беспомощная, пока он вылизывает мне киску.

— Как ощущения?

Я дергаю ограничители, проверяя их на прочность. Они мягкие, но крепкие и не поддаются мне.

— Хорошо, — бормочу я.

— Еще несколько корректировок, и мы начнем.

Он обходит спинку и крутит рукоятку. Подергивающимися движениями стремяна раздвигаются все дальше и дальше, раздвигая ноги, пока не начинают болеть бедра.

— Ты готова? — спрашивает он, нежно касаясь рукой моей руки.

Я облизываю губы, и энергично киваю ему.

— Всегда помни стоп-слово «желтый». Воспользуйся им, я приторможу и проверю, как ты.

Я хнычу, каждый сантиметр кожи покалывает в предвкушении, но, когда клитор продолжает тереться о трусики, я понимаю свою ошибку.

Профессор возвращается к трону и наклоняется, чтобы поднять бутылку с вином.

Мои брови хмурятся. Как, черт возьми, я получу куннилингус одетая?

— Сэр? — говорю я с придыханием.

Он оборачивается и смотрит так пристально, что я вздрагиваю.

— Ты говоришь только тогда, когда к тебе обращаются или если нужно использовать стоп-слово. Еще одно несанкционированное высказывание, и я воспользуюсь кляпом.

Мой рот закрывается.

Он подходит к низкой тележке с бутылкой вина, ставит ее наверх, затем идет к ящикам и выдвигает один посередине.

— В прошлую субботу я кое-что купил в «Красной комнате», представляя, как сильно тебе понравятся эти игрушки, — он усмехается. — С нетерпением жду, когда увижу, как мило ты умоляешь.

Вытягивая шею, я оглядываюсь, увидеть, что он делает, но вижу лишь отблески металла.

Желудок дрожит. Какого черта? Я думала, он будет использовать вибратор.

Примерно в это же время я понимаю, что мало чего знаю о профессоре, кроме поверхностной информации, которую я нашла в Интернете. Он читал лекции в Лондонской школе финансов, опубликовал несколько статей в некоторых финансовых и бухгалтерских журналах и выступал на некоторых конференциях.

До сих пор я не задумывалась над тем, почему ученый живет в доме стоимостью в миллионы фунтов или почему он уехал из такого престижного места, как ЛШФ, чтобы преподавать в глуши вроде Марина-Виллэдж?

Черт, черт, черт.

Во всех непристойных книжках, которые я читала, мужчины либо шлепали женщин, либо использовали кнуты, но никак не металлические предметы.

Я не в себе. Все, что я думала о сабах, было чушью. Теперь я понятия не имею, что будет дальше.

Что, если он как суд-мед эксперт Декстер³, который внешне кажется респектабельным, а на досуге убивает людей? Например, девушек, которые занимаются сексом по телефону с мужчинами, а потом шантажируют их?

Меня вот-вот трахнут, и не так, как я хочу.

— Профессор Сегал? — спрашиваю я тихим голосом.

Он стоит, держа в руках то, что я могу описать только как вертушку психопата. Нет, это круглый скальпель, но вместо лезвия он покрыт более чем дюжиной острых иголок.

— Да? — отвечает он с легкой улыбкой.

Я замечаю сразу три важные вещи.

Во-первых, в его штанах выпуклость, которая подсказывает, что он собирается заняться чем-то, что ему нравится больше, чем минет.

Во-вторых, в руке он держит что-то похожее на крошечные грабли.

В-третьих, он больше не наказывает за то, что я говорю без разрешения.

На коже выступил пот, и каждое нервное окончание покалывает от трепета. Моя киска, которая еще не в курсе происходящего, сжимается от желания.

В этом есть смысл. Зачем профессору заниматься такими тривиальными вещами, как разговор, когда он собирается...

— Для чего они? — спрашиваю я, прерывая свою истерическую спираль мыслей.

Он кладет их на поверхность тележки рядом с бутылкой вина и возвращается к ящикам, чтобы достать перочинный нож.

Я делаю глубокий вдох.

— Что вы делаете?

— Вы хотите использовать стоп-слово, мисс Шталь? — спрашивает он, его слова пронизаны весельем.

— Будет ли это иметь значение? — мой голос повышается на октаву.

— Ты можешь покончить с этим в любой момент, но это значит уйти отсюда без оргазма.

Как ни странно, предположение, что это просто что-то необычное, успокаивает меня, но я все еще шепчу:

— Зачем нож?

— В основном для игр, — говорит он, как будто ответ очевиден. — Но мы займемся этим в другой раз.

Я выдыхаю с облегчением, что мы не собираемся начинать с ножа. Теперь я чувствую себя душой, не назвав ему список ограничений, но я даже примерно не представляю, что мне нравится или не нравится в реальной жизни.

Если не считать пьяного секса на одну ночь, который я едва помню, то весь мой опыт строится на книгах.

Профессор Сегал катит тележку через игровую комнату ко мне. Я пытаюсь сесть, но стремяна приковывают к кожаному креслу.

Он резко открывает нож, и я вздрагиваю. Мой клитор, однако, пульсирует, как будто ничего страшного не происходит.

Я бы сжала бедра, но не могу из-за ремней.

Он приближается ко мне, его взгляд заставляет извиваться, и мое дыхание становится поверхностным. Внутри мерцает крохотный огонек надежды. Может быть, он воспользуется этим лезвием, чтобы освободить меня от нижнего белья, а затем сделает приятно языком.

— Пришло время проверить твою реакцию, — его голос холодный, клинический, расчетливый, и от него у меня дрожат внутренности.

Первым инструментом, который он берет, являются мини-грабли, которые состоят из нескольких тупых зубцов. Напряжение в груди немного ослабевает, и я говорю себе, что это просто игрушка.

— Это инструмент для щекотания клитора, — говорит он.

Мои глаза расширяются.

— Он так же чрезвычайно эффективен на груди. Хочешь попробовать?

— Да, — шепчу я.

Он проводит тупыми зубцами по внутренней стороне моего бедра.

— Как ощущения?

Удовольствие пробегает по нервам, словно статическое электричество, и собирается в клиторе. Я сжимаю зубы, пытаюсь сдержать стон, но он эхом отдается в груди.

— Хорошо, — пишу я, предвкушая, что почувствую его где-то еще.

— Я разрешаю тебе стонать, плакать и умолять сколько душе угодно, — говорит он с ухмылкой.

Слова ударили, как пощечина реальности, потому что я осознала его намерение вытянуть все это из меня.

— Подожди, — говорю я хриплым голосом. — Ты же не собираешься использовать эту штуку на моем клиторе?

— Возможно, собираюсь, — растягивая слова, проводит инструментом вниз по моему бедру.

Я сжимаю губы, решив взять все, что он даст и не отдать то, чего он хочет. Профессору Сегалу нравится унижение. Преклонение колен, ползание, целование ног.

Он учит меня наслаждаться его прикосновениями — может быть, пришло время научить его получать удовольствие от того, что делает мне приятно.

Он водит вверх и вниз по внутренней стороне бедер. Каждый раз, когда он приближается к моей ноющей от жара плоти, она пульсирует.

— А теперь? — он спрашивает.

Я резко вдыхаю и заставляю голос не выдавать волнения.

— Все в порядке.

Затем он проводит им по моей обтянутой тканью киске.

— И так?

— Ох, — выдавливаю я. — Н-неплохо.

Его глаза вспыхивают вызовом, и он проводит зубцами от одной стороны моей киски к другой. Он замедляется над клитором, вызывая смятение. Они похожи на маленькие металлические пальцы, поглаживающие чувствительный пучок нервов, воспаляющие линии динамита, прежде чем они встретятся внутри меня и взорвутся.

Бедра хотят сжаться вместе, но стремяна не позволяют. Я хочу выть от удовольствия, но слишком упряма для этого.

Теперь он помещает инструмент на холмик, в нескольких дюймах от прикрытого клитора. Делает паузу, чтобы встретиться со мной взглядом пронизательным взглядом, который говорит мне, что он анализирует каждый мой вздох.

Нежнейшим движением он скользит металлом по ткани. Я едва чувствую давление, но это призрачное щекотание растекается по моей коже.

Я закрываю глаза, потому что не хочу смотреть на него, когда эта штука достигает клитора.

— Глаза на меня, — он останавливается.

Мои веки распахиваются, и дыхание перехватывает. Как только он убедился, что завладел всем вниманием, зубцы ползут вниз.

Теперь удовольствие такое же прошибающее, как скрежет ногтей по классной доске, только я съеживаюсь не от дискомфорта, а от удовольствия. Издаю низкий стон, дрожу, и стараюсь не позволить глазам закатиться на затылок.

Профессор Сегал точно садист, и он только начал.

Прикосновение медленно спускается по моему клитору, заставляя бедра конвульсивно дергаться. Все это время я вглядываюсь в его пытливые черты.

Я была права насчет него.

Он сходит с ума от попыток, только сексуального характера.

Он полон решимости заставить меня умолять.

— Ну как? — спрашивает он, его голос дрожит от веселья.

— Может, еще раз попробовать? — мой голос дрожит.

Он не реагирует. Вместо этого завершает медленный путь вниз к внутренним и внешним губам, где удовольствие чуть меньше.

— Хммм... — протягивает он с любопытством ученого. — Если этого мало, то, возможно, мы можем перейти на колесо Вартенберга.

Прежде чем я успеваю спросить, о чем он говорит, он берет орудие с шипами.

Дерьмо.

ФЕНИКС

Я ошиблась, когда сказала, что у колеса Вартенберга дюжина шипов. Их не менее двадцати четырех. И в отличие от предыдущего прибора, все они очень острые.

— Что... — я прочищаю горло и набираюсь смелости. — Что вы собираетесь с этим делать?

— Колесо Вартенберга — это медицинский прибор, который используется для проверки чувствительности нервов, — говорит профессор Сегал, ведя колесом пыток по ладони.

Я сжимаю зубы.

Он не ответил на мой чертов вопрос.

Я вытягиваю шею, пытаюсь найти пятна крови, но даже следа покраснения нет. Но, может быть, это потому, что он не давит?

— Вы собираетесь использовать его на мне? — шепчу я.

— Вы хотите, чтобы я это сделал, мисс Шталь?

Горло сжимается, и я сглатываю.

— Это зависит от того, — говорю я, сохраняя размеренность в голосе. — Будет ли

больно?

Его глаза мерцают, а может быть, они сверкают злобой.

— Ровно также, как и приятно.

Прежде чем я успеваю запросить более приятную и менее зловещую пытку, он приближается ко мне с психо-вертушкой.

Кожу жалит, когда он проводит ею по внешней стороне бедер. Давление легкое и не длится достаточно долго, чтобы нервы опознали его как боль.

Это причудливая форма удовольствия, которая балансирует на грани опасности. Если бы он надавил сильнее, то порвал бы мне кожу.

Я быстро дышу, грудь вздымается и опускается, когда он катит колесо по тазовым костям и вверх по животу, где я немного более чувствительна.

— Как боль? — спрашивает он.

Теперь я задыхаюсь, мое сердце колотится, потому что иголки направляются к груди.

— Терпимо.

Он отвечает мрачным смешком, от которого волоски на затылке встают дыбом.

— Умница, ты хорошо справляешься, — размышляет он. — Кайфующая от боли маленькая шлюшка.

Жар внизу живота пульсирует в унисон с нарастающей паникой, и я хочу большего. Незнакомая часть меня наслаждается ужасом.

Это похоже на собственный фильм ужасов, где я героиня, отданная на милость плохому парню. И он хочет заставить меня кричать.

Профессор Сегал проводит прибором по моим ребрам, и каждый укол вызывает искры ощущений повсюду — вниз по животу, по груди, даже в глубине легких. Я бы заерзала, но не хочу, чтобы меня проткнули.

Когда колесо достигает пояса моего лифчика, ужас нарастает до такой силы, что у меня стучат зубы.

— Ааах...

— Есть что сказать, мисс Шталь? — он насмехается, как учитель, пристыдивший меня за болтовню в классе.

— Н-нет...

Он не такой. Он не станет. Черт, он же хороший.

Профессор Сегал нажимает колесом на чашечку лифчика, только на мне кружево, поэтому ткань не дает никакой защиты. Крошечные взрывы боли и удовольствия взрываются в груди, усиливаясь по мере того, как достигают соска.

— Пожалуйста, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

Он делает паузу.

— Красный, желтый или зеленый?

Я так задыхаюсь, что не могу подобрать слова. Мои бедра дергаются вверх и вниз, пытаюсь коснуться чего-нибудь, чего угодно, чтобы создать трение.

Профессор Сегал отодвигается на несколько сантиметров. Этот сукин сын с черным сердцем хочет, чтобы я трахала воздух.

— Ваши слова, мисс Шталь, — говорит он с равной долей строгости и садизма. — Они существуют для какой-то цели.

Он знает. Знает, как на меня действуют иголки. Точно знает, что мне нужно. Знает, что задразнил меня до той степени, когда это выходит за рамки разумного. Тем не менее, он

смотрит на меня сверху вниз, и его черты изображают маску безразличной интриги.

— Ради всего святого. Зеленый! — я начинаю плакать.

При первом уколе, который пронзает ареолу, моя спина выгибается.

Блять, блять, блять.

Это как удар током, только тока нет.

На секунду, хотя может быть и больше, все замирает. Я не могу двигаться, не могу дышать, я даже не уверена, что могу видеть. Затем воздух со свистом возвращается в легкие, и мое сознание с глухим стуком падает на кожаное гинекологическое кресло.

— Да, мисс Шталь? — говорит профессор Сегал.

Я сжимаю зубы.

— Прикоснитесь ко мне, — рычу я. — Пожалуйста.

— Именно этим я и занимаюсь, — он скользит колесиком по соску.

— Ммм... — я шумно втягиваю воздух, мои глаза расширяются.

Он смотрит на меня с абсолютно пустым выражением лица, но я знаю, что он смеется, по тому, как дрожит его грудь.

— Твоя чувствительность восхитительна, — говорит он без тени веселья, хотя в уголках глаз появляются морщинки.

— Рада предоставить Вам такое блестящее развлечение, — рычу я. — Надеюсь, вы удовлетворили свое любопытство? Теперь можно перейти к вашему языку у меня между ног.

Шлепок.

Удар ладонью по внутренней стороне бедра посылает эхо в самое ядро желания.

Мое лицо замирает.

Будь я проклята, если признаюсь, что это было горячо.

— Очаровательно, — он подводит колесом к другой стороне моей ареолы и обратно вниз.

Оно ходит туда-сюда, адское устройство поскрипывает на случай, если жертва забудет о двух дюжинах металлических игл.

Мышцы моей киски сжимаются и расслабляются в такт его движениям, а глаза закатываются к затылку.

Профессор Сегал перемещает колесо к другой моей груди, а затем нежно целует измученный сосок.

— У тебя красивая грудь, — его горячее дыхание жалит кожу сквозь кружево.

— И Вы ограничитесь только просмотром? — спрашиваю я напряженным голосом.

— Пока что, — он с ухмылкой отходит от моей груди и продолжает мучить другой сосок.

Я была возбуждена утром. Возбуждена, когда наряжалась для него. И когда ехала на автобусе в одном плаще. Я думала, что он трахнет меня за обеденным столом, но мы еще даже не начали.

Теперь уровень возбуждения невыносим.

Та часть меня, которая хотела отучить его от унижений, сдается, а остальная часть гордости превращается в пепел.

— Пожалуйста, — шепчу я.

Психо-вертушка останавливается.

— Вам есть, что сказать, мисс Шталь?

— Мне нужно...

— Да? — он наклоняется, его дыхание согревает мою шею.

— Вы знаете.

— Не стоит полагаться на предположения, — говорит он. — Лучше формулировать мысль четко.

— Трахни меня, — говорю я сквозь стиснутые зубы, теряя последние крупички самоуважения.

Он берет устройство, похожее на швейцарский нож, и вытаскивает штопор.

Мои глаза расширяются.

— Что Вы делаете?

— Вы испытываете жажду, мисс Шталь?

— Нет, — огрызаюсь я. — Вы уже достаточно меня напоили.

Его глубокий смешок заставляет меня напрячься. Почему он думает о вине в такой момент?

Профессор Сегал проводит пальцами одной руки по моей грудной клетке, заставляя меня наклониться навстречу его прикосновению. Наконец-то, что-то кроме шлепка.

Когда его рука достигает пояса трусиков, бедра приподнимаются в ожидании.

— Снимите их, — шепчу я. — Срежьте, если так нужно.

— И испортить прекрасный комплект белья? — спрашивает он, нахмурившись.

— Мне все равно.

Профессор замолкает.

— Нужно научить тебя не быть такой расточительной.

В горле раздаётся рычание разочарования.

Он проводит пальцами по трусикам, и кожа под кружевной тканью согревается от его прикосновения. Когда он отодвигает ее в сторону и обнажает киску, я делаю глубокий вдох.

— Ты прекрасна, — большой палец скользит по клитору, который теперь как раздраженный нерв.

Комплимент трогает мое эго. Я открываю рот, крик застревает в горле. Вот оно. Он сейчас спустится вниз и доставит мне удовольствие языком. Или пальцем. Все равно, хоть какие-то прикосновения.

После этого он может трахать меня, пока я не забуду свое имя.

— Ты такая мокрая.

— Да, — говорю я сквозь рваные вдохи. — Такое случается, когда заставляешь девушку ждать.

— В самом деле? — его голос становится жестче, и я уже чувствую, что он собрался преподать мне урок за сарказм.

Рот захлопывается. Внезапно его приказы хранить молчание обретают смысл. Прикосновение — это оружие в руках профессора, и он обращается с ним как виртуоз.

— Ты чего-то хочешь? — спрашивает он.

— Да.

— Тогда давай начнем с вина.

— Что?

Профессор встает со стула перед гинекологическим креслом, оставляя меня лежать с непристойно расставленными ногами. Клитор так чувствителен, что болит от прикосновения к кружевной ткани. Я смотрю на его широкую спину, мои бедра дрожат, пытаюсь создать трение. Возможно, из этого что-то получилось бы, если бы я не была такой

мокрой.

Мышцы внутри жалобно пульсируют, до ужаса хочется почувствовать наполненность. Я откидываю голову назад и глотаю стон. Любой другой парень уже трахнул бы меня, но этот просто хочет видеть, как я страдаю.

Я так поглощена своими отчаянными мыслями, что даже не замечаю возвращения профессора, который навис надо мной с бутылкой вина.

— Сансер, — говорит он. — Интересный выбор.

Я не собираюсь признаваться, что я читала об этом вине в «Пятидесяти оттенках», потому что он явно не Кристиан Грей. Я не помню, чтобы главную героиню хотя бы наполовину так беспощадно дразнили. На самом деле, они просто занимались сексом до того, как началось что-то серьезное.

Профессор Сегал приподнимает бровь, как будто просит прокомментировать выбор вина.

— Вам нравится? — спрашиваю я.

— Лучшее, что есть у Тэско, — говорит он так, как будто я вытащила бутылку из мусорки.

— Извините, что мне не хватает средств на покупку винтажного вина, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

Он хихикает, но в этом звуке есть нотка злобы.

— Ты должна знать о вине кое-что важное, — говорит он, и каждый слог скатывается с моей кожи, как ласка. — Даже то, что граничит с уксусом, может быть сносным, если его правильно подать.

Я сглатываю, в горле вдруг невыносимо пересохло.

— Правда?

Профессор Сегал переводит взгляд из стороны в сторону.

— Как жаль, что весь мой прекрасный хрусталь наверху.

— Что это значит? — мои брови сходятся.

Я так запуталась во всей этой болтовне. Он стоит там, глядя на меня горящими глазами, как будто ждет, что я выскользну из своих пут и принесу ему бокалы. Или графин.

Он проводит взглядом по моему телу и останавливается на промежности.

— Ты когда-нибудь слышала фразу «испить из Святого Грааля»?

— Нет.

Пока я качаю головой, в сознании уже рисуется образ профессора Сегала между моих ног.

Кожа электризуется от предвкушения, а бедра непроизвольно дергаются, словно пытаюсь привлечь внимание.

Его мрачный смешок заставляет мое дыхание участиться.

— Скоро узнаешь, что это значит.

Профессор Сегал со стуком ставит бутылку вина на тележку, и напряжение в животе немного ослабевает. Даже пальцы на ногах сгибаются, от осознания того, что произойдет дальше.

Он обходит стул и встает между моими ногами, прежде чем опуститься на него.

Я сглатываю, соски напрягаются.

Вот оно.

Момент, который я ждала. Вероятно, он из тех мужчин, которые предпочитают запить

вкус глотком вина. Мне все равно, если я кончу.

Он проводит кончиками пальцев по чувствительной коже бедер, заставляя кожу вспыхнуть. Удовольствие треплет нервы и оседает внутри.

Я содрогаюсь всем телом.

— Ааааах!

— Конечно, — он тянется к тележке и берет нож.

Мой пульс учащается.

— Я не против ножа, если он нужен, чтобы срезать белье.

— Спасибо за ненужное разрешение, — фыркает он и разрезает трусики по бокам.

В другой ситуации я бы разозлилась из-за сарказма, но я девушка, связанная и отданная на милость сексуальному садисту. Мне придется придержать язык и не отвлекать его, если я хочу когда-нибудь кончить.

Ткань свисает на одном бедре, и прохладный ветерок касается моих влажных складочек. Я поднимаюсь, насколько могу и обнаруживаю, что профессор смотрит на мою обнаженную киску.

— Какое аппетитное зрелище, — говорит он настолько низким голосом, что у меня все внутри скручивается.

Заткнись и отлижи мне, хочу я сказать, но вместо этого бормочу.

— Я такая мокрая.

— Я вижу, — он медленно проводит пальцем по моей дырочке, непристойно причмокнув, и очерчивает чувствительный вход.

Мои бедра дергаются, потому что я хочу почувствовать этот палец внутри прямо сейчас, но он убирает его. Я готова застонать от разочарования, но он делает то же круговое движение вокруг клитора.

— Нет никакой необходимости в дополнительной смазке, — говорит он так, будто сам с собой. — Ее здесь и так слишком много.

Сердце колотится, каждый удар отдается в ребрах. Что он собирается делать? Засунет в меня два пальца или член?

Он не делает ни того, ни другого.

Профессор Сегал тянется к тележке и берет бутылку вина.

— Что Вы делаете? — шепчу я, выпучив глаза.

— Разве ты не придала значения моим словам о важности хорошего графина?

— Конечно придала, — говорю я. — Но что Вы собираетесь делать с бутылкой?

— Лучше бы ты спросила, что я *не* собираюсь с ней делать.

В голову лезет догадка, и вместе с ней отвисает челюсть. Еще до того, как мозг успевает сгенерировать протест, я чувствую гладкий кончик пробки у своего входа.

У меня перехватывает дыхание, и я смотрю туда, где он держит бутылку.

— Профессор...

— Ты помнишь стоп-слово? — спрашивает он, не поднимая глаз.

— Да, но я не об этом.

Он поднимает голову и наконец встречается со мной взглядом.

— Единственное, что я хочу услышать от тебя, это «красный», либо «желтый». Любая другая болтовня будет рассматриваться как фоновый шум.

— Но, но, но...

Я качаю головой, все мое тело сжимается в кресле.

Пробка по ощущениям сухая. Он не просто сухая, она имеет особую текстуру, которая явно не должна находиться в подобном месте.

Он приподнимает бровь, его губы изгибаются в кривой ухмылке.

— Скажи слово, и я остановлюсь.

Горло пересыхает, а глаза горят так же, как и щеки. Я не должна позволять ему трахать меня горлышком винной бутылки, особенно той, которую я купила ему в подарок. Это более чем унижительно.

Почему я не использую стоп-слово?

Я знаю почему.

Он дразнил меня своим красивым лицом, манящими глазами и богоподобным телом. И я не видела его член в действии по-настоящему. Минет не считается. И теперь я готова на все, чтобы получить его.

Унижение просачивается в душу, делая дыхание быстрым и поверхностным. Как я могла думать, что контролирую ситуацию?

— Просто сделай это, — говорю я.

Профессор вставляет в меня горлышко бутылки, и я сжимаю гладкое прохладное стекло, пока напряжение не становится невыносимым.

Из груди вырывается звук, больше похожий на стон.

— Видишь, как хорошо ты принимаешь ее? — говорит он с оттенком гордости.

В сердце вспыхивает теплое пламя, как будто я рада, что он впечатлен. Я поворачиваю голову в сторону, не в силах встретиться с ним взглядом.

Он мог бы использовать пальцы, фаллоимитатор или даже собственную бутылку, но это более чем неловко.

Я не могу смотреть ни на него, ни на себя.

Он поглаживает внутреннюю часть моего бедра, посылая волны удовольствия. Мышцы немного расслабляются, и он проталкивает бутылку глубже.

Горло предательски испускает стон удовольствия. Никогда в жизни я не чувствовала такого растяжения.

— Умница, — бормочет он.

Какая-то особенная легкость появляется в груди. Это не гордость и не удовольствие от его похвалы. Этот мужчина видит меня на дне, но принимает.

Голос в глубине подсознания напоминает, что именно из-за него я привязана к гинекологическому креслу с половиной бутылки в вагине, но его палец скользит по горячему клитору, и все сомнения испаряются.

— Ты — моя персональная маленькая шлюшка, — говорит он с потрясающе шикарным акцентом и вытаскивает бутылку.

Моя грудь сдувается, и я почти разочарована, когда напряжение спадает, но он вталкивает ее обратно.

— А-а-а-ах...

Мои бедра сгибаются.

— Вот и все, — говорит он, его голос становится хриплым. — Принимай ее как хорошая девочка.

Профессор Сегал отстраивает ритм движений бутылкой, и я двигаю бедрами, усиливая трение. Чем сильнее он трахает, тем больше моя киска сжимается вокруг стекла.

Пот выступает на лбу, мышцы дрожат. Я стискиваю зубы от интенсивных пульсаций,

растяжения и рывков. С каждым толчком пробка задевает точку внутри, из-за которой в глазах темнеет.

Удовольствие накапливается внизу живота. Самые странные ощущения из-за сухой пробки. Она гладкая, но как-то цепляет ту часть меня, до которой я никогда не могла дотянуться пальцами или игрушкой.

Моя киска напрягается, сжимается, ограничивая толчки, которые профессор Сегал делает бутылкой. Затем мощное удовольствие закручивает внутренности, как штопор.

Прежде чем я осознаю это, оргазм прорывается сквозь меня с криком, за которым следуют волны жидкого экстаза. Я запрокидываю голову и стону.

Профессор Сегал замедляет движения и синхронизирует их с моей кульминацией, пока все, что от меня остается, не превращается в лужу стонов и судорог.

— Умница, — говорит он. — А теперь давай посмотрим, насколько хорошо ты приправила Сансер.

МАРИУС

Самым медленным движением я вынимаю бутылку с вином и наслаждаюсь тем, как тугая маленькая киска Феникс сжимает цветное стекло. Ее клитор все еще красный и налитый, несмотря на оргазм, что указывает на готовность к большему.

Член с одобрением упирается в ткань кожаных джинсов. Она умеет сквиртить. Я могу утверждать, только взглянув.

Даже, если предположение ошибочно, через время я буду пить из нее.

— Что Вы планируете делать? — спрашивает она.

— Испить из твоего Святого Грааля, — говорю я с ухмылкой. — Не могу дождаться.

Она поднимает голову и смотрит на меня широко раскрытыми глазами, тяжело дыша через приоткрытые губы. Она смущена, но тело сочится развратом.

Приходится приложить все усилия, чтобы не хмыкнуть. Хедвига Феникс Шталь зарекомендовала себя как очаровательную игрушку. И стоит она бесконечно больше, чем ежемесячное пособие, которое требует.

— Подождите, — она извивается в ограничениях. — Вы же не собираетесь...

Жар пронзает пах. Часть меня, которая наслаждается тем, что калечит ее невинность,

урчит от удовольствия.

Я поднимаю бровь.

— Закончи предложение, — говорю я, пытаюсь скрыть волнение в голосе. — Смелее.

— Вы не нальете вино в мою... — она сжимает губы.

— В твою...

Я позволяю голосу умолкнуть, потому что поглощен жуткой смесью внимания и возбуждения.

— Я пришла сюда не за этим, — говорит она сквозь стиснутые зубы.

— У меня сложилось впечатление, что как раз за этим, — мой взгляд падает на ее влажные складочки. — Или я ошибся, и это не ты стонала, сжимаясь вокруг бутылки?

— Вы намеренно неправильно меня понимаете.

Мне нужно приложить все усилия, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица, пока я регулирую кресло так, чтобы ее таз поднимался вверх.

— Просвети меня.

— Член, — огрызается она. — Вот, за чем я пришла.

Я потираю подбородок.

— Боже, какая распутная юная леди.

Она скалит зубы.

— Вы не нальете в меня вино. Я не позволю.

— Снова?

Она отступает.

— Что?

Я кладу руку за ухо.

— Я слышу одни жалобы и ни разу не было стоп-слова.

Ноздри Феникс раздуваются, а грудь вздымается и опускается от частых вдохов. Она натягивает манжеты запястьями и сжимает руки в кулаки. Но не обманывает меня этими протестами.

— Ты из тех женщин, которые слишком стыдятся признать свою слабость к извращениям, — говорю легко, как будто просто размышляю.

— Вы можете сделать такой вывод после одного разговора? — спрашивает она с раздражением.

— То, чего ты не сказала, куда важнее.

Ее глаза сужаются, прежде чем вспыхнуть от понимания.

Я киваю.

— Все это может закончиться одним словом, но ты плачешь и скулишь, а не используешь его. Почему? Потому что хочешь этого так же сильно, как и я, но пытаешься снять с себя ответственность, демонстрируя сопротивление.

Ее щеки пылают тем же оттенком, что и лампочки.

— 3-заткнись.

— Не волнуйся, милая шлюшка, я возьму на себя всю ответственность за сегодняшние распутства.

Феникс закрывает рот.

Человек получше чувствовал бы хоть капельку вины за то, что вывернул наизнанку ее слабости, но я никогда и не говорил, что я хороший.

Горлышко бутылки мокрое от ее соков, настолько, что выскользывает из рук. Требуются

все усилия, чтобы не облизать его дочиста, но приличия нужно соблюдать, по крайней мере, на первом свидании.

Проткнув ее штопором и сделав несколько поворотов, я откупориваю бутылку с приятным хлопком.

Ноздри наполняются смешанным букетом белого вина и мокрой киски, а член каменеет до предела. Видимо, унижение таких дерзких девушек, как Феникс, творит чудеса с моим периодом одиночества и равнодушия.

Я тянусь к U-образной силиконовой игрушке, которую купил в «Красной комнате», и подстраиваю тонкие ручки.

— Что это такое? — голос Феникс дрожит.

Я поднимаю розовато-лиловый предмет в ее поле зрения.

— В данном случае следовало бы использовать металлический инструмент, чтобы держать тебя открытой, но это лучшее, что я мог найти в кратчайшие сроки.

— Это не ответ, — рычит она.

— Разве ты не слышала о гинекологическом зеркале?

Она качает головой.

— Влагалищное зеркало, зеркало Куско? — спрашиваю я.

— Нет, но начинаю понимать суть, — ее голос дрожит.

Мои губы дергаются.

— Это позволит открыть тебя достаточно широко, чтобы вместить необходимое количество вина.

— Вот дерьмо, — она откидывает голову назад и стонет.

— У меня нет страсти к копрофилии, но если ты настаиваешь...

— Нет, — кричит она.

Я смеюсь.

— Лежи спокойно и не пролей ни капли.

— Это сложно, учитывая, что я не чашка. Может быть, вы все же сходите наверх за бокалом? — говорит она, повышая голос. — Или выпьете прямо из бутылки?

— Ну же, мисс Шталь. У нас был этот разговор. Любые дальнейшие выпады с вашей стороны будут меть последствия.

— Но...

Я с силой шлепаю ее по внутренней стороне бедра.

— А-а-а-а! — она откидывает голову и тяжело задыхается.

Шлепок!

Она двигает бедрами, киска блестит от растущего возбуждения.

Я хочу исследовать эту тягу к боли, но она уже настолько неприлично мокрая, что с вином пора двигаться дальше.

— Я собираюсь засунуть изогнутую часть этой игрушки в твою тугую маленькую дырочку, — произношу каждое слово, наслаждаясь тем, как она хнычет. — А когда ты раскроешься передо мной, наполню тебя вином.

— Нет, — стонет она.

— Рад, что ты одобряешь.

Смазки так много, что силиконовая игрушка беспрепятственно скользит внутрь. Она работает как зеркало и раздвигает стенки при помощи лишь двух тонких язычков, которыми я могу регулировать ширину растяжения.

Внутренние мышцы Феникс смыкаются и сжимают язычки игрушки вместе.

— Расслабься, — я нежно шлепаю ее.

Киска снова сжимается, прежде чем мышцы слабеют.

— Хорошая девочка.

Мышцы дергаются, а клитор наливается под моим взглядом.

Я истекаю слюной. И не в ожидании питья вина. Каждая часть этой женщины вызывает у меня бесконечное восхищение.

Раздвигаю язычки игрушки, снова открываю ее и мысленно делаю пометку купить еще одну из нержавеющей стали... или титана.

— Сейчас, — говорю, поднося горлышко бутылки к ее блестящей дырочке.

Она издает жалобный звук, но тело реагирует так же, как когда я ее похвалил.

Наклонив бутылку, наливаю достаточно жидкости, чтобы заполнить рюмку. Она снова дергается, и вино стекает по губам к заднице. Я подхватываю струйку и выпиваю жидкость до того, как она успевает ее вытолкнуть.

Горячее тело разогрело «Сансер» выше температуры, подходящей для белого вина, но также сделало посредственный «Совиньон Блан» восхитительным. Я глотаю жидкость, напевая одобрение, и облизываю ее дочиста.

Феникс стонет, ее бедра дергаются. Я чувствую, как пылающий клитор трется о кончик моего носа. Проникаю языком внутрь, преследуя аромат.

Кровь приливает к члену с каждым ее криком, и я так возбужден, что кружится голова. Каждая металлическая пуговица на ширинке тупым ножом врезается в ствол. Мне нужно исправить ситуацию — сейчас, прежде чем я потеряю контроль.

Феникс не просто полностью в моей власти, она доверила мне и свое удовольствие, и безопасность.

Я отстраняюсь и встречаю жар в ее глазах.

— Еще? — спрашиваю я.

— Пожалуйста, — говорит она с отчаянием, от которого у меня начинает болеть член.

Нижняя половина тела остается совершенно неподвижной для следующей порции, даже несмотря на то, что ее грудь поднимается и опускается, как кузнечные мехи. Кружево лифчика скрывает соски, и я жалею, что не заставил ее раздеться.

Еще будет время.

В этом я уверен.

Следующая порция почти не расплескивается, поэтому, когда я прикасаюсь ртом ко входу, остается еще немного вина. Я глотаю пьянящую смесь «Сансер» и Феникс, наслаждаясь тем, как она дрожит и стонет.

— Твоя киска выглядит прекрасно с этим вином. Зачем мне хрустальные бокалы, когда есть ты?

Я сбрызгиваю ее вином, позволяя ему стекать по набухшему клитору, половым губам и заднице.

Феникс хнычет.

— Пожалуйста.

— «Пожалуйста», что? Мисс Шталь, — говорю я срывающимся голосом. — Выразитесь четче.

— Вылижи меня.

Отчаяние в ее тоне бьет прямо по яйцам. Все мысли об игрушках, вине и шантаже

исчезают, оставляя мое обнаженное желание.

Я наклоняюсь вперед на стуле и исследую каждую складочку и контур ее киски своим языком, запоминая, какие места заставляют ее задыхаться, какие заставляют стонать. Приходится облизать ее несколько раз, чтобы убрать все следы вина, и теперь все, что осталось, это Феникс.

Вкус невероятный — теплый и насыщенный. Я вытаскиваю силиконовую игрушку из влагалища, желая держать ее открытой только губами, пальцами и языком.

До сих пор я едва касался клитора. Провожу кончиком языка вокруг его основания, и Феникс шипит сквозь зубы.

— Зде-есь, — хныкает она, растягивая букву «е». — Еще, пожалуйста.

Я провожу языком по набухшему бугорку и просовываю палец в ее дырочку. Внутренние мышцы плотно сжимаются вокруг пальца, что объясняет, почему мне было трудно удерживать силиконовую игрушку открытой.

— Боже, какая ты тугая, — рычу я.

— Это чтобы лучше трахать тебя, внучек, — говорит она сквозь стиснутые зубы.

Отсылка к Красной Шапочке ослабила сексуальное напряжение, настолько, что я фыркнул от смеха. Феникс — это восторг, и я с нетерпением жду возможности узнать больше.

— Продолжай болтать, — говорю я, касаясь губами сладкого клитора, — и я забуду, зачем здесь.

— Нет, извини, пожалуйста, — говорит она, дергая бедрами.

Продолжается ряд бессмысленных слов, которые все сводятся к мольбе о продолжении.

Шлепок! Легонько хлопаю ее по внутренней стороне бедра.

— А-а-а! — выкрикивает она со смесью удивления и восторга.

— Не разговаривай, пока я занят, — говорю с ухмылкой.

Феникс замолкает.

Я смыкаю губы вокруг ее клитора, осыпая его французскими поцелуями, которые заставляют ее вздрагивать и стонать. Единственный оставшийся след вина — это запах, но он едва заметен под жаром ее возбуждения.

Бедняжка стонет и дрожит подо мной, пока я довожу ее до апогея криков. Я тону в Феникс. Она везде — на языке, в ушах, проникает в каждый нерв.

Даже не задумываясь, я расстегиваю пуговицы на джинсах и шлифую член в такт ее стонам.

Я никогда не исходил желанием настолько, особенно сразу после оргазма, но есть что-то в этой девушке, взрывающее мое либидо. Она мой личный афродизиак, посланный провидением, чтобы облегчить мое пребывание в этом унылом приморском городке.

Прежде чем я успеваю подумать, что буду делать с ней, когда моя миссия будет завершена, она издает жалобный звук, от которого звенит в ушах. Ее ноги дрожат в стременах, а тело бьется в конвульсиях.

Мышцы сжимаются вокруг пальца вспышками, которые я почти ощущаю вокруг своего ствола.

Эйфория берет верх над чувствами. Яйца напрягаются, и я кончаю в горячем порыве, выплескивая сперму на пол.

Наклоняюсь вперед, мой язык медленно очерчивает круги вокруг ее пульсирующего клитора.

— Еще, — говорит она, тяжело дыша.

Могу ли я возбудиться еще раз сегодня?

Если Феникс будет моей музой, то ответ утвердительный.

ФЕНИКС

Челюсть валяется где-то внизу, я лежу на спине под странным углом, и вся кровь приливает к голове.

Я никогда не кончала так сильно.

Нет, не то.

У меня никогда не было оргазма, который был таким сильным и длился так долго. Язык профессора Сегала лениво очерчивает круги по клитору, ощущения не проходят, в то время как палец внутри давит на одно и то же место снова и снова, заставляя дергаться и сокращаться по его команде.

Он хочет добить?

После очередного оргазма становится ясно, что догадка верна. Профессору не нужны орудия убийства, когда у него есть пальцы и язык.

— Пожалуйста, — мольба срывается с губ. — Не надо больше...

Он издает довольное урчание, больше похожее на рык.

— Ты примешь все, что я тебе дам.

Восторг нарастает глубоко внутри, и нервы покалывают.

— Ох, — говорю я сквозь тяжелое дыхание. — Но я не могу кончить по команде.

— Будешь умницей и кончишь для меня еще раз, — бормочет он. — Но на этот раз я хочу сквирт.

Он сумасшедший, если думает, что может просто указать женскому телу, как работать, но волна удовольствия останавливает меня от озвучивания этого факта.

Его пальцы набирают скорость, терзая то место внутри, которое зажигает фейерверк.

Вот дерьмо. Это происходит снова.

Я дергаюсь в фиксаторах, не зная, хочу ли уползти от его прикосновений или просить о большем.

— Вот так, — бормочет он. — Ты хорошо справляешься.

Мое сердце переполняет похвала.

Профессор Сегал работает пальцами, пока количество лампочек в потолке не удваивается. Вспышки застилают зрение по краям.

Дыхание учащается, и пот выступает на коже.

Этот сукин сын каким-то образом уговаривает мое тело кончить по его команде.

— Нет, — шепчу, потому что не хочу, чтобы он останавливался.

Пульсация внизу такая сильная, что ноги дрожат. Дыхание профессора ласкает каждый дюйм кожи.

Жарко, все колит, я как оголенный провод.

Удовольствие вспыхивает, и глаза закатываются к затылку. Весь мир сужается до языка на клиторе, и пальца, ласкающего киску.

Ощущения растут, растут и растут, но он не прекращает, затем оргазм обрушивается, как цунами, и я шумно вдыхаю воздух.

Волна за волной удовольствие накрывает, заставляя тонуть снова и снова.

Профессор Сегал удовлетворенно фыркнул, но продолжил движение пальцами, посылая волну ощущений через тело.

— Нет, — качаю головой из стороны в сторону. — Слишком много... я не могу... я сейчас умру.

Не осознаю, что произношу слова вслух, когда вдруг слышу ответ:

— Ты возьмешь все и будешь наслаждаться.

Взрыв охватывает киску, живот, и я содрогаюсь в конвульсиях. Язык профессора замедляется — слава богу, он не давит сильнее на это чувствительное место.

Спина выгибается, и я воплю, как ошпаренная кошка, наконец, выталкивая его палец. Он возобновляет трение, только замедляясь по мере того, как волны удовольствия становятся менее интенсивными.

— Хорошая девочка, — говорит он, голос такой теплый.

Я слишком занята, чтобы купаться в его похвалах. Вместо этого пытаюсь отдышаться и сморгнуть пятна перед глазами.

Вдруг он исчезает, отходит, оставляя меня одну. Но мгновение спустя он подносит бутылку к моим губам. Я дергаю головой в сторону, думая, что это вино.

— Вода, — говорит он. — В следующий раз я хочу, чтобы ты сквиртила. И обезвоживание тебе не поможет.

— Не надо, — зажмуриваюсь и мотаю головой из стороны в сторону.

Тот первый оргазм был замечательным, второй и третий интенсивными. Но четвертый уже был разрушительным, а дальше...

— Пей, — он снова подносит бутылку к губам.

Только когда прохладная жидкость скользит по языку, понимаю, что у меня пересохло во рту, а горло охрипло. Я делаю глотки, наполняя пустой желудок, который выбрал именно эту минуту, чтобы заурчать.

Профессор напрягается.

— Ты голодна.

Мои щеки заливает жар, и я отвожу взгляд.

— Посмотри на меня.

Поворачиваю к нему голову и смотрю сквозь ресницы. Это не должно быть таким унижительным — мужчина заставил меня сползать по лестнице в нижнем белье, затем скулить под шпуклой в форме грабель, а после еще выпил из меня вина.

Почему-то признание, что я голодна, кажется мне хуже.

— Я хочу видеть твои глаза, — сурово говорит он.

Мой взгляд останавливается на нем.

Все следы легкомыслия исчезли, он снова стал человеком, швырнувшим стул через лекционный зал.

Живот скручивает.

— Наше соглашение не даст результат, если ты не будешь честна. Это понятно?

Я мягко киваю.

Он смотрит так пристально, что становится некомфортно, а затем говорит:

— Я хочу тебя услышать.

— Да, сэр, — бормочу я.

Профессор Сегал отходит, ослабляя давление взгляда, и я, наконец, выдыхаю с облегчением.

Он регулирует гинекологическое кресло, чтобы я снова сидела прямо, а затем расстегивает наручники. Кровь растекается по телу, и я пытаюсь сморгнуть красноту с глаз, прежде чем понимаю, что это свет.

Сведя вместе стремена, чтобы ноги могли расслабиться, он расстегивает манжеты на коленях и лодыжках. У меня будто не хватает костей, чтобы слезть с кресла, слишком сильна слабость, чтобы даже подумать о попытке двигаться.

Профессор Сегал стоит рядом и смотрит на меня сверху вниз, как на потерянного котенка, которого он нашел дрожащим на обочине. По крайней мере, так кажется.

Не могу сказать наверняка, собирается ли он избавить меня от страданий и предложить блюдо молока.

Он просовывает одну руку под спину, другую под ноги и подхватывает на руки.

Мое сердце переворачивается.

— Куда мы...

— Никаких оргазмов, пока ты не поешь.

Напрягаюсь, но он наклоняется, чтобы опустить мою голову на свое широкое плечо. Никто никогда меня так не носил, по крайней мере, я такого не помню. Никто никогда не заставлял меня чувствовать себя такой любимой и защищенной.

Это... неожиданно.

Я расслабляюсь у него на груди и закрываю глаза.

— Но ты сказал, что хочешь заставить меня сквиртить, — говорю тихим голосом.

— У тебя будет достаточно времени, чтобы научиться кончать под моим руководством.

— Ты говоришь почти как профессор, — бормочу я.

Он фыркает и несет меня в другой конец комнаты. Мы направляемся к кровати с балдахином, но веки слишком отяжелели, чтобы все разглядеть.

Он опускает меня на кожаный матрас, и ноздри наполняются ароматом полироли. Руки падают в стороны, и я жду, что он закрепит их у меня над головой, но вместо этого садится рядом и начинает массировать запястья.

— Что ты делаешь?

— Проверяю, чтобы манжеты не причинили никакого вреда.

— Ох, — мои брови сходятся. — Ты хочешь меня связать?

— А ты? — спрашивает он с мрачным смешком.

— Может быть.

Он отпускает одно запястье, прежде чем взяться за другое. Его прикосновения удивительно нежны для человека, который прижимал меня к столу и рычал в лицо.

— Ты делаешь это со всеми своими подружками? — сдержанно говорю, пытаюсь скрыть настоящий вопрос.

— Я забочусь о том, что принадлежит мне, если ты спрашиваешь об этом.

В его тоне есть легкость, которая подразумевает, что он намеренно обходит стороной вопрос, но я слишком голодна и измотана, чтобы настаивать на ответах.

Черт. Почему я вообще спрашиваю? Последнее, что мне сейчас нужно, это привязаться.

Растерев лодыжки и колени, он обнял меня и помог сесть. Я опускаюсь на мягкий кожаный подголовник и, наконец, открываю глаза, чтобы увидеть, как он смотрит оценивающим взглядом.

Все тело напрягается. Он решает, стоит ли меня оставить?

— Что? — наконец спрашиваю я.

— Произошло ли сегодня что-то, с чем ты не смогла справиться?

— Все было хорошо, — отвечаю я.

Хорошо?

Понятия не имею, почему дала такой скромный ответ, когда это был самый приятный и волнующий опыт в моей жизни. Может быть, какая-то часть меня подозревает, что это единичный случай, и он забудет все, что мы сегодня делали, как и обещания о финансовой поддержке.

Я хочу спросить, но любой намек на отказ, даже самый прозрачный, может лишить меня равновесия.

— Я принесу еды, — говорит он. — Оставайся на месте, иначе будут последствия.

— Какие?

— Болезненные, и не приводящие к оргазму, — он поворачивается на каблуках и выходит из комнаты.

— Я все равно не могу двигаться, — бормочу я себе под нос.

— Я слышал, — отвечает он из коридора.

Теперь, когда у меня немного более ясная голова, я, наконец, могу осмотреть свое окружение. Это не игровая комната, а секс-пыточная, и это безумие.

Все пространство более чем в два раза больше его гостиной, а трон расположен вдали, напротив кровати. Рядом стоит кожаный шезлонг, куда, я думаю, он бросил бы измученную рабыню.

Помимо гинекологического кресла есть и другие предметы извращенной мебели —

клетка, которая немного просторнее гроба, скамья для порки, которую можно использовать как место для анального секса, кожаный диагностический стол и стойки для пыток напротив стены.

И это не считая рядов игрушек. Похоже, он купил весь каталог «Красной комнаты», включая все, что было в кладовке.

Я продолжаю поражаться тому, сколько усилий профессор Сегал вложил в это извращение, когда он появляется в коридоре с огромным подносом.

Желудок урчит в предвкушении еды, и я выпрямляюсь на кровати.

— Ты не упоминала об особенностях своей диеты, когда мы договаривались об ужине. Здесь всего понемногу, — говорит он почти смущенно.

— Я ем все, — говорю с усталой улыбкой.

Он ставит передо мной колбасную доску, которая выглядит так, словно приготовлена для греческого бога Аида. Она сделана из крапчатого оливкового дерева, окрашенного в темный цвет, и покрыта деликатесами, которых хватит на шестерых.

Маленькие миски с миндалем, оливками, нарезанным инжиром, красным виноградом и соусами лежат среди нарезанного мяса и сыров. Ближе к краю лежит хлеб трех видов, и каждый выглядит так, как будто он из той самой дорогой пекарни на главной улице.

Профессор Сегал возвращается с кувшином сангрии и наливает мне бокал.

— Тебе дать халат?

Когда я нерешительно киваю ему, он исчезает за красной занавеской.

Подношу сангрию к губам и смачиваю язык фруктовым красным вином.

Профессор Сегал — это все, о чем можно было мечтать. Он сексуален, умен, великодушен и умеет доставлять женщине удовольствие.

Под его суровой внешностью скрывается человек, которому на самом деле не все равно. Он полная противоположность мальчиков из университета, которые исчезают, получив то, что хотели.

Любая может привыкнуть к такому мужчине.

Я беру кусок хлеба с оливками, макаю в соус и добавляю ломтик чего-то похожего на ростбиф. По сравнению с лапшой быстрого приготовления, вкус просто райский.

Должен быть подвох. Никто не может быть таким идеальным.

Профессор Сегал переехал в Марию-Виллэдж, чтобы заменить профессора Экхарта. Он вернется в Лондон, как только старик поправится и сможет приступить к своим обязанностям, а обо мне забудет. Или же найдет более опытную сабу.

Такие девушки, как я, не могут заручиться даже заботой и верностью собственного отца, не говоря уже о мужчине. Это только вопрос времени, когда профессор Сегал переключится на другую.

Он возвращается с пушистым халатом на плече, но мой взгляд цепляется за то, что он держит в руках. Это небольшой набор для фондю, наполненный растопленным шоколадом, и у него блестят глаза.

Поставив фондю, он помогает мне надеть халат и ложится рядом. Я жду объяснений, но вместо этого он обнимает за плечо и прижимает к себе.

Мягкий поцелуй в висок заставляет растаять у него на плече. Кто бы мог подумать, что профессор Сегал любит обниматься?

— Я позволю тебе спокойно поужинать, — говорит он низким и достаточно соблазнительным тоном, отчего у меня учащается пульс. — Но тебе придется заслужить

десерт.

МАРИУС

Мы еще даже не трахались, но я твердо верю, что Феникс Шталь — восьмое чудо света. Она потеряла сознание, как только оказалась на кровати, но щеки все еще сияли румянцем.

Ее образ олицетворяет чистоту: розовые губы, высокие скулы и дерзкий нос с россыпью веснушек. Волосы разметались по черной подушке каскадом свободных волн, оттененных медью в красном свете.

Изысканна.

Если бы у меня был талант к живописи, я бы назвал эту картину *«Развернутая невинность»*.

Никогда не встречал женщину, которая бы соответствовала моим требованиям. Лучшие из них обычно использовали стоп-слово «желтый» примерно после седьмого или восьмого оргазма, но не она. Она брала все, что я ей давал, и требовала большего.

Такая девушка достойна завтрака принцессы.

Я целую ее в лоб и иду через игровую комнату, уже оценивая, что у меня есть в холодильнике, чтобы зарядить ее энергией. Яйца, копченый лосось, фрукты, греческий йогурт? Ей понравится икра? Я качаю головой. Возможно, не на первом свидании.

Звук вырывает меня из задумчивости. Я останавливаюсь у двери, чтобы мельком разглядеть ее сквозь шторы, но похоже, что она просто шевельнулась во сне.

Дай ей отдохнуть. Ей нужны силы для предстоящего.

Приходится прищуриться, когда я вхожу на кухню. Солнечный свет, льющийся из внутреннего дворика, неожиданно яркий. Он отражается от приборов из нержавеющей стали, сланцевых столешниц и белых поверхностей, вызывая пульсацию в голове.

Сколько сейчас времени?

Мой взгляд падает на кухонные часы. 10:23? Я не из тех людей, кто спит настолько долго, но как часто я успеваю получить удовольствие от сабы до момента, когда истечет время или она применит стоп-слово и уйдет?

Жар заливает пах, и член подает признаки жизни в серых спортивных штанах, которые я натянул вместо кожаных джинсов.

Наполняю чайник, затем открываю один из стеклянных шкафов и достаю кофейник. Моя рука скользит к подбородку. Феникс захочет горячий шоколад?

Я мог бы сделать три разных и дать ей выбрать.

Звонит стационарный телефон, прерывая идиллию. Только один человек знает этот номер, — ублюдок, которому принадлежит дом.

Не обращая внимания, я иду к холодильнику. Он огромный, белый, с несколькими дверцами и отделением для вина справа, а так же ящиками для глубокой заморозки снизу и полноразмерным холодильником слева.

Телефон продолжает звонить, и я начинаю скрипеть зубами. Лучше жить в лачуге и быть свободным, чем купаться в роскоши под крылом Криуса Ванира.

Надеюсь, он не причинил матери вред. В противном случае...

Ярость обрушивается на меня, как приливная волна, окрашивая все вокруг в красный. Я сжимаю ручку холодильника, пока костяшки пальцев не начинают белеть. Ярость, горячая и бессильная растекается по венам.

Я не видел Криуса с тех пор, как выстрелил ему в грудь в шестнадцать лет. С того момента у него хватало здравого смысла избегать меня, и теперь он общается только по телефону.

Потому что мы оба знаем, в следующий раз я не промахнусь.

Телефон перестает звонить, и я рывком открываю дверцу. Только я собираюсь вытащить лоток яиц, как снова звонит телефон.

Ноздри раздуваются. Настойчивая сволочь не остановится, пока я не отвечу, а если я вырву телефон из розетки, он пошлет гонца.

Я бегу через комнату и беру трубку.

— Что?

Он делает паузу.

— Так ты приветствуешь отца?

Десять лет назад я мог бы возразить, но Криус наслаждается враждебностью и презирает равнодушие. Я не доставлю ему удовольствия понять, что он добился, чего хотел.

Молчание затягивается. Я бы закатил глаза, но не смогу сдержаться и не цокнуть языком.

— Я попросил отчет о проделанной работе, — говорит он.

— В воскресенье утром? — отвечаю я. — Сомневаюсь, что наш объект посещает церковь

— Очень забавно, мой мальчик.

Я сжимаю зубы, сожалея о саркастичной шутке.

— Это автономный кампус в спальней приморской деревушке, которая мало что может предложить человеку младше тридцати, — говорю я со скучающим видом. — Даже если бы объект захотел покинуть безопасную территорию, ему просто не позволили бы.

— А ночные клубы? — спрашивает он.

Я качаю головой, задаваясь вопросом, действительно ли он такой тупой.

— В университете есть все, чего может пожелать мелкий засранец.

— Я думал, ты уже нашел лазейку.

— Прошла всего неделя, — говорю я, приподняв брови. — Миссия ведь была долгосрочной, не так ли? Или потребность в рычагах давления на его семью обострилась?

— Ты не спрашивал о своей матери, — огрызается он.

Даже упоминание о ней — удар под дых. Адреналин бурлит в организме, приводя меня в состояние повышенной ярости. Я, должно быть, задел его, если он бьет так низко.

— Надеюсь, ты заботаешься о ее здоровье, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

— Из всех моих любовниц она единственная произвела на свет такого достойного сына, — говорит Криус с притворной ностальгией.

Мои губы кривятся. Мать была его пленницей. Жертвой. Еще задолго до моего рождения.

Если он думает, что я нуждаюсь в отцовской заботе, то сильно ошибается.

— Еще что-нибудь?

— Держи меня в курсе насчет мальчишки Бестлэссонов. В момент, когда он покинет кампус...

— Я дам тебе знать, — вешаю трубку.

Кто-то тихо кашляет, и я оборачиваюсь.

В дверях стоит Феникс, одетая в плащ и туфли на шпильке. Требуется вся сила воли, чтобы не спросить, что она услышала.

Вместо этого я проматываю в голове все свои слова. Ничего подозрительного. Привычка, которую я выработал за время, когда мне приходилось убивать, чтобы купить свободу.

Она ничего не слышала.

По крайней мере, надеюсь на это.

Мой взгляд скользит от поднятых лацканов ее пальто к тройному узлу на ремне и вниз к голым лодыжкам.

Я понятия не имею, голая она под ним или нашла способ спасти трусики. Что еще более важно, похоже, она на пути к выходу.

— Уже уходишь? — задаю вопрос. — Я хотел помазать твои синяки.

Она опускает взгляд.

— У меня задание к понедельнику, так что...

Сердце летит куда-то вниз. Не то чтобы я в настроении для компании или секса. После разговора с Криусом мне хочется только уничтожить.

— Когда ты оплатишь мое обучение и аренду? — спрашивает она, не встречаясь со мной взглядом.

— Финансовый отдел выдаст тебе квитанцию завтра к концу рабочего дня, — отвечаю я ровным голосом.

Она сжимает руки.

— Спасибо.

— Я вызову тебе такси.

Она качает головой.

— Оно уже ждет снаружи.

Я роняю взгляд к ее ногам. Феникс, должно быть, заказала его, как только я вышел из игровой комнаты. Я хочу потребовать объяснений, когда она трет следы на запястье.

Шелковые веревки прошлой ночью, вероятно, были излишними. Я ни о чем не жалею, а она?

Она прихрамывает по коридору на сломанной шпильке. Я мысленно делаю пометку купить ей пару туфель и открываю дверь.

Снаружи на улице ждет серая «Тойота Приус» с заведенным двигателем. Морской воздух наполняет мои легкие, смешиваясь с ее цитрусово-ванильным запахом.

Феникс проходит мимо меня по черно-белой дорожке.

Я прислоняюсь к дверному косяку.

— Мисс Шталь?

Она напрягается.

— Да сэр?

— Все в порядке?

— Конечно, — слишком быстро отвечает она.

Я говорил с ней вчера и поинтересовался ее чувствами. Она была сонная, но счастливая и с нетерпением ждала большего. Я мог бы приказать ей остаться, но ей явно необходимо личное пространство.

— Жду от тебя полный ответ здесь в следующую субботу, — говорю я.

Она замирает на четыре удара сердца — четыре удара сердца, во время которых я задерживаю дыхание, ожидая ответа.

Только когда она снова кивает мне, я выдыхаю.

Она садится в Приус и закрывает дверцу, не улыбнувшись и даже не помахав на прощание.

Я не захожу в дом. Ни тогда, когда машина съезжает с дороги, ни, когда она поворачивает налево с Сидней Кресент и исчезает в Марина-Променад.

Не могу сказать, сожалеет Феникс или ей просто нужно время, чтобы переварить распутства прошлой ночи.

ФЕНИКС

Как ни в чем не бывало выйти из виллы стоимостью в несколько миллионов фунтов — тот еще подвиг. Особенно со сломанным каблуком, водопадом между ног и в тонюсеньком плаще на голое тело. Задача как раз для меня.

Взгляд профессора Сегала прожигает мне спину, когда я выхожу на облицованную плиткой дорожку, соединяющую его входную дверь и тротуар Сидней Кресент.

Солнечный свет слепит, делая события прошлой ночи еще более реальными.

Я полной грудью вдыхаю свежий морской воздух, который начисто вымывает все иллюзии о моем будущем в роли содержанки.

О чем, черт возьми, я только думала?

Нога со сломанным каблуком дрожит, когда я наступаю на нее. Приходится балансировать на подушечках пальцев, чтобы добраться до такси, ожидающего на обочине.

Нужно оставаться невозмутимой.

Если я засомневаюсь или остановлюсь, то он позовет меня назад.

И ничто в мире не заставит меня отказаться.

В теле уже начинается ломка от жажды большего, хоть я и уверена, что у него есть девушка или жена. Судя по телефонному разговору, она лежит в больнице или реабилитационной клинке.

Что еще может значить *«Надеюсь, ты заботишься о ее здоровье»*?

Спустя пару ударов сердца я все же открываю дверь и проскальзываю на заднее сиденье. Заикаясь, подтверждаю свою личность, пункт назначения и затаиваю дыхание, когда водитель заводит двигатель.

Я на сто процентов уверена, что профессор Сегал до сих пор за мной наблюдает, но так и не решаюсь повернуть голову в сторону двери. Если сделаю это, то растеряю все оставшиеся крупинцы воли перед лицом соблазна.

— Красавица, все в порядке? — задает вопрос водитель, трогаясь с места.

— Все хорошо, — я закрываю глаза в притворной дремоте, надеясь, что он поймет намек и отстанет.

Машина проезжает вниз по дороге и сворачивает на Марина Променад, где ускоряется. Я, наконец, выдыхаю, уверенная, что профессор остался вне зоны досягаемости.

Утром я проснулась в незнакомой постели. Болело все: ноги и руки, которые он привязывал к мебели, соски, которые он мучил, и киска, которую дразнил, заставляя кончать раз за разом.

В какой-то момент удовольствие стало настолько сильным, что разум не выдержал, и я отключилась.

Но что самое страшное — мне это нравилось.

Нравилось унижение и боль. Даже момент с бутылкой и вином был дурманящим. И я получила свой первый множественный оргазм. А когда он перенес меня на кровать, мое сердце и вовсе растаяло.

Затем он принес еду и заботился так, будто я особенная. Не думала, что мужчины могут так подпитывать энергией. Это было чистое наслаждение. Но в тот момент, когда я расслабилась и почувствовала себя любимой, он соблазнил меня сделать невероятное с шоколадным фондю.

Возбуждение приливает вниз. Кто бы мог подумать, что еще одна эрогенная зона находится у меня в горле?

Я прикладываю пальцы к вискам, зажимаю глаза и вдыхаю через нос. Отсутствие ужаса в моей реакции напрочь выбивает землю из-под ног.

Отец был прав?

Каждый раз, когда он кричал, что женщины любят мудаков потому, что все они никчемные потаскухи. Что женщины неблагодарные и хотят только тех, кто относится к ним как к дерьму.

В первый раз эти слова смутили меня, потом разозлили, а потом я просто поняла, что он затаил обиду, будучи отверженным.

Папа всегда говорил, что я паду, как только он отвернется. И вот, посмотрите на меня. Внезапно свалившаяся свобода повергла мой разум в хаос.

Могу я быть угнетенной дочерью для одного мужчины и в тоже время игрушкой для другого?

Нет. Я отрицательно качаю головой.

Тогда, возможно, я была жертвой, но не сейчас.

Я начала это, думая, что найду себе папочку. Я заметила его в окне «Красной комнаты»,

я открыла дверь и зашла в магазин. Я выставила себя шлюхой без тормозов, получив отказ после первого взгляда.

Черт возьми.

Потом усугубила все сексом по телефону и интимными переписками. Позже, узнав, что объект желания — мой профессор, я должна была отступить, извиниться и найти другой способ оплатить счета за учебу.

Но, здравый рассудок — это не обо мне.

Не-а.

Я удвоила старания и начала шантажировать его. Вчера вечером могла бы струсить, но нет, я проехала через весь город, чтобы орать у него под дверь, пока не впустит.

Он дал мне шанс уйти, остановить или хотя бы сдержать его, но я хотела этого. Хотела всего, несмотря на тот факт, что была знакома с извращенным сексом только по книгам.

— Ты хотя бы знаешь правду, — пробормотала я себе под нос.

— Что, красавица? — спрашивает водитель.

— Ничего.

Я тяжело вздыхаю. Ну, никак мужчина, который *так* выглядит, трахается, и владеет целым состоянием, не может быть одиноким. И никак он не мог купить полностью оборудованную секс-пыточную, не имея при этом хотя бы одной постоянной женщины.

Профессор Сегал ведь не хотел меня с самого начала. Он проигнорировал меня, когда я вошла в «Красную комнату» и обратил внимание только после моих разглаговольствований о том, какая я жаждущая приключений саба.

Скорее всего, он просто искал интрижку на одну ночь, а я усложнила все, когда всплыла правда об университете.

Не говоря уже о шантаже.

Мне нужно забыть его, даже, если это был лучший секс в моей жизни.

Все, что нужно от него — избегать меня так же, как это сделал Вир после нашего первого раза.

Последнее, что мне нужно, так это провести остаток года одержимой профессором.

Я лезу в карман за телефоном, достаю его и открываю приложение университета. В профиле висят два красных уведомления, напоминающие о просроченных счетах за обучение и аренду.

Игнорируя непогашенные долги, я перехожу к разделу факультативов, где каждый преподаватель размещает учебную программу, вместе с рекомендациями для прочтения, будущими заданиями и датами их сдачи.

На этой неделе мы будем изучать составление бюджета капитальных вложений на лекциях по финансам и бухгалтерскому учету. Папа начал вбивать этот предмет мне в голову много лет назад. Задания я могу выполнять, не посещая лекции.

— Хорошо, — бубню себе под нос. — Почитаю у себя в комнате.

Должно получиться.

Профессор Сегал дал мне возможность уйти с оплаченными счетами. Без всяких условий. Я не дала окончательного ответа насчет содержания.

Если он покроет расходы на мое обучение и аренду, я смогу брать книжки в библиотеке и устраюсь на работу по выходным, чтобы прокормиться.

Если же обещание финансовой поддержки было неправдой, то мне придется бросить университет.

Дрожь пробегает по позвоночнику и оседает где-то внизу. Внутренности сжимаются от холодного страха, а перед глазами все плывет.

Телефон выскальзывает из руки и падает на колени, выводя меня из мини-паники. Я пытаюсь сморгнуть темные точки перед глазами и делаю глубокий вдох.

Бросить учебу — это не вариант. Не в тот момент, когда даже папы нет рядом, чтобы приютить меня.

«Университет королевы Марины» не аккредитован, так что я не могу рассчитывать на студенческий займ. Если же я займу у «акул» и не смогу вернуть деньги, то, скорее всего, меня продадут одному из сутенеров, которые работают на этого жуткого Криуса Ванира.

— Приехали, — говорит водитель, останавливая машину. — «Университет королевы Марины».

Я бросаю телефон обратно в карман плаща.

Профессор Сегал не глуп. Из-за того, что он делал прошлой ночью, его с легкостью могут уволить. Он оплатит аренду и обучение только чтобы заставить меня замолчать.

Тогда я устроюсь на работу, чтобы оплачивать свои расходы и буду весь год избегать его занятий.

Таким образом, произошедшее с Виром не повторится.

МАРИУС

В понедельник утром я совершаю анонимный перевод средств в «Университет королевы Марина», чтобы покрыть счета Феникс за обучение и аренду.

А также отправляю ей сообщение:

Средства переведены. В следующий раз я не позволю тебе так легко уйти.

Она не отвечает и не присылает подтверждение платежа, хотя я и знаю, что финансовый отдел должен был уведомить ее, как только пришли деньги.

Она отсутствует на лекции по финансам и бухгалтерскому учету, но Вир Бестлэссон сидит в первом ряду и сверлит меня глазами на протяжении всего занятия.

Если бы он не был платой за свободу матери, я бы научил засранца не бросать вызов понапрасну. Но, увы, выделив его, я точно попаду в список подозреваемых.

Один не должен знать о моей причастности. Ни за что, если я планирую когда-нибудь вернуться в науку.

Третью ночь с момента ухода Феникс я сплю в игровой комнате. Утром среды к половине пятого я просыпаюсь с жутким стояком и жаждой, которую утолить сможет только Феникс.

Если бы она хотела меня, то ответила бы на сообщения.

Если бы хотела, то потребовала бы месячное жалование.

Если бы хотела, то осталась бы.

Но что, если она хочет, чтобы я сделал следующий шаг?

Зажмурив глаза, потираю переносицу.

Не делай этого.

Шлю к чертям здравый смысл. Феникс — моя.

Еще не осознав происходящее, я стою в университетском городке перед входной дверью, скрывая лицо под бейсбольной кепкой.

Первые лучи солнца пробираются сквозь стены, окружающие лужайку. Кричат чайки, прерывая то, что могло быть приятной смесью пения птиц и отдаленного шума города.

Все звуки, которыми я мог наслаждаться, перебивает шум крови в ушах.

Рассудок бормочет что-то о последнем шансе развернуться уйти до того, как меня поймут со спущенными штанами у студентки в комнате, но я так близко к Феникс, что буквально слышу ее запах.

Нажимаю на кнопку.

— Да? — говорит она через домофон хриплым ото сна голосом.

— Доставка.

Проходит секунда, и дверь со щелчком открывается, от этого звука мой член подпрыгивает в нетерпении. В конце концов, он правит шоу.

Квартира под номером пятьдесят находится на четвертом этаже. Опустив голову ниже, я направляюсь к лестнице, где видимость камер самая плохая, и поднимаюсь, перепрыгивая через ступеньки.

Дверь апартаментов Феникс очень кстати находится рядом с запасным выходом. Я стучу дважды, натягиваю ниже козырек кепки и жду.

Она приоткрывает дверь, без цепочки. Где-то в подсознании делаю пометку наказать ее за неосторожность и протискиваюсь в дверной проем.

Феникс отскакивает назад с открытым ртом. В момент, когда она вдыхает, чтобы закричать, я зажимаю ей рот рукой и прижимаю к стене.

Одной ногой толкаю дверь, и она захлопывается с приятным щелчком.

Ее глаза большие, кукольные, с длинными пушистыми ресницами, именно такими я запомнил их, когда она ублажала меня у трона.

Я прижимаюсь эрекцией к ее животу, давая понять, что она натворила и рычу:

— Почему ты меня избегала? Мы еще не закончили.

Она трясет головой и выдает сдавленный звук протеста, но мне уже не интересны оправдания.

— Ты помнишь стоп-слово? — спрашиваю я.

— Конечно, — отвечает она. — Но зачем это?

— У нас была договоренность, — я провожу руками по ее талии.

На ней огромная футболка, а трусиков нет. Я забираюсь под ткань и хватаю ее за зад.

Феникс двигает бедрами, создавая изумительное трение, но я не в настроении заигрывать. Однако делаю заметку добавить это к списку ее заскоков.

— На колени, — рычу я.

Она отодвигается.

— Что ты здесь делаешь?

— Встань на колени, — говорю я сквозь зубы. — Я не буду повторять дважды.

Страх сверкает в ее глазах, и она опускается на колени с тихим вздохом.

Я смотрю на нее, приподняв брови в ожидании стоп-слова. Не услышав его, одобрительно говорю:

— Умница.

Ее зрачки расширяются, дыхание становится быстрее, а щеки краснеют.

— Теперь расстегни ремень.

Пальчики быстро справляются с застежкой. Звон пряжки ремня разливает желание по всему телу, но это ничто по сравнению с огромными глазами Феникс.

— Открой ротик.

Ее губы раскрываются так, будто она никогда в жизни не сосала член, а грудь вздымается и опускается резкими рывками.

Можно было бы подумать, что она напугана, но она проводит язычком по нижней губе так, будто не может дождаться.

Я делаю глубокий вдох, отодвигая подальше подозрения, что она притворилась недотрогой, и наматываю ее волосы на кулак.

Джентльмен не торопился бы, вставляя твердый член между пухлых губ, и наслаждался бы моментом. Но у меня вскипает кровь от нужды в ее славном ротике.

Она кладет ладони мне на бедра и одной рукой хватается за основание ствола. Прежде, чем она успевает взять ситуацию под контроль, я толкаю член между влажных губ и двигаюсь до задней стенки ее глотки.

Влажный жар ее рта потрясен, как и звук протеста, вибрирующий вокруг моей головки. Этого хватает, чтобы заставить мои колени дрожать. Я опираюсь рукой о стену и сдерживаю стон.

— Глаза вверх, — говорю я.

Ее взгляд поднимается к моему.

Глаза наполнились блестящими слезами.

— Хорошая девочка, — говорю я сквозь стиснутые челюсти. — Отлично заглатываешь.

Она издает довольный звук, когда я ударяюсь о заднюю стенку ее горла, и она открывается немного шире, впуская глубже.

Высовываю его, она делает глубокий вдох, и толкаюсь глубже в горло, преодолевая ее точку рвотного рефлекса. Глотка смыкается вокруг меня, тесная, влажная, она сжимает меня до одури приятно.

Яйца сжимаются в преддверии сильного оргазма. Я тяжело дышу сквозь сжатые зубы и ускоряю толчки. Феникс стонет, качает головой и сжимает мое бедро так, что становится больно.

Я кончаю, заливая ей горло горячей жидкостью, и вздрагиваю, когда она сглатывает вокруг меня.

— Вот и все, — говорю я. — Не пролей ни капли.

Когда я отпускаю волосы, она откашливается, задыхаясь, и держась за горло. Бубнит что-то о том, что это не как в книгах.

— Что говоришь? — спрашиваю я, подняв бровь.

— Ничего, — отвечает она, кашляя.

Мои глаза сужаются.

Она трясет головой, пытаюсь заверить, что на самом деле ничего не сказала.

— Три с минусом.

Ее взгляд подпрыгивает к моему.

— Фелляция была сносной, — фыркаю я. — Теперь будешь являться в мой офис каждое утро перед занятиями в семь сорок пять, чтобы улучшить свою технику.

Ее щеки окрашиваются в восхитительный оттенок розового.

— А если я не приду?

— Тогда будешь наказана.

Я разворачиваюсь и кладу руку на ручку двери.

— В следующий раз используй глазок и дверную цепочку, прежде чем впускать незнакомца.

Она фыркает.

— Ты сам пробрался внутрь, помнишь?

Мои губы искажаются в ухмылке.

— И если мне придется снова это сделать, тебе не понравится результат.

ФЕНИКС

Черт.

О, черт.

Черт, черт, черт.

Я все еще стою на коленях, одним плечом опираясь о стену, и смотрю на дверь. Между ног чертов *водопад*.

Мышцы внутри пульсируют так, что сливаются в унисон с биением сердца. Кровеносные сосуды вот-вот взорвутся.

Это было...

Просто нет слов.

Профессор Сегал только что вошел сюда и вел себя так, будто я всецело принадлежу ему. Это был не просто секс на один раз.

Но я хочу еще.

Трясу головой, делаю глубокий вдох и опускаю взгляд.

— Что я, черт возьми, натворила? — бубню себе под нос.

Это хуже, чем вызвать демона или открыть ящик Пандоры. Потому, что они выдуманные? и ты в любой момент можешь закрыть книжку, если накал слишком велик.

Я разбудила что-то темное и голодное внутри профессора, и теперь он хочет большего. — Ну, он хотя бы ответил на мой вопрос, — бормочу я. — Это не единоразовая акция.

Я не выходила из квартиры с воскресенья и несколько дней провела, мучаясь вопросом, хочу я быть чьей-то сабой или нет.

Мой зад до сих пор гудит. Сидеть в такси не было больно, но, вернувшись домой, я была в легком шоке, когда решила взглянуть на нее.

Кожа была багровая, с синяками и отпечатками ладоней и пальцев. Как вообще можно получить хоть каплю удовольствия от такой боли?

Соски ныли после его «игр» и между ног все было слишком чувствительным. Кто угодно мог догадаться, только взглянув на мое лицо, поэтому я решила не покидать свои апартаменты.

Стук в дверь.

— Все в порядке? — спрашивает Шарлотта. — Я слышала голоса.

Мой живот сжался от ужаса. Если кто-нибудь узнает, что я трахаюсь с профессором, то меня отчислят. Я прочищаю горло.

— Все хорошо.

Она сомневается.

— Ты уверена?

— Да, — я встаю на ноги. — Извини.

Мой телефон жужжит. Я пересекаю комнату, спотыкаясь о сумку с книгами, и беру телефон.

Это сообщение от профессора Сегала:

Приберись в комнате, иначе будут последствия!

Ноздри раздуваются. Я окидываю взглядом студию, и щеки краснеют от вида кучи просроченных библиотечных книг и одежды, разбросанной на полу.

Какие мы нервные. Я отвечаю:

Я: В следующий раз хотя бы дай мне шанс прибраться и не вламывайся под выдуманным предлогом.

Он: Приходи в мой офис каждый день в назначенное время и неожиданные визиты прекратятся.

Я: Ты имеешь в виду вторжения?

Я пишу ответ с огромным желанием метнуть телефон через комнату.

Он: Один и тот же смысл.

Какая же он все-таки мудак.

Я кладу телефон рядом и начинаю сортировать вещи на те, которые нужно постирать, и те, которые вернутся в шкаф. Мне не по карману прачечная университета, но, возможно, я смогу постираться где-нибудь в студенческом городке.

В девять часов снова приходит сообщение. Я беру телефон, сердце пропускает удар, но это сообщение от банковского приложения.

Получено £2000 от ИМАНТ Холдингс.

Челюсть бьется об пол.

Я захожу в приложение и обнаруживаю, что полученная сумма не только погасила мой «минус» на счете. Денег более чем достаточно для книг, еды, одежды, тусовок и еще останется, что отложить. Тепло разливается в груди и вырывается легкий смешок.

Может быть, не такой уж он и плохой.

В четверг утром в 8:15 я выскакиваю из кабинета профессора Сегала, потирая ноющую челюсть. Как только этот негодяй посмел поставить мне три с плюсом? Этот минет заслуживал четверку, как минимум.

— Феникс? — я слышу знакомый мужской голос.

Я поворачиваюсь, и вижу Виру, который подбегает трусцой. Он без гитары, что странно, в темной кожаной куртке с лацканами, которые тянутся к плечам. Под кожанкой грушево-зеленая рубашка с оборками, она дополняет образ ретро-рокера.

Все обиды, которые у меня были после произошедшего на первом курсе, вдруг испаряются. Профессор Сегал затмил секс по пьяни с одноклассником.

— Привет, — выжимаю я слабую улыбку.

— Этот придурок устроил тебе взбучку? — он бредет рядом, засунув руки в карманы.

— Что-то вроде того, — бормочу я. — А тебе?

— Думаю, кто-то объяснил ему, с кем он имеет дело, — парень пожимает плечами. — И теперь он в курсе, что со мной лучше не связываться.

— Верно, — киваю я, вспоминая, что Вир находится под защитой одного из самых могущественных людей в Великобритании. Даже такие как папа, боялись произносить имя Одина вслух.

Мы поворачиваем за угол и спускаемся по лестнице вниз. Я провожу языком по зубам, слизывая последние воспоминания о профессоре.

Мои трусики мокрые от еще неостывшего ощущения его члена во рту, и все внутри болит от желания быть наполненной. Он не позволил мне касаться себя даже тогда, когда трахал в горло. Невероятная скупость как для человека, заставляющего кончать так много, что я потеряла сознание.

Нервный смешок Виры врывается в мои мысли.

— Мы с ребятами будем играть в «Кампус Кафе» в субботу вечером.

— Ого.

На лестничной клетке я протягиваю руку к дверной ручке, но Вир пробегает вперед и открывает ее.

— Хочешь билет? — он улыбается с надеждой.

— Извини, у меня другие планы, — выхожу с лестничной площадки в холл.

Я ускоряю шаг, чтобы не продолжать этот неловкий разговор. Серьезно, ума не приложу, с чего вдруг он начал проявлять интерес после того, как годами делал вид, будто меду нами ничего не произошло.

Вир хорош для тех, кому нравятся высокие блондинистые парни с внешностью скандинавской рок-звезды, но у меня другие предпочтения. Он мог бы понравиться Шарлотте, но, честно говоря, это не то, чего я хотела бы для нее.

Вир догоняет.

— Дебют на прошлой неделе был ужасен, учитывая, что в меня прилетел стул?

Я выплевываю смешок.

— Это было не так плохо.

— Ви.

Друг Вира хлопает его по плечу, парень в ответ обхватывает его шею и скручивает под мышкой.

Они сгибаются пополам и врезаются в стену, борясь как двенадцатилетние мальчишки.

Лекция по Финансам следующая и я хочу преподать профессору Сегалу урок...

Маленький лекционный зал заполняется студентами, и я замечаю Шарлотту, сидящую в конце. Она поднимает руку. Я машу в ответ и начинаю идти к ней по ступенькам.

Тишина растекается по аудитории, когда я подхожу к ее ряду, и каждый волосок на моем теле встает дыбом.

Он здесь.

Я протискиваюсь перед другими студентами в ряду Шарлотты, и им приходится складывать стулья и вставать, чтобы пропустить меня.

— Эй, — подруга заглядывает мне в глаза. — Ты меня избегала?

— Ничего подобного, — бормочу я и присаживаюсь.

На нем пепельно-серый костюм, который плотно облегает его атлетическую фигуру. Все внутри начинает трепетать от гордости при виде отсутствующей на жилетке последней пуговицы. Это крошечное несовершенство ничто, по сравнению с тем, что он сделал с моей задницей.

— У-ля-ля, — бормочет Шарлотта.

Я бросаю на нее взгляд.

— Он ведь даже не в твоём вкусе.

— Эй, — она пихает меня локтем под ребра. — Такие красавчики универсально сексуальны.

Раздражение давит на кожу. Я отрываю взгляд от профессора и пробегаюсь глазами по рядам. Некоторые из студенток прекратили болтать, наблюдая, как он дает указания ассистенту, подключающему проектор.

— Посмотри на Талию Грейс, — говорит Шарлотта, кивая в сторону трех темноволосых сестер, сидящих рядом и хлопающих ресницами в направлении профессора.

— На что они надеются? — шепчу я.

— Будто бы он вообще взглянет на этих пустоголовых, — шепчет в ответ Шарлотта.

Но затем взгляд профессора начинает блуждать в их направлении и резко уходит в сторону, а я не могу перестать размышлять, смотрел ли он на них или на кого-то еще.

Заголовок «Бюджетирование капитала» появляется на экране. Я не хватаюсь за ноутбук, чтобы делать заметки. Отец освещал эту тему мучительно детально, и когда я еще не училась здесь, и во время моих визитов домой по выходным. Только папа называл это «инвестиционной оценкой».

Профессор Сегал начинает объяснять, почему предприятия должны выбирать разумные инвестиции, разгуливая туда-сюда по подиуму. Его взгляд встречается с моим на мгновение, и скользит дальше к кому-то еще. Он смотрит на кого угодно, кроме Талии Грейс и ее сестер.

Они в его вкусе?

Одна из них наклоняется вперед и проводит пальцами по светлым волосам Вира. Он оборачивается и ухмыляется ей. Профессор Сегал тем временем говорит с парнем со шрамом

на скуле.

Разве он не должен швырнуть в них стул?

Но самая мнительная часть меня подумывает, вдруг, он избегает их из-за того, что они после обеда забегают к нему в кабинет. Я прогоняю эти мысли. Всем известно, что парни постарше не могут трахаться больше одного раза в день.

Но он может.

Как я могла забыть шоколадное фондю, где из закусок был только шоколад?

Моя спина выпрямляется, а в голове созревает идея. Это глупо и точно повлечет последствия, но я хочу увидеть, проигнорирует ли он меня.

Стягивая кардиган, я обнажаю тонкие бретельки майки. Он останавливается на мгновение, прежде чем продолжить лекцию. А я расправляю плечи и притворяюсь, что потягиваюсь, позволяя тонкой ткани натянуться на груди.

Его брови сдвигаются, и он переводит внимание на Вира и его друга.

Я лезу в сумку, достаю банан, и почесываю им челюсть. Шарлотта слишком занята перепиской, чтобы заметить мои действия, что только подталкивает меня продолжить.

Профессор Сегал вновь смотрит туда, где сижу я, но избегает моих глаз. Он задает кому-то вопрос, и, сомкнув руки за спиной, выслушивает заикающийся ответ прежде, чем выдать правильный.

Он такой самоуверенный. Может, из-за того, что он был у меня во рту. Я внимаю каждому его слову потому, что он звучит сексуально, говоря даже о скучной ерунде. Но когда он вновь игнорирует трио шепчущихся девчонок, я решаюсь перевести свой эксперимент на следующий этап.

Я отламываю кончик банана и снимаю кожуру, обнажая белую мякоть.

— Эй, Вы там, — он указывает прямо на меня. — Вы намереваетесь есть этот банан или сосать?

Смешки прокатываются по лекционному залу, и все оборачиваются ко мне. Щеки вспыхивают жаром, а желудок падает на пол.

— Разве девушке нельзя спокойно позавтракать? — бормочу я.

— Имя, — он цокает языком.

— Феникс, — все мое тело трясет. Какого черта он творит? — Феникс Шталь.

Он медленно кивает, так, будто пытается запомнить.

— Что же, мисс Шталь, это должно быть для вас хорошим уроком впредь трапезничать прежде, чем заходить в класс.

Моя челюсть отваливается. Язык чешется, так хочется выпалить, что он как раз налил мне полный рот спермы, но я не хочу терять место в университете.

— Спрячьте банан, — он поворачивается, обращаясь к трем девушкам, делающим примерно тоже самое с леденцами. — Это касается и вас, если вам вдруг показалось, что есть на моих лекциях допустимо.

Я закрываю рот и хмурюсь.

Талия и ее сестры делали с леденцами вещи похуже, чем я, но он не отреагировал. Я сжимаю губы в тонкую линию и гримасничаю, поражаясь его двойным стандартам.

Когда я прохожу мимо подиума в конце лекции, по спине прокатываются мурашки.

Меня разрывает от любопытства, что он сделает завтра утром.

МАРИУС

В конце лекции я стою за кафедрой и притворяюсь, что увлечен телефоном, а на самом деле наблюдаю, как она сбегает по ступенькам, пытаюсь скрыть румянец на щеках.

Это было очень близко.

У меня наполовину встал от вида ее груди без бюстгалтера под натянутой прозрачной тканью. А позже, когда она достала банан, я уже понимал, куда все идет.

Иногда лучший вид защиты — нападение.

Феникс достигает нижней ступеньки, опускает голову и прячется за высоким парнем. Я фыркаю. Она пытается отсрочить неизбежное.

Отправляю ей сообщение.

Я: Завтра утром будешь просить прощения на коленях.

Единственное, что доставляет больше удовольствия, чем наблюдать за побегом, это видеть ее осознание простого факта — она вляпалась, и это не пахнет просто возмездием.

— Профессор Сегал? — женский голос вырывает меня из размышлений.

Я сморю с подиума вниз и замечаю темноволосую молодую девушку, окруженную двумя клонами. Они либо просто родственники, либо одержимы.

Мои глаза сужаются. Уверен, что эта троица флиртовала со мной при помощи леденцов.

— Да?

— Сегодняшняя лекция показалась мне очень вдохновляющей.

Требуются усилия, чтобы не закатить глаза от такой очевидной попытки флирта. Каждый сотрудник факультета, независимо от возраста и уровня дряхлости, хоть раз сталкивался с неприятностью в виде провоцирующих студентов. Иногда они подлизываются, чтобы легко получить оценку, в других случаях хотят чего-то запрещенного, но я нахожу эти объяснения слишком щедрыми.

Девушки вроде этих — всего лишь мелкие социопатки в стадии развития. Им любопытно, насколько легко они могут подчинить какого-нибудь беднягу своей воле.

— Неужели? — я отвожу взгляд.

Краем глаза вижу, как она смотрит сначала на одну подругу, потом на вторую и они обе ободряюще кивают. Значит, у них есть план.

Выключив проектор, забираю флешку из компьютера и собираю бумаги. К этому моменту лекционный зал почти полностью опустел, за исключением нескольких студентов, слишком поглощенных экранами ноутбуков, чтобы заметить окончание лекции.

Разговор окончен. Я сую папку под мышку и поворачиваюсь к двери.

— Мариус...

— Профессор, — поправляю я, не удостоив их еще одним взглядом.

— Извините, — говорит она, хихикая. — Профессор Сегал.

Я открываю дверь и выхожу в коридор, все еще заполненный студентами. Можно было бы подумать, что человек, уже вовлеченный в запрещенные отношения с одной студенткой, не будет так критично относиться к флирту с другой, но я повидал достаточно подобных девиц, чтобы более не уделить ей ни секунды.

Она пытается догнать меня, переходя на бег, и я слышу шаги еще двух позади нас.

— У меня есть несколько вопросов по внутренней норме доходности, о которой Вы сегодня упомянули, — выпаливает она.

Вопрос похож на настоящий, поэтому я замедляюсь. Поворачиваюсь к ней и поднимаю брови.

— Каких конкретно?

— Как она работает?

— Глава двадцать шесть, Грегг, Уошер и Торнбуш, — говорю я.

Она моргает.

— Что?

— Прочитайте эту главу и все остальные до и после нее для лучшего понимания контекста, — я киваю для убедительности. — Если все еще будут трудности, то напишите ваше понимание термина и пришлите мне по почте.

— Почему я не могу просто прийти к Вам в кабинет?

Я поднимаю палец.

— Потому, что я хочу прочитать ваше определение предложение за предложением, чтобы избежать любого недопонимания внутренней нормы доходности.

Мой взгляд перемещается к двум девушкам, стоящим позади с разинутыми ртами.

— Это может быть полезный опыт для всех студентов курса Финансов и бухгалтерского учета, — встречаю две пары карих глаз, полных шока, и сдерживаюсь, чтобы не ухмыльнуться от самодовольства. — И Вы довольно точно заметили, что ВНД — очень коварный термин. Я хочу, чтобы материал был представлен перед всей группой, как только

Вы с вашими подругами закончите конспект.

— Но я спрашивала не об этом...

— Ваше имя? — наклоняю голову.

— Талия, — выпаливает она. — Талия Грейс, а это мои кузины, Миа и Черис.

— Итак, мисс Грейс и кузины, с нетерпением жду ваших сообщений. Крайний срок — вечер понедельника. Если вы пропустите его, то во вторник вам придется представить свои умозаключения или их отсутствие всей группе.

Выражение ее лица перетекает в маску безмолвного шока. На это можно смотреть бесконечно.

— Кыш-кыш, — прогоняю ее вместе с кузинами.

Все три девушки разворачиваются на каблуках и исчезают в конце коридора, скрываясь на лестничной клетке подобно грызунам, бегущим от яркого света.

Я достаю телефон и отправляю Феникс сообщение:

Я: Непослушные девочки, которые дразнят своих профессоров бананами, очевидно, нуждаются в дисциплине.

Мгновение спустя она отвечает:

Она: Я была голодна!

Я: Видимо, я тебя недокармливаю.

Она: Утренний минет не считается!

Я ухмыляюсь.

Я: Возможно, тебе просто стоит приходить пораньше, чтобы я мог выдать две порции.

— Профессор Сегал? — голос звучит с другого конца коридора.

Поворачиваюсь и вижу покрасневшего доктора Ксандера, который трусцой подбегает ко мне. Если бы только от всех вредителей можно было избавиться так легко.

— Это важно? — засовываю телефон в карман штанов и направляюсь в противоположную сторону. — Я немного занят.

Под «занят» я подразумеваю достойное наказание для Феникс. Достаточно томительное для нее, и оптимально удовлетворительное для меня. Открываю дверь и начинаю спускаться по лестнице.

Если доктор Ксандер собирается следовать за мной, то ему придется тащиться следом, пока я брожу по кампусу университета.

— Я заходил к Вам вчера вечером в шесть, но Вас не оказалось на месте.

— Какая неудача, — я почесываю подбородок.

— Нам все еще нужно обсудить студентов.

— Они хорошо ведут себя на лекциях по Финансам и Бухгалтерии.

Доктор Ксандер хмыкает.

— Не все лекторы могут швыряться стульями в студентов, не боясь последствий. Как вообще вы удержались в ЛШФ с таким поведением?

Поджимаю губы.

— Другая культура.

В конце ступенек есть аварийный выход. Я толкаю металлическую ручку и впускаю порыв воздуха с ароматом роз.

Парк университета напоминает мне тщательно ухоженные сады органа специального назначения, хотя, по сути, он им и является: место для содержания детишек мафиози,

которые хотят что-нибудь изучить, но без угрозы быть убитыми или похищенными.

Шанго, Один и другие главы облагораживают мир организованной преступности. И что имеет в итоге Великобритания? Свой собственный мафиозный университет, тюрьму и систему налогообложения.

Абсурд.

Я спускаюсь вниз по усыпанной гравием дорожке, где розовый сад разделяет здание и газон, который тянется вплоть до охранных стен вдалеке. Утреннее солнце согревает мою спину, а взгляд доктора Ксандера нежно греет половину моего лица.

Кроме шуток, процесс проверки в университете был тщательным. Криус удостоверился, что связи между мной и ним нет, так что тот, кто проверял мое прошлое, увидел всего лишь историю парня, который своим трудом поднялся из неполноценной семьи с родителем-наркоманом.

— Мисс Атена Белус пожаловалась, что вы сделали сексистское замечание сегодня на лекции, — говорит доктор тихим голосом.

— Новости разлетаются быстро.

Он достает свой смартфон.

— Она является сотрудником по делам женщин Университетского студенческого союза, и жалоба размещена в интернете.

Я смотрю на экран, пропускаю какой-то бред про бананы и обращаю внимание на фотографию Вира с гитарой.

— Могу я посмотреть?

— Конечно, — доктор Ксандер отдает свой телефон. — Почитайте комментарии снизу. Многие из них достаточно сильно оскорбились.

Племянник Одина смотрит в камеру, заткнув руку за пояс узких джинсов, а сзади прифотошоплена надпись: «*Оловянные солдатики на Плутоне*». Рядом с ним стоят студенты, которых я смутно узнаю по лекционному залу.

Надпись гласит: «*Суббота, 18:00, «Кампус Кафе». Не пропусти*».

Идея зарождается где-то глубоко в моей голове. Если я не могу вытащить Вира Бестлэссона из кампуса, то, возможно, смогу выманить «солдатиков».

— Вы видите? — спрашивает доктор Ксандер. — Одним неуместным комментарием вы обидели всю женскую половину студентов.

— Вы правы, — я поворачиваюсь и смотрю ему прямо в лицо.

Его бледные глаза расширяются от шока. Вблизи он выглядит старше с этими тонкими седыми прядями в растрепанных коричневых волосах.

— Так Вы мне поможете наладить контакт со студентами?

— Вот, что я предлагаю, — говорю я.

Он понимающе кивает.

— Извинение перед юной леди. Я понимаю, насколько комментарий про банан был неуместным.

— Вы могли бы пригласить ее и еще нескольких девушек на чай.

— Давайте не будем перегибать, — я поднимаю ладонь. — Только девушка, о которой идет речь. Ей может быть некомфортно говорить об этом при сверстниках.

Доктор Ксандер вырывается вперед, его лицо сияет.

— Это хорошее начало.

— Возможно, студентам необходимо видеть, что мы проявляем к ним интерес, как к

личностям, — оставляю предложение висеть в воздухе, надеясь, что академик перехватит инициативу и предложит нечто, способное привести нас к Виру Бестлэссону.

— Есть идеи?

Я протягиваю ему телефон.

— Мы могли бы посетить мероприятие в кампусе. Есть что-нибудь в субботу?

Он смотрит в телефон.

— Пройдет концерт в «Кампус Кафе». Я могу позвать кого-то еще и...

— Звучит превосходно, — хлопаю его по плечу и прохожу мимо. — Только скажите мне, где и когда встречаемся.

Доктор Ксандер улавливает подсказку и не идет следом, но, только когда телефон жужжит от ее сообщения с изображением смайлика-банана, я осознаю свою ошибку. Я должен был встретиться с Феникс в субботу.

Пишу ответ:

Я: Раз уж ты так любишь бананы, я познакомлю тебя поближе со своим.

Она: Ням □

Я: И я буду оценивать твои старания.

Когда она отвечает хмурым смайликом, мои брови сдвигаются. К сожалению, придется перенести. Проинформирую ее завтра во время планового утреннего сосания члена.

ФЕНИКС

Вчерашняя лекция была кошмарной.

Я буквально дымлюсь.

Из-за профессора Сегала шутка с бананом взорвала весь университет.

Ситуация напрочь вышла из-под контроля.

Я провела два года в спокойствии с опущенной головой и вне досягаемости человеческих взглядов, а потом он просто пошутил про банан.

Я мчусь по коридору на верхнем этаже, двери и доски с объявлениями по бокам блекнут размытыми пятнами. Кровь шумит в ушах, а кулаки непроизвольно сжимаются и разжимаются.

Весь в интернет в мемах про бананы, более того, поднялись целые дебаты на тему: «могут ли женщины есть их в общественных местах?».

Какая-то девушка из Университетского студенческого союза уже начала петицию за увольнение профессора Сегала. Кто-то даже написал мне и предложил быть оратором петиции.

Я залегла на дно, пока все окончательно не полетело к чертям, но со злостью ничего

поделать не могу.

И, если этот сукин сын хотя бы подумает поставить мне тройку, я воспользуюсь зубами и покажу, что может быть хуже простой посредственности.

Пульс между ног такой сильный, что отдается в щиколотках. Скриплю зубами. Что в этой борьбе может быть возбуждающего?

Мышцы внутри сжимаются даже сильнее кулаков.

Ничего не могу с этим поделать.

Чертов профессор Сегал вынуждает ассоциировать его не просто с сексом, а с запретным удовольствием. Мне срочно нужен глоток реальности. Мужчины, которые делают замечания на весь университет, заслуживают кулаков, а не минета.

Подняв повыше подбородок, я врываюсь к нему в офис.

— Ты знаешь, о чем болтает университет? — говорю я. — Все уже слышали...

— Я наказываю плохих девочек, которые не умеют стучать, — говорит он из-за стола.

Профессор сегодня без пиджака, и даже без жилетки. Рукава белой рубашки подвернуты выше локтей, обнажая мускулистые предплечья. Верхние пуговицы расстегнуты и открывают вид на грудь.

Это безумие. Я видела его раздетым в разной степени, сосала его член, и все равно у меня снова отваливается челюсть.

Он внимательно смотрит на меня глазами, которые в утреннем свете кажутся бирюзовыми. Весь дух противостояния и мятежа выветривается под жаром его взгляда.

Профессор поднимает бровь.

— Вы хотите что-то сказать, мисс Шталь?

Я хочу ляпнуть, что это он вызвал меня сюда в семь сорок пять, но помню сообщение, которое он отправил, когда я убежала из лекционного зала. Преподавательства только усугубят мое наказание.

— Ты унизил меня.

Он откидывается на спинку сиденья со спокойствием льва, ожидающего, когда подчиненные принесут ему добычу. Я в этой ситуации львица, или добыча, которую скоро съедят?

Низ живота посылает импульс к сердцу, и я уже знаю ответ.

— И как я должен был истолковать демонстрацию твоей прелестной груди? — уголок его губ приподнимается, создавая что-то лишь отдаленно напоминающее улыбку. — Как я должен был отреагировать на банан у тебя во рту?

Я облизываю губы, и его взгляд темнеет, а грудь вздымается от глубокого вдоха.

— Девушка имеет полное право съесть свой завтрак и снять кардиган на людях, не думая, что мужчины могут неверно истолковать ее действия.

— Но ты не просто какая-нибудь девушка, — его голос полон темноты, опасности и требовательности. — Ты моя, и то, что мы делаем вдвоем, не для чужих глаз. Только если я сам не захочу этого.

Бабочки в животе трепещут. Во-первых, из-за того, что он выделил меня среди остальных девушек. Во-вторых, потому, что назвал своей. И, в-третьих, из-за перспективы секса в общественном месте.

— Что мне с Вами делать, мисс Шталь?

Вопрос удавом обвивается вокруг моих чувств. Если я не буду осторожна, то ситуация повернется так, как угодно ему. А он хотел бы видеть меня, стоящей на коленях, и

умоляющей о снисхождении.

Я стряхиваю с себя оцепенение и блокирую его попытку взять все под контроль.

— Считай, что мы квиты.

— Как раз наоборот, — ухмыляется он, обнажая зубы. — Из-за тебя мою голову ни на секунду не покидал вопрос — кто же еще мог любоваться твоими сосками, торчащими из-под прозрачной майки?

Сердце пропускает удар, и я сильнее сжимаю бедра.

— Из-за тебя при виде банана теперь мое воображение рисует картину, как ты скользишь язычком по моему члену.

— Ох, — я прикрываю рукой рот.

— Подойди сюда, — почти рычит он.

Я отступаю к двери.

Он прищуривается.

— Не заставляй идти за тобой.

Бабочки в животе шумят. Я не могу разобрать, они говорят бежать к нему или от него, но инстинкты подсказывают, что я стою под носом у хищника и толкают к выходу.

Секундой позже сильная рука обхватывает мою талию, а ладонь зажимает рот, предотвращая испуганный крик.

— Так тебе нравится, когда тебя преследуют? — рычит он мне в ухо.

Тело кричит «да», но я отрицательно трясую головой.

— Готов поспорить, что, если загляну к тебе в трусики, ты окажешься мокрой.

Жар растекается по моим щекам, а из горла слышится хныканье.

— Это нечестно, — пытаюсь сказать я сквозь прижатую ко рту ладонь. — Я всегда мокрая, когда ты рядом.

Он усаживает к себе на колени. Рука, которая раньше закрывала рот, скользит по челюсти и останавливается на горле.

Хватка профессора крепкая, но не удушающая, и он задерживает руку там на несколько мгновений. Его горячее дыхание опалает одну сторону моего лица и заставляет нервно ерзать.

— Некомфортно? — спрашивает он заботливым голосом.

— Это странный способ извиниться, — говорю я, тяжело дыша.

— Странный, — протягивает он. — Я тоже самое хотел сказать тебе. Но это уже не столь важно.

Он сталкивает меня с колен, и я встаю, отвернувшись.

Отсутствие его прикосновений действует так, будто меня окатили из ведра холодной водой. Я сглатываю разочарование и поворачиваюсь, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Что-то не так?

— Ложись ко мне на колени, — говорит он.

Я отступаю назад и сразу же упираюсь в его руку задней стороной колен.

— Зачем? — спрашиваю я.

— В субботу ты ушла прежде, чем я успел второй раз намазать тебя мазью, — отвечает он. — Я хочу посмотреть на твои синяки.

Настала моя очередь прищурить глаза.

— Заставь меня...

Прежде, чем я успеваю закончить предложение, рука, обвивающая бедра, скользит к

пояснице и опрокидывает меня к нему на колени.

— Подними юбку.

Рука дергается к подолу.

— Вы уверены, что это не наказание?

— Я когда-нибудь врал Вам, мисс Шталь? — спрашивает он тоном, подразумевающим «ну, конечно, врал».

— Возможно, скрывали правду, — говорю я и поднимаю юбку к талии.

Холодный воздух касается кожи ягодиц, все еще более горячих, чем обычно, после субботнего наказания. Мое дыхание становится поверхностным, когда я осознаю, что в таком положении он может сделать со мной все, что захочет. Включая использование линейки.

— Вы уверены, что не хотите утренний минет, сэр? — слова выходят дрожащими.

Та часть меня, которая пришла сюда, движимая праведным негодованием, съеживается, но горячая плоть между ног предательски пульсирует в ожидании его пальцев.

— Всему свое время, — он проводит теплой ладонью по ягодице, и я стону. — Я знаю, что по пятницам у тебя нет лекций до десяти.

Грудь наполняется теплом от того факта, что он следит за моим расписанием на сайте университета.

— Как там синяки?

— Заживают превосходно, — отвечает он, голос стал очень низким. — Но есть несколько недоработанных участков, которые нужно разукрасить.

— Ты не можешь этого сделать, — выпаливаю я. — Мы ведь оба признали, что виноваты.

— Я ничего не признавал, — он сгибает пальцы, хватая меня за зад.

Я шиплю сквозь зубы. И в тот момент, когда мозг регистрирует ощущение как боль, его палец проскальзывает между мокрых складочек.

— Аааах... — я слышу собственный стон.

— Только посмотри, какая ты мокрая, — он двигает пальцем вокруг клитора восхитительно медленно и мои ноги дрожат. — Наслаждаешься этим так же, как я.

Зажмуриваю глаза и закрываю рот. Любое отрицание будет ложью.

Что-то холодное и влажное выливается на кожу ягодиц с хлюпаньем, заставляя вздрогнуть.

— Что это?

— Заживляющий гель, — он начинает втирать его в кожу. — Не помнишь, как я мазал тебя им после шоколадного фондю?

Я впиваюсь зубами в нижнюю губу и стараюсь не двигаться.

— Имеете в виду момент, когда я слизывала топленый шоколад с вашего члена?

Он тихо посмеивается.

— У меня закончились бананы.

— Очень смешно, — ворчу я сквозь смех. — В конце я была такой сонной, что даже шоколад не смог удержать меня в сознании.

— Ммм... — он делает невероятно медленный круг над клитором, и мои бедра снова предательски дрожат. — Я втисну так много, как только смогу, пока ты не выдохнешься.

Я хочу спросить, что он имеет в виду, как вдруг раздается стук в дверь, и мы оба замираем.

— Залезай под стол, — рычит он, и откатывается на стуле назад.

Ему не нужно повторять дважды. Я забираюсь под стол и сажусь на четвереньках. К счастью, огромная деревянная панель тянется почти до самого пола, поэтому человек, вошедший в кабинет, не заметит меня. Только если не наклонится слишком низко.

Профессор Сегал смотрит, убеждаясь, что я на месте, задвигает стул назад и говорит:

— Войдите.

Его голос звучит так четко и уверенно, что я не могу не подумать, попадал ли он в такую же ситуацию с другими студентками? Потому, что никто не может быть так спокоен перед перспективой быть пойманным.

Шаги раздаются над паркетным полом. Я предполагаю, что посетитель — мужчина.

— Профессор Сегал, — говорит низкий мужской голос. — Вы не могли бы сделать мне одолжение?

Я стискиваю зубы, посылая незваного гостя подальше.

— Какое именно? — профессор спрашивает настороженно.

— Ситуация в больнице усложнилась, — следует тяжелый вздох. — Профессору Экхарту необходимы дополнительные процедуры...

— Что-то серьезное?

— Вероятно, — посетитель снова вздыхает. Я предполагаю, что это доктор Ксандер, который ведет у нас экономику.

Кладу руку на грудь. Бедный профессор Экхарт. Он действительно заботился о своих учениках и не заслужил такой ужасной судьбы.

— Как я могу помочь? — спрашивает профессор Сегал.

— Я должен был вести макроэкономику в десять, но очень хочу быть рядом с ним, когда он проснется.

— Вы хотите, чтобы я провел лекцию вместо Вас?

Доктор Ксандер делает паузу.

— Вы могли бы?

— Какую тему Вы должны были рассказывать сегодня?

— Мариус, я ваш должник, — преподаватель экономики тащит стул по полу, тот скрипит, когда он опускается в него. — Мы дошли до середины фиатных валют и перешли к криптовалюте. Позвольте поделиться своими заметками.

Я проглатываю стон, наклоняю голову и кладу ее на колени профессора. Он постукивает пальцами по моей макушке, заставляя поднять взгляд.

Профессор Сегал пододвигается на стуле, и я оказываюсь зажатой между его раздвинутых ног, а рука, которая до этого лежала у меня на голове, сейчас расстегивает ширинку.

ФЕНИКС

Моя челюсть падает все ниже по мере того, как профессор расстегивает молнию. Доктор Ксандер приступает к обзору лекции, которую намерен пропустить и даже примерно не представляет, что происходит под столом.

Я не слышу ни слова из того, что он говорит, ведь вся концентрация нацелена на руку, подзывающую подвинуться ближе.

В горле пересохло.

Какого черта?

Это ведь не серьезно? Он же не хочет, чтобы я отсосала ему прямо перед его коллегой? Что, если один из нас издаст какой-нибудь звук? А как мы все объясним, если будет пожарная тревога?

Профессор Сегал притопывает ногой.

Потом шелкает пальцами.

— Какие-то трудности? — спрашивает доктор Ксандер.

— Просто кое-что требует особого внимания, — профессор отвечает голосом таким же гладким, как его шелковые боксеры.

Звучит, как сигнал начинать... Или вроде того.

Тепло растекается по низу живота, и пульсация между ног становится сильнее.

Стыд съедает от того, что я завелась от перспективы быть пойманной.

— Придурок, — шепчу я.

Когда я дергаю ширинку, его огромный член выскакивает и бьет меня по щеке будто бы с укором, что пришлось ждать так долго. Он предельно твердый и вены на стволе еще более рельефные, чем в предыдущие разы.

Капля смазки скапливается на большой, налившейся головке и от одного вида мой рот наполняется слюной, а внутри все сжимается от желания.

Случайная мысль возникает в голове. Почему он еще не трахнул меня этой штукой?

Я хочу, чтобы он перегнул меня через стол и направил в мою киску этот огромный член. Хочу, чтобы он растягивал, пока не станет больно. Хочу, чтобы вбивался в меня, пока не закричу.

Он щелкает пальцами снова, выводя из члено-наблюдательного ступора.

Я лезу в ширинку, достаю его прелестные яички и начинаю играть с ними пальцами. Профессор раздвигает ноги шире, что я принимаю это как позволение продолжать.

Двигая языком от основания члена, я обвожу контуры выступающей вены, которая уходит в сторону. Возвратно-поступательными движениями пробегаю по нижней стороне его ствола к точке, где он переходит в головку.

Здесь есть чувствительная зона, которая всегда выжимает из профессора стоны, если уделить ей внимание языком. Мои нежные тягучие ласки заставляют его бедра дрожать.

Это на самом деле забавно.

Устав от этого места, я осыпаю поцелуями его сочную головку, наблюдая, как капля смазки увеличивается все больше, пока не создается ощущение, что она вот-вот упадет. Как раз перед этим я слизываю жидкость языком. Чтобы убедиться, что ничего не пропустила, хорошенько вылизываю щель, нежно погружая в нее кончик языка.

Профессор Сегал сжимает ногами мои плечи и прочищает горло.

— Вы в порядке, Мариус? — спрашивает доктор Ксандер.

— Мы теперь обращаемся друг к другу по имени?

— Ох, — доктор Ксандер кажется расстроенным. — Я подумал, что после вчерашнего... вы помогли мне с лекцией, да и наши планы на выходные...

Голос мужчины затихает, и я представляю, как профессор Сегал прожигает его глазами. Глазами, которые могли бы заставить меня кончить, если бы он смотрел достаточно долго.

Я обвожу языком головку, профессор запускает пальцы в мои волосы и одобрительно поглаживает по голове. Я буквально мурлычу от молчаливой похвалы.

Когда обхватываю его губами, готовая взять на всю длину, пальцы в моих волосах напрягаются. Я отодвигаюсь и смотрю на руку, позволяя его толстому влажному члену покачиваться в воздухе.

Он покачивает ладонью верх-вниз. Уверенна, это просьба сбавить темп.

Мои глаза расширяются. Он это не всерьез.

Ни за что, черт возьми, я не смогу продолжать это до конца пламенной речи доктора Ксандера. Он уже по полной программе дает лекцию по экономике и давно ушел в отрыв, как делает это в аудитории перед группой.

Я щелкаю зубами, чтобы показать свое раздражение, но теперь профессор Сегал барабанит пальцами по бедру.

На универсальном языке нашего общения это значит: «Если ты заставишь меня ждать»

еще секунду, я буду шлепать тебя, пока зад не станет цвета космоса».

Послав доктору Ксандеру мысленную просьбу сворачивать свою мини-лекцию и уходить, я сжимаю губами ствол и начинаю слегка посасывать.

Его пальцы поглаживают мои волосы, и гордость заливает все в груди от этого одобрительного жеста.

Но когда поднимаю руку, чтобы обхватить его, он дергает меня за волосы.

— *Черт*, — я шиплю сквозь зубы.

— Что это было? — говорит доктор Ксандер.

Желудок сжимается в комок. Вот он.

Момент, когда доктор Ксандер наклонится и найдет под столом меня, ублажающую нового профессора.

Блять.

Все уже знают меня, как девушку, сосавшую банан. Если нас поймают сейчас, то слухи разойдутся по университету, и меня точно отчислят.

А потом папа появится из неоткуда и скажет, что всегда был прав. Что я такая же, как и остальные женщины. Мои мысли несутся галопом, как стая диких жеребцов, как вдруг голос профессора прерывает мои размышления.

— У меня постоянно проблемы с этим стулом, — отвечает он так, будто ужасно раздражен офисной мебелью.

— Отдел технического обслуживания должен его заменить, — доктор Ксандер необычайно полон надежды. — Если Вы пожелаете, я мог бы...

— Я напишу им о проблеме сам, — отвечает профессор, нетерпеливо касаясь моей головы. — Давайте продолжим заниматься тем, чем занимались.

Доктор Ксандер делает паузу, и я представляю его растерянность, ведь они не занимались ничем, кроме обсуждения экономики.

Это было адресовано мне. Негодяй хочет, чтобы я продолжала, но не торопилась.

Так что я облизываю, касаюсь, тихонько причмокиваю, обхватываю губами его ствол, но не сосу. Когда челюсть начинает ныть, я спускаюсь дорожкой поцелуев вниз к его яичкам и губами уделяю им внимание.

Профессор делает долгий, довольный вздох. Кто бы мог подумать, что он так любит, когда ему посасывают яйца?

Но, поласкав их, по моим подсчетам, около десяти минут, челюсть снова дает о себе знать, и я перехожу к стволу, вылизывая его снизу вверх. Чтобы язык не занемел, провожу им вокруг головки члена.

Дыхание профессора ускоряется, как и мой пульс. То, что я делаю, работает. Голос доктора Ксандера едва ли прорывается сквозь шум крови в ушах.

Я определенно заставлю профессора Сегала кончить.

Ускоряя движения, я стимулирую чувствительное место, где головка переходит в крайнюю плоть.

Его пальцы в волосах напрягаются, так, наверное, жокей тянет поводья в попытках остановить мчащуюся лошадь. Он хочет, чтобы я замедлилась. Я хочу, чтобы он кончил. Ускоряюсь и лижу, не обращая внимание на боль, напряжение, и наказание, которое ждет меня за поведение.

Профессор Сегал вот-вот кончит по моей команде.

Я кладу руку на его бедро, чтобы удержать равновесие и все естество внутри

напрягается от твердости мускулов под ладонью.

Он так близко, я намерена выжать все до капли.

— Спасибо. Я думаю, материала достаточно, чтобы провести лекцию, — говорит профессор напряженно.

Я удваиваю напор. Этот сукин сын хочет спокойненько кончить, не глядя другому человеку в лицо.

Ха.

Не со мной.

— Вы уверены? — говорит доктор Ксандер. — Вы выглядите напряженным.

Я обхватываю губами его головку и, опускаясь вниз, беру почти на всю длину. В другой раз я могла бы начать двигать головой, но не хочу удариться о стол. Вместо этого я втягиваю щеки и нежно сжимаю его яйца.

Профессор Сегал издает сдавленный горловой звук и прячет его за кашлем. Теплая жидкость ударяет в заднюю стенку моего горла. Сглатываю вокруг члена, пока он кончает, и продолжаю массировать.

К моменту, когда он перестает кончать, у меня в ушах звенит, а челюсть, кажется, вот-вот развалится. Член обмякает во рту, и я отодвигаюсь.

— Спасибо, профессор, — говорит доктор Ксандер, поднимаясь со стула.

— Да-да, — отвечает он слишком расслаблено для человека, который только что прослушал лекцию о криптовалютах. — Не забудьте, что теперь Вы — мой должник.

— Конечно, — шаги удаляются к двери. — Я передам профессору Экхарту ваши пожелания.

Профессор Сегал только ворчит.

Дверь со скрипом открывается, но профессор замирает, пока она не захлопывается со щелчком. Он отъезжает на кресле назад и смотрит на меня, подняв брови.

— Ты испортила мой план.

— Какой план? — я спрашиваю невинно.

— Я хотел, чтобы ты проглотила после того, как он уйдет.

— Извини, — говорю я без капли сожаления.

Его губы кривятся в улыбке.

— Хочешь, чтобы я вернул должок?

Возбуждение растекается по венам, и я представляю его стоящим передо мной на коленях, пока я зарываюсь пальцами в его роскошные волосы. Отгоняю эти мысли. Профессор Сегал не становится на колени перед женщинами.

Это точно уловка.

Он впивается в меня взглядом, в глазах пляшут огоньки.

— И?

Он протягивает эту гласную в точности как герои мрачных романов, которые я так много читала и это выводит из равновесия. Требуются все усилия, чтобы судорожно не вздохнуть, когда я киваю.

— Что же, хорошо, — он отступает на шаг, давая мне выползти из-под стола. — Проси.

Моя ноющая челюсть падает на пол.

— Что?

— Ты услышала меня с первого раза, — говорит он.

Да, я услышала, но надеялась, что он это не серьезно.

— Проси.

Зубы клацают сами собой.

— Ты шутишь? — рычу я. — После часа...

— Сорока восьми минут.

— После сорока восьми, мать их, минут, лизания и сосания, после трех дней минета подряд я должна умолять?

Он просто стоит и смотрит на меня сердитым взглядом, тем, который подсказывает, что я испытываю его терпение. Тем, который говорит, что я вот-вот по уши влипну.

— В качестве альтернативы я могу пороть тебя, пока тушь с лица не стечет.

Ни.

За.

Что.

— Пожалуйста, — я говорю сквозь зубы.

— Пожалуйста, что?

— Пожалуйста, позвольте мне кончить, — выдавливаю я. — *Сэр.*

Он садится обратно на кресло.

— Поцелуй мой ботинок.

— Что? — слово вылетает прежде, чем успеваю подумать.

— Мы оба знаем, что у тебя фут-фетиш.

Он поворачивает стул в сторону и вытягивает правую ногу.

Мои щеки горят от унижения. Я настолько низко пала? Готова ползать на четвереньках и целовать мужчине ноги потому, что отчаянно хочу, чтобы меня вылизали?

Его хмурый взгляд становится мрачнее, и дрожь ужаса устремляется к низу живота. Черт, за все время своего жалкого существования я никогда так не заводилась.

Черт.

Каждый сантиметр кожи охвачен огнем, а каждый шаг по направлению к профессору сотрясает тело.

Зубы непроизвольно сжимаются, когда я опускаю голову и прижимаюсь губами к кончику его ботинка.

Ноздри наполняются запахом кожи и полироли, напоминая об игровой комнате и кровати с балдахинном. Вспыхивают воспоминания о том, как он вынуждал кончать снова и снова, пока тело не отключилось, и внутренние мышцы сжимаются от ярких картинок.

Дерьмо, может быть, у меня действительно фут-фетиш.

И я готова сделать столько вещей, чтобы испытать эти ощущения еще хоть раз.

Я отодвигаюсь, тяжело дыша, и встречаю его удовлетворенный взгляд.

— Я поцеловала ваш ботинок. Теперь я могу кончить? — голос поднимается до хныканья, заставляя меня съежиться.

— Трахни его.

Сидя на пятках, я наклоняю голову и хмурюсь.

— Что это значит?

Профессор Сегал вытягивает ногу, которую я только что поцеловала, и прижимает ее вплотную к моей киске, к моему ноющему клитору. Прикосновение посылает колющий разряд в каждое нервное окончание и оседает внутри с поразительным толчком.

— Оу.

— Оу, действительно, — он приподнимает бровь. — Будь хорошей девочкой и заведи

свою награду.

Последний клочок достоинства говорит мне встать и уйти, но жаркий взгляд напротив, сжигает дотла.

Я действительно собираюсь трахать ботинок профессора, как отчаянная шлюха?

ФЕНИКС

Я думала, что нет ничего более унижительного, чем бутылка вина, но профессор Сегал нашел кое-что похуже.

Руки и ноги дрожат, когда я подвигаюсь ближе к нему и опираюсь одной рукой о его кресло, а второй о стол, чтобы не потерять равновесие.

Он пристально смотрит на меня сверху пылающим взглядом.

Несмотря на то, что его зрачки расширены, ледяная синева радужных оболочек согревается крошечным огненным кольцом. Он тяжело дышит, ноздри слегка раздуваются. Большой сукин сын получает от этого удовольствие.

Единственное, что подталкивает меня дальше, это перспектива испортить его начищенные ботинки своей мокрой киской.

Я покачиваюсь вперед и трусь клитором о кончик ботинка. Взрывная волна удовольствия прокатывается от крошечного комочка нервов, и я издаю стон.

— Тщц... — он прикладывает палец к моим губам.

Если бы похоть не разрывала меня на части, я бы укусила, но не могу позволить ему убрать ботинок.

— Только посмотри на себя, седлаешь мой ботинок как шляха, — говорит он, будто бы читая мои мысли.

— Нет, — шепчу я.

— Ты маленькая блядь, тебе же все равно, от чего получать удовольствие, даже если это ботинок твоего профессора.

Я сжимаю губы, чтобы не закричать. Что может быть хуже, чем тереться киской о ботинок мужчины? Только быть пойманной во время этого.

Пот выступает на лбу, когда я устанавливаю ритм.

— Это моя девочка, — говорит он. — Ты выглядишь так прекрасно, седлая мой ботинок, как нетерпеливая потаскушка.

Стыдящие слова профессора скатываются по моей коже как нежные ласки.

Соски напряглись, а мышцы внутри сжимаются и расслабляются в унисон с ритмом его издевательств. Черт. Я могу кончить от одного звука его голоса.

— Скажи, как сильно ты хочешь кончить, — говорит он.

— Пожалуйста, — я выжимаю шепотом.

— Скажи мне, какая ненасытная у тебя маленькая киска.

— Да, — слова срываются с моих губ. — Ненасытная. Только для Вас...

— Грязная девочка, — говорит он с довольным рокотом. — Я хочу, чтобы ты кончила. Прямо на мой ботинок.

Я ускоряю движения бедрами, хватаюсь за подлокотники его кресла, чтобы удержать равновесие, и трусь сильнее. Напряжение растет внутри, давит на нервы под всем весом моего стыда.

— Быстрее.

Раздражённый вздох вырывается из горла.

— Дай мне минуту.

— Я сосчитаю до трех и уберу ботинок.

Я ускоряю темп.

— Один, — произносит глубокий голос, пробирающийся под кожу. — Два...

Оргазм накрывает сильнее, чем когда-либо прежде. Я раскрываю губы, резкий поток воздуха врывается в легкие.

Профессор бросается вперед, накрывая мой рот ладонью, и приглушает крик, но это никак не задевает ощущения, которые поднимаются из глубины.

Я теряюсь в силе оргазма, тело распадается на кусочки. Он сильнее, чем в тот раз, когда профессор трахал меня бутылкой или использовал как бокал. В этот раз унижал меня не он, а я сама.

Дерьмо. У меня склонность к мазохизму.

Слезы застилают взгляд. Я не знаю, почему. Прежде, чем я успеваю понять, он заключает меня в объятия и прижимает к груди, пока я продолжаю распадаться на части.

— Тщц... — шепчет он на ухо. — Все хорошо.

Я тяжело дышу, не знаю, как долго мы сидим вот так, прижавшись друг к другу, но тело тает. Крошечная искорка здравого рассудка в глубине подсознания спрашивает, почему я ищу утешения в объятиях мужчины, который унижил меня, но я лишь тушу ее со вздохом.

Когда мое дыхание восстанавливается, отодвигаюсь и встречаюсь глазами с его теплым взглядом.

— Я хочу пить, — получается шепотом.

Его глубокий смешок с вибрацией проникает внутрь моей груди.

— Думаю, у меня есть кое-что, что тебе понравится.

Я отрываю и закрываю саднящую челюсть.

— Спасибо, но тогда я предпочту порку.

Профессор Сегал кивает в сторону настенных часов, разжимает объятия и опускается обратно на стул.

— Ну, тогда давай, — он хлопает по ногам. — Ложись на колени.

— Но мой зад до сих пор болит после субботы.

— Я не стану повторять.

Мой взгляд устремляется к двери. На нано секунду я задумываюсь и оцениваю шансы выбежать в коридор. Но безумная часть меня хочет узнать, что же он будет делать дальше.

Я ложусь поперек его колен, и профессор кладет руку мне на поясницу, чтобы поддержать. Возбуждение трепещет в каждом нерве, но мышцы напрягаются в ожидании жгучего шлепка.

Он выдвигает ящик и достает что-то, что с легким стуком ударяется о поверхность стола.

Кожаный пэддл?

Мурашки пробегают по позвоночнику.

Он бы не стал.

Затем я слышу щелчок, как будто открылся тубик, мои брови сами собой сдвигаются, и я спрашиваю:

— Что Вы делаете?

Он отодвигает мои трусики в сторону, и проводит кончиком пальца от киски к заднице, и обводит вокруг дырочки таким нежным движением, что тело расслабляется.

— Ох... — вырывается у меня с придыханием.

— Тебе нравится?

Блять, да.

— Вполне.

Он продолжает блуждать кругами вокруг дырочки, поднимаясь и опускаясь к складочкам, пока я не впиваюсь в его ногу.

— Еще.

— Ты уверена?

— Пожалуйста.

В ответ я чувствую что-то влажное и скользкое, и все мои мышцы сжимаются.

— Это снова гель?

— Смазка, — следует нежный шлепок. — Расслабься.

— Хорошо, — я отпускаю напряжение. — Вы хотите сделать это пальцами?

— Как ты хочешь, чтобы я подготовил тебя к аналу? Пальцами или игрушкой?

— И так, и так. У Вас есть анальная пробка? — спрашиваю я.

— Не совсем, — отвечает он, заполняя мой задний вход чем-то тонким и эластичным.

Я сжимаю зубы.

— Профессор?

— М-м-м? — он кругами массирует оба моих бедра, но я не смогу расслабиться. Точно не смогу, пока не раскрою его коварный план.

— Почему она такое маленькая?

— Это небольшой план, который я придумал для тебя прошлой ночью, — отвечает он. — Чтобы в будущем удерживать от плохого поведения во время моих лекций.

— Но я не...

— Ты хотела довести меня до такого стояка, что я бы даже думать связно не мог от мысли о моем члене у тебя во рту, — он сжимает руку на заднице.

Я шиплю сквозь зубы.

— Но это была всего лишь шутка.

— Не нахожу ничего смешного в том, чтобы любоваться тобой, лижущей банан.

Он тянется за чем-то к столу, и вставляет это между складочками моей киски. По ощущению, оно сделано из пластика и по размеру не больше фонарика.

— Эм... профессор, что это?

— Это надувная анальная пробка на дистанционном управлении.

Горло сжимается так, что я почти задыхаюсь.

— Для чего это?

— Чтобы подготовить тебя. Ты понадобишься мне сегодня чуть позже, — он возвращает мои трусики на место и нежно подталкивает.

Уловив подсказку, я поднимаюсь с его колен и расправляю юбку. Профессор Сегал сидит в кресле, а его взгляд блуждает по моей фигуре вверх-вниз.

Я даже не могу полностью насладиться его вниманием, ведь разум занят как мыслью о пробке, так и перспективой встретиться с ним после занятий.

— Я думала, мы встречаемся завтра.

— План изменился, — он снова переводит взгляд на стол и закручивает крышку тубика со смазкой. — Я хочу, чтобы ты явилась ко мне домой в воскресенье в полдень на обед.

— Приготовите жаркое? — спрашиваю я, прищурив глаза.

Он забрасывает тубик в шкафчик стола, закрывает его, и снова бросает взгляд на меня.

— Да.

Бабочки роем взмывают в моем животе.

— Угу... хорошо.

Легкая улыбка касается его губ, и это незначительное движение заставляет сердце трепетать. Но прежде, чем я успеваю насладиться моментом, он выпроваживает меня. Хватаю свою сумку с книгами и иду к двери.

Под воскресным обедом имелось в виду приглашение на двадцать четыре часа, я уверена. Сколько извращенного секса может выдержать девушка, прежде чем взорвется?

Я уже на полпути по коридору, когда понимаю, что:

1) Я ума не приложу, как работает эта помпа.

2) Следующее занятие — макроэкономика.

3) Которую ведет профессор Сегал.

4) И, технически, он еще не наказал меня за проделку с бананом.

Дерьмо.

Оглядываюсь через плечо, прикидывая, что может случиться, если я отключу устройство. Рука сама сжимается в кулак.

Ни за что.

Предвкушение пробегает по моему позвоночнику. Я мчусь вниз по лестнице, через коридор, пробираясь к среднему лекционному залу, когда слышу шаги позади.

Вир Бестлэссон трусцой подбегает с листовкой в руках.

— На случай, если передумаешь насчет субботы.

Я смотрю на фиолетовый листик с изображением троих участников, извещающий, что его группа «Оловянные солдатики на Плутоне» выступает завтра в «Кампус Кафе» и вспоминаю, как он что-то такое упоминал на этой неделе.

— О, круто, — пытаюсь наполнить свой голос энтузиазмом.

Вир обнимает меня за плечо.

— Я видел последствия вчерашней лекции. Хочешь, я сделаю что-нибудь с этим придурком?

Отмахнувшись от него, я еще раз удивляюсь, почему он вдруг стал таким дружелюбным, но он только обнимает меня за талию.

— Эй, убери руки, — рывкаю я.

Он вскидывает обе ладони.

— Прости, я просто обнимал тебя. Всем было плевать, когда он швырнул стул мне в голову.

Я пощипываю переносицу, вспоминая, что несколько девочек начали петицию, чтобы уволить профессора Сегала, ведь он поставил меня в неловкое положение.

Кажется, все думают, что я расстроена из-за комментария о минете, но никто не возмущался из-за того, что случилось с Виром.

— Верно, — говорю я со вздохом. — Не беспокойся обо мне, я в порядке.

Устройство жужжит, заставляя вздрогнуть.

— Что это за звук? — спрашивает Вир.

— Какой звук? — я сдвигаю сумку на низ живота и продолжаю идти к лекционному залу.

— Было бы здорово, если бы ты пришла завтра, — он не отстаёт. — И приведи свою подругу Шарлотту.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть ему в глаза. Одина радужка ледниково-голубая, а другая с янтарными крапинками, которые кажутся почти зелеными. С каких это пор у него гетерохромия?

— Эм... она тебе нравится?

— Моему другу, Акселю, — отвечает он, пожимая плечами.

— Хорошо, — мы поворачивает за угол. — Я спрошу, не хочет ли она пойти.

Когда мы подходим к лекционному залу, у дверей собирается небольшая толпа. Рука Вира натывается на мою. Это незначительное движение, возможно, просто результат неуклюжести.

Но когда его пальцы касаются моих, я снова поворачиваюсь, чтобы встретиться с ним взглядом.

Губы приоткрываются, и я собираюсь спросить, зачем он пытается взять меня за руку, как кто-то позади прочищает горло.

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что профессор Сегал идет в нашу сторону и испепеляет взглядом. Мотор в трусиках снова зажужжал, и все нервы в ногах наэлектризовались.

Но когда резиновая штука в моей заднице начала надуваться, весь позвоночник прошибло напряжением, а ноги словно вросли в пол.

Мне конец.

— Эй, — Вир обнимает меня за плечо и ведет через дверь лекционного зала. —

Макроэкономика вот-вот начнется.

Я вхожу в лекционный зал на негнущихся ногах. Одной рукой все еще сжимаю сумку, маскируя вибрирующий мотор, а другой прикрываю рот.

Пробка в моем заднем проходе надувается, всасывая воздух, который скользит по влажным складкам. Она давит на внутренние стенки и киску, заставляя вздрагивать. Мой клитор набухает от вибрации, заставляя сглотнуть стон.

Мне машет рукой сидящая где-то посередине зала Шарлотта, но я не могу смотреть на лестницу. Только не с дрожащими ногами, когда каждый шаг грозит стать последним.

Кроме того, Вир не отпускает мое плечо, а я слишком слаба от шока и возбуждения, чтобы помешать ему вывести меня в первый ряд.

— Добро пожаловать на продвинутый курс по макроэкономике, — голос профессора Сегала звучит издали, хотя он стоит рядом за трибуной. — Доктор Ксандер попросил меня провести сегодняшнюю лекцию о криптовалюте. Кто-нибудь может объяснить, почему это не фиатная валюта?

Несколько человек поднимают руки, и профессор выслушивает каждое их объяснение, прежде чем кто-то дает правильное. Что бы ни ответил этот человек, его слова растворяются в тумане удовольствия, поскольку вибрация мотора стимулирует клитор достаточно, чтобы разжечь искры удовольствия, но недостаточно, чтобы довести до оргазма.

У меня пересыхает в горле. Стук между ушами такой силы, что сотрясается мозг. Каждая капля моего внимания концентрируется на клиторе и заднице.

Я смотрю вперед, не отрывая глаз от профессора Сегала. Его губы шевелятся, но я не слышу ни слова.

Черт, я даже не вижу, что на слайдах.

Как ни странно, профессор остается за трибуной и не ходит по кибнету. Я бы задалась вопросом, скрывает ли он таким образом свою эрекцию, но у меня есть более насущные проблемы.

Например, резиновая игрушка в заднице, которая теперь превышает обхват мизинца. Кроме того, она увеличивается не только в диаметре, *но и в длине*.

Дыхание становится поверхностным, на лбу выступили капельки пота. Я сжимаю бедра вместе, пытаясь усилить давление на клитор.

Вир наклоняется ко мне и шепчет:

— Ты в порядке?

Я резко киваю.

— Ты уверена?

Профессор Сегал нажимает на пульт, но слайды позади него не меняются. Вибрация усиливается, отчего соски твердеют. Воздух обдувает киску, и помпа снова надувается.

Окей. Это не пульт от проектора у него в руке. Это пульт, который активирует мою помпу.

Я сглатываю снова и снова, пытаюсь найти способ избежать этой пытки. Студенты сидят слева и справа от меня, прижимая к месту, а впереди сидит сексуальный садист, который установил в меня игрушку и точно знает, как она на меня действует.

Весь лекционный зал вращается. Это хуже издевательств, хуже мести. Блять, это бесчеловечно. Я совершенно растерянная и мокрая, и каждый раз, когда Вир наклоняется ко мне, чтобы прошептать что-то на ухо, профессор Сегал нажимает на пульт.

Все ощущения перетекают в промежность, и я не могу ясно мыслить. Покачиваюсь взад-

вперед, тщетно пытаюсь стимулировать пульсирующий клитор, но даже он болит после того, как я терлась о ботинок.

Прямо сейчас я ненавижу профессора Сегала.

Он красуется за этой гребанной трибуной, как серый павлин, и все ловят каждое его слово, как будто он святой покровитель криптографии.

Подлец отклоняется от информации, которую ему дал доктор Ксандер, доказывая, что он знал все об этой теме с самого начала, но держал еще одного человека в кабинете просто так.

— Феникс? — спрашивает Вир.

— Не сейчас, — я качаю головой.

Не могу вынести его жужжание над ухом. Только не с этой постоянно расширяющейся резиновой пробкой в заднице. Только не с киской, такой влажной и скользкой, что влага может просочиться через юбку. И не тогда, когда клитор такой горячий, опухший и раздраженный, что кажется, вот-вот взорвется.

Если Вир не заткнется, я закричу.

Хуже всего то, что я даже не могу опустить руку вниз и кончить, потому что взгляд Вира обжигает мое лицо.

— На этом знакомство с криптовалютами окончено, — говорит профессор Сегал, выглядя очень довольным. — Вопросы?

Нет.

У половины людей руки взлетают вверх, а моя грудь сжимается от хныканья. Профессору обязательно всегда быть таким добросовестным?

Я просто хочу, чтобы эта лекция закончилась.

МАРИУС

Лекция заканчивается, но стояк так никуда и не делся. Несмотря на гул голосов студентов в аудитории, мой разум концентрируется только на одной задаче: вернуться в кабинет и отодрать Феникс на одной из многочисленных кожаных поверхностей.

Потребовалась каждая крупинка самоконтроля, чтобы не смотреть на нее, активируя надувную пробку. Но после каждого нажатия кнопки мой член твердел.

Я собираю бумаги, лист посещаемости, оставшиеся вещи и засовываю их в папку.

Слева подходят три фигуры. Я уже могу сказать по их одинаковым каштановым волосам и сияющему загару, что это Талия Грейс и ее кузины, Мия и Черис.

Все надежды на то, что они пройдут мимо, улечиваются, когда девушки остаются на месте. Как и мой стояк. Средняя кладет наманикюренные пальцы на край трибуны и подается вперед на цыпочках.

— Да, мисс... — я умолкнул, словно забыл ее имя.

На щеках девушки расцветает румянец.

— Талия Грейс, и у меня есть вопрос по заданию, которое вы прислали.

Я захлопываю папку.

— Тогда обязательно отправьте его по электронной почте.

Ее лицо меркнет.

— Но...

— Никаких «но», — говорю я, сохраняя холодный голос. — Студенты не диктуют условия получения внеклассного внимания.

Я оборачиваюсь и встречаюсь с яростным взглядом. Ее ноздри раздуваются, а губы подрагивают.

Смотрю на нее сверху вниз, не выражая никаких эмоций. Тщательно проработанная красота мисс Грейс очень напоминает о матери даже сочетанием цветов. Идеальные брови, вылизанный макияж, а стратегически низкое декольте летнего платья натянулось на груди с имплантами.

Она из тех девушек, которые привыкли привлекать внимание мужчин, но не понимают, что красота — всего лишь иллюзия.

Глаза цвета красного дерева пылают таким же вызовом, как и глаза моей матери, когда много лет назад я пытался убедить ее бросить Криуса. Это разрисованная маска, скрывающая разлагающуюся личность.

— После того, как Вы прочитаете учебник и дадите свое определение ВНД, мы обсудим его в аудитории. Это понятно?

— Да, сэр, — шипит она и поворачивается на каблуках.

Вернувшись к бумагам, я не стал смотреть, как она уходит. Не сомневаюсь, что два ее пажа следят за мной, чтобы увидеть реакцию.

— Сэр? — Феми Олорун, парень с афро-прической, подбегает трусцой. — Если у криптографии такой огромный потенциал, то какой смысл заниматься чем-то еще?

Мой взгляд скользит над его плечом туда, где Феникс поднимается со своего места в сопровождении невероятно внимательного мальчишки Бестлэссона. Я возвращаюсь к мистеру Олоруну и даю разумное объяснение.

Люди в этом бизнесе имеют значительное состояние, но также и непомерные аппетиты. У Криуса обширный список недвижимости в Великобритании и за ее пределами, что обеспечивает значительный доход. Большинство людей на его месте жили бы за счет ренты и прироста капитала, но Криус пристрастился к власти.

Власть над женщинами, власть над другими мужчинами, власть делать все, что ему заблагорассудится.

Пока мистер Олорун потирает подбородок, обдумывая мои слова, я собираю вещи и ухожу.

Вернувшись в кабинет, звоню Квинн с одноразового телефона.

— Мне нужно, чтобы ты кое-где покопалась.

— Ни «привет», — говорит она. — Ни «как ты»?

Я расслабляюсь в кресле.

— Привет, Квинн. Как ты?

— Ах, забудь об этом, — огрызается она. — Что нужно?

Мои губы изгибаются в полуулыбке.

— Я хочу, чтобы ты поискала места рядом с Марина Виллэджд, которые не связаны ни с одной из крупных семей.

— Хорошо, — отвечает она. — Но ты приблизился к тому, чтобы найти Криуса?

— Даже близко нет. — выдыхаю свое разочарование. — Ты?

— Он не посещает ни один из своих борделей. По крайней мере, не те, о которых мы знаем.

Моя челюсть сжимается. Проглатываю злость. Не на Квинн, а на самого себя в молодости за то, что растерял способность к эмпатии.

— А для чего вообще нужно это место? — ее голос возвращает меня к сути разговора.

— Я хочу устроить концерт студенческой группы.

— Зачем?

— Наш объект — ее солист.

Квинн делает паузу. Мне не нужно находиться рядом, чтобы слышать движение шестеренок в ее голове. Она уже поняла, что я планирую выманить Вира Бестлэссона из охраняемого кампуса обещанием более широкой аудитории.

— Ты подумываешь о том, чтобы установить слежку за местом похищения, — говорит она.

— Верно.

— Нет. Криус не настолько глуп, чтобы самостоятельно хватать объект на улице, — говорит она.

— Нет, но план состоит в том, чтобы последовать за ними туда, где будут держать мальчика. Он не сможет не навестить своего заложника, — отвечаю я с улыбкой.

Она довольно мычит.

— Тогда еще поговорим.

Дверь открывается, и мой взгляд замирает. Феникс врывается в кабинет, ее щеки восхитительно краснеют. Она стоит, уперев одну руку в бедро, а сумка свисает с плеча джинсовой куртки под странным углом.

Мой взгляд падает на ее стройные ноги, одетые в гольфы по колено в тон черной мини-юбке.

— Сообщи о своих успехах, — бормочу я Квинн, прежде чем повесить трубку.

Я выпрямляюсь в кресле и полностью сосредоточиваюсь на Феникс.

— Принято стучать в дверь профессора, прежде чем войти.

Она приоткрывает губы, чтобы возразить, но я поднимаю палец.

Ее рот захлопывается.

— Закрой дверь, — говорю я.

Она оглядывается через плечо и обнаруживает, что дверь приоткрыта. Когда она подходит к двери, чтобы хлопнуть, я добавляю:

— Поверни ключ.

Плечи Феникс напрягаются, но она подчиняется.

Открываю ящик стола и достаю небольшую коробку с игрушками и пачку салфеток. Согласно ее расписанию, у меня есть три часа, которые я намерен использовать с умом.

Она оборачивается, глядя на меня сверкающими глазами.

— Сдуй эту штуку, прямо сейчас.

— Ты не в том положении, чтобы отдавать приказы.

Я беру пульт.

— Пожалуйста.

— Я хочу, чтобы ты держалась подальше от этого блондинистого идиота с гитарой.

Ее брови сходятся.

— Вира?

— Так его зовут? — я машу пультом. — Он обнимал тебя за талию, как будто ты принадлежишь ему.

Она морщит нос.

— Он даже не друг.

— Он хочет большего, — огрызаюсь я. — И дурно влияет.

— Ревнуешь? — она переносит вес на одну ногу.

Я нажимаю кнопку на пульте и улыбаюсь тихому шипению воздуха. Глаза Феникс расширяются, и ее ладонь с хлопком ложится на промежность.

— Что я тебе сказал? — спрашиваю я.

— Держаться подальше от Вира Бестлэссона, — говорит она дрожащим голосом.

Я удовлетворенно киваю.

— Сиди со своей тихой подружкой Шарлоттой.

Феникс тяжело дышит, ее бедра трутся друг о друга, как будто она пытается усилить давление на клитор. Вид ее такой нуждающейся заставляет все мысли о грядущем похищении исчезнуть.

— Иди сюда, — говорю я.

Она делает шаг к столу, но я протягиваю ладонь, чтобы она остановилась.

— Ползи.

Черты ее лица напрягаются.

— И делай это с меньшим гонором, если хочешь когда-нибудь кончить.

Все неповиновение тает и утекает с ее лица, и она смотрит на меня с восхитительной смесью отчаяния и голода. Феникс с глухим стуком роняет сумку на пол, а затем становится на четвереньки.

Видимо, у моего члена тоже есть собственный пульт, потому что он каменеет при виде ее на четвереньках. Взяв коробку с игрушками и салфетки, я встаю со стула и иду по ковру к кожаному дивану.

— Сюда, — похлопываю по крепкому подлокотнику.

Феникс ложится, юбка задирается вверх. Легчайшие розовые следы красуются на верхней части ее бедер, что уже значительно лучше, чем синяки, которые были раньше.

Мысленно делая пометку запасть заживляющим гелем, сажусь рядом с ней на журнальный столик и открываю коробку, в которой лежит упаковка из трех презервативов и пробка из чистого серебра с кристаллом. В отличие от своего аналога из сверхпрочного силикона, это интимное украшение рассчитано на длительное использование.

Я сдуваю анальную пробку при помощи пульта, выпуская воздух между ягодицами, заставляя ее вздрогнуть.

— Это не я, — говорит она, повышая голос.

— Расслабься, — кладу руку на ее левую ягодицу и массирую нежными поглаживаниями. — Ты отлично справилась.

Она издает протестующий звук.

— Как все прошло?

— Ужасно, — отвечает она, фыркая.

— В самом деле? — ухмыляюсь и провожу пальцами по подолу юбки. — Что я найду, если задеру юбку?

Феникс стонет, и я уже знаю, что она промокла насквозь. Подвернув ткань к талии, я оттягиваю ее трусики в сторону. Мой взгляд скользит по пробке и фокусируется прямо на ее блестящей киске.

— Маленькая лгунья, — голос хрипнет. — Ты такая мокрая.

Она скулит, и звук идет прямо к растущему члену.

Я поправляю его ближе к поясу, чтобы не мешал. Как бы мне ни хотелось драть Феникс до искр из глаз, я хочу убедиться, что она готова.

— Оказывается, тебе нравятся анальные игрушки так же сильно, как и поклонение моим ногам.

— Мне это не нравится.

— Твоя киска говорит об обратном, — я провожу пальцами по ее влажной дырочке, собирая влагу. Феникс вздрагивает от моих прикосновений и стонет.

— Оближи, — подношу пальцы к ее губам.

Она сосет их, проводя языком вверх и вниз, как будто отчаянно хочет сосать член. Когда вылизывает дочиста, я вынимаю их, зачерпываю свою порцию ее влаги и засовываю палец в рот.

— Ммм... ты такая чертовски вкусная.

Феникс виляет задницей и издает счастливый звук.

— Ты трахнешь меня сейчас?

— После того, как выну пробку, — я широко раздвигаю ее ягодицы. — Расслабься.

— Что теперь? — спрашивает она с придыханием.

Отодвинув полоску трусиков, я натягиваю резиновую трубку, и сдугая пробка выходит из ее попки. Заворачиваю все это в салфетки и кладу в коробку с игрушками.

— Есть возражения против того, чтобы тебя здесь трахнули?

— А если я издам звук? — шепчет она.

Раздается стук в дверь, заставляющий нас обоих вздрогнуть. Возвращаю ее трусики на место, закрываю коробку с игрушками и встаю.

— Да? — я поворачиваюсь к двери.

— Аттена Белус, сотрудник по делам женщин Университетского студенческого союза, — произносит женский голос будто на службе. — Откройте.

Мои зубы скрипят.

— Приходите, когда будет назначена встреча.

Она снова стучит в дверь.

— Откройте дверь, профессор Сегал. Мы знаем, что вы наедине со студенткой.

— Блять, — бормочу я себе под нос.

Феникс слезает с дивана и встает, а на ее лице застывает маска паники.

— Садись туда, — киваю в сторону стула напротив стола. — И положи свою сумку на колени.

Она подчиняется без слов.

Мисс Белус и еще несколько кулаков обрушиваются на дверь — верный признак того, что она собрала толпу. Блять, дерьмо и сукины дети. Если я смог хладнокровно убить дюжину мужчин, то наверняка смогу потягаться и с толпой разгневанных девушек.

Подхожу к двери и останавливаюсь, держу пальцы над ручкой, ожидая, пока Феникс сядет на место. К этому моменту мой член уже полностью сдулся и неподвижно лежит в штанах, как и использованная анальная пробка. Напоминаю себе, что они ничего не знают и

подозревают меня только в словесном унижении Феникс на публике.

Только когда она встречает мой взгляд и кивает, я открываю дверь.

Аттена Белус, вероятно, одна из самых ярких женщин, которых я когда-либо видел. Ростом едва ли ниже меня, с обесцвеченными светлыми волосами, собранными в аккуратный шиньон, который не сочетается с оливковой кожей. Она смотрит на меня серыми глазами, придающими новый смысл выражению «боевая раскраска».

По обе стороны от нее стоят кузины Грейс и еще несколько студенток, которых я знаю по лекциям. Одна из них поднимает смартфон, предположительно, чтобы записать это противостояние на камеру.

Тогда желательно вести себя наилучшим образом.

— Что привело буйную толпу на мое рабочее место? — спрашиваю я.

Остальные ученики переглядываются в поисках воодушевления, но мисс Белус глаголит.

— У меня есть прошение о вашей отставке.

Я поднимаю бровь.

— На основании?

— Сексуальное насилие, — выпаливает кто-то на заднем плане.

— В самом деле?

— Сексуальное домогательство, — мисс Белус подносит свой смартфон с постом в интернете, призывающем к моему увольнению. — Здесь более трехсот комментариев.

Одна из кузин Грейс кивает.

— Что вы думаете об этом, профессор?

Учитывая, что три юные леди, сопровождающие мисс Белус, любят многозначительно сосать леденцы в классе, я не уделяю ей того внимания, которого она ждет. Вместо этого обращаюсь к главной.

— Дайте угадаю, — говорю я с ухмылкой. — Вы пытались и не смогли наказать меня, а пообщавшись с остальными людьми, получили вывод, что Университету королевы Марии, должно быть, повезло с таким выдающимся академиком?

Ее глаза сверкают, потому что я прав. Но это не значит, что я позволю этой девушке и ее подружкам сказать последнее слово.

— Я не разрешаю есть во время своих лекций. Ни фрукты фаллической формы, — мой взгляд скользит от мисс Белус к кузенам Грейс. — И уж точно не леденцы, которые лизут в похотливой манере.

У всех троих хватает порядочности опустить глаза.

Брови мисс Белус сдвинуты, а глаза вспыхивают от осознания того, что, возможно, эти дамы не такие уж невинные жертвы.

— Он просто извинялся за свой комментарий о банане, — выпаливает Феникс.

Мисс Белус смотрит на меня прищуренными глазами.

Я смотрю в ответ.

Если бы мое недолгое пребывание в Университете королевы Марии не было наилучшим шансом покончить с Криусом, я бы сказал что-нибудь поинтереснее. Но на деле я самый виноватый среди всех. Мои преступления по отношению к женскому студенческому обществу включают в себя не только один неуместный комментарий.

— Идем, Феникс, — фыркнула мисс Белус.

Феникс поворачивается ко мне и глазами просит разрешения уйти. Я еле заметно киваю ей и перевожу взгляд на других девушек.

— Закончили? — я скрещиваю руки на груди, а Феникс проносится мимо меня в коридор.

— Пока да, — мисс Белус обнимает Феникс за плечо и ведет ее к лестнице.

Мои губы образуют тонкую линию. С моей стороны было безрассудно ругать ее за то, что она ела банан на занятии. Еще более безрассудно пытаться что-либо делать на территории университета.

Я возвращаюсь в свой кабинет и закрываю дверь. Просто нужно дождаться воскресного обеда и заняться растлением Феникс как следует.

ФЕНИКС

Всего неделя, но теперь дни, которые начинаются без профессора Сегала, явно будут скучны.

Суббота тоже обещает быть скучной.

Вот, почему я лежу на матрасе в своей захламленной студии в окружении открытых книг. Я не могла сосредоточиться с тех пор, как Атена Белус и группа так называемых доброжелателей вытащили меня из его кабинета.

Сначала я думала, что они догадались о нашей связи, но на деле они просто предположили, что он сексист, который говорит дерьмовые вещи своим ученицам.

Солнце светит из дальнего правого угла комнаты, где прошлой ночью я забыла задернуть шторы. Прищурившись, просматриваю телефон и проверяю, получил ли папа мои сообщения.

Если верить приложению — нет.

Итак, это означает, что он либо выбросил телефон, либо кто-то другой избавился от устройства... и от него самого. Закрываю глаза, делаю глубокий вдох в ожидании хоть крошечного беспокойства.

Но нет даже намек на тревогу.

Оказывается, папа был прав насчет меня, и я видела в нем только копилку, потому что мне насрать на то, что его больше нет. Делает ли это меня ужасным человеком? Он может сидеть сейчас в чьем-то подвале, умоляя сохранить ему жизнь.

Я качаю головой.

У папы есть влиятельные друзья, которые могут защитить, и он слишком осторожен, чтобы спровоцировать кого-то убить его или арестовать.

Я выхожу из текстовых сообщений и проверяю банковский баланс, который по-прежнему превышает четырехзначную сумму, так как я не тратила большую часть того, что профессор Сегал перевел на этой неделе.

Грудь наполняется теплом от его щедрости, но чувство вины немного охлаждает. Это больше, чем нужно для выживания, а я выпросила целых две тысячи фунтов еще в начале переговоров.

Раздается стук в дверь, и мой пульс подскакивает до ста ударов в минуту. Я скатываюсь с кровати, спотыкаюсь о джинсовую куртку, которую бросила на пол вчера вечером, и перепрыгиваю через раскрытую сумку с книгами.

— Кто? — говорю, прежде чем дойти до двери.

Кто бы там ни был, он не отвечает, но я смотрю в глазок и вижу Шарлотту, стоящую в коридоре.

Сердце замедляется. Это не профессор Сегал. Страхиваю это чувство и говорю себе, что можно набраться терпения и подождать еще денек.

— Привет, — я открываю дверь.

Влажные волосы Шарлотты падают на футболку с британским флагом, которая доходит ей до колен. Я отхожу в сторону, позволяя ей войти в квартиру.

— Ты избегаешь меня, — говорит она.

— О чем ты? — я выпаливаю первое, что приходит в голову, ведь она права.

Шарлотта обходит барную стойку, запрыгивает на табурет и упирается локтями в глянцевую поверхность.

— Ты все еще волнуешься из-за своего отца? — спрашивает подруга.

Я потираю затылок и хмурюсь.

— Честно говоря, я будто забыла его в тот момент, когда он исчез из моей жизни.

Она качает головой.

— Я знаю, что он — та еще головная боль...

— Приятно не возвращаться домой на выходные каждую пятницу вечером.

Шарлотта фыркает.

— Да, я представляю. Но куда делся тот парень, которого ты встретила в «Красной комнате»? Ты была так взволнована из-за него, а потом все стихло.

Я пожимаю плечами.

— Он занят.

— Что это значит?

— Мы не так много общаемся, — опускаю взгляд в пол. — Но мы встречаемся в Марина Виллэджд за обедом в воскресенье.

Шарлотта молчит несколько секунд, и мои внутренности скручиваются от уколов беспокойства.

Университет королевы Марии — это не то место, где каждый занимается своим делом.

По крайней мере, половина студентов так или иначе связана с одной из главенствующих семей, а другая половина держит свои связи в тайне.

Но есть огромная разница между сокрытием правды и откровенной ложью.

— Хочешь позавтракать? — я иду на маленькую кухню, одну из немногих частей этой квартиры, которая действительно выглядит опрятно.

— У тебя есть еда?

Я улыбаюсь ей.

— Супермаркет кампуса только что доставил корзину.

Шарлотта крутится на своем месте.

— Отец прислал тебе деньги?

— Что-то вроде того, — избегаю ее взгляда и открываю шкафы, битком набитые продуктами.

Шарлотта соскальзывает со стула и насвистывает.

— Обычно у тебя не так много всего.

— Подозреваю, такое происходит, когда есть отец, выдающий деньги, — бормочу я, желая, чтобы она перестала задавать так много вопросов.

Мы с Шарлоттой готовим завтрак из бекона, сосисок, яиц и тостов, пока она рассказывает мне о каком-то парне, который ей нравится. Я киваю и мычу, когда нужно, мои внутренности переполняются желанием выдать волнующие новости.

Ох.

Если бы все не было так сложно.

Я доверяю Шарлотте, но не моя карьера будет смыта в унитаз, если станет известно обо мне и профессоре Сегале.

Кроме того, мне есть что терять. О подобном скандале может стать известно и там, где прячется папа, и последнее, что мне нужно, это его яростное возвращение.

— Итак, ты придешь? — спрашивает Шарлотта.

Я бросаю на нее пустой взгляд.

— В «Кампус Кафе», — говорит она, закатывая глаза. — Ты должна быть со мной на концерте «Оловянных солдатиков на Плутоне».

Мой взгляд устремляется к груде одежды, собранной перед открытым шкафом.

— У меня еще куча белья...

— Сложи его в сумку и позвони в прачечную кампуса, — говорит она. — И не говори, что не можешь себе это позволить, потому что продукты здесь весьма недешевые.

Я морщусь и перевожу взгляд на переполненные шкафы. Впервые у меня в распоряжении столько денег, и, может быть, я немного переборщила.

— Пожалуйста, — подруга дергает меня за руку.

Теперь моя очередь закатывать глаза.

— Ладно. Но я не останусь на всю ночь, потому что у меня встреча с этим парнем в воскресенье.

— Ты сказала, что у вас будет обед, — говорит она. — Такое ощущение, что тебя френдзонят.

Уголки моих губ дергаются.

— Надеюсь, нет.

Через несколько часов мы с Шарлоттой идем бок о бок по залитому солнцем университетскому городку. Сейчас здесь не так многолюдно, как в будние дни, потому что большая часть студентов приезжает из Лондона каждый день, хотя дорога и занимает полтора часа.

Любой, у кого есть хоть немного свободы, выезжает на выходные в Марина-Виллэдж, Брайтон, Литтл-Хэмптон или любой из соседних городков, чтобы не чувствовать себя застрявшим в роскошной образовательной тюрьме.

Шарлотта, должно быть, вспотела в своем винтажном кожаном пальто. Светлые волосы разделены ровным пробором посередине и тщательно выпрямлены утюжком. В этом образе она похожа на юную Марианну Фейтфул.

Я разглаживаю джинсовую юбку А-силуэта, которую меня все же уговорили надеть, так как это самая винтажная вещь в моем гардеробе.

Мы подходим к «Кампус Кафе», интерьер которого напоминает бурлеск-бар. Красные стены, паркетные полы и кабинки, обитые красным бархатом. В одном конце зала находится бар, а в противоположном — сцена с закрытыми кулисами.

Из колонок играет «Under Pressure» Дэвида Боуи, и я догадываюсь, что после этого сборника они перейдут к его более ранним работам, чтобы разогреть толпу.

Людей почти нет, несколько человек сгорбились над ноутбуками в кабинке рядом с выпивкой. Еще четверо стоят у стойки, их уже обслуживают.

Я вдыхаю смешанные ароматы кофе, взбитого молока и корицы, которые напоминают, что уже давно я не баловала себя чем-нибудь горячим с высоким содержанием кофеина.

— Тебе не кажется, что мы немного рано? — бормочу Шарлотте, когда мы становимся в очередь.

— Эй! — она пихает меня локтем в руку. — Зато зайдем отличные места.

Мы обе заказываем «Бейлис Латте», настолько алкогольный, что он полностью оправдывает поездку сюда.

Шарлотта тянет меня к первой от сцены кабинке, и я иду следом. Не то чтобы у меня были планы на субботу, ведь это только вторые мои выходные на свободе. Тем более, что Мариус отменил встречу в последний момент. Кажется, настал час расширять кругозор.

— Итак... — протягивает Шарлотта. — Чем он увлекается?

— Хм? — я подавляю улыбку. Она явно говорит о профессоре Сегале.

— Да ладно, ты избегаешь меня с субботы. Я знаю, что ты провела с ним ночь, потому что слышала, как ты спотыкалась в коридоре в воскресенье.

Делаю мысленную пометку не ходить в туфлях со сломанной шпилькой.

Несколько пикантных подробностей не помешают. Просто нужно быть осторожной и не выдать никаких ключевых особенностей его личности.

— Хорошо, — говорю я, пожимая плечами. — Мы провели субботний вечер у него дома, но я не хотела ничего говорить. Вдруг он исчезнет так же, как предыдущий.

— Как его зовут? — спрашивает она, хихикая.

— Я должна обращаться к нему «сэр».

Ее глаза расширяются.

— Нет.

Я киваю, мои губы растягиваются в улыбке.

— Неудивительно, что ты держала его в тайне. Это что-то в духе «Пятидесяти оттенков»?

Я натыкаюсь на взгляд Шарлотты. Ее карие глаза сияют от волнения, и это чувство заразительно. Даже мысль о нем вызывает трепет внутри, что глупо, ведь это сделка, а не отношения.

— Можно сказать и так, — бормочу я в дымящуюся чашку кофе. — Если бы он написал книгу так же, как трахается, это было бы слишком для печати.

Я прикусываю нижнюю губу. Технически мы еще не трахались, но я не могу подробно объяснить, что он умеет делать с неодушевленными предметами.

Шарлотта запрокидывает голову и визжит.

— Ну ты негодница!

— Только я не хочу, чтобы все знали, чем я занимаюсь, — быстро оглядываю заполняющееся кафе. — Ты же знаешь, какие здесь люди.

— Лицемеры? — спрашивает Шарлотта.

Прислушиваюсь внимательнее.

Хм?

— Я видела запись девчонок, которые вчера штурмовали кабинет наверху. Они все ноют об отставке профессора Сегала, хотя половина из них хочет его трахнуть.

Мой нос морщится при воспоминании о Талии Грейс и ее кузинах, пытавшихся соблазнить его леденцами.

— Правда?

— Тебе не кажется, что он горячий?

Меня по сей момент настолько беспокоит мысль обо всех этих девушках, соперничающих за внимание принадлежащего мне мужчины, что ее вопрос даже не вгоняет меня в краску.

— Мне больше нравятся татуированные парни без рубашек и в кожаных штанах на голое тело, — говорю я, пожимая плечами.

— Возможно, ты и права, — отвечает Шарлотта. — Представь, что ты трахаешься с таким серьезным мужчиной, как профессор Сегал.

Дрожь пробегает по позвоночнику, угрожая пульсацией в клиторе и затвердевшими сосками. Я отталкиваю эту мысль и трясую головой.

— Остановись.

Она хихикает.

— Он не так уж плох.

Он в самом деле хорош, но не в том ключе, в котором она предполагает. Несмотря на то, что мои слова являются правдой, и мы говорим о совершенно полярных вещах, я все равно не могу допустить, чтобы моя реакция была ошибочно истолкована как отвращение.

— Я избегала банды, которая пытается его уволить, — бормочу я. — Ты не знаешь, что с ними?

— Все стихло, когда он раскрыл, что они блефуют, — Шарлотта делает большой глоток

своего «Бейлис Латте» и вздыхает.

Громкий звук из динамика заставляет нас обоих подпрыгнуть, и мы обращаем внимание на сцену. Длинноволосый парень, который дрался в коридоре с Виrom, нажимает ногой на педаль и настраивает гитару.

— Приветик, — говорит он Шарлотте.

Белокурая шевелюра поворачивается.

— О, привет, Аксель. Ты играешь сегодня?

Я отключаюсь, пока они флиртуют, и пробегаю взглядом по другим кабинкам. Аттена Белус пялится на меня с того места, где сидит с кузинами Грейс. Я смотрю в ответ, приподняв брови, в немом вопросе: *«Почему ты глазеешь так, будто я нассала тебе в мятный чай?»*

Она фыркает и отворачивается к сцене.

Я поджимаю губы. Никогда не пересекалась с Аттеной и никогда не думала об этом. Обычно она просто общается людьми, связанными с верхушкой нашего «Олимпа». Я почти уверена, что она либо дочь, либо падчерица их лидера «Урана», а остальные девушки имеют отношение к его лейтенантам.

Она достаточно сильно раздражена тем, что я отказалась быть ее представителем в крестовом походе против профессора. Поскольку я не хочу начинать ссору, отвожу взгляд и оглядываю кафе.

Замечаю людей с курса экономики, финансов, маркетинга и организационной психологии. Университет королевы Марии обучает только деловым навыкам, но есть несколько студенческих обществ, где люди учатся таким интересным вещам, как охота и стрельба из лука. Я продолжаю осматривать кабинки, пока не добираюсь до последней.

Доктор Ксандер поднимает руку и машет кому-то впереди. Я предполагаю, что парню на сцене, который возится с педалью. Рядом с ним сидит лектор по маркетингу, доктор Раринг, одетая в красное платье со смехотворно глубоким декольте.

Я фыркаю и смеюсь над тем, как она старается ради свидания с нашим лектором по экономике, пока не появляется темная фигура с подносом напитков. На нем черные брюки с рубашкой и ремнем в тон, которые подчеркивают атлетическую фигуру. Единственный проблеск цвета исходит от бронзовой кожи и коричневых часов.

Черт.

Профессор Сегал отменил наш субботний фестиваль траха из-за этого?

МАРИУС

Вечер будет утомительным, но это необходимый шаг в моем плане. Я могу только надеяться, что «Оловянные солдатики на Плутоне» достаточно талантливы, чтобы оправдать концерт за пределами студенческого городка.

Чтобы найти кабинет доктора Ксандера, требуется около минуты блуждания по коридору. Судя по тому, как он говорил о своей дружбе с профессором Экхартом, можно было подумать, что они соседи.

Я стучу, ожидая, что он немедленно ответит. Когда ответ не последовал, смотрю на часы. Будучи помладше, я бы уже вломился с уверенностью, будто все здание принадлежит мне, но уединение академика в кабинете священо.

И я говорю это, учитывая не только случаи, когда Феникс стояла передо мной на коленях. К сожалению нет. Сколько бы я ни пытался, все еще не могу стереть из памяти образ моего первого начальника, сидящего в рубашке и обматывающего бечевку вокруг своих яиц, пока дрожит.

— Ради всего святого, — бормочу себе под нос и снова стучу в дверь.

Доктор Ксандер отвечает, его щеки покраснелись.

Я был прав, проявляя осторожность. Глаза мужчины искрятся подозрительным

довольным блеском. Делаю шаг назад на случай, если он потянется обнять меня, но он просто подпрыгивает и ухмыляется.

Моя бровь ползет вверх.

— Надеюсь, с профессором Экхартом все прошло хорошо?

— Да, — его улыбка становится шире. — Спасибо за вчерашний день.

— Пожалуйста, — я протягиваю слово, пытаюсь узнать, что его так оживило.

Секундой позже из-за его спины выходит Джулия, мать ее, Раринг, выглядящая так, будто ее только что трахнули.

Нет.

Она хочет, чтобы я подумал, будто ее только что трахнули. Если бы это на самом деле было так, красные пятна на щеках тянулись бы вниз по кремовой шее и к километрам декольте, которые она считает необходимым показать.

Все дело в цвете лица. А он даже ярче, чем у Феникс, которая восхитительно краснеет.

Но я отвлекся.

— Я думал, мы поедем вдвоем, — поворачиваюсь к доктору Ксандеру, прищурившись.

Он смотрит с бесхитростным выражением лица, от которого мне хочется ударить его по башке.

— Ну, Джулия слышала, что мы собираемся на концерт, и предложила пойти с нами для моральной поддержки.

Я поворачиваюсь к упомянутой женщине, которая пожимает плечами. Мы с ней оба знаем, что она сама напросилась, и доктор Ксандер был идеальным вариантом для такой махинации.

Вопрос в том, как она узнала о наших планах. Сказал ли ей доктор Ксандер, потому что не может держать рот на замке, или она заглядывала сюда, чтобы вытянуть из него как можно больше информации обо мне?

Паранойя пронизывает каждый дюйм кожи, вызывая зуд.

Может быть, она свободный партнер семьи Бестлэссонов, и регулярно докладывает Одину о достижениях его племянника? Если это так, то мое имя, без сомнения, попало в поле зрения с примечанием «профессор, швырнувший стул». Теперь она сообщит, что я был на концерте мальчика...

Бросаю эти мысли, пока меня не затянуло.

— Отлично, — я поворачиваюсь на пятке. — Пойдем.

Я хотел бы сказать, что мы идем по кампусу в тишине, но восторженная болтовня доктора Ксандера действует мне на нервы каждую минуту.

Кафе на удивление полно, но доктор Ксандер ведет нас налево от бара к кабинке, которую он забронировал заранее.

Я тянусь рукой к сиденью, позволяя Раринг войти первой, затем отступаю назад и жестом приглашаю второго мужчину сесть рядом с ней. Таким образом, он может хотя бы служить барьером.

— Что будем пить? — спрашиваю я.

Доктор Раринг даже не скрывает раздражения и поджимает губы.

— Двойная водка и эспрессо.

— Ксандер?

Он хмурится, будто пытаюсь понять, нравится ли ему, когда я называю его фамилию без должности.

— Горячий шоколад, пожалуйста.

Впереди на сцене длинноволосый парень из флаера болтает с кем-то из передней кабинки. Под таким углом трудно разглядеть, кто это, но, скорее всего, это не Вир Бестлэссон.

Очередь, к счастью, длинная, что дает мне время обдумать произошедшее с тех пор, как Феникс покинула мой кабинет под пристальным взглядом тех гарпий.

Сожаление пинает мое либидо, заставляя болезненно застонать. Я мог бы позвать ее прошлой ночью, но Квинн перезвонила через час и сообщила о находках. Затем она прислала карты и множество данных, из которых следовало, что похитить Вира Бестлэссона будет проще, чем предполагал Криус.

Но все же... Просыпаться этим утром было неприятно, зная, что пройдет не менее тридцати часов прежде, чем я смогу к ней прикоснуться.

Я пощипываю переносицу. Что, черт возьми, со мной не так? Я никогда не привязывался ни к одной из своих саб. Но я и не видел их каждый день. И они уж точно так не воодушевляли.

— Чего желаете, сэр? — спрашивает студент, которого я знаю по факультету финансов и бухгалтерского учета.

Я тараторю заказ, добавляя к списку еще эспрессо на случай, если мне понадобится кофеин, чтобы не заснуть во время выступления.

Мой взгляд устремляется к кабинке, где доктор Раринг успела поменяться местами с доктором Ксандером, так что теперь она сидит посередине.

Черт возьми.

Я, наверное, преувеличиваю ее мотивы. Вероятно, она просто перебарщивает с флиртом. Но такая красивая женщина не должна бросаться на обычного академика.

Вот, почему она может быть шпионом «Одина».

Бариста приносит мой заказ, и я расплачиваюсь телефоном. Даже если она агент семьи Беслэссонов, у меня не было никаких контактов с объектом с той самой первой лекции. Однако, было бы разумно проявлять осторожность во всем, включая Феникс.

Я отношу напиток обратно к столу, не скрывая гримасу отвращения при виде того, что она сидит посередине, и опускаюсь на сиденье рядом.

— Спасибо, — она хлопает искусственными ресницами.

Не обращая внимания, беру чашку эспрессо и пододвигаю поднос к доктору Ксандеру.

— Вы вызываете настоящие волнения в кампусе, — она подносит напиток к накрашенным губам.

Я делаю глоток эспрессо, который на удивление насыщенный для заведения в студгородке.

— Видео Атены Белус из вашего кабинета дошло до «Урана», — говорит она, тоном намекая, что именно она его отравила. — Он был недоволен.

Мой взгляд устремляется к доктору Ксандеру, который, кажется, не слушает. Нахмурившись, я смотрю на нее краем глаза.

— В самом деле?

— Он сказал, что от протестов против сексистских высказываний до закрытия его борделей был один шаг.

Моя челюсть сжимается, как обычно, когда что-то напоминает мне о Криусе и о том, что он мог сделать с матерью.

Хотелось бы думать, что он не стал брать ее на работу в одно из своих заведений, но ведь это тот самый человек, который нарушил наше соглашение, похитив ее через десять лет после того, как продал мне нашу свободу.

— Он заставил Аттену уйти с поста офицера по делам женщин. Больше она вас не беспокоит.

Единственный ответ, который я ей даю, это кивок.

Знание того, что она связана с «Ураном», а не с «Одином», ослабляет узел напряжения, существовавший с момента нашего знакомства. Я усаживаюсь поудобнее и расслабляюсь. Они оба одинаково опасны, но только у одного я пытаюсь похитить наследника.

Доктор Раринг, вероятно, просто кокетничает. Но я слишком поглощен мыслями о Феникс, чтобы беспокоиться об этом.

Она что-то говорит, но я позволяю себе отвлечься и осмотреть кафе. Господин Олорун с факультета финансов и бухгалтерского учета сидит в кабинке напротив с группой студентов. Девушка, сидящая рядом с ним, также на щеке со знаком Шанго.

Мои брови сходятся. Во времена, когда я работал в преступном мире, старик не вербовал женщин.

Ухожу от этой группы к сцене. Мой взгляд встречается с Феникс, которая смотрит на меня с приоткрытыми губами.

Раздражение прошибает меня изнутри и начинает извиваться. Что она здесь делает, когда я приказал держаться подальше от Вира Бестлэссона?

Мое внимание переключается на гитариста, разговаривающего с ее подругой. По крайней мере, она подчинилась моему приказу на половину.

Доктор Раринг наклоняется ко мне сбоку.

— А это не студент с бананом?

— Я не знал, что этот длинноволосый парень — член «Оловянных солдатиков на Марсе», — отвечаю я.

— Плутоне, — говорит доктор Ксандер с яркой улыбкой. — Оловянные солдатики на Плутоне.

Шторы открываются, показывая еще троих участников группы, и они начинают исполнять кавер на песню Дэвида Боуи «Space Oddity». Музыка на удивление хороша. Достаточно хороша, чтобы отрывок просочился в Интернет и привлек внимание одного или нескольких мест, на которые указала Квинн.

Две пары недовольных глаз обжигают мое лицо. Феникс и доктор Раринг. Продолжая осматриваться, я нахожу кабинку, полную девушек, которые вчера ворвались в мой офис.

И на музыку не обращают ни малейшего внимания.

Раздражение кипит под кожей. Нежелательное женское внимание не было большой проблемой на других рабочих местах. Я пресекал любой флирт прежде, чем он перерастал в непристойность.

Единственное, что поддерживает мою непоколебимость, это простой факт: я терплю и работу в этом третьесортном учреждении, и наглость моей сабы, ради достойного дела.

Когда Вир Бестлэссон окажется в руках людей Криуса, мать вернет себе свободу. И я намерен пустить пулю в мозг этого мерзкого ублюдка, как только выслежу его и схвачу.

Моя миссия будет завершена в течение нескольких недель, а пока придется потрудиться.

Я ничего не могу сделать с Феникс — по крайней мере, не в момент, когда

многочисленные пары глаз впиваются в меня, как кинжалы. Но я разберусь хотя бы с доктором Раринг.

— Есть ли причина, по которой вы влезли в мое общение с коллегой? — спрашиваю я сквозь стиснутые зубы.

— Вы — самое увлекательное, что здесь происходило за последние годы, — отвечает она.

— Если это так, я сомневаюсь, что у вас есть что-то, что может заинтересовать меня, — фыркаю я.

Она вздрагивает, но отмахивается от легкого оскорбления.

— Почему ученый из такого известного университета оставил свою должность, чтобы перевестись в место, где почти нет исследовательского рейтинга?

Это отличный вопрос, на который я подготовил ответ.

— Это самый простой способ получить должность, когда я совершу следующий карьерный скачок. И от компенсационного пакета отказаться было невозможно.

— Вы не собираетесь оставаться?

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть ей прямо в лицо.

— Я отлично понимаю, что профессор Экхарт в какой-то момент полностью поправится.

— Он весьма преуспевает, — восклицает доктор Ксандер, прежде чем перечислить травмы старика.

Я поворачиваюсь и смотрю, как группа играет мелодии 1960-х и 70-х годов. У Вира вполне сносный певческий голос для юноши, который унаследовал большую часть империи Бестлэссона.

Криус не посмеет тронуть ни волосинки на его белокурой голове. Конечно, если только он не хочет навлечь на себя безжалостный гнев «Одина». И, если у «Одина» есть хоть капля здравого рассудка, он раскроет местонахождение тюрьмы «Сикрофт» или даст Криусу доступ к тому, что или кто там находится.

Группа начинает играть психоделический инструментал, и Вир Бестлэссон подходит к краю сцены и ухмыляется, глядя прямо на Феникс.

Ну уж нет, блять.

ФЕНИКС

Сволочь.

Злость лавой разливается по моим венам, разжигая огонь в животе, в котором ярости больше, чем ревности. Ревность означала бы, что я привязана к профессору Сегалу.

А это не так.

Это был просто шок, когда я поняла, что доктор Раринг наряжалась не для доктора Ксандера. Этот наряд предназначен для профессора Сегала, и он выглядит так идеально рядом с ней.

Они даже одного возраста.

Дерьмо.

Я с самого начала знала, что у него есть другая женщина. Он даже как-то осведомился о ее здоровье по телефону, думая, что я не слышу.

В горле зреет рычание. Тот, кто приказал мне держаться подальше от такого безобидного человека, как Вир, щеголяет по кампусу с другими женщинами, сохраняя при этом свой грязный секрет.

Я возвращаюсь к сцене, где друг Вира ныряет за кулисы, предположительно, чтобы

присоединиться к остальным участникам группы.

— Эй, малышка, — говорит Шарлотта головокружительным голосом. — Разве ты не слышала, что сказал Аксель?

— Что? — я выдавливаю улыбку.

— Они устраивают вечеринку в квартире Вира.

— И?

Она сверкает глазами.

— Он живет в корпусе основателей.

Я отсутствующе киваю. В нашей многоэтажке расположены студии, рассчитанные на одного человека, но семьи, основавшие университет, создали отдельный корпус для своих детишек. На самом деле, я бы не назвала наш университет «Хогвартсом», потому что далеко не каждый основатель счел важным отправить сюда жить свое дитя.

Лицо Шарлотты мрачнеет.

— В чем дело?

— Ни в чем.

— Он и тебя пригласил, — выпаливает она. — Ты пойдешь?

Кулисы открываются, показывая «Оловянных солдатиков на Плутоне», которых в жизни четверо, а не трое, как было на флаере.

Шарлотта сжимает мою руку в молчаливой мольбе сопровождать ее.

— Конечно, — бормочу я, когда гитара начинает мягкую мелодию. Пока другие участники группы по очереди вступают со своими партиями за вступлением Вира, я добавляю:

— Почему бы и нет?

Приходится приложить все усилия, чтобы не обернуться и не увидеть, как доктор Раринг мурлычет рядом с профессором Сегалом. Вир поет рядом с каким-то парнем по имени Том, а я сосредотачиваюсь на музыке. Все трое ребят без рубашек, в бордовых расклешенных брюках и одинаковых куртках.

Я думаю, что их барабанщица одета так же. Трудно сказать, нижняя часть ее тела скрыта огромным количеством инструментов, но сверху на ней кожаный жилет с глубоким вырезом.

Шарлотта так активно покачивается в такт музыке, что меня откидывает в сторону. Я понимаю намек и подыгрываю ей. Слова песни своеобразны, будто центр управления дает распоряжения космонавту.

Я даю слаbinу, оборачиваюсь, чтобы посмотреть на стол преподавателей, и вижу, что он погружен в разговор с этой женщиной. Даже смотрит ей в глаза.

Мой желудок сжимается, и я отвожу взгляд.

Какая идиотка будет расстраиваться из-за делового соглашения? Никогда не обсуждалось то, что я буду одна. Мы еще не целовались, не то, что трахались. Были только минеты и БДСМ, и мне хорошо платят.

Так почему же так больно знать, что он общается с другой женщиной?

— Они великолепны, — кричит Шарлотта мне в ухо.

— Правда хороши, — отвечаю я.

— Письмо Гермione, — говорит Вир в микрофон.

Я чуть наклоняюсь вперед, а «Оловянные солдатики на Плутоне» вступают с легкой мелодией, не имеющей ничего общего с волшебниками или магией.

— Ты знаешь эту песню? — я поворачиваюсь к Шарлотте, которая передает мне прозрачную бутылку.

— Что это? — мои брови хмурятся.

— Шнапс. Аксель принес.

Я подношу напиток к губам и делаю первый глоток крепкого спиртного напитка. Он приятный и маслянистый, но обжигает, как прикосновения профессора Сегала.

— Спасибо, — пытаюсь вернуть его, но она качает головой.

— Тебе нравится? — она лезет в сумку и достает еще одну бутылку. — Забирай себе.

Я смотрю на недопитый «Бейлис Латте», выливаю половину содержимого бутылки в чашку и добавляю пакетик сахара. На удивление сносно.

«Оловянные солдатики на Плутоне» играют «Under Pressure», толпа ликует. Я делаю большой глоток из бутылки, а затем еще один из своего «Латте» со Шнапсом и Бейлисом. К концу песни мои расшатанные нервы успокаиваются.

Вир двигает бедрами в такт музыке, словно созданный для сцены. Когда наши взгляды встречаются, я улыбаюсь.

Он подмигивает в ответ.

Это его новая сторона, которую я никогда не видела раньше. До сих пор я думала, что он просто чужак с длинными волосами и винтажной одеждой. Он казался несчастным богатым мальчишкой, пытающимся сбежать от огромной империи, которую унаследует. Но здесь он предстал в совершенно другом свете.

Я наклоняюсь к Шарлотте.

— Они действительно классные.

— Да, знаю, — она обнимает меня за плечи.

Мы качаемся вместе под музыку.

Вир представляет несколько авторских песен, которые мне нравятся больше и запоминаются лучше, чем каверы на Дэвида Боуи, а затем мое внимание переключается на трио, сидящее рядом с барной стойкой.

Я напарываюсь на взгляд профессора Сегала, черты его лица суровы. Но мне слишком хорошо, чтобы реагировать. Если он хочет встречаться с более утонченной, подходящей ему по возрасту женщиной, с которой он может расхаживать по кампусу, то так тому и быть.

Денег на счете хватит как минимум на два семестра, если их расходовать с умом, и ничто не мешает мне устроиться на работу по выходным.

Смеясь, я возвращаюсь к сцене. Я не из тех идиотов, которые влюбляются в парня после нескольких горячих встреч.

Мой телефон гудит. Я достаю его из сумки и смотрю на экран.

Это сообщение от профессора Сегала:

Он: Мисс Шталь, что Вы только что налили в свою кофейную чашку?

Шнапс... — пишу я. Минуточку, не так пишется.

Я: Шнапс.

Он: Немедленно перестань пить.

Я: Вы не можете отдавать мне приказы.

Я подношу чашку к губам и допиваю содержимое. После этого наливаю еще одну щедрую порцию шнапса.

Он: Я не буду повторять.

Инстинкты говорят повернуться к тому месту, где сидит профессор Сегал со своей

девушкой, но я заставляю себя не смотреть.

Телефон снова гудит от сообщения.

Он: Ты идешь домой со мной.

Я: Ребята из группы устраивают вечеринку. Я иду туда с Шарлоттой.

Он: Не идешь.

Я: Остановите меня, сэр.

Шарлотта обнимает меня за шею.

— Он смотрит на тебя.

Сердце переворачивается, и я оглядываюсь через плечо.

— На сцене, — кричит она шепотом.

Вир повернулся к нам всем телом. Как будто он поет и играет только для меня и Шарлотты.

— Все еще считаешь его горячим? — она кричит, только музыка останавливается.

Судя по тому, как Вир улыбается, я думаю, что он слышал только последнюю часть предложения. Подпитываемая алкоголем часть моей психики считает хорошей идеей привлечь его внимание. Я выпрямляюсь на своем месте, поднимаю руку и слегка машу ему рукой.

Вир машет в ответ. Начиная следующую песню, он, пританцовывая, подходит к Акселю, парню, который нравится Шарлотте, и наклоняется к его уху. Аксель поворачивается к нам и кивает, отчего Вир улыбается еще шире.

Я не эксперт в чтении по губам, но думаю, Вир только что спросил, приглашены ли мы на его вечеринку.

Мой телефон гудит еще раз.

Он: Встань и выйди через парадную дверь. Я встречу тебя у черного входа.

Я: Нет.

Он: Ослушаешься — усугубишь свое наказание.

Непроизвольно хмурюсь.

Я: Что я сделала??

Я смотрю в противоположную сторону кафе, где в одиночестве сидит доктор Ксандер. И, когда поворачиваюсь к барной стойке, не замечаю в очереди за напитками ни профессора Сегала, ни доктора Раринг.

Потому что они ушли.

Вместе.

Черт.

— Они такие секси, — выкрикивает Шарлотта.

Я допиваю остатки своего алкогольного «Латте», пытаюсь смыть всякое чувство привязанности. Мужчины постоянно приходят и уходят. Посмотрите на папу. Он оставил меня без гроша в кармане и даже записку не написал. С чего бы профессору Сегалу быть другим? Нам было весело, много раз, но, по крайней мере, он оставил мне достаточно денег, чтобы пережить учебный год.

Психоделические огоньки кружатся по сцене, и мой разум вращается по спирали.

Вчерашняя конфронтация с Аттеней и другими девушками, должно быть, напугала его до чертиков.

Он никогда не хотел отношений со студенткой, верно? Он отказался от меня.

Дважды.

Ну, в первый раз я шантажировала его.

Сердце проваливается в желудок.

С какой стати я думала, что из сделки, основанной на принуждении, может получиться что-то хорошее?

Я подношу бутылку к губам, готовясь заглушить боль, но Шарлотта хватается за запястье.

— Что ты делаешь? — она выхватывает бутылку и подносит ее к свету. — Черт, Феникс, в нем же семьдесят градусов. Если выпьешь еще, то тебя точно развезет.

— Я в порядке.

Она закрывает бутылку крышкой и убирает куда-то.

— Тебе хватит.

Я откидываюсь на свое место и наслаждаюсь оставшейся частью шоу, пока не отпускается занавес. Аплодисменты наполняют «Кампус Кафе», и я поворачиваюсь к барной стойке, где доктор Ксандер аплодирует им стоя. Он действительно милашка.

Шарлотта берет меня за руку и помогает встать. Кровь и чувствительность отхлынули от головы, оставив такое сильное чувство опьянения, что я рухнула вниз.

— Черт возьми, — выдыхаю я.

Подруга смеется.

— Видишь, что я имела в виду?

— Нет-нет, — я качаю головой, внезапно картинка раздваивается. — Со мной все нормально.

«Оловянные солдатики на Плутоне» начинают наигрывать мелодию, и занавес снова открывается, заставляя всех вернуться на места.

— Я в туалет, — кричу я.

Шарлотта поднимается.

— Я пойду с тобой.

— Нет, — кладу руку ей на плечо и, опираясь, поднимаю свое дрожащее тело. Собравшись с силами, я отпускаю ее и шагаю назад. — Все будет хорошо. Видишь? Не пропускай финальную песню.

Она прищуривается, но бросается к краю сиденья, словно готовая поймать, если я упаду.

Я не падаю, потому что делаю каждый шаг вдоль ряда кабин аккуратно, как будто иду по канату. Мои руки чуть разведены в стороны, чтобы держать равновесие.

Несколько одноклассников машут мне, но я лишь киваю и нерешительно улыбаюсь. Одно неверное движение, и я потеряю контроль и упаду лицом вниз.

Сумка грозит свалиться с плеча, поэтому прижимаю правую руку к телу и останавливаю ее падение. Когда прохожу мимо барной стойки, сбоку мое лицо обдувает прохладный ветерок.

Глубоко вдохнув, я поворачиваюсь к источнику ветра, все мысли о туалете растворяются в эфире.

Я делаю шаг из «Кампус Кафе», как вдруг чья-то рука зажимает мне рот.

МАРИУС

Сколько каверов на песни Девида Боуи может прослушать человек прежде, чем почувствует жажду насилия?

Я сжимаю руки в кулаки, заставляя себя не отрывать глаз от сцены, но мой взгляд то и дело продолжает скользить в сторону первой кабинки.

Феникс Шталь вызывающе пьяна, и уже находится в нескольких глотках от помутнения рассудка. Ее движения утратили обычную грацию и тягучесть, что свидетельствует о солидном опьянении.

Я хвалю ее подружку за конфискацию бутылки, но ни один студент не должен так много пить в кампусе, где безопасность больше сосредоточена на недопущении злоумышленников, чем на неправомерных действиях студентов или преподавателей.

Если она не выйдет навстречу, как я просил, то я вытащу ее сам. И будь проклята миссия.

Перегнувшись через стол, я похлопываю доктора Ксандера по плечу.

— Увидимся в понедельник.

Его лицо мрачнеет.

— Уже уходите?

— Завтра рано на работу, — отвечаю я, все еще злой на мелкого засранца за то, что он пригласил к нам постороннюю.

Я встаю и иду мимо стойки к выходу, не оглядываясь. Феникс лучше бы покинуть кафе. Будь я проклят, если позволю одному из этого стада похотливых ублюдков прикоснуться к тому, что принадлежит мне.

На улице темно, фонарные столбы освещают дорожки, пересекающие лужайку. Я делаю глубокий вдох пахнущего розами воздуха, очищая легкие от удушающего аромата кофе.

Цоканье туфель на шпильках преследует меня, пока я обхожу здание. Как и ожидалось, доктор Раринг последовала за мной.

Продолжаю двигаться к заднему входу кафе, где промышленные мусорные баки стоят рядом с боковой дрогой.

Когда я узнал, что здесь будет выступать объект, я воспользовался системой безопасности, нашел слепое пятно между двумя камерами, а вместе с тем и место для незаметной парковки.

В багажнике достаточно брезента, чтобы завернуть тело вдвое больше нее. Не то чтобы я планировал прихлопнуть кого-то сегодня, но убийцы бывшими не бывают.

Устраиваюсь в удобном месте и жду.

И просто для того, чтобы доктор Раринг не подумала, что мое присутствие здесь — ловушка, лезу в карман и достаю свой телефон.

— Чем заняты? — спрашивает она.

Я пролистываю сообщения.

Я: Встречаемся у черного входа, или ты неделю не сможешь сесть на свою славную маленькую попку. — пишу я.

Мои губы сжимаются. Феникс, вероятно, понравилась бы такая порка.

Доктор Раринг подходит на расстояние вытянутой руки.

— Профессор Сегал?

Я разворачиваюсь, хватаю ее за горло и прижимаю к стене. Глаза доктора Раринг выкатываются из орбит, и она нащупывает руку, сжимающую ее шею.

— Что вы делаете? — она визжит. — Отпустите.

— Тихо, — сжимаю ее крепче, засовываю телефон в карман и жду, когда она перестанет сопротивляться.

Доктор Раринг брыкается, пинается, но ей не хватает места и физической силы, чтобы нанести какой-либо урон. Только когда она, наконец, обмякает, я ослабляю хватку.

Она шумно втягивает воздух.

— Почему?

— Потому что независимо от того, сколько раз я говорю тебе отвалить, ты возвращаешься, как гнойный сифилис.

У доктора Раринг хватает наглости вздрогнуть.

— Ты опасен.

— Только для тех, кто действует мне на нервы, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

Ее губы дрожат, а в глазах блестят непролитые слезы. Я не могу сказать, это попытка изобразить из себя беспомощную преподавательницу или она собирается застать меня врасплох и выхватить пистолет.

— Чего ты хочешь? — спрашивает она дрожащим голосом.

— Скажи, почему ты здесь.

Она вздрагивает.

— Что?

— Не заставляй меня повторять вопрос, — я слегка придавливаю ее руками.

— «Уран» послал меня присмотреть за его дочерью, — выпаливает она.

— Зачем?

— Он беспокоится о том, что она попадет под дурное влияние.

Мои глаза сужаются. Этот фрагмент истории логичен, особенно после того, как она стала объектом ядовитого взгляда мисс Белус.

— А твое увлечение мной?

Она несколько раз прерывисто вздыхает, прежде чем ответить. Это звучит почти как истерический смех.

— Не после этого, — ее голос повышается на октаву. — Ты псих. Разве ты не мог как другие мужчины сказать, что тебе просто неинтересно?

Я сказал ей об этом как напрямую, так и намеками, а также посредством действий, но она, вероятно, сочла это вызовом. Ее слова странным образом утешают. Но это не значит, что я собираюсь ее отпустить. Не раньше, чем буду на сто процентов уверен, что она ни на кого больше не работает.

— Ты запомнила достаточно фактов о моем прошлом, чтобы повторять их, как попугай. — говорю я. — Для чего?

Во взгляде, который она бросает на меня, сквозит недоверие.

— Я думала, ты интересный. Очевидно, ты псих.

— Ты прекратишь флирт. Ты мне не интересна и никогда не будешь интересна, понятно?

Она кивает.

— Повтори.

— Черт возьми. Я никогда не посмотрю в твою сторону.

— И ты не будешь говорить обо мне своему начальству и не станешь устраивать заговоров против меня.

— Ты слишком высокого мнения о себе, — выплевывает она.

Если бы Криус был здесь, он бы посоветовал мне пустить ей пулю в лоб, потому что женские слезы предназначены для того, чтобы заставить мужчину врасплох. Его голос до сих пор витает в моей памяти, как дым, из тех времен, когда он оставлял мать побитой, а потом потчевал меня жизненными уроками с крокодилей улыбкой.

Все инстинкты подсказывают, что доктор Раринг говорит правду — она лектор, посланный присматривать за подопечным могущественного человека. Но что, если здесь замешано нечто большее, чем попытки воспользоваться привилегиями женского пола?

Она издает хныкающий звук в глубине горла, который напоминает мне о маме.

Я ослабляю хватку на ее шее, позволяя ее ногам коснуться земли.

Доктор Раринг смотрит на меня слезящимися глазами и кашляет.

— Тебе стоит проверить голову.

Уголок моего рта приподнимается.

— Я приму это к сведению.

Отступаю назад, отвожу руку в сторону и жестом приказываю ей уйти.

— Дамы вперед.

Она обнажает зубы и шипит.

— Ты не джентльмен.

— Было бы так легко придумать остроумный ответ, доктор Раринг, но ваше общество утомительно. Убирайтесь с моих глаз.

Она, пошатываясь, проходит мимо, испытывая явный недостаток самообладания для ходьбы на каблуках. Я скрещиваю руки на груди и смотрю, как она торопливо уходит. Не потому, что я восхищаюсь ее фигурой в форме песочных часов, отнюдь нет. Просто хочу убедиться, что она уйдет прежде, чем я вернусь в кафе за Феникс.

Доктор Раринг бросает на меня взгляд через плечо, вероятно, чтобы проверить, люблюсь ли я видом. Я шиплю на нее сквозь зубы, заставляя ускорить шаг.

Она либо травмирована, либо лучшая актриса Великобритании. Учитывая миссию, я надеюсь, что первое.

Как только преподавательница исчезает, я жду минуту, наблюдая, вернется ли она. Ничего не происходит, поэтому я направляюсь к выходу из кафе. Эта часть моего плана туманна. Утащить Феникс на глазах у четверти кампуса может быть проблематично. По крайней мере, не без повода.

Моя рука скользит в карман, и я собираюсь позвонить ей, когда она, пошатываясь, выходит из здания.

Феникс меня не видит, но я зажимаю ей рот ладонью, обнимаю за талию и поднимаю ее.

Секунду она сопротивляется и издает приглушенный звук протеста, но один взгляд через плечо в мои глаза заставляет ее расслабиться, прижимаясь к моему телу.

— Вот и все, — шепчу ей на ухо. — Ты идешь со мной.

Пока я тащу ее, Феникс трется своей задницей о мою промежность, пробуждая член.

— Стой спокойно, — шиплю я.

Она извивается еще сильнее и стонет, посылая прилив крови вниз.

— Мелкая вредина.

Я наклоняю голову и прижимаюсь к ней всем телом, чтобы тому, кто может смотреть записи с камер наблюдения, не показалось, что мужчина в черном только что похитил студентку.

К счастью, Феникс позволяет мне уложить ее на переднее сиденье машины.

Она пьяна сильнее, чем я думал.

— Ты послушалась меня.

— Почему ты был на свидании с Раринг? — спрашивает она, ее слова звучат невнятно.

— Ее никто не звал, но не то, чтобы это тебя касалось, — бросаю взгляд в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что нас никто не видел.

— Так вы теперь дружите с доктором Ксандером?

— Да, так уж получилось, — наклоняюсь над ней, чтобы дотянуться до ремня безопасности.

Прежде, чем я успеваю пристегнуть ее, Феникс запрыгивает на водительское сиденье и оседлает мои ноги.

— Ты такой придурок.

— А ты напрашиваешься на порку.

Она нависает надо мной, обхватывая мое лицо обеими руками.

— Как ты мог отменить наше сегодняшнее свидание, чтобы прийти сюда? — ее

дыхание, пропитанное алкоголем, обдает мое лицо. — Что с тобой не так?

— Мы поговорим об этом утром, когда ты протрезвеешь, — даже когда я говорю это, руки скользят вверх и вниз по ее обнаженным бедрам.

— Я хочу объяснений сейчас же, — невнятно произносит она.

Единственная причина, по которой я терплю такое поведение, заключается в подозрении, что девушка, которой приходится возвращаться домой в выходные, одетая как учительница воскресной школы, не может рассчитать свою дозу выпивки.

— Ты сказала своей подруге, что уезжаешь?

— Какое это имеет отношение к разговору?

Я роюсь в ее сумочке, заставляю разблокировать телефон и посылаю Шарлотте туманное сообщение, объясняя, что все в порядке и она просто решила пойти домой пораньше.

Феникс бьет меня в грудь.

— Эй, профессор...

Я смеюсь.

— Продолжай усугублять наказание. Завтра утром с похмелья оно не покажется таким веселым.

Феникс врезается своими губами в мои. У нее вкус кофе, шнапса и ирландских сливок. Под ароматами скрывается то, от чего кровь вспыхивает огнем. То, что я не стану смаковать, пока она слишком пьяна для честного согласия.

Отстраняясь, я кладу обе руки на ее тонкую талию, поднимаю ее с колен и усаживаю на пассажирское сиденье.

— Ты не хочешь меня? — спрашивает она прерывающимся голосом.

Странно, как эта демонстрация уязвимости раскалывает лед в моем сердце. В Феникс нет ни капли хитрости, только чистые эмоции, даже когда она пытается скрыть их.

Это всего лишь одна из многих черт удивительной девушки, которая резонирует со мной на более глубоком уровне, чем любая из моих предыдущих сабмиссив.

Ее огромные серые глаза, блестящие от слез и упорно вглядывающиеся в мои, без сомнения легко могут разбить каждую сосульку в моей грудной клетке.

— Поцелуй меня, когда твои решения не будут продиктованы дешевым алкоголем.

— Но я не... — она икает и прикрывает рот рукой.

— Ты что-то сказала?

— Ох... — Феникс наклоняется вперед и стонет.

Я усаживаю ее обратно на сиденье, протягиваю руку к двери и натягиваю ремень безопасности. Застегнув его, опускаю ее голову вниз, чтобы она могла скрыть лицо за завесой волос.

— Постарайся, чтобы тебя не вырвало на обивку.

— Иди в задницу.

— Анального секса не было в воскресном меню, — похлопываю ее по бедру. — Но, если ты хочешь перенести его на завтра после порки, то нам придется немного тебя размять.

Страдальческий стон Феникс вызывает у меня первую улыбку с тех пор, как гарпии пришли в мой кабинет. Я завожу двигатель и выезжаю из кампуса. Люди у ворот уже знают мою машину, но я приготовил несколько пятидесятифунтовых банкнот на случай, если они не захотят пропускать.

У меня тут малышка, которую нужно уложить спать.

МАРИУС

Всю дорогу до виллы Феникс дремлет, прислонившись головой к двери, обрамленная пышными волосами. С закрытыми глазами и такими безмятежными чертами лица она совсем не похожа на наглую девчонку, которая нахальничала через смс.

Она излучает столько невинности. Невинности, которую я невыносимо хочу искоренить.

Я останавливаю машину возле виллы, подхожу к пассажирскому сиденью и стараюсь не разбудить Феникс. С моря дует прохладный бриз, от которого она шевелится.

— Профессор? — бормочет соня, ее густые ресницы трепещут.

— Ш-ш-ш, — просовываю руку ей под ноги и прижимаю к своей груди. — Спи.

Голова Феникс падает мне на плечо, а руки свисают по бокам. Я пинком захопываю дверцу машины и надеюсь уложить ее в постель без происшествий. Как только мы переступаем порог виллы, Феникс подозрительно вздыхает.

— С тобой все в порядке?

Со стоном она сжимается в спазме один раз, затем другой.

Я пробегаю по коридору, выложенному черно-белой плиткой, в гостевой туалет внизу и

ставлю ее перед унитазом.

— Профессор, — стонет она. — Я кажется...

Она содрогается всем телом.

Все, что я могу сделать, это убрать ее волосы с лица, когда она исторгает пахнущее кофе и алкоголем содержимое своего желудка.

Мои губы неодобрительно сжимаются. «Кампус Кафе» не имеет права разрешать студентам проносить бутылки с алкоголем. А Феникс не имела права так напиваться.

Я содрогаюсь при мысли о ней на вечеринке с этими музыкантами, сонной, нетрезвой и ничего не подозревающей. Хвала небесам, я был там, и смог забрать ее до того, как один из этих мелких ублюдков воспользовался ее незащищенностью.

Когда тошнота отступает, она падает на бок, а я крепко держу ее и массирую спину.

— Лучше?

Феникс смотрит на меня растерянным хмурым взглядом.

Я воспринимаю это как положительный ответ.

Через пол минуты ее дыхание замедляется, и я помогаю ей подняться на ноги.

— Не могу поверить, что столько выпила сегодня, — говорит она со стоном.

— Завтра ты узнаешь о последствиях чрезмерного баловства, — я вспыхиваю, беру ее на руки и несу через коридор.

— Что это значит? — Феникс впивается мне в грудь.

— Ты весь вечер напрашивалась, — смотрю вниз на шелковистое облако волос. — Наказание ждет тебя завтра.

— Идем вниз, — она поднимает руку, просовывает ее под разрез моей куртки и щупает мою грудь.

— Только тогда, когда ты будешь достаточно трезва, чтобы осознанно дать согласие, — поднимаюсь по лестнице.

Она прячет лицо в изгибе моей шеи. Ее горячее дыхание вызывает покалывание на коже, заставляя член дернуться.

— Зеленый, — говорит она с тихим смехом, ее рука скользит вниз к моему поясу.

Моя челюсть сжимается.

Маленькая шалунья.

— Прекрати, если не хочешь оплакивать отказ.

Она целует меня в шею, и я не могу сдержать стон.

— Продолжай в том же духе, и твое наказание удвоится, — поднимаюсь по лестнице, несу ее в ванную и усаживаю на край.

Феникс опускает голову и хихикает.

— Почему мы не можем снова пойти в подвал?

— Вот здесь твоя зубная щетка.

Я стою, положив руки ей на плечи, готовый поймать, если она упадет вперед или назад. Феникс хватается за край ванны и останавливается на месте.

Ее голова резко поднимается, и она смотрит на меня чуть более трезвыми глазами.

— Минутку, у меня есть зубная щетка?

— Ты бы знала это, если бы не сбежала от меня на прошлой неделе, — поворачиваюсь к зеркальному шкафу, достаю зубную щетку, которую оставил для нее, и намазываю зубную пасту.

Феникс икает.

— Я испугалась.

Если бы я был таким же, как мой отец, то воспользовался бы этой возможностью, чтобы допросить Феникс, как он использовал различные вещества, чтобы держать мать под контролем. Мысль об этом ублюдке лишает мой член чувствительности напрочь.

Как бы я ни пытался это отрицать, Криус, как единственный образец для подражания, омрачил мою душу. Мое единственное спасение — это сострадание, которое я испытываю к матери. Я слышал ее боль, видел последствия его извращенной жестокости и хотел, чтобы этот человек перестал осквернять землю своим существованием.

Феникс качается из стороны в сторону, глядя на каплю зубной пасты расфокусированными глазами.

Минуту назад она была моей непослушной маленькой девчонкой. Теперь, когда я смотрю на нее сверху вниз, все, что я вижу, это пьяную девушку, которая нуждается в моей защите.

— Теперь ты чувствуешь себя в безопасности со мной? — передаю ей зубную щетку.

Нахмурившись, она запикивает ее в рот и бормочет:

— Я никогда не переживала из-за этого, глупенький.

Беру из шкафа чашу для бритья и жду, пока она уточнит.

— Прошлая неделя была в сто раз лучше, чем «Пятьдесят оттенков», — бормочет она, чистя зубы. — И быть с тобой — это как наркотик. А я не хотела становиться зависимой.

Невольно поджимаю губы. Было бы так легко получить информацию от Феникс при помощи нескольких тщательно сформулированных вопросов. Я мог бы спросить, что она думает обо мне, служат ли мотивацией деньги, секс или извращения.

Я мог бы даже вытащить местонахождение ее отца, а также информацию о тюрьме «Сикрофт».

Я мог бы сделать все эти вещи, но не буду.

Согласие превыше всего.

Все, что я возьму у Феникс без ее разрешения, будет нарушением не только ее границ, но и принципов, которыми я дорожу.

— Посмотри на себя, — она машет рукой мне на грудь. — Ты такой стильный, горячий и сексуальный.

Подавив ухмылку, я подношу миску ей под подбородок.

— Плюй.

Последовав указанию, она передает мне зубную щетку и проводит тыльной стороной ладони по губам.

Я наливаю немного жидкости для полоскания рта в мерный колпачок и приказываю ей глотать.

— Последнее, чего я хотела — это привыкнуть ко всем этим БДСМ-штучкам, а потом вдруг остаться одной, без тебя.

Я качаю головой. Неужели она думала, что я буду учить ее быть моей идеальной сабой, а потом уйду к другой?

Феникс смотрит на жидкость для полоскания рта и фыркает.

— О чем я говорю? Книжки заставили меня хотеть всех этих извращений, но потом появился ты и воплотил все фантазии в жизнь.

Дыхание сбивается. Я жду, когда она упомянет о моем богатстве, или о внешности, или о каких-то других поверхностных причинах, но она отпивает жидкость для полоскания рта и

сглатывает.

— Ты должна была выплюнуть, — бормочу я.

Она наклоняется в сторону и хихикает.

— Там есть спирт.

Делаю мысленную пометку попробовать другую марку, и спрашиваю:

— Ты можешь идти?

— Нет, — она протягивает руки и ухмыляется. — Неси меня.

Волна тепла разливается по груди, раскалывая лед вокруг сердца. Я никогда не встречал женщину, которая так прекрасно сочетала бы столько горячо желанных мною качеств. Невинность, послушание, открытость и спонтанность. Она даже проявляет живой интерес к бизнесу и финансам.

Если бы я встретил Феникс в студенческие годы, то никогда бы не нуждался ни в ком другом.

Я подхватываю ее на руки и говорю ей в волосы:

— Наслаждайся тем, что с тобой обращаются как с принцессой. Пока что.

Она кладет ладонь мне на сердце и топит в нем иней. Пока я несу ее по коридору, она бормочет:

— Ты совсем как сказочный принц.

— Ты, наверное, перепутала книжки? — спрашиваю я с ухмылкой.

— Хотела бы я, чтобы *ты* лишил меня девственности, — говорит она с задумчивым вздохом.

Пламя ревности взрывается внутри. Я дышу глубже, быстрее, молча призывая ее продолжать. Челюсти сжимаются так сильно, что болит лицо.

Ее интимная история меня не касается, так почему же я чувствую внезапное желание убивать?

Каждая саба, с которой я играл, была профессионалом с собственной разнообразной историей и списком клиентов. Я никогда не чувствовал и намека на собственничество по отношению к своим сабмиссив.

Но Феникс — не профессионал. Она моя.

Моя.

Я почти слышу скрип собственных зубов. Пространство вокруг застилают темные пятна. На негнущихся ногах продолжаю идти в главную спальню.

Лунный свет проникает сквозь окна от пола до потолка, заливая белый интерьер серебристым светом. Взгляд Феникс метается из стороны в сторону, за чем следует вздох. Должно быть, в ее глазах хрустальные люстры, мебель из слоновой кости и антиквариат из серебра выглядит волшебным.

Я мог бы быть сказочным принцем, которого так хочет Феникс, тем, кто поведет ее сквозь чудеса сексуальности.

Я мог бы познакомить ее со своими желаниям и сделать моей идеальной парой.

Но этого не произойдет, если я отпугну ее инстинктами убийцы.

Рука скользит от сердца вверх по моей груди и воротнику. Под ее пальцами кожа воспаляется, пуская электричество прямо в член.

Я иду к большой двуспальной кровати и игнорирую боль.

— Ты бы не свалил после того, как получил, что хотел, — бормочет она.

Мои ноздри раздуваются.

Ничего не говори.

Ничего не требуй.

Ничего. Не. Спрашивай.

Кладу Феникс на матрас и ее тепло-коричневые волосы растекаются по белоснежному одеялу. Луна бликами подчеркивает янтарные волны локонов.

Сердце сжимается.

Сейчас она похожа на падшего ангела.

Все мое напускное спокойствие рушится под натиском инстинкта защитника. Я рычу:

— Кого мне нужно кастрировать?

Она фыркает со смехом.

— Ты правда отрежешь ему член?

— И буду смотреть, как он истекает кровью.

Феникс сворачивается клубочком на боку и заливается хихикающим звоном.

— Нет, ты бы не стал.

Я сажусь рядом с ней на матрас и переворачиваю ее на спину. Феникс смотрит на меня, глаза сияют восторгом. Она такая милая, открытая и доверчивая. Я хочу стереть в порошок мелкого ублюдка, который лишил ее девственности и опорочил то, что принадлежит мне.

— Скажи, кого мне нужно убить, — мой голос спокойный, рассудительный с капелькой убеждения.

Провожу пальцами по ее шелковистым волосам и возвращаю локон на место.

Теперь я говорю как Криус.

Пытаюсь убедить себя, что Криус скорее продаст женщину, чем защитит ее, но это не мешает чувствовать себя последней тварью.

— Он того не стоит, — бормочет она. — И я не хочу, чтобы ты кого-то убивал.

Слишком поздно.

Мои руки по локоть во грехе и удивительно, что она не чувствует запаха крови на моих пальцах.

К горлу подступает ком, пробуждая давно мертвую совесть. Я не должен продолжать спрашивать, но, начав, уже не могу остановиться.

— Ты бы отвернулась от меня, если бы я убил кого-то?

— Кого?

— Кого-то вроде мужчины, причиняющего боль женщинам.

— Ты бы стал героем, — она протягивает руки для объятий. — Убийство в целях самообороны — норма. Но если ты делаешь это, чтобы защитить кого-то другого — это благородство.

Нельзя сказать наверняка, истинные ли это соображения Феникс или за нее говорит выпивка, но последние слова развязывают узел напряжения в груди.

Я наклоняюсь и целую кончик ее носа.

Одна рука Феникс смыкается вокруг моей шеи. Другая устремляется к эрекции.

— Когда мы займемся сексом? — скулит она.

Я хватаю ее запястье, прежде чем она успевает возбудить меня до безвозвратного состояния, и откладываю все желания на завтрашний день.

После того, как она оправится от похмелья.

— Спроси еще раз, когда протрезвешь.

Убрав ее руку с шеи, встаю с кровати, а в это время Феникс смотрит на меня с матраса. Раздеть ее — будет испытанием на стойкость. Не могу представить, каково лежать рядом с ней в постели.

Феникс молчит, пока я снимаю одежду и вешаю ее на стул. Часть меня надеется, что она уже уснула, потому что так сопротивляться ей будет намного легче. Я забираюсь обратно на кровать в боксерах и снимаю с нее юбку и туфли.

Когда я укладываю ее под одеяло, она шевелится, заставляя член дернуться.

— В детстве я фантазировала об убийстве своего отца, — бормочет она задумчивым тоном. — Он говорил, что все женщины шлюхи, и я ничем не отличаюсь.

— Такие мужчины, как он, не заслуживают жен, не говоря уже о дочерях, — говорю я сквозь стиснутые зубы и проскальзываю под одеяло рядом с ней.

— Это одна из причин, почему ты мне так нравишься.

— Есть и другие?

Она проводит рукой по моей обнаженной груди.

— Ты — противоположность понятия «осуждение». Я могла бы рассказать тебе все свои самые грязные фантазии, например, как я всегда хотела заняться сексом в общественном месте, где все могли бы меня увидеть.

Со стоном я переворачиваю ее на бок, так эти нетерпеливые пальчики не будут шалить.

— Подобный разговор должен подождать до завтра.

— Вы не могли бы трахнуть меня у стены, профессор? — она прижимает свою дерзкую задницу к моему стояку.

— Маленькая разбойница, — шлепаю ее по бедру.

Она хихикает.

— Сделайте так еще раз.

В любой другой ситуации я бы приковал ее наручниками к кровати и драл, пока не закричит о пощаде. Я хватаю руку, крадущуюся к моей промежности, и обхватываю ее талию. Придется подождать, пока она не протрезвеет.

— Ну же, — звучит хныканье. — Меня нужно наказать.

— Ты хочешь провести остаток ночи в отдельной комнате?

Она перестает тереться о мой член, оставляя его в болезненном одиночестве.

— Я буду послушной, — говорит она.

— Лучше бы так, — я приглаживаю ее волосы и вдыхаю аромат кофе и ванили.

— Такой строгий, — говорит она, зевая. — Но мне нравится.

— Спокойной ночи, мисс Шталь.

— Спокойной ночи, профессор.

Феникс сворачивается в клубок, и я ослабляю хватку.

— Ты — моя маленькая идеальная пара, — целую ее обнаженное плечо. — И я никогда тебя не отпущу.

Все девушки, с которыми я встречался до этого момента, были либо оплачиваемыми профи, либо слишком ванильными, чтобы удержать мое внимание. Я пробовал онлайн-знакомства, фетиш-клубы и даже встречал девушек в таких магазинах, как «Красная комната», но их интерес к БДСМ был либо поверхностным, либо противоречил моим вкусам.

Феникс — единственная сабмиссив, которая не пришла ко мне с жестким списком табу.

Она хочет исследовать все хотя бы по разу.

Ей не следует бояться быть отвергнутой.

Феникс — это все, чего я желаю в женщине, и даже больше. Редко выпадает шанс найти сабу, чьи желания совпадают с моими собственными, еще реже находится человек с похожим прошлым.

Мы оба выросли оторванными от матери и отца, которых презирали. Моя мать была слишком увлечена Криусом, чтобы принимать участие в моей жизни, а у Феникс ее вообще не было. Гордон Гофаннон, возможно, не был таким монстром, каким был Криус, но он без колебаний бросил Феникс с кучей непоплаченных счетов.

Я запускаю пальцы в ее волосы, позволяя шелковистым прядям ласкать кожу. Если Феникс не отвернется от меня из-за моего прошлого, я защищу ее ценой собственной жизни.

Возможно, забота о ней станет искуплением того, что я не смог защитить мать.

ФЕНИКС

Голова болит.

Нет, не совсем точно.

Такое чувство, будто в ней каждый сосуд наполнен кислотой, пульсирующей под звуки барабана. Такого, в какой раньше били на галерах для синхронизации движений гребцов.

Хотя мои глаза закрыты, солнечный свет ударяет по сетчатке, как хлыст. Я поворачиваюсь в постели и стону.

Зачем пить больше одного раза в жизни, если похмелье такое дерьмовое? Комната вращается в направлении, противоположном моим внутренностям, и у меня перехватывает дыхание.

— Только не говори, что тебя снова вырвет, — говорит глубокий, ровный голос, который скользит по моей коже, как бальзам.

— Хм? — приоткрываю глаз, но его заливают свет.

Моргая, я перевожу взгляд и вижу обнаженного татуированного профессора Сегала, стоящим у моей кровати.

Только это не моя комната.

Все такое чистое, такое стильное, цвета слоновой кости.

— Профессор? — пытаюсь сесть, но агония ударяет в голову.

— Полегче, — он налетает сверху и крепко обхватывает меня за спину, удерживая в одном положении, пока я сажусь.

Его прикосновение успокаивает расшатанные нервы, а запах кожи и красного дерева возвращает к реальности. Я в доме профессора Сегала. Это комната, в которой он сидел в субботу вечером, когда мы впервые переписывались.

— Как я сюда попала? — хриплю.

— Ты была пьяна, и я забрал тебя возле «Кампус Кафе».

— Зачем? — утопаю в плюшевых подушках.

Профессор Сегал не отвечает какое-то время. Я поднимаю голову и всматриваюсь в его суровые черты. Он равнодушно смотрит на меня, как в моменты, когда студенты задают глупые вопросы в классе.

Пот выступает на лбу. Что я говорила? Мой разум воспроизводит последние несколько секунд.

— Ты смотришь на меня так потому, что ответ очевиден?

Он поднимает бровь.

— Эй, — если бы я могла собраться с силами, чтобы ткнуть его в грудь, я бы это сделала, но мои руки налились свинцом. — Если девушка напивается, то это не означает, что ее нужно похитить.

— Никто не похищает, как ты красноречиво выразилась, то, что уже ему принадлежит.

Моя кожа натягивается, хотя не могу сказать, то ли это из-за напряженности его взгляда, то ли из-за его заявления о собственности. Воспоминания прошлой ночи просачиваются сквозь какофонию боли. В основном это Аксель и Вир, флиртующие со сцены, и свидание профессора Сегала с доктором Раринг.

— Что ты делал с лектором по маркетингу?

— Мы разговаривали об этом прошлой ночью, — отвечает он, его голос наполнен мрачным весельем.

— Я не помню.

— И вряд ли вспомнишь.

Мои зубы клацают.

— Вы были на свидании?

— И с доктором Ксандером за компанию?

— Не знаю, — взгляд падает на одеяло цвета слоновой кости, сделанное из крошечных шелковых квадратиков.

Фух. Мои легкие сдулись под натиском смущения. Я веду себя слишком капризно, особенно, если учитывать, что нас с профессором Сегалом объединяет всего лишь договоренность.

Конечно, он утащил меня с улицы, ведь я, черт возьми, продалась ему за две тысячи фунтов стерлингов в месяц.

— Забудь об этом, — бормочу я.

— Мисс Шталь, — резкий голос пробивается сквозь мое угрюмое настроение.

Я выпрямляюсь.

— Да, сэр?

— Мы с доктором Ксандером планировали выпить по чашечке кофе в субботу.

Насколько я был осведомлен, должны были быть только мы вдвоем.

Тяжесть в груди уменьшается, и я наконец могу расслабиться. Смотрю в его смеющиеся глаза и улыбаюсь.

— Как твоя голова? — он спрашивает.

— Весьма дерьмово.

— Возможно, в следующий раз лучше не наливать шнапс в кофе.

Вздрагиваю при воспоминании о том, как пила его. Неудивительно, что сегодня утром я чувствую себя так ужасно.

— У тебя есть аспирин?

— Это последнее, что нужно принимать натошак, — он поворачивается и идет к двери.

— Куда ты уходишь? — спрашиваю я, скользя взглядом по его широкой спине и задерживаясь на тугой заднице под серыми спортивными штанами.

— Хочу принести средство от похмелья, после которого тебя не вывернет наизнанку.

— Э... хорошо, — снова откидываюсь на подушки и осматриваюсь.

Комната могла бы послужить съемочной площадкой для фильма «Красавица и чудовище», только вот она полностью лишена цвета. Единственное исключение, — это серебряное напыление вокруг изголовья кровати и на изогнутых ножках мебели.

Она сдержанная и элегантная, как и сам профессор Сегал, но при детальном рассмотрении оказывается замысловатой и творческой. Богатые карнизы украшают потолок и обрамляют зеркала. Все это гармонично сочетается с красивой хрустальной люстрой.

Это полная противоположность здания, которое я раньше называла домом, там все было разношерстным и грязным. Сердце сжимается при мысли о папе. Не то чтобы я скучала по этому жалкому мудаку, но эмоции, которые я пыталась заглушить выпивкой прошлой ночью, всплывают на поверхность.

Я в самом деле думала, что профессор Сегал отверг меня. В горле становится ком, а глаза горят. Я никогда не плачу. Но когда опускаю голову, на один из шелковых квадратов падает слеза.

— Какого хрена? — тру глаза тыльной стороной ладони, но от этого становится только хуже.

Мягкие шаги разносятся по комнате.

— Все в порядке?

— Да, — говорю я голосом, полным эмоций. — Просто голова болит.

Он ставит серебряный поднос на тумбочку и скользит пальцами мне вверх по шее. Я вздрагиваю, когда он поднимает мой подбородок, чтобы наши взгляды встретились.

— Скажи мне, что не так.

Золотые блики в его глазах горят ярче утреннего солнца, окрашивая радужку в ярко-бирюзовый цвет. Не знаю, в ярости он или раздражен, но я не могу быть причиной его угрюмого настроения.

Мой взгляд падает на острую скулу, и я отвечаю:

— Ничего.

— Я не спрашиваю дважды.

Сглатываю.

— Это действительно не важно, — прежде чем он скажет что-то, от чего у меня по коже побегут мурашки, я добавляю: — Прошлой ночью в моей голове пронеслись всякие глупости.

— Продолжай.

Я качаю головой.

— Папа либо заблокировал меня, либо изменил номер, либо кто-то уничтожил его телефон. Я не знаю. Я увидела тебя с ней прошлой ночью и подумала, что история повторяется. Ну знаешь, в один момент человек увлечен мной, а в следующий уходит и даже не оборачивается.

Профессор Сегал убирает руку.

— Так я похож на твоего отца?

— Нет, — говорю я, решив не упоминать слово «папочка». — Мой папа был придурком, а ты...

— Тоже придурок?

Мои глаза ловят его взгляд.

— Хм?

— Простой ночью ты назвала меня придурком.

— Это не похоже на меня.

— Сомневаешься в моих словах? — он поднимает бровь.

— Нет, — выпаливаю я.

Он поворачивается к тумбочке и берет стакан.

— Выпей это.

Мой нос морщится.

— Могу я спросить, что это?

— Коктейль, который я считаю в самом деле эффективным, — говорит он, улыбаясь. — Томатный сок, сельдерей, немного корейской груши и щепотка женьшеня.

— Это правда помогает?

Он подносит стакан к моим губам.

— Попробуй сама.

Делаю глоток, ожидая, что на вкус коктейль будет как холодный суп, но, к моему удивлению, он легкий и напоминает водянистую сальсу.

— Неплохо.

— Рад, что заслужил твое одобрение, — говорит он с легким смешком, но стоит надо мной, пока я допиваю весь стакан.

— Спасибо, — откидываюсь на подушки и вздыхаю.

— Теперь вода, — он поднимает огромный стакан и заставляет сделать несколько глотков.

Как раз в тот момент, когда я думаю, что он собирается проявить милосердие и оставить меня наедине со страданиями, он забирается на кровать и укладывает меня на свое голое тело. Моя голова лежит на сгибе плеча, а грудь прижата к его боку.

Я таю на профессоре и вздыхаю. Это самая большая близость, которую я ощущала к кому-либо за всю свою жизнь. Я могла бы так легко привыкнуть к тому, что он обнимает меня вот так.

— Расскажи мне о своем отце, — его глубокий голос резонирует в воздухе.

— Ты что, — бормочу я ему в шею. — Психолог?

— Если хочешь, — отвечает он легким голосом. — Вы были близки?

— Нет, — кладу руку в ямочку между его грудными мышцами. — Да. Не совсем.

— Звучит противоречиво.

Я вздыхаю.

— Все сложно.

— Просвети меня.

— Всегда были только я и он, сколько себя помню.

— Где твоя мать?

— Где-то, — бормочу я. — Все, что осталось от нее, — это имя и несколько фотографий.

Профессор Сегал молчит. То ли это намек продолжать говорить, то ли он обдумывает мои слова, я не могу сказать наверняка. Но приятно разговаривать с кем-то, кто не будет слишком остро реагировать.

— Он был нормальным, наверное. Немного холодным, скупым и много разглагольствовал о женщинах. Но у меня был только он, верно?

Он издает звук согласия.

— Иногда мне хотелось, чтобы он упал замертво. Он обзывал меня всевозможными ужасными словами, — сжимаю зубы. — Один раз он угрожал продать меня этому жуткому сутенеру Криусу Ваниру.

Профессор Сегал напрягается, будто затаив дыхание.

Я съеживаюсь от того, что рассказала слишком много. Теперь он подумает, что папа поймал меня за чем-то гнусным.

— Это была всего лишь угроза, — слова натываются друг на друга. — Не то, чтобы я сделала что-то плохое. Ему просто не нравится, когда я одета как нормальная девушка.

— Отсюда и одежда из воскресной школы, в которую ты была одета в день нашей встречи.

Я смеюсь.

— Это самый простой способ сделать так, чтобы он отстал. Я приезжала домой только потому, что он настоял, чтобы я каждую неделю просила деньги на продукты. Но однажды он просто исчез.

— Он не сказал, куда направился, и не дал знать, что он в безопасности?

К горлу подкатывает желчь. Я чувствую себя дерьмом из-за того, что не трачу каждую свободную минуту на поиски папы, но жизнь без него в тысячу раз лучше.

— Ничего, — хриплю я.

Профессор делает глубокий вдох.

— Я поспрашивал о твоём отце и обнаружил кое-что интересное.

Я наклоняю голову, пытаюсь встретиться с ним взглядом, но он смотрит на люстру.

— И что же?

— Ты не должна никому об этом говорить.

Мое сердце сжимается.

— Его убили?

— Нет, — говорит профессор Сегал слишком быстро, на мой взгляд, и затем делает паузу.

В моих легких останавливается воздух. Каждая часть тела замирает.

— Товарищ сказал мне, что его назначили новым начальником тюрьмы «Сикрофт».

— Извини, что?

— Что ты знаешь о делах своего отца?

— Он всегда говорил, что он бухгалтер, но держал меня в стороне от дел, — это мягко

сказано, но я слишком привыкла хранить секреты, чтобы проговориться, что папа работает на ирландскую мафию. — А что?

— Он должен был заниматься не только бухгалтерией, чтобы заслужить такую ответственную должность. «Сикрофт» — это место, куда преступный мир помещает людей, слишком важных, чтобы убивать, и слишком опасных, чтобы оставить в живых.

— Только не говори, что это место реально существует. — говорю я.

— Видимо так, — он проводит пальцами по моим волосам, вызывая покалывание на коже головы. — Я думал, твой отец взял с тебя слово хранить в тайне место, куда он исчез.

— Нет, — скриплю зубами. — Не могу поверить, что потратила целый час на беспокойство об этом ублюдке.

Профессор Сегал смеется от души и продолжает смеяться даже тогда, когда это уже не кажется уместным. Это было даже не смешно. Я отстраняюсь, моя голова теперь лежит на его бицепсе, так что я могу лучше рассмотреть его лицо.

В уголках глаз веселые морщинки, а улыбка такая широкая, что кажется маниакальной. Что, черт возьми, я сказала, чтобы вызвать такую реакцию?

— Мариус? То есть... профессор? — провожу круг на его груди.

Он моргает снова и снова, словно активируя свою стальную маску.

— Ты просто напомнила мне кое-что.

— Твой отец тоже пропал?

Он снова смеется.

— Если бы пропал, я бы ненавидел его намного меньше.

— Ой, — я обвила рукой его грудь и зарылась лицом в его шею. — Извини. Полагаю, он был хуже моего.

Профессор Сегал успокаивающе проводит рукой вверх и вниз по моей спине, но мне интересно, не делает ли он это для собственного успокоения.

— Слова «ублюдок» недостаточно даже чтобы начать описать моего отца, — рычит он. — Его единственное достоинство в том, что он ценит образование.

Я фыркаю.

— То же самое и с моим.

Он целует меня в висок.

— Он когда-нибудь причинял тебе боль?

— Могло быть и хуже, — бормочу я.

— Как?

— Я имею в виду, что он никогда не поднимал руку и всегда успокаивался, когда я плакала. В основном он просто стоял надо мной и кричал всякую ерунду, пока я терпела.

Он качает головой.

— Он похож на человека, который не смог бы и слова сказать равному себе.

— Ага, — делаю паузу. — Каким был твой?

Мариус издает очень долгий вздох.

— Я не проводил с ним столько времени, сколько ты со своим. Моя мать была его любовницей и терпела его визиты несколько раз в месяц, но он был столь же хорош в контроле, сколь и в садизме.

— Каким образом? — мои пальцы сжимают его мышцы.

— Позже я понял, что он держал ее на поводке при помощи наркотиков. По этой причине она не пыталась сбежать.

— Но ты сбежал?

— Да.

То, как он произносит эти два слова, звучит зловеще.

— Ты убил его? — шепчу я.

Он зажмуривает глаза.

— Я потерпел неудачу. Это больше не повторится.

— Что ты имеешь в виду?

Он колеблется несколько мгновений, словно размышляя, стоит ли объяснять, но затем качает головой.

— Обсудим эту историю в другой раз. Тебе уже лучше, так что я принесу что-нибудь поесть.

Профессор Сегал выскользывает из-под меня и направляется к двери.

Мои губы приоткрываются в знак протеста, но я не могу произнести ни слова. Там, откуда я родом, вмешательство в чужие дела может превратить любопытного назойливого человека в соучастника.

Но всего в нескольких предложениях он разгадал тайну того, что случилось с папой. Я рада, что он жив, и раздражена тем, что он бросил меня ради чего-то получше, но в основном я не переживаю из-за этого жалкого старого говнюка.

Теперь я горю желанием узнать, как профессор Сегал освободился от своего отца.

МАРИУС

Я не могу признаться Феникс в том, что в свои двадцать восемь лет все еще нахожусь под контролем отца, и это раздражает.

Однако я намерен изменить положение дел до того, как мне исполнится двадцать девять.

Она, наверное, не в настроении много есть, но тем не менее готовлю завтрак. Сегодня это фруктовый салат из разных видов дыни для повышения уровня гидратации в организме и тосты с медом и бананом, о которых она не раз с восторгом вспоминала.

Когда я возвращаюсь, Феникс уже уснула. Солнечный свет струится по кремовой коже, подчеркивая мягкий изгиб ее плеча.

Она выглядит чище ангела с этими каштановыми волосами, рассыпавшимися по подушкам. Как, черт возьми, можно было обращаться так жестоко с кем-то настолько милым? Ее отец обязан был хотя бы дать знать о своем благополучии.

Провожу пальцами по шелковистой коже ее руки и не верю, что заполучил девушку, сочетающую в себе декаданс⁴, и невинность.

Вчерашняя вспышка говорит мне, что ее привязанность не ограничивается нашими

финансовыми договоренностями. Что прискорбно, так как я намерен покинуть Марина Виллэдж, как только профессор Экхарт поправится и будет готов вернуться к работе.

Оставив поднос у кровати, иду в кабинет вниз. Это комната с тремя стенами из высоких книжных полок и латунной люстрой. Прохожу мимо стола, сажусь на диван с видом на сад во внутреннем дворике и беру трубку телефона.

Квинн отвечает после первого гудка.

— Алло.

— Ты получила видео, которые я отправил?

— Он действительно хорош, — говорит она со смехом.

Я стону.

— И ты туда же.

— Что? Завидуешь, что не умеешь так же выпендриваться в джинсах-клёш?

— Ты нашла место, где их возьмут?

— Трое сказали, что заинтересованы, — говорит Квинн серьезнее. — «Джейбервок» — единственные, кто принимает залог наличными. Я подумала, что ты предпочел бы не оставлять следов.

— Отлично. Когда они смогут провести концерт?

— У них полная бронь на вечер каждой пятницы и субботы до Рождества, и я не думаю, что ты выберешь вечер в будний день, — она делает паузу.

— Сомневаюсь, что университет допустит массовое мероприятие вне стен кампуса с участием их студентов среди недели.

— Да, я так и подумала. Но у них есть место для дневного концерта в следующее воскресенье и через неделю.

— Хм... — я потираю подбородок. — А как насчет мест, где не принимают наличные?

— У некоторых есть свободные даты, но в ноябре... — слышу, как она съеживается от этого предложения.

Скриплю зубами и шумно втягиваю воздух. Неизвестно, что произойдет с матерью, если оставить ее в лапах этого мудака дольше, чем планировалось. Неизвестно, что он заставляет ее делать и с кем.

— Не обсуждается.

— Я тоже так подумала, — отвечает она со вздохом.

— Тогда утверждаем дневной концерт в ближайшее воскресенье, — говорю я. — Внеси залог за дату.

— Что, если объект не клюнет на удочку?

Я пощипываю переносицу. Если он этого не сделает, мы в заднице. Это значит, что мне придется лично похитить Бестлэссона, и сомневаюсь, что его будет так же легко умыкнуть, как пьяную Феникс.

— Нужно работать быстрее, — говорю я. — Пока с него не сошла эйфория от недавнего успеха.

— Хорошо, но есть еще один момент...

— Какой?

— Твой план последовать за людьми Криуса не проработан. Тебе не кажется, что они могут поджидать «хвост»?

— Есть другие предложения?

— Трекер.

Мои брови сходятся.

— Объясни.

— Я найду что-нибудь вроде медальона или серьги, куда можно вставить устройство слежения. Что-то, что он наденет на сцену или возьмет с собой в день похищения.

— Достойный план «Б», — потираю подбородок.

— Неужели, — говорит она возмущенно.

Невольно мои губы растягиваются в улыбке.

— Я согласен с твоей точкой зрения.

Она фыркает.

— Какой же ты...

— Профессор? — спрашивает Феникс из-за двери.

— Держи меня в курсе, — бормочу в трубку.

— Подожди...

Я вешаю трубку прежде, чем Квинн успевает договорить. Последнее, чего я хочу, это чтобы она отчитала меня за связь со студенткой. Это в лучшем случае неэтично, а в худшем — опасно.

— Входи.

Феникс заходит внутрь, все еще одетая во вчерашнюю майку и нижнее белье. На ней нет бюстгалтера, и солнечный свет, струящийся из окна, делает ткань почти прозрачной. Член оживает и наливаясь, когда мой взгляд скользит по нежным изгибам ее тела, задерживается на белых трусиках, обтягивающих гладкую киску, а затем спускается к стройным бедрам.

— Чувствуешь себя лучше? — встречаюсь с ее оленьими глазами.

— Спасибо за завтрак.

— Пожалуйста, — отвечаю ей, голос становится глубже. — А теперь повернись.

Она моргает.

Я делаю жест пальцем.

— Ну же.

Ее щеки заливают румянец.

— Проверяете мои синяки?

— Именно.

Она обнимает себя за талию руками и переступает с ноги на ногу, поворачиваясь, и останавливается, чтобы я успел увидеть почти зажившие округлости.

— Гель отлично помог, — говорю я. — Завтра утром ты будешь готова к новой порке.

Тихий вздох Феникс заставляет мой член дернуться.

— Иди сюда.

Она облизывает губы, и это движение пробуждает во мне что-то абсолютно дикое. Когда она поцеловала меня вчера, я хотел зализать ее до исступления. Но не в ситуации, когда она пьяна и не контролирует себя.

Я — не мой отец.

Я не из тех мужчин, которые воспользуются женщиной, находящейся в уязвимом положении. Именно по этой причине я сначала закрыл вопрос с ее неотложными финансовыми обязательствами, а потом дал возможность взять деньги и уйти, или остаться и стать моей.

Теперь я хочу ее рот.

Она пересекает комнату, и, как только оказывается в пределах досягаемости, я

усаживаю ее к себе на колени.

— Ты усугубила наказание прошлой ночью, — обнимаю ее за талию и заставляю себя не двигаться, когда она ерзает на моем члене.

— Что я сделала? — ее голос звучит выше в притворной панике.

— Я говорил держаться подальше от этого мальчишки, но вдруг обнаружил тебя пьяной в его присутствии.

— Что? — вскрикивает она. — Я пошла только потому, что этого хотела Шарлотта, а напиток вообще Аксель принес...

Я нежно шлепаю ее по бедру.

— А твои пререкания прошлой ночью, когда я пытался вытащить тебя в безопасное место?

— Имеешь в виду, пытался похитить, — говорит она со смешком, который разрядом устремляется прямо к паху.

Она стонет, когда я крепко сжимаю ее бедро, заставляя прижаться к члену. Теперь моя очередь стонать. Я хочу трахнуть ее. Прямо сейчас. Но не сделаю этого, если у нее все еще похмелье.

— Как твоя голова? — шепчу ей на ухо.

— Лучше, — отвечает она. — Но все равно не на сто процентов.

— Жаль, — рычу. — Я хотел привести воскресные планы в действие.

— Только не говори, что собираешься использовать бутылку шампанского.

— Не будем портить сюрприз, — просовываю руку под ее майку. — Но пока я хочу попробовать что-нибудь легкое и ванильное без стоп-слова.

— Что?

— Ты мне доверяешь?

— Нет, — она поворачивается, и я прищуриваюсь, встречаю ее взгляд. — И почему мне кажется, что ты собираешься сделать что-то, что мне не понравится?

Я сдерживаю смех.

— Потому что так и есть.

— Вранье, — она упирается спиной в мою грудь. — Тогда делай все, что хочешь.

— Мы сыграем в игру, сколько раз я смогу довести тебя до края, прежде чем ты тронешься умом, — вытаскиваю из кармана ошейник и надеваю на нее.

Она вздрагивает у меня на груди, но мое тело распознает это движение как возбуждение.

— Это совсем не больно.

— Это еще предстоит выяснить.

Провожу рукой по ее ребрам и обхватываю грудь. Она теплая и упругая. Когда провожу пальцами по соскам, они напрягаются, превращаясь в твердые горошины.

Пульс ускоряется, посылая кровь на юг. Все в этой девушке восхитительно.

— У тебя прекрасное тело, — шепчу я ей на ухо.

— М-м-м.

Другой рукой прокладываю дорожку по хлопковой ткани ее трусиков и останавливаюсь над выступающим бугорком. Цель игры — возбудить ее настолько, чтобы она умоляла о финише. Я нежно прохожу круговыми движениями вокруг ее клитора, всего в паре сантиметров, так что она чувствует только призрачное прикосновение.

Феникс приподнимает бедра, пытаюсь создать небольшое трение. Я одергиваю руку.

— Не жульничай.

— Разве нельзя потрогать напрямую? — спрашивает она с хныканьем.

— Будь хорошей девочкой и молчи, пока я играю с твоей киской.

Она хлопает ладонью по губам со сдавленным звуком, и я провожу большим пальцем по ткани над складками ее киски. Феникс вздрагивает, а члену очень не хватает ее рук. Недостаток у этой игры один — воздерживаться нужно и мне.

— Ты течешь из-за меня, милая?

Она отрицательно качает головой.

— И что я найду, когда отодвину твои трусики?

Она стонет.

— Это несправедливо.

— Что именно?

— Ты думаешь, что мне нравятся все эти безумства, — бормочет она.

— Я просто делаю выводы из твоих реакций, — говорю я легким голосом. — Мы оба знаем, что под невинной шкуркой прячется маленькая извращенная шлюпка. Ты просто отрицаешь.

— Что? — бормочет она. — Я не... ох.

Она откидывает голову назад, когда мой палец скользит по ее набухшему клитору легкими прикосновениями.

— Признай это.

— Нет, — шепчет она.

— Почему у тебя розовеют щеки, если ты не возбуждена?

— Такое бывает, когда я смущаюсь.

Я перекаत्याю ее твердый сосок между пальцами, заставляя стонать.

— Так ты реагируешь, когда смущаешься? — затем провожу пальцем другой руки вниз по ее влажным складкам. — Или так?

— 3-замолчи.

— Нужно добавить еще одно наказание к твоему растущему списку проступков.

— Оу... — она дергает бедрами, покачивая ими, так что мой член оказывается между ее ягодицами.

Пытаюсь сдержать стон, но не выходит.

— Ты, маленькая шалунья.

— В-видишь, тебе тоже сильно нравится, когда дразнят, — говорит она, тяжело дыша.

— Разница между тобой и мной в том, что я не отрицаю своих заскоков, — шепчу я ей на ухо. — Ты можешь ныть и жаловаться, поклоняясь моим ботинкам или ногам, но чем унижительнее я делаю твое положение, тем больше ты течешь.

— Нет.

— Говорит потаскушка, которая ни разу не использовала стоп-слово.

Она издает довольный стон, который отзывается по всей длине моего члена. Для девушки, которая утверждала, что ненавидит словесные порицания, она слишком бурно на них реагирует.

Я отпускаю клитор, вызывая разочарованный стон. Она прижимается к члену и трется, словно хочет подтолкнуть меня к действию.

— Веди себя хорошо, — шепчу ей на ухо, — или оставлю тебя голодной и мокрой.

— Но я не...

— Не лги мне.

Она ерзает на месте, ее бедра смыкаются, но я хватаю ее за колено и передвигаю ногу так, чтобы она оказалась между моей. Переместив вторую в аналогичное положение, я раздвинул ее согнутые в коленях ноги, что дало мне полный доступ к киске.

— Гораздо лучше, — говорю я. — В таком положении передо мной ты выглядишь великолепно.

Она прикусывает нижнюю губу и стонет.

Я ласкаю ее киску через трусики, подготавливаю, разжигая возбуждение, но двигаюсь недостаточно быстро для достижения кульминации. Она склоняет голову набок, и я откидываю красивые каштановые волосы назад, чтобы получить доступ к шее.

Феникс пахнет цитрусом и ванилью с оттенком кофе. Провожу пальцами по ее шелковистым локонам и подставляю их потоку солнечного света. Естественное освещение разбивает цвет на множество оттенков коричневого, от ярко-янтарного до темно-каштанового.

Касаясь губами ее шеи, улыбаюсь, когда она вздрагивает от моих прикосновений. В Феникс нет ничего фальшивого. Она ничего не делает для видимости, в отличие от многих других сабмиссив. Она настолько чувствительна и отзывчива к моим прикосновениям, что каждое мгновение с ней доставляет удовольствие.

Я провожу подушечкой большого пальца по ее прикрытому клитору, заставляя шипеть сквозь зубы.

— Ты не хочешь снять с меня трусики?

— Грязная девчонка. Сидишь полуголая на коленях у профессора и делаешь непристойные предложения.

Она фыркает смехом.

— Что за профессор похищает пьяную и незащищенную студентку?

— Тот, который хочет защитить ее от хищников, — провожу рукой по ее ребрам и обхватываю ее грудь. — Хищников, которые могут воспользоваться ее нетрезвым состоянием.

— Что еще они могут сделать?

Я сжимаю зубы на ее шее, вынуждая ее напрячься. Этот разговор слишком близок к сфере работы моего отца. И это последнее, о чем мне стоит думать, когда Феникс полностью находится в моих руках.

— Давай не будем углубляться в эту тему. Отныне я хочу, чтобы ты пила ответственно или не пила вообще.

— Да, сэр, — говорит она. — И спасибо.

Перекатывая ее сосок между большим и указательным пальцами, спрашиваю я.

— За что?

— Ты забрал меня до того, как я выставила себя пьяной идиоткой.

— За то, что так мило меня поблагодарила, ты получишь награду.

Я провожу крошечный круг над клитором и вниз по всей длине ее щели. Влага просачивается сквозь ее трусики, указывая на степень возбуждения. Она двигает бедрами и скулит.

— Мы так нетерпеливы? — спрашиваю я.

Ее щеки приобретают восхитительный оттенок розового.

— Так всегда, когда ты рядом.

Я провожу пальцами до пояса ее трусиков, затем скольжу под хлопчатобумажную ткань и спускаюсь к ее клитору. Она теплая и влажная от возбуждения, и пучок нервов под моим пальцем набухает от прикосновения.

Очерчивая одной рукой нежные круги над ее клитором, я продолжаю атаковать второй сосок. Феникс выгибается у меня на груди, тяжело дыша от ощущений.

Она наклоняет шею, ее красивые волосы рассыпаются по моей груди и плечу. Это самая большая близость, которую я себе позволял, держа женщину в объятьях. Возможно, я и оплачиваю ее расходы, но игра с ней в воскресенье днем не сравнится ни с одним другим видом деятельности.

Феникс тянется назад и кладет ладонь мне на предплечье.

— Перестань дразнить.

— Ты поняла, в чем суть игры? — просовываю палец между ее влажными складками и постукиваю по дырочке.

Она наклоняет бедра, пытаясь изменить угол, чтобы я мог войти в нее, и я возвращаю палец к клитору.

— Делать это со мной, пока я не сойду с ума?

— Это называется «дразнить и останавливаться», — говорю я.

— Что произойдет, если я скажу стоп-слово?

— Не скажешь.

— А если бы я это делала?

— Тогда я бы убрал пальцы и пошел обедать. Это то, чего ты хочешь?

Она энергично качает головой.

Я массирую клитор более интенсивно, заставляя ее вскрикнуть и выгнуться на моей груди. Феникс так легко вывести из равновесия, а звук ее удовольствия радует меня больше, чем произведения Моцарта.

— Профессор, — шепчет она. — Так хорошо.

Она приближается к кульминации. Ослабляя давление на ее клитор, я замедляю свои движения, только чтобы она застонала.

Тяну ее твердые соски и шепчу ей на ухо:

— Ты издаешь такие милые звуки.

— О, черт, — говорит она сквозь стиснутые зубы. — Дай мне кончить, чертов садист.

Я обхватываю рукой ее шею, заставляя ее задыхаться.

— Только за это я заставлю тебя умолять.

— Но ты уже это делаешь.

Мой палец оставляет клитор и обводит ее дырочку, она такая гладкая и скользкая и готова к траху, что я почти теряю представление о том, почему трачу время впустую на все эти поддразнивания.

Прилив жара к члену, кажется, согласуется с этой мыслью. Феникс заставляет меня терять концентрацию. Сосредоточиться. Я не могу позволить себе потерять контроль, когда стою на пороге самой важной миссии в своей жизни.

Простой намек на Криуса охлаждает мое возбуждение, возвращая мысли к задаче. Феникс меня погубит, если я не подчиню ее.

— Пожалуйста, — всхлипывает она.

— Пожалуйста, что? Закончи фразу.

— Пожалуйста, дай мне кончить.

Я провожу пальцем по гладкой, влажной вершине ее клитора. Он настолько чувствителен, что ощущаю, его дрожь под моим прикосновением.

— Что ты дашь мне взамен? — говорю я низким голосом.

— Я отсосу.

— Ты и так это сделаешь.

Она издает возмущённый звук.

— Чего ты хочешь?

— Те мальчишки, с которыми ты гуляла прошлой ночью, — тщательно подбираю слова, чтобы не выдать заинтересованность конкретно Беслэссоном. — Ты перестанешь с ними общаться.

— Но Шарлотта...

Мои пальцы крепко сжимают сосок, заставляя ее шипеть сквозь зубы.

— Речь не о твоей подруге, — говорю я. — Если она хочет затащить тебя на еще один из этих концертов, ответ — нет.

Лицо Феникс напрягается.

— Я не знаю, почему ты так категоричен насчет них.

— На счет музыкантов, которые напаивали вас? — я рычу, в основном на себя за то, что говорю, как ее отец.

Я не склонен чрезмерно контролировать или вести себя как собственник, но это единственная вещь, которую я не допущу. Когда Вир Беслэссон исчезнет, подозрения падут на каждого из его друзей и знакомых.

Я не могу допустить, чтобы Феникс находилась под пристальным вниманием «Одина» или остальных членов этой семьи.

Она фыркает.

— Хорошо, я буду держаться подальше. Теперь, пожалуйста, я могу кончить?

— После того, как я удостоверюсь в правдивости твоих слов.

За несколько минут я снова довожу ее до края и снова успокаиваю. Румянец с ее щек растекается по шее, по груди и даже до кончиков ушей.

После шести раундов поддразниваний и остановок Феникс задыхается и дрожит у меня на груди, а на лбу у нее выступают капли пота.

Мой член в агонии буквально умоляет избавить нас обоих от страданий, но есть дело поважнее.

— Пожалуйста, — ее голос ломается. — Вир мне даже не нравится. Чаще всего он меня бесит. Пожалуйста, позволь мне кончить.

— О чем ты?

— Раздражает тем, что вдруг стал дружелюбным. Последние два года он вел себя так, будто меня не существует.

Мои брови непроизвольно сдвигаются.

— Ты хотела его внимания?

Она морщит нос.

— Нет. Он эгоистичный придурок.

Я не могу с ней не согласиться, но это не относится к делу. Кончик моего пальца скользит в ее влажный жар. Она такая тугая и скользкая, что всасывает его до костяшек пальцев.

Член пульсирует при мысли о том, что она отреагирует так же, когда мы наконец

потрахаемся.

— Хммм... расскажи мне больше о том, чего ты не будешь делать.

— Я даже не буду смотреть на их листовки, — говорит она, прерывисто дыша. — И, если Шарлотта или кто-то еще попросит меня сходить посмотреть на группу, ответ будет «нет».

— Нет? — вытаскиваю палец.

— Блять, нет, — стонет она, когда я вставляю его обратно. — Я лучше потрачу время на изучение финансов и бухгалтерского учета. Теперь, пожалуйста, могу я кончить?

— И все это ради кульминации, — говорю непринужденно. — Так сильно хочется?

— Нет, я серьезно.

— Знаешь, что я думаю?

— Что? — спрашивает она напряженным голосом.

— Грязные девочки, которые остаются дома и делают уроки, заслуживают награды.

Боком большого пальца я провожу вверх-вниз по клитору, пока два других пальца кончиками все еще погружены в нее. Сейчас Феникс так близка к финалу, что понадобится всего несколько секунд, чтобы довести ее до предела.

Она выгибается назад и кричит. Ее маленькая киска в экстазе сжимается вокруг моих пальцев, вынуждая что-то внутри меня замурчать от удовольствия. Я продолжаю гладить клитор, пока оргазм ослабевает.

Несколько мгновений спустя Феникс прижимается к моей груди, тяжело дыша через приоткрытые губы. На ее лбу блестят капли пота, а глаза рассеянно уставились в книжный шкаф.

Пальцы промокли от ее возбуждения. Я подношу их ко рту и пробую на вкус, прежде чем протереть влажные губы.

— Вылижи начисто.

Она пятится назад.

— Что?

Я обхватываю сзади ее тонкую шею.

— Делай, что сказано.

Феникс вздыхает, приоткрывает губы и позволяет мне скользнуть пальцами в ее рот. Она проводит языком вверх и вниз по моему пальцу и мычит, звук идет прямо к ноющему члену.

Этот грязный маленький ангел меня погубит.

Удовлетворенный тем, что она слизала все следы возбуждения с моих пальцев, я вытягиваю их из ее рта.

— Я не понимаю, — бормочет она мне в шею. — В одну минуту ты кошмарный садист, а в следующую — такой джентльмен.

— Кем я только что был? — качаю ее на руках.

— Кто знает? — бормочет она.

Я несу ее вниз, где она может хотя бы отоспаться от похмелья в темноте.

Когда она оправится от своего деликатного состояния, я не буду вести себя так по-джентльменски.

ФЕНИКС

Через несколько часов, когда я просыпаюсь во второй раз, пульсация в голове уже прошла, но сменилась болью в пустом желудке. Я двигаюсь, и чувствую прохладный шелк простыней, скользящих по моему телу.

Вдыхаю, мои ноздри наполняются ароматом кожи. Должно быть, профессор Сегал перенес меня в подвал.

Догадка подтверждается, когда я разлепляю глаз и вижу тяжелые шторы, кровать с балдахином. Красные лучи струятся внутрь, разрисовывая простыни вертикальными узорами, но вокруг ни души.

— Ох, ну почему я всегда просыпаюсь здесь одна? — бормочу себе под нос и опираюсь на руки, чтобы сесть, прислонившись к мягкой кожаной спинке кровати.

Я решила, что его дом отражает его личность. Верхний этаж идеален, безупречен и отполирован, но под поверхностью скрывается тьма, декаданс и разврат.

— Профессор? — негромко зову его.

Ответа нет.

Он, вероятно, наверху, ведет один из своих тайных телефонных разговоров, которые

резко прерывает, как только я вхожу.

Профессор — полная противоположность папе. Папа кричал, чтобы я убиралась к чертям, и добавлял несколько унижающих достоинство оскорблений, просто желая напомнить, что я никчемный паразит.

Качаю головой.

— Зачем я их вообще сравниваю?

Отодвинув тяжелую занавеску, я развожу ноги в стороны и соскальзываю с матраса. На прикроватной тумбочке стоит поднос с бутылкой питьевого йогурта и запиской «ВЫПЕЙ МЕНЯ».

Это очень в стиле «Алисы в Стране Чудес», но тогда я не могу не задаться вопросом, какого персонажа представляет он.

Допив, иду к двери.

Профессор Сегал спускается по лестнице без рубашки и в кожаных штанах.

— Куда-то собралась?

Невольно мой взгляд скользит по его босым ногам. Пальцы у него почти в два раза длиннее моих, видны косточки, которые тянутся к лодыжкам. Они заканчиваются короткими чистыми, ухоженными ногтями.

Когда я встречаюсь с ним взглядом, он наклоняет голову, приподняв бровь. Я уже знаю, о чем он промолчал.

— Это не фут-фетиш, — выпаливаю я.

— Конечно, нет, — отвечает он совершенно неубедительно, и сокращает дистанцию между нами.

Запах сандалового дерева едва уловим, но я все еще покачиваюсь на ногах, потрясенная. Воздух между нами сгущается, пока не становится слышно его треск от ощутимого напряжения.

Он берет меня за лицо и проводит подушечкой большого пальца по моей нижней губе. Покалывание проносится по груди, вниз по соскам и пробуждает голод. В предвкушении пульс стучит между ног.

— Как твоя голова? — спрашивает он нейтральным голосом.

— Все в порядке. — теряюсь в его голубых глазах, которые в тусклом свете напоминают цвет индиго. Удивляюсь тому, как он может говорить так спокойно, когда внутри меня все бурлит.

— Хочешь есть? — глубокий голос пробирается прямо в сердце.

— Только Вас, — слова срываются с моих губ прежде, чем я успеваю остановиться.

Глаза профессора Сегала темнеют, а уголки губ сжимаются. Не могу сказать наверняка, нарушила ли я БДСМ-этикет, потому что остальная часть его лица остается бесстрастной.

— Продолжай.

Горло сжимается, и я прикусываю нижнюю губу.

— Я хочу, чтобы мы занялись сексом.

Его черты лица не дрогнули.

— Встань на колени и проползи до центра комнаты.

Безразличие в его тоне пускает приятное напряжение по позвоночнику, которое оседает внизу живота. Делаю паузу в два удара сердца, прежде чем опуститься на пол. Эрекция профессора Сегала выпирает сквозь кожаные штаны, заставляя пульсировать мой клитор еще сильнее.

Глубоко вздохнув, кладу ладони на пол и проползаю обратно через дверь подвала.

Это должно быть унизительно, передвигаться на четвереньках, как будто я его домашнее животное, но в следовании его приказам есть свобода, которая не только дает мне чувство безопасности и принятия, которого я никогда раньше не чувствовала, но и вызывает у меня головокружение от желания.

Тепло разливается внутри, когда я тру бедрами друг о друга, передвигаясь.

— Остановись.

Я сажусь на пятки и смотрю, как он стоит в дверях, словно король демонов, наблюдающий за своим двором. Тусклый свет заливает его кожу красной дымкой и подчеркивает темные татуировки.

Предвкушение пробегает по коже, и именно в этот момент я понимаю, что слишком одета.

— Мне снять майку?

Уголок его рта приподнимается в подобии улыбки.

— Оставь.

Ощущение такое, будто он только что он вспомнил анекдот, но не хочет делиться. Прежде чем я набираюсь смелости спросить, он пересекает комнату, обходит меня и останавливается у огромного круглого орудия пыток у стены.

Оно сделано из двух полукругов, обтянутых кожей, и соединенных в цельный круг. Шесть крюков, прикрепленных к металлическим пластинам, имеют углубления по краям, но это не самое зловещее.

На полу, где должна стоять сабмиссив, симметрично расставлены подставки для ног. И три комплекта кожаных ремешков, чтобы закрепить их на лодыжках, коленях и бедрах.

В области груди находится огромный пояс, и выглядит так, как будто он обхватывает грудную клетку. Затем руки разводятся в стороны и привязываются еще большим количеством кожаных ремней.

Мой желудок сжимается в узел. Он бы не...

— Сэр? — слово выходит хриплым, поэтому мне приходится прочистить горло. — Что это такое?

Он толкает и вытаскивает массивную подставку, похожую на рычаг.

— Бондажированное колесо.

Я сглатываю.

— Это безопасно?

Он оборачивается и дарит мне свою первую искреннюю улыбку.

— Я забочусь о том, что принадлежит мне, — мягко говорит он. — Тебе не будет причинен непреднамеренный вред.

— Это означает, что намеренный вред все же в плане? — я почти визжу.

Он фыркает.

— Подойди сюда.

Я подползаю к нему на дрожащих руках и ногах. Мое сердце бьется так сильно, что вся верхняя часть тела дрожит, а ладони скользят от пота.

Когда я подползаю, он кладет теплую руку мне на макушку, снимая напряжение с моих плеч.

— Ты помнишь стоп-слова?

— Да, — шепчу я.

— Проговори.

Я облизываю пересохшие губы.

— «Желтый», когда нужно притормозить. «Красный», когда нужно остановиться.

Профессор Сегал проводит пальцами по моим волосам и нежно дергает меня, так что голова запрокидывается. На этот раз, когда я встречаюсь с ним глазами, они совершенно темные.

— Ты воспользуешься ими при первых же признаках дискомфорта, поняла?

Сердце замирает. Он говорит это, потому что все еще думает, что у меня похмелье, или потому, что это колесо особенно ужасно?

— Я это сделаю.

Он кивает.

— Встань.

Возбуждение пульсирует в груди, а соски напрягаются. Кажется, сейчас узнаем.

Профессор берет меня за руку, подводит к основанию колеса и помогает встать на подножки. Несколько наборов металлических пряжек звенят, когда я прислоняюсь к устройству, и обивка холодит мою лихорадочно-горячую кожу.

Несмотря на то, что я стою на платформе и нахожусь выше, чем обычно, профессор Сегал все еще возвышается надо мной с угрожающим видом, и тревожит ровно настолько же, насколько и возбуждает.

— Это единственный раз, когда я встану перед тобой на колени, — мягко говорит он, наклоняясь, чтобы зафиксировать мои лодыжки кожаными ремешками.

С каждым касанием материала моей кожи, каждым лязгом застежек тепло наполняет меня, принося с собой волну влажного желания. Я сжимаю мышцы и вздыхаю.

Если через это нужно пройти, чтобы потрахаться, то цена немаленькая.

Но я не жалею, потому что это в тысячу раз лучше, чем когда я профукала свою девственность.

Профессор Сегал затягивает туже ограничители на моих икрах, затем на коленях, затем встает, и оборачивает корсет вокруг моей груди.

— Как называется эта штука?

— Упряжь, — отвечает он своим преподавательским голосом. — Она удержит тебя, когда я буду крутить руль.

Узел в моем животе подскакивает к горлу.

— Подожди. Эта штука вращается?

— Конечно, — он застегивает пряжки и переходит к правой руке. — Ты используешь стоп-слово, если будет слишком.

— Хорошо, — шепчу я.

Бабочки в животе порхают, вызывая тошноту и возбуждение одновременно. Меня никогда раньше не укачивало, но все равно тревожно. Это даже более дико, чем прошлый опыт на гинекологическом кресле.

Закрепив мои руки, он вытягивает еще два ремня, которые я до сих пор не замечала, и закрепляет плечи, пристегивая ремни к упряжи.

Я полностью и совершенно обездвижена. Я в ловушке и во власти извращенца-профессора, который планирует использовать мое тело для собственного удовольствия.

Я должна быть в ужасе, но по факту сгораю от нетерпения.

Профессор Сегал отступает, его взгляд скользит вверх и вниз по моему телу. Когда он

садится у меня между ног, из горла вырывается стон. Я такая влажная, что трусики промокли насквозь.

Отрицание срывается с моих губ, но я сдерживаю его. Сколько раз я буду притворяться, что мне это не интересно, когда на самом деле ничто не заводит меня больше?

Он идет к участку стены, где висят трости, пэддлы и флоггеры. Дрожь пробегает сначала по костям, а потом охватывает все тело.

Я думала, что он просто собирается трахнуть меня, может быть, немного поиграет с сосками и заставит выпрашивать его член. Как бы я ни напрягала шею, не могу увидеть его с этого ракурса.

Пульс учащается. Какого черта происходит?

Он возвращается в поле зрения, держа в руках миниатюрный флоггер с короткой ручкой и хвостиком длиной с мои пальцы.

— Знаешь, что это?

— Конечно, но что Вы можете сделать такой маленькой штукой?

— Ты удивишься, — он подносит флоггер к моей щеке, касаясь мягкими, как масло, замшевыми хвостами.

Мое дыхание замедляется. Что-то настолько нежное не причинит мне длительной боли... Не так ли?

— Знаешь, сколько раз, стоя за кафедрой, я наблюдал за тобой в этих прозрачных майках с выставленными напоказ сосками?

— Что? — роняю взгляд на майку. — Их не...

Что-то мягкое и кожистое нежно жалит мою киску. У меня перехватывает дыхание.

Профессор Сегал отдергивает маленький флоггер.

— Ты дразнишь.

— Но я не хотела...

Он снова бьет флоггером, посылая искры удовольствия.

— Ох, — говорю я со вздохом.

— Ты думала, что я оставлю безнаказанной такую вопиющую попытку возбудить меня в аудитории?

Мои глаза расширяются.

— Но Вы наказывали меня посреди лекции. А как насчет того раза, когда я лежала у Вас на коленях в кабинете? А надувная анальная пробка?

Его глаза сияют скрытым весельем, и я сужаю свои. Почему меня не удивляет, что профессору Сегалу нравится разоблачать меня?

Теперь он заставит меня умолять, плакать и унижаться, прежде чем я получу его член.

Он наносит еще один удар флоггером по киске, от чего мои глаза закатываются к затылку.

— Ты, должно быть, очень мокрая, если твой запах уже остался на этой новенькой игрушке.

Я тяжело сглатываю, решив сохранить самообладание.

— Если да, то это потому, что мне приснился эротический сон.

Смех раскатывается громом, звук низкий и зловещий.

— Звучит интригующе.

Когда он исчезает, мой желудок сжимается, и я предполагаю, что он возвращается к стойке с флоггерами, чтобы взять тот, который будет действительно устрашающим. Но

кожаная поверхность за моей спиной начинает трястись, прежде чем все колесо поворачивается против часовой стрелки, а мое тело оказывается в горизонтальном положении.

— Что Вы делаете? — кричу я.

— Намного веселее использовать твой лживый ротик по назначению.

Он возвращается ко мне, расстегивает кожаные штаны и достает свой огромный член.

— Я хочу услышать каждую деталь из этого сна, пока ты будешь сосать.

ФЕНИКС

Гравитация притягивает мою голову к стоящему, толстому, испещренному венами члену профессора Сегала. И он стоит под углом сорок пять градусов от дорожки волос на животе.

Кожаные ремни, удерживающие меня на колесе, немного натягиваются под моим весом, но дискомфорт только усиливает возбуждение.

Между ног пульсирует.

У меня течет слюна.

Все, на чем я могу сейчас сосредоточиться, это капля смазки на его огромной головке.

— Хочешь его? — спрашивает он мягким, шелковым голосом.

— Да, — шепчу я.

— Скажи, чего ты хочешь.

Мой взгляд скользит вверх по подтянутому животу, мимо вздымающейся груди и задерживается на приоткрытых губах, прежде чем встречается с пылающими глазами.

Его взгляд совершенно дикий. И мою грудь распирает от гордости.

— Я хочу Ваш член, — говорю я.

— Проси.

Все мышцы сжимаются от потребности.

— Пожалуйста, — мой голос напряжен. — Пожалуйста, дайте мне ваш огромный член.

Он обхватывает основание ствола.

— Этот?

— Да.

К этой минуте я задыхаюсь. Задыхаюсь, потому что хочу отсосать ему. Задыхаюсь, потому что после многих дней пыток и унижений от профессора мне нужно кончить по его команде.

Мой разум настолько измучен похотью, что я не могу вспомнить, в какой момент это началось. Сейчас он мне нужен так сильно, что я получу его, чего бы это не стоило.

— Пожалуйста, — говорю я между быстрыми вдохами. — Дайте мне отсосать.

Шипя сквозь зубы, он сокращает расстояние между нами и встает рядом, его член находится в нескольких сантиметрах от моего рта. Он такой длинный, толстый и большой, что его тепло опалает мои губы.

— Лижи.

Я провожу языком вниз по стволу настолько далеко, насколько могу дотянуться в этом положении, и поднимаюсь назад к выпуклой головке. Мой язык скользит по уздечке, и я слизываю жидкость, собравшуюся на щели.

Профессор Сегал вздрагивает, и это движение посылает трепет прямо в мою киску. Так хочется сомкнуть бедра, сдвинуть ноги, создать небольшое трение, но я застряла в кожаных ограничителях.

Он отступает, и я издаю протестующий звук.

— Глаза вверх.

Когда мы встречаемся взглядами, он делает шаг ко мне и оказывается в радиусе досягаемости.

— Насколько сильно ты этого хочешь? — он двигает им вверх-вниз, и я совершенно загнипнотизировано смотрю.

— Я ужасно люблю Ваш член, — бормочу я в его разгоряченную плоть. — Он такой большой, и мне хочется обхватить его губами и сосать.

— Скажи «пожалуйста».

— Пожалуйста, позвольте мне.

Профессор Сегал одобрительно рычит.

— Открой рот.

Раздвигая губы, стону, когда он скользит по моему языку к задней стенке горла. Это первый знакомый акт этой сцены, и я успокаиваюсь, когда он двигается вперед и назад медленными и твердыми движениями.

Это совсем не похоже на бешеные толчки наших утренних сессий. По крайней мере, сейчас профессор спокойнее.

Каждый изгиб, каждая вена, каждый контур его ствола ясно ощущается у меня во рту. Каждый раз, когда он касается задней стенки горла, я сглатываю и глажу его языком.

— Ты говорила об эротическом сне, — он выходит, так что его член растягивает мои губы, а затем снова входит.

— Я не помню, — вру, потому что такого сна не было.

Профессор не слышит меня, ведь слова выходят приглушенными и искаженными, когда мой рот заполнен его членом. Я болтаю какую-то ерунду, потому что ему плевать на этот

сон. Вероятно, ему просто нравится, как мой рот вибрирует вокруг члена.

Это еще более безумно, чем когда он притворился доставщиком и ворвался в мою квартиру. Я привязана к колесу для пыток, меня ебет в рот мой профессор финансов и бухгалтерского учета, а я не могу нарадоваться.

— Ты у меня такая хорошая девочка, правда, любовь моя? — говорит он своим глубоким культурным голосом. — И не важно, где ты научилась сосать член под таким неудобным углом.

Я издаю звук в задней части горла.

— Смотри на меня, когда я к тебе обращаюсь, — говорит он.

Мои глаза поднимаются и встречаются с его горящим взглядом.

Дыхание останавливается, и он давит так глубоко, что головка его члена упирается в заднюю стенку горла, а мой нос утыкается в его лобок. Под этим углом челюсть словно отвисает, потому что он охренительно большой.

Пульс ускоряется.

Пятна танцуют перед глазами. Если я не найду способ вдохнуть, то задохнусь.

— Дыши глубже, — говорит он тем же тоном, которым говорил о финансах. — Издай два резких звука, если это слишком.

Я делаю большой выдох, а затем глубокий вдох, который прогоняет пятна. Теперь, когда голова вернулась в нормальное положение, я провожу языком вверх и вниз по нижней части его члена.

Глубокий стон профессора Сегала вызывает дрожь удовлетворения между ног. Пусть я и связана, но все равно доставляю ему удовольствие. Когда он входит и выходит из рта, в желании прикоснуться к себе, моя рука дергается к пульсирующей киске.

Я втягиваю щеки, желая, чтобы он кончил, чтобы и я могла получить разрядку. Его дыхание учащается, а ритм меняется на бешеные толчки, грозя опрокинуть и меня, и пыточное колесо к стене.

Прежде чем я это осознаю, он кончает с рычанием, которое прошибает меня током. Под таким углом невозможно все проглотить, поэтому из уголка моего рта льется густая струя спермы.

— Негодяйка, — стонет он.

— Что я сделала?

Что-то злобное мелькает в его глазах, прежде чем он вырывается из меня и исчезает за задней частью колеса. Оно немного дергается, когда профессор двигает его по часовой стрелке, пока я полностью не переверачиваюсь, а мои волосы падают на пол.

Я втягиваю воздух, когда все тепло и ощущения, которые собрались между ног, перетекают в голову.

Профессор Сегал возвращается, но я вижу только его ноги, пока не вытягиваю шею. Но даже так я не могу встретиться с ним взглядом.

— Ты помнишь стоп-слова? — снова спрашивает он.

Моя грудь вздымается и опускается от частых вдохов, и приходится прилагать все усилия, чтобы сохранять спокойствие.

— Да, — говорю я, повышая голос. — «Желтый» — замедляемся, «красный» — останавливаемся.

— Какой сейчас?

Смех вырывается из моей груди.

Я, блять, истеричка.

— Зеленый.

Профессор Сегал проводит пальцами обеих рук по внутренней поверхности моих бедер.

— Мне нравятся твои ноги, — шепчет он издали. — Такие длинные, стройные и гибкие. Но они и близко не самая моя любимая часть тебя.

— Тогда какая?

Он делает паузу, и я напрягаюсь, боясь встретиться с ним взглядом. С глазами, которые, наверное, смотрят на мокрое пятно на моих трусиках.

Его пальцы скользят по кружевной отделке возле одной ноги, вызывая покалывание, и у второй. Он сдвигает ткань в сторону, обнажая мою киску.

— А-а-а-ах, — я выдыхаю долго и судорожно.

Прохладный ветерок кружится вокруг разгоряченной плоти, и мой выдох превращается в стон. Когда его горячее дыхание опалает мои складочки, я теряю нить разговора.

— Я люблю твою киску, — говорит он низким голосом, от которого напрягаются мышцы. — Это сверкающая жемчужина в красивых лепестках. Мне нравится, что она всегда готовая и влажная.

Откуда мне было знать, что он выберет мою киску? Я разжимаю губы, чтобы сказать это, но он говорит первым.

— Но это все еще не моя любимая часть.

— Значит, мои соски?

Он качает головой.

— Ты удивишься, если я скажу, что твои огромные серые глаза?

Прежде чем я успеваю ответить, его рот опускается на мою киску. Это так неожиданно и сопровождается таким огромным приливом удовольствия, что я вскрикиваю.

Он посасывает клитор, создавая мягкий вакуум ртом, и, без того нежный центр становится чувствительнее в два или в три раза. Вспышка ощущений пронзает мой живот и бедра, как молния, и я дергаюсь и содрогаюсь в своих оковах.

— Черт, — цежу я сквозь стиснутые зубы.

— Тебе нравится? — он бормочет рядом с горячей точкой.

— Блять, да, — мой голос дрожит. — Зеленый. Зеленый. Зеленый.

Он глубоко хихикает в мою киску, и вибрации звука проходят от клитора к разгоряченным внутренностям. Дрожь растекается вниз, вниз, вниз от задницы, по позвоночнику, вниз к голове.

Мне никогда не лизали в положении «вверх ногами». Я никогда не представляла этого, даже после того, как впервые увидела бондажированное колесо.

Это мощнее, чем на прошлой неделе, когда профессор Сегал привязал меня к креслу, из-за того, что сейчас вся кровь прилила к голове.

А еще он грубее и быстрее. Как будто знает, что я менее чувствительна, находясь с такой позиции, и компенсирует это.

Профессор лижет в бешеном темпе, от которого у меня содрогается сердце. Та часть меня, которая думает, что он сошел с ума, дрожит, другая часть, которая хочет большего, подталкивает к нему бедра.

— П-пальцы, — кричу я. — Пожалуйста.

Профессор Сегал шлепает меня по внутренней поверхности бедер, что только добавляет к удовольствию.

— Кто верхний?

— Вы, — выпаливаю я.

— Кто? — он рычит в мою киску.

— Профессор Сегал, — говорю я намного громче.

— А кому принадлежит эта киска?

— Вам, — всхлипываю я.

Он продолжает, и мы наполняем подвал тяжелыми вздохами. Это больше кружит голову, чем вчерашний пшнэпс, больше волнует, чем момент, когда его щедрый чек пришел на мой банковский счет.

Пульсирует везде, покалывает в местах, которые я не считала чувствительными, и дрожу там, где он нужен мне больше всего.

Я хочу сжать бедра и поймать его голову. Я хочу сказать ему, чтобы он замедлился, потому что я слишком быстро кончу. Но потом я вспоминаю, что этот мужчина способен доставлять многократные оргазмы.

— О, черт, профессор, я сейчас...

Кульминация ударяет, как циклон, вырывая душу с места, где она покоилась. Мое сознание кружится, выпархивает из подвала, из виллы и плывет по небу сквозь сияние.

Я никогда не переживала ничего настолько сексуально убийственного, чтобы вызвало бы вне телесные ощущения, никогда не думала, что такое возможно.

По крайней мере, до сих пор.

Высокая нота витает на краю моего сознания, непрерывный звук ужаса или блаженства. Требуется несколько ударов сердца, охрипшее горло и пустые легкие, чтобы понять, что звук исходит от меня.

Сознание возвращается в настоящее, когда я шумно втягиваю воздух, и только тогда я замечаю, как все мое тело содрогается от мощной кульминации.

Профессор Сегал проводит языком от клитора к моей дырочке длинными, вялыми, неторопливыми движениями, растягивая ощущения, заставляя их блекнуть, но не исчезать до конца.

— Черт, — говорю я сквозь судорожные вдохи. — Что Вы пытаетесь сделать? Убить меня?

Он смеется и сжимает мой клитор с небольшим давлением, которое подталкивает меня к новой разрядке. Второй оргазм более терпим — меньше духовных ощущений и больше физического взрыва. Мои внутренние мышцы пульсируют и сокращаются в собственном ритме, который перекачивает экстаз в дрожащие конечности.

Я дергаюсь в оковах, когда профессор отпускает пальцы. Проходит несколько секунд, прежде чем мои губы возвращают себе способность говорить.

— Почему? — говорю я сквозь судорожные вдохи. — Почему Вы смеетесь?

— Знаешь ли ты, что оргазм называют *la petite mort*? — он спрашивает.

— Это «маленькая смерть» по-французски, — говорю я со стоном. — Если это так, то я попала в рай.

Повернув колесо на место, он отвязывает мои ноги, а затем и руки, которые безвольно падают по бокам. Наконец он расстегивает упряжь, и я, абсолютно обмякшая от оргазма, падаю в его объятия.

— Как ты? — спрашивает он, и это звучит слишком весело для человека, который только что пытался убить меня избытком удовольствия.

— Хватит, — хриплю я.

— Хм... — говорит он. — Это не похоже на «желтый» или «красный».

Я растворяюсь в нем со слабым смешком.

— Как будто Вы можете выжать из меня еще один оргазм.

Он нежно похлопывает меня по заднице.

— У нас в распоряжении весь вечер.

— Вы на виагре? — выпаливаю я.

Он издает странный звук, который может быть смехом.

— Двадцать восемь — это не старость.

— Хммм, — между нами почти десятилетие, но я слишком устала, чтобы говорить о разнице в возрасте.

Все еще прижимая меня к своей груди, он кладет меня на кровать и шелковые простыни, а затем обнимает сзади меня, свернувшуюся калачиком.

Когда я засыпаю, то наконец отпускаю свои сомнения. Он отправился домой со мной, а не с доктором Раринг. Профессор Сегал не думает, что я хуже, потому что младше.

Я не уверена, сколько времени прошло, или мне это кажется, но матрас рядом со мной прогибается. Я приоткрываю глаза и вижу обнаженную фигуру профессора Сегала, исчезающую за кожаной занавеской.

— Ты не отвечаешь на звонки, — говорит мужской голос, который полностью вырывает меня из сна.

Что здесь делает незнакомый мужчина, когда мы в постели?

— Теперь ты знаешь, почему, — никогда не слышала, чтобы профессор говорил так холодно.

Мужчина усмехается.

— Кто это? Еще одна из твоих блядей-извращенков?

Затаив дыхание, я сажусь на кровати, прижимаю шелковую простыню к груди и жду.

Чего, не знаю.

Возможно, того, что профессор Сегал защитит меня или, по крайней мере, скажет этому человеку, чтобы он шел нахрен и убирался из дома, но их шаги исчезают в коридоре.

— Я бы предпочел не использовать такую неприятную терминологию, — отвечает профессор.

Эхо слов профессора Сегала врезается под дых с болью, которая только усиливается от хихиканья мужчины. Его единственное возражение против того, чтобы называть меня блядью, заключалось в том, что ему не нравится формулировка?

Не то чтобы я была его девушкой, или другом, или приятелем, или даже человеком, заслуживающим уважения. Он не упомянул ни о том, что у меня есть имя, и даже не сказал, что это не его дело. Он пропустил комментарий этого человека мимо ушей.

Потому что я для него — шлюха.

Руки сжимают шелковые простыни, и я зажмуриваюсь.

Какого хрена я вообще ждала? Предложения руки и сердца?

Каждое утро я встаю на колени и отсасываю. По выходным соглашаюсь на то, чтобы меня пытали и трахали всевозможными предметами. Как еще можно описать женщину, которая занимается сексом и позволяет себя унижать за деньги?

Папины слова гремят в голове. Я грешница, никчемная шлюха, годная только для одного, прямо как моя убогая мать. Именно по этой причине он заставлял меня возвращаться домой каждые выходные, ведь он не мог поверить, что я смогу пойти против своей ожидаемой природы.

Дыхание учащается, а боль в животе превращается в спираль паники.

Папы не было всего три недели, а я уже стала такой, как он предполагал.

Черт.

Нужно выбраться отсюда, пока от моего достоинства осталось еще хоть что-то, что можно спасти.

МАРИУС

— Зачем тебе эти шлюхи? — спрашивает мужчина, следуя за мной вверх по лестнице. — Такой красавчик, как ты, не должен платить за секс, даже за секс с извращениями.

Я сжимаю челюсти и продолжаю подниматься, потому что мне остается только один вариант — сдержаться и не дать этому ублюдку понять, что Феникс для меня не просто наемная сабмиссив.

— Чего он хочет на этот раз? — достигаю вершины лестницы и открываю дверь в коридор на первом этаже.

— Как будто он мне сказал, — фыркнув, отвечает мужчина.

Дверь, ведущая в подвал, захлопывается за ним, и только тогда я выдыхаю.

Феникс в безопасности... пока что.

— Ты примешь звонок не в кабинете? — спрашивает он сзади.

Я бросаю на него взгляд через плечо.

— Кухня предпочтительнее. Водонепроницаемые полы.

Он хмыкает, но скорее из потребности ответить, чем из намека на понимание. Он не

реагирует на скрытую угрозу.

Хоть Криус и не безрассуден настолько, чтобы отправить кого-то действительно ценного в мой дом, я все равно хочу отправить ему сообщение.

Делая мысленную пометку спрятать оружие в мебели в игровой комнате, толкаю кухонную дверь.

Наружные фонари внутреннего дворика обеспечивают тусклое освещение, которое как раз мне подходит. Я иду по белой водонепроницаемой напольной плитке, однако, белая затирка не является такой же водостойкой. К счастью, годы, которые я провел, убивая конкурентов этого ублюдка, подготовили меня к таким неприятностям.

— Где выключатель? — спрашивает мужчина.

— Это не обязательно, лучше закрой дверь, — протягиваю я. — Разговор не займет много времени.

Выполнив приказ, он находит участок стены и прислоняется, скрестив руки на груди.

— Криус предоставил тебе устройство, с помощью которого мы с ним будем общаться?

— Да, верно, — он отталкивается от стены, присоединяется ко мне у стойки и достает планшет. — Вот.

Когда он запускает приложение для видеоконференций, я провожу рукой под столешницей в поисках одного из многих видов оружия, которые я разместил в стратегически важных точках по всему дому.

Мои пальцы смыкаются вокруг ножа, который, я полагаю, лучше, чем пистолет, ведь выстрел может услышать Феникс.

Приложение запускает звонок, и Криус не торопится отвечать. Это мелкая форма проявления власти, учитывая, что он послал одного из своих сотрудников в мою резиденцию. Одна из многих раздражающих привычек, которая приведет к его медленной и заслуженной кончине.

Когда мужчина поднимает руку, чтобы закрыть приложение и попробовать еще раз, на экране отображается кабинет джентльмена с изящными деревянными полками, заставленными книгами в кожаных переплетах.

Криус Ванир с комфортом восседает в кожаном кресле. На нем черный бархатный смокинг и белый галстук. В пятьдесят восемь лет он все еще красив. Тонкие светлые волосы и темные круги под блестящими голубыми глазами придают ему вид академика или даже шекспировского драматурга.

Претенциозный ублюдок.

Под утонченным внешним видом скрывается человек, которому нет дела ни до искусства, ни до образования, ни даже до человечества. Фасад семьянина, преданного своей жене и законным детям, — всего лишь прикрытие для одного из самых известных лондонских секс-торговцев.

— Мариус, мой мальчик, — говорит он с добродушной улыбкой. — Я был обеспокоен.

— Ты так истосковался по моему вниманию, что прибег к помощи лакея, чтобы испоганить мои выходные? — спрашиваю я со скучающим вздохом.

Криус переводит взгляд из стороны в сторону, словно пытаюсь разглядеть, что находится за кадром.

— Мой посыльный?

— Здесь, босс, — мужчина обходит столешницу, чтобы показаться.

— Замечательно, — Криус усмехается. — Ты выяснил почему господин Сегал не

отвечал на мой звонок?

Я подхожу к мужчине сзади, когда он хихикает, и поднимаю нож.

— Видишь ли, босс...

Лезвие вскрывает горло, и он падает на кухонную стойку. Я обхватываю руками его широкий торс и осторожно опускаю на пол, чтобы он не разбудил Феникс.

— Ох, Мариус, — вздохнул Криус, и это звучит почти разочарованно. — Обязательно всегда портить то, что принадлежит твоему отцу?

— Кончай нести чушь, — укладываю умирающего в сидячее положение, спиной к кухонному островку. Затем поднимаюсь. — Из-за тебя теперь придется мыть кухню.

Его недовольный взгляд будит во мне чувство уверенности. Однажды кровь на моей коже будет от него, только его я не убью так чисто.

Каждый крик, который мне пришлось вытерпеть, пока он запирался в комнате с матерью, будет возмещен десятикратно.

— В какой момент я потерял тебя, мой мальчик?

Я не закатываю глаза, чтобы лишний раз не доставить ему удовольствие. Вместо этого ухожу из кадра к шкафу, в котором хранятся моющие средства для уборки места преступления.

Схватив стопку кухонных полотенец, клейкую ленту и большую банку абсорбирующих гранул, возвращаюсь к мужчине и делаю импровизированную повязку для горла. Его уже не спасти, но нужно хотя бы сделать так, чтобы кровь не заметила Феникс.

— Мариус? — спрашивает Криус с любопытством в голосе.

Я обвязываю мужчину полотенцами и высыпаю абсорбирующие гранулы на его тело, чтобы они впитали кровь. Мужчина смотрит на меня, открывая и закрывая рот. Любой, кто связан с известным секс-диллером, не заслуживает моего сочувствия.

— Ты пошлешь кого-нибудь забрать твоего человека или мне выбросить эту тушку и твой планшет на пляж?

Он не отвечает несколько мгновений. Скорее всего, это уловка, чтобы заманить меня обратно к камере, но я занят устранением крови, вытекающей из трупа.

Криус делает громкий, драматический вздох.

— Я отчаиваюсь.

Поскольку я не перед камерой, могу закатить глаза.

— Говори. Я буду слушать, пока работаю.

— Забавано.

— Что ты хочешь?

— Новую информацию по твоей миссии

— Я уже дал тебе ее несколько дней назад.

Намотав мужчине на шею как можно больше ткани, я подхожу к нему с прозрачным мешком для мусора. Он поднимает руку, пытаюсь остановить меня, но ослаб от потери крови, и я просто отталкиваю ее.

Надеваю пакет ему на голову и закрепляю концы клейкой лентой, чтобы создать герметичность. Не идеально, но, если добавить еще пару слоев, то я смогу транспортировать его с минимальной утечкой.

Криус еще не ответил, поэтому поднимаю голову и вижу, что он все еще сидит в кожаном кресле с напряженным лицом.

— Я задал тебе вопрос, сынок.

— Не называй меня так.

— Мариус, — произносит он сквозь стиснутые зубы. — Не мог бы ты поделиться последними новостями о миссии?

Я возвращаюсь к заворачиванию человека, который сейчас либо мертв, либо потерял сознание.

— У цели есть хобби, которое, как мне кажется, я могу использовать. Если мой план сработает, я выманю его из-за охраняемых стен. Будь уверен, я поделюсь местоположением, чтобы ты мог организовать команду, которая заберет его.

— Как скоро? — спрашивает Криус с настойчивостью в голосе, от которой я нахмуриваюсь.

— Нет смысла называть даты, если он не клюнет, — отвечаю я, сохраняя размеренный тон. — А если первый план заставить его выйти добровольно не сработает, то я придумаю другой.

— Будем надеяться, что так, ведь твоя мать...

— Что с ней? — у меня кружится голова.

Его глаза торжественно сверкают, а уголки губ приподнимаются в улыбке.

Криус любит использовать мою слабость к матери, и я не могу ее скрыть. Он ведь знал меня все детство. Он помнит, как я вбежал в комнату, когда он причинял ей боль, и набросился на него со своими маленькими кулачками. Он запирает меня, а я стучал в дверь и выкрикивал все гадости, которые знал. Он стал причиной того, что я устал от всего и украл пистолет.

Если я притворюсь безразличным, он поймет, что это всего лишь блеф. Итак, я спрашиваю:

— Как она?

Он откидывается назад с довольной улыбкой, потому что теперь полностью завладел моим вниманием.

— Если ты хочешь когда-нибудь увидеть ее снова, ты доставишь Вира Бестлэссона к концу месяца.

Я скрещиваю руки на груди.

— А я еще раз спрашиваю, почему ты ожидаешь таких быстрых результатов, раз это долгосрочная миссия?

Его черты твердеют.

— «Один» забрал Виктора.

Мои брови поднимаются.

— Твоего брата, — уточняет он.

— Я единственный ребенок в семье.

Плечи Криуса поднимаются, и он делает глубокий вдох через раздутые ноздри. Теперь я вижу настоящего Криуса Ванира, человека, которого я чаще всего слышал через закрытые двери, и человека, перед которым мать, похоже, не может устоять.

— Независимо от того, знаком ты с моими законными детьми или нет, они все равно твои братья и сестры, — говорит он сквозь зубы. — Кое-кто попытался добраться до меня через моего старшего, и теперь он в «Сикрофте».

Нет слов, чтобы описать, как сильно я ненавижу этого человека, но у меня нет претензий к брату, который отказался от всего в пользу карьеры врача.

— Один посадил в тюрьму того, кто стал хирургом? — спрашиваю я.

Криус кивает.

— Последствия для такой нежной души в таком месте будут катастрофическими.

Неприятно видеть его таким искренне расстроенным. Я не могу осуждать его чувства. Каждый заключенный, у которого есть хоть капля порядочности, ухватится за шанс вцепиться зубами в сына самого известного британского торговца людьми и сутенера.

Я бы поставил, что бедный говнюк продержится не больше недели.

— Зачем «Одину» похищать его, если сын даже не общается с тобой?

Криус опускает взгляд.

— Это длинная, жалкая история, но я был бы признателен, если бы ты ускорил свои планы по похищению мальчишки.

— Не могу ничего обещать, но до конца месяца сделаю первую попытку.

Криус поднимает голову и смотрит на меня глазами, сияющими благодарностью. Я сдерживаю гримасу, потому что он не играет. Этот человек может быть воплощением зла, но он действительно любит своих законных детей.

— Спасибо, мой мальчик, — говорит он. — В течение часа я пришлю бригаду уборщиков к твоему порогу.

— Скажи им, чтобы зашли через внутренний двор, — говорю я.

— Конечно.

— Еще кое-что, — я поднимаю палец. — В следующий раз, когда отправишь за мной поисковую группу, потому что я не ответил на звонок, я убью и их, и команду уборщиков.

Он кивает, но не отвечает. Я воспринимаю это как молчаливое «черт с тобой, неблагодарный сын».

Оставляю планшет на кухонном столе, не решаясь испачкать его отпечатками пальцев. Несмотря на этот нежный момент, я не верю, что Криус не воспользуется уликами, чтобы заманить меня в свою сеть.

Прихватив еще один набор снаряжения, я тащусь в маленькую душевую, которая примыкает к кухне. Феникс спит не особенно чутко, но имеет склонность бродить, если просыпается одна.

Я принимаю душ, стараясь смыть все следы крови с ног. К тому времени, как я заканчиваю, во внутреннем дворике уже ждут трое мужчин в комбинезонах и с сумками в руках. Новенькие.

Я открываю дверь и впускаю их.

— Вон там. Используйте перекись водорода на цементном растворе.

Не жду, пока они ответят, обхожу кухню и спускаюсь в подвал, чтобы проверить Феникс.

Но когда я отдергиваю черные кожаные занавески, ее там нет.

ФЕНИКС

«Убер» мчится по Марина Виллэдж как раз в тот момент, когда первые лучи солнца выглядывают из-за моря. Небо темно-синего цвета отражает воду, оба черные, как моя душа. Чем больше я смотрю на мрачный пляж, тем меньше вижу своими заплывшими от слез глазами.

Ускользнуть из дома профессора Сегала было легко. Он был так занят этим парнем на кухне, что не слышал, как я поднимаюсь по лестнице, собираю вещи и одеваюсь.

Должно быть, я похожа на морскую ведьму с волосами, свисающими спутанными прядями, похожими на пучки водорослей, выброшенных океаном, но это пустяк по сравнению со смятением в моем сердце.

«Еще одна из твоих блядей-извращенок»

Слова снова и снова проносятся у меня в голове, смешиваясь с единственным замечанием профессора о неприятной терминологии.

Самое худшее в этом то, что я спровоцировала отношения. Это я увидела его через витрину магазина, я заманила его грязными разговорами, я шантажом добилась сделки, и я приняла его предложение.

Так почему же мне так хреново от того, что он считает меня шлюхой?

И не просто извращенной шлюхой, а одной из многих, которых он нанимал. И нанимал, видимо, в таких количествах, что даже чужие люди говорят так, будто это часть его личности.

— Хватит, — бормочу себе под нос. — Сейчас же.

Как бы я ни старалась, не могу перестать прокручивать эти слова.

Я не проститутка. Я идиотка. Профессионал перечислил бы половые акты по пунктам и не стал брать фиксированную плату за все. Минеты каждое утро в будние дни по пятьдесят фунтов принесут до тысячи фунтов в месяц.

А есть еще извращения.

Однажды я увидела рекламу в «Красной комнате», где профессиональная госпожа брала двести фунтов стерлингов в час. И это только за то, что она помашет кнутом.

Профессиональная саба должна брать вдвое больше, потому что она подвергает себя опасности из-за подчинения и боли. И, конечно же, тот, кто ее связывает, захочет секса, чего профессиональные доминанты не предлагают. Кроме того, надбавка за ночлег, который является дополнительным сервисом, т. е. утраиваем цену.

Зубы кусают нижнюю губу, пока я делаю вычисления. Тысяча двести фунтов за выходные? Папа назвал бы меня тупой шлюхой, которая даже не может продумать контракт.

Истерический смех вырывается из глубины горла. Я совсем с ума сошла. Совмещаю практику бизнес-школы с экономикой секса?

— Ты в порядке, красавица? — спрашивает водитель.

— В порядке, — отвечаю я хриплым голосом.

— Я заметил, что ты плачешь. Неудачное свидание?

Я поднимаю глаза, чтобы посмотреть на него в зеркале заднего вида, но он уже обернулся и пялится на мои голые бедра. Я сжимаю губы, скрежещу зубами и натягиваю пониже мини-юбку.

Если сейчас он скажет, что ни один мужчина не стоит моих слез, и предложит обнять, то меня здесь нет.

— Я потеряла отца, — говорю я.

Его внимание возвращается к дороге.

— Сожалею о потере.

— А я нет.

Остаток пути мы проводим в мирной тишине. Я не вернусь к занятиям по финансам и бухгалтерскому учету до возвращения профессора Эркхарта.

Профессор Сегал для меня больше не существует.

Больше нет необходимости привязываться к мужчине, который видит во мне профессиональную проститутку.

И никакого больше блядства под прикрытием «Пятидесяти оттенков».

Хватит.

Достаю телефон, проверяю баланс банковского аккаунта и кое-что подсчитываю. Если я найду работу где-нибудь в городе, то смогу пережить учебный год.

В любой из семей можно найти подработку, но кто знает, что они попросят в обмен на деньги.

Нет.

Я лучше буду стоять за прилавком магазина, чем ввяжусь в бизнес преступной

организации, прежде чем перепробую все остальные варианты.

«Убер» подъезжает к воротам службы безопасности как раз в тот момент, когда первые лучи солнца падают на шипы колючей проволоки вдоль высоких стен университета.

— Что не так с этим местом? — спрашивает водитель.

— Что вы имеете в виду? — кладу телефон в сумку.

— Вся эта безопасность и секретность. И вооруженная охрана? Это место больше похоже на тюрьму, чем на университет.

Я открываю дверь.

— Может, так и есть.

Прежде чем он успевает спросить, что я имею в виду, выхожу, закрываю дверь и бегу к сторожке, кирпичному зданию, вдвое превышающему размер садового сарая. Охранник открывает окно.

— Удостоверение личности.

Мои глаза расширяются.

— Ну же, вы меня знаете.

Он поднимает брови.

— Конечно, знаю, но мне все равно нужно увидеть карточку.

— У меня ее нет.

— Все студенты, входящие в кампус, должны предъявить удостоверение личности.

Он выучил свод правил.

— Можете отсканировать мой QR-код в цифровом кошельке?

— Показывай.

Я роюсь в сумке и достаю телефон. На экране появляется уведомление от профессора Сегала. Я пролистываю его и перехожу к нужному приложению. Оно есть у каждого студента и используется для получения сервиса внутри кампуса.

Пролистав различные коды, я нахожу код университета и подношу его к окну.

Он проводит над экраном сканером, и тот начинает жужжать.

— Спасибо.

— Что?

Он ухмыляется и мотает головой в сторону открытых ворот.

— Пошевеливайся.

— Черт.

Он прогоняет меня.

— В следующий раз не забудь карту.

Фу. Какой мудака. Я смотрю на телефон и слышу уведомление от приложения о том, что он оштрафовал меня на пятьдесят фунтов.

Блять!

Это были мои с трудом заработанные деньги, и я не покидала кампус без удостоверения личности, меня похитили. Очередное сообщение от профессора и мой телефон вибрирует. Выключаю звук и кладу его обратно в сумку.

Меня разрывает от раздражения, и я сжимаю руки в кулаки, иду по кампусу, потрескивая от злости. Злости на себя за то, что была чертовски наивна. Злости на профессора Сегала за то, что он все время давал поводы думать, что ему правда не все равно.

Мне никогда не приходило в голову, что еда и лекарства от похмелья были просто способом поскорее привести меня в чувства для удовлетворения его необычных сексуальных

побуждений.

Какая же я была дура, когда думала, что он другой.

Бросаюсь к зданию бегом, потому что позор давит на меня слишком сильно и уже нет никакого желания продолжать эту прогулку. Кампус проносится мимо, я ничего не вижу вокруг, пока не достигаю дома и, наконец, чувство защищенности успокаивает меня.

Через полчаса, после горячего душа, который никак не помог смыть обнажающие прикосновения профессора, я готовлю яичницу с беконом, как вдруг кто-то стучит в дверь.

Мой желудок подскакивает к горлу.

Насколько сильно я надеюсь, что это он, разъяренный моим уходом до глубокого минета или чего-то еще, что он хотел получить в воскресенье?

Снова стук, и я сжимаю зубы. Мы квиты. Минеты в среду, четверг и пятницу, плюс две ночевки. Я даже могу утверждать, что он остался должен.

Когда стучат в третий раз, я несусь через квартиру к двери. На этот раз я сначала прикрепляю цепочку, а потом открываю дверь.

Вместо внушительной фигуры профессора Сегала я вижу Вира Бестлэссона.

Волосы встают дыбом. Я думала, что смирилась с потерей девственности и его игнорированием, но, обнаружив, что испытывала чувства к мужчине, который считал меня оплачиваемой проституткой, острота того, что произошло между мной и Виром на первом курсе, ударила как пощечина.

— Что ты здесь делаешь?

Вир проводит пальцами по волосам.

— Ты вернулась.

Мои глаза сужаются.

— И?

— Когда тебя не оказалось на вечеринке, я заходил проверить, все ли с тобой в порядке.

— А почему вдруг нет? — спрашиваю я, слова выходят резкими.

Он вздрагивает.

— Я просто надеялся, что ты будешь у себя.

Я сердито смотрю на него через щель в двери. Тихий голосок в голове шепчет, что я несправедлива по отношению к Виру. Что он просто переживает из-за того, что я внезапно пропала после его концерта, но я игнорирую мелкого предателя.

Может быть, если бы Вир не вел себя так, будто секс с ним ничего не значит, я бы не позволила папиным словам обесценить мою сексуальность. Я бы точно не стала настолько циничной по отношению к мужчинам, чтобы осмелиться завести «папочку».

Он мнется под моим взглядом, что меня вполне устраивает, потому что я мялась и чувствовала себя дерьмом несколько недель к ряду после того, как он отказался признавать, что у нас был секс.

— Что ж, я рад, что ты в порядке. — он поворачивается к лифту.

— Почему ты пришел?

— Из-за беспокойства, — бормочет он. — И чувства вины.

Я резко вдыхаю через ноздри.

— С чего вдруг ты чувствуешь себя виноватым?

Он потирает затылок.

— Ты знаешь, каково это быть Бестлэссоном?

Я качаю головой, задаваясь вопросом, куда ведет эта ниточка разговора.

— Мои папа и дядя — религиозные психи. Если бы кто-то из них узнал, что я был с девушкой, они бы заставили нас пожениться.

Я фыркаю от смеха. Один — один из самых могущественных гангстеров Великобритании. Этот человек практически владеет Лондоном и позволяет другим работать только в тех сферах, которые он считает неприемлемыми. Почему такого безжалостного преступника так волнуют дела студента?

— Ты шутишь, — говорю я.

Он поднимает плечи и засовывает руки в карманы.

— В прошлом месяце дядя застукал моего двоюродного брата Тора с девушкой. На следующее утро они были женаты.

— Черт, — я прикрываю рот рукой.

— Да, и изначально это было всего на одну ночь.

Несколько мгновений мы молчим, нас разделяет дверь и цепочка. Не то чтобы я распереживалась из-за Вира. На первом курсе он был в моем вкусе — высокий, хорошо одетый и чисто выбритый, но я не могу принять его непостоянный характер и образ рок-звезды 1960-х.

Мои мысли возвращаются ко всем моментам, когда я видела его с разными девушками.

— Но разве ты не спал ни с кем все это время?

— Я ошибся только однажды. Больше это не повторялось, — он морщится. — Не то, чтобы ты была ошибкой, но я не хотел заманивать тебя в ловушку брака, от которого не убежать. Поскольку это не дошло до папы и дяди Одина, я не стал испытывать судьбу. Да и следующая девушка, с которой я напьюсь, может оказаться не такой интересной и красивой, как ты.

Я поднимаю руку, мое сердце не тронул завуалированный комплимент.

— Все в порядке.

Вир опускает голову, пряча глаза за завесой светлых волос, и переминается с ноги на ногу.

— Спасибо, что пришла вчера на концерт. Для меня было очень важно увидеть тебя там.

Я не стала говорить ему, что пришла только из-за Шарлотты.

— Вы в самом деле были хороши, — бормочу я. — И ваши собственные песни были намного лучше, чем каверы на Дэвида Боуи.

Его голубые глаза засверкали в свете коридора.

— Спасибо, — отвечает он с кривой улыбкой. — Папа и дядя Один хотят, чтобы я управлял семейным бизнесом, а я хочу зарабатывать на жизнь музыкой.

— Почему бы и нет, — говорю я. — Не похоже, чтобы ты был единственным наследником.

Он кивает.

— Наследник — Тор, и он всегда был вовлечен в бизнес.

— Ну вот.

Его улыбка превращается в ухмылку, которая освещает все лицо.

— Ты права, — он делает шаг назад. — Я позвоню им.

— Удачи, — отвечаю я, осознанно проговаривая каждое слово, ведь ясно, что Бестлэссонсы отправили Вира учиться бизнесу и финансам не для того, чтобы он стал рок-звездой.

Он весело машет мне рукой и оборачивается.

— Увидимся на маркетинге!

— Пока, — закрываю дверь и возвращаюсь к своему завтраку.

Доктор Раринг может забирать профессора Сегала.

Я выкладываю на тарелки яйца, бекон и колбасу, добавляю жареный помидор и засовываю в тостер ломтик хлеба.

Когда чайник закипает, слышу еще один стук, на этот раз менее настойчивый.

Закатываю глаза и иду к двери. Если Виру нужна помощь в том, чтобы сообщить новости отцу и дяде, то он обращается не к тому человеку. Я ни разу не спорила с папой, и теперь посмотрите на меня.

Положив руку на дверной косяк, заглядываю в глазок, ожидая увидеть Вира, но там стоит профессор Сегал.

Его голова, спрятанная под серым капюшоном худи, опущена так, что я не могу увидеть лицо, но никто не выглядит так хорошо в одежде или без нее, как он.

Пульс подскакивает, и я кладу руку на живот, чтобы успокоить закручивающееся торнадо. Возможно, я получала от нашей сделки нечто большее, чем деньги, но это не важно. Шлюхи не должны влюбляться в своих клиентов. Ведь от них могут отказаться без предупреждения.

Мужчины надолго не задерживаются — посмотрите хотя бы на папу. Человек, который так упорно боролся за мое воспитание, просто взял и исчез в поисках лучших перспектив, а мы ведь были связаны кровью. Потом Вир сказал, что я красивая и интересная, но на таких не женятся.

Намек понят. Возможно, я не в состоянии запретить мужчинам считать меня одноразовой, но я, блять, могу перестать привязываться.

Пришло время заканчивать то, что осталось между мной и профессором Сегалом.

МАРИУС

Паранойя обвивается петлей на шее. И сжимается с каждым ударом сердца. Где, мать ее, Феникс?

Я паркуюсь за ее общежитием, глушу двигатель и открываю дверь. Гравий хрустит под ногами, звук напоминает ломающиеся кости.

Феникс не вилле нет. Я обыскал подвал, спальню и все остальные комнаты. Обыскал даже солярий. Когда она не ответила на звонок, я прочесал все комнаты, пока не вернулся на кухню.

Бригада уборщиков не показалась мне причастной к похищению, и была больше занята удалением крови с цемента, нежели сокрытием похищения невинной девушки.

Но Криус мог послать двоих. Одного для проведения звонка, а другого для...

Нет.

Я натягиваю капюшон на голову и оббегаю здание по периметру. Сейчас не время накручивать.

Но если она не в своей квартире, то что?

Какой-то молодой человек выходит через парадный вход, и я бросаюсь к двери, чтобы

успеть до того, как она закроется. Огонь прожигает вены, когда я бегу по коридору, вверх по лестнице, и достигаю четвертого этажа.

Феникс уже может быть в лапах Криуса, который либо использует ее как рычаг против меня, либо продаст садисту как шлюху специального назначения.

К тому моменту, как я достигаю ее двери, взор застилает огонь мести. Феникс у него. Вот почему он казался таким любезным и никак не отреагировал, когда я убил его человека.

По какой еще причине она могла бесследно исчезнуть?

Я слышу приглушенный звук движения за дверью, и петля на шее ослабевает. Когда свет за глазком исчезает, колени подгибаются от облегчения, и я обеими руками прижимаюсь к двери.

Для начала, она в безопасности, но теперь возникает вопрос, почему она ушла.

Подползает новый вид паранойи, на этот раз скользкой, как змея. Феникс ушла, потому что увидела, как я перерезаю человеку горло. Поскольку меня не арестовали, она, вероятно, думает, как совладать с осознанием того, что она стала свидетельницей убийства.

Дверь приоткрывается. Я толкаю ее, но упираюсь в цепочку.

— Феникс, — говорю я низким голосом. — Открой дверь.

Ее лицо становится непроницаемым.

— Зачем?

Холодная дрожь пробегает по позвоночнику. Должно быть, она все видела, отсюда и злость.

Мои мысли несутся со скоростью сто миль в час. Она умная девушка, которая, должно быть, много повидала, живя под крышей Гордона Гофаннона. Никто в нашем мире не бежит с криками в полицию.

— С тобой все в порядке? — спрашиваю я, взвешивая свои слова. — Что ты видела?

— О чем ты говоришь? — рявкает она. — Я слышала тебя.

Мои брови сходятся. Вспоров горло, я обезопасил себя от лишних звуков, и к тому же специально придержал тело падающего, а затем опустил на пол, чтобы избежать удара. Также не припоминаю, чтобы это транслировали в новостях.

Слова Феникс не имеют смысла.

— Мы продолжим этот разговор внутри, — говорю я. — Открой дверь.

— Нет, — она пытается захлопнуть ее, но я делаю шаг вперед и останавливаю дверь ногой.

— Я не стану повторять, — цежу сквозь стиснутые зубы.

Ее глаза сужаются, ноздри раздуваются, и она делает глубокий вдох. Похоже, готовится к громкой тираде о том, что не хочет видеться с хладнокровным убийцей.

Я приближаюсь, предупреждая подняв палец, но она произносит лишь одно слово.

— Красный.

Весь воздух покидает легкие, и я задыхаюсь. Стоп-слово?

— Феникс, что ты...

— Все кончено, — ее голос прохладный, как морской бриз. — Если в том, что какой-то парень назвал меня блядью-извращенкой тебя возмутила только формулировка, то я не хочу продолжать.

Моя голова наклоняется, и требуется несколько мгновений, чтобы собрать воедино события сегодняшнего утра. Феникс, должно быть, проснулась примерно в то же время, когда я встал с постели, и услышала, как я в разговоре пытался принизить наши отношения

перед человеком, которого позже убил.

Я чувствую себя чайником, которому не дают засвистеть. Если я сейчас скажу, что все эти слова были способом защитить ее, то это прозвучит как полный бред.

Я зажмуриваюсь и разочарованно выдыхаю два раза.

Если бы она только знала, на что я пошел, лишь бы тот человек не вернулся к Криусу с информацией о ней. Слова всплывают, но объяснение настолько тесно переплетается с убийством, о котором я никогда не смогу рассказать, что подобрать слова становится невероятно сложно.

Я встречаюсь с ее огромными серыми глазами, которые горят обвинением, и пытаюсь найти способ сформулировать свои мысли, не признаваясь, что на моем счету больше трупов, чем у серийного убийцы.

— Феникс, — говорю я ровным голосом. — Послушай меня.

Ее губы кривятся.

— О, и даже не думай требовать возврата денег. Я отработала с лихвой.

Она закрывает дверь, но на этот раз я ее не останавливаю.

Криус назвал бы меня идиотом за потакание женщине. Но был бы прав лишь частично. При мысли об этом ублюдке невольно возникает желание наточить нож.

Стучу в дверь, на этот раз готовый разорвать цепь.

Соседняя дверь открывается, и я так сильно сжимаю челюсти, что скрежещу коренными зубами.

Со всем этим банановым фиаско и последующими попытками увольнения от мисс Белус, я не могу допустить, чтобы кто-то поймал меня возле квартиры студентки, которой я предположительно помогался.

Разворачиваюсь на пятках и бегу к пожарному выходу.

Феникс не появилась в моем кабинете сегодня утром, но я и не ждал, в отличие от моего бушующего стояка, который уже привык к ее визитам.

Я прижимаю ладонь к промежности, пытаюсь ослабить напряжение, но оно протестующе возвращается. Скучает по ней не только мой член.

Звук легких шагов в коридоре побуждает мой взгляд метнуться к двери. Кто бы там ни был, он проходит мимо, и я встаю, пытаюсь проигнорировать замирание сердца.

— Святой ад, — сердито смотрю на выпуклость на брюках. — Разве ты не понимаешь, что это к лучшему?

Поскольку Феникс больше не поддерживает со мной связь, она никогда не станет пешкой для таких, как Криус или другого урода, который захочет добраться до меня через нее. Я забочусь о матери, и я благодарен Квинн за то, что она параноидальная затворница, всегда имеющая запасной выход из квартиры через сад на крыше.

Феникс будет лучше без меня, и я рад, что она покончила с этим прежде, чем я успел слишком привязаться.

Во вторник утром единственная причина, по которой я не вытаскиваю член из-под стола — это еще один визит доктора Ксандера, который сообщает, что профессор Экхарт идет на поправку.

Я иду к маленькому лекционному залу, напряженный от перспективы увидеть ее снова,

но в груди появляется легкость, граничащая с облегчением. Облегчением от того, что эта миссия может скоро закончиться, и что Криус получит желаемое, и освободит мать.

Благодаря навязчивому коллеге я прихожу в полный лекционный зал всего за несколько минут до конца. Когда я шагаю по подиуму, болтовня превращается в низкий гул.

Я включил проектор с сегодняшней лекцией, и мой взгляд вдруг нашел Феникс, смотрящую в ответ, ее прекрасные глаза сияют вызовом. Она отводит взгляд и поворачивается, чтобы поговорить с Виром Бестлэссоном, один вид которого зажигает пламя ярости, не потухающее на протяжении всей лекции.

Мысль о ней с этим ублюдком с висячими волосами вызывает у меня желание рискнуть всем и похитить его самостоятельно.

Дав группе несколько заданий, которые нужно закончить к четвергу, я возвращаюсь к столу, чтобы собрать бумаги. Несмотря на то, что моя голова склонена, я все еще вижу Феникс периферийным зрением, ее взгляд обжигает мое лицо. Светловолосая фигура за ее спиной, должно быть, Вир Бестлэссон.

Раздувая ноздри, я скриплю зубами. Она не может продолжать общаться с этим мальчишкой, тем более что он вот-вот станет заложником Криуса.

Я поднимаю глаза и вижу Аттену Белус, входящую в лекционный зал. Поскольку я ни разу не видел ее ни на одной из моих лекций, а темные глаза устремлены на меня, могу только предположить, что она вернулась за вторым раундом.

Когда я обнаруживаю, что трио Грейс мелькают рядом с моим столом, всякая надежда предупредить Феникс исчезает, сменяясь жгучим негодованием.

— Профессор Сегал, — мисс Белус встречает мой горящий взгляд. — Я приношу извинения за нарушение, причиной которого я стала на прошлой неделе.

— Почему ваше раскаяние кажется натянутым? — спрашиваю я, сохраняя легкость в голосе.

Девушка, у которой на все есть ответ, замолкает, но прижимает локти к бокам в бессознательном жесте, который кажется защитным.

— Отец заставил вас говорить со мной?

Она смотрит на троих помощниц, сжимая губы. Возможно, они свидетельницы на службе у «Урана».

— Извините, — выплевывает она.

Я поднимаю ладонь.

— Не позволяйте никому изменять ваше восприятие действительности и, тем более не позволяйте изменить образ вашего мышления.

— Профессор? — ее брови сходятся.

— Нам нужно больше людей на руководящих должностях, отстаивающих права женщин, — вздрагиваю, когда произношу слова.

Независимо от того, насколько я в них верю, я лицемер, который воспользовался уязвимой молодой женщиной, только-только брошенной отцом.

Так меня видит Феникс, и она не ошибается.

Я имел дело с настойчивыми женщинами всю свою взрослую жизнь. Если бы я хотел избавиться от нее, я мог бы сделать это при помощи всего лишь нескольких слов и действий.

Я мог бы дать ей деньги, которые она требовала, без каких-либо условий, но я хотел увидеть ее на коленях, хотел увидеть эти красивые губы на своем члене. Я хотел трахать ее в горло, пока она не зальет пол слезами. Я подверг свою студентку всевозможным

восхитительным сексуальным актам и ничего не сказал, когда мужчина назвал ее блядью.

Когда мисс Белус бросает второй взгляд на остальных девушек и прижимает сжатый кулак к груди, я уже точно знаю, что это шпионы, присланные убедиться, что она выполняет приказ своего отца.

Я поворачиваюсь к кузинам Грейс.

— У вас тоже приготовлены извинения?

— Нет, — говорит та, что посередине.

— Тогда идите на следующую лекцию, — она приоткрывает губы, но я говорю первый. — Позвольте мне уточнить, прежде чем вы скажете, что у вас перерыв. Уходите, или я позабочусь, чтобы каждый член семьи Белус узнал о том, как вы посасываете леденцы на занятиях.

Трио спешит из лекционного зала.

Я жду, пока закроется дверь, и снова поворачиваюсь к их бывшему командиру.

— Все в порядке, мисс Белус?

Ее челюсть сжимается.

— Не нужно было так с ними разговаривать.

— Не только мужчины проявляют нежелательные знаки внимания.

Она напряжена. Я жду возражений, но она только поднимает плечо.

— Спасибо. Я подумаю над тем, что вы сказали.

Мисс Белус выходит из лекционного зала, закрывая за собой дверь с легким щелчком.

В такие моменты я рад быть мудаком. Если бы Феникс или мисс Белус знали, кто мой отец, их реакция была бы не такой мягкой.

ФЕНИКС

Не следовало открывать Шарлотте дверь сегодня утром и позволять вытащить меня на лекцию по финансам и бухгалтерскому учету.

Профессор Сегал читал эту лекцию так, будто мое присутствие было лишь далекой мыслью, а его взгляд блуждал по правой стороне лекционного зала.

В какой-то момент он практически трахал глазами кузин Грейс.

Не сомневаюсь, что одна из них уже заняла мое место и каждое утро отрабатывает в его кабинете. Несколько раз он посмотрел на меня с полным безразличием, как человек, переключившийся с одной марки зубной пасты на другую.

Мне не удастся уйти с лекции так быстро, как хотелось бы. Наконец я оставляю Шарлотту с Виром и Акселем и бегу по коридору, прежде чем она заметит, что меня нет.

Здорово, что она и бас-гитарист сблизилась на прошлых выходных, но я не в том состоянии слушать что-то положительное о мужчинах.

Свежий воздух — то, что нужно. Я не покидала свою квартиру с тех пор, как вернулась вчера ранним утром. Я не включала свет, не открывала окна и дверь до тех пор, пока два часа назад не пришла Шарлотта и начала тарабанить в ожидании моего ответа.

Теперь, когда я вышла, нужно очистить голову от запаха профессора, его прикосновений и звука голоса.

То, что я закрылась и спряталась в круассанах и шоколадной пасте, немного помогло, но увидеть его снова так скоро — это удар под дых.

У подножия лестницы меня нагоняют торопливые шаги.

— Фи!

Я оборачиваюсь и вижу Шарлотту, бегущую вниз по лестнице без Акселя, и что-то у меня в груди скручивается. Зачем она оставила его, догоняя меня, если она так счастлива?

— Вот ты где, — она прижимает ладонь к груди. — Ты перестанешь меня избегать?

Мой взгляд падает на обувь, и я съеживаюсь.

— Извини.

Шарлотта обнимает меня за плечи и ведет по коридору к выходу из здания.

— Не извиняйся. Ты прямо как моя кошка.

— Эм... — я поворачиваюсь, нахмурившись. — Почему?

— Она прячется всякий раз, когда ее ранят. Все было нормально, когда она была моложе, потому что она могла просто зализать свои раны, но, когда она состарилась и начала прятаться, это стало беспокоить.

— Что с ней случилось?

— Раньше она все время пропадала, но либо возвращалась, когда была голодна, либо кто-нибудь находил ее в укромном уголке дома или где-то на территории. И вот однажды она не вернулась.

— Ее так и не нашли?

Шарлотта опускает голову.

— У нас было сухое дерево с дуплом в основании. Там она и спряталась, — голос такой низкий, что мне приходится наклоняться, чтобы разобрать слова. — Она свернулась там и умерла в одиночестве. Если бы она дала знать о своих ранах, возможно, мы могли бы сделать что-нибудь и спасти ее.

Я делаю долгий выдох.

— Мне жаль. И твою кошку, и, что прячусь, пытаюсь зализать раны.

Обхватив рукой спину Шарлотты, обнимаю ее. Представляю себя в юности, прячущейся в спальне всякий раз, когда папа приходил домой, потому что один мой вид всегда провоцировал приступ разглагольствования.

Когда он пил, я умела притворяться спящей и оставаться совершенно неподвижной, если он заходил в мою комнату. Любое движение означало часы неловких разговоров или оскорблений.

Мы идем по кампусу, а спину согревает утреннее солнце. Теплый бриз с материка приносит аромат летних лугов и свежескошенной травы.

Я глубоко вдыхаю, и пытаюсь очистить голову от профессора.

— Почему люди так отстраняются?

— Не могу говорить за твою кошку, но я не из такой любящей семьи, как у тебя. Всегда было легче, если я избегала отца.

Ее черты омрачаются, и могу сказать, что сказала слишком много.

— Он все равно всегда был на работе, — добавляю я. — И он больше кричал, чем нападал.

То, как сжимаются ее губы, говорит мне, что она не одобряет даже крики.

— Но почему он хотел, чтобы ты приезжала домой по выходным, если у него никогда не было на тебя времени?

— Возможно, он хотел, чтобы я была дома, где он мог бы контролировать меня в далеке от слишком веселой жизни университета.

Шарлотта качает головой.

— Фу. Я бы сошла с ума с таким отцом, да еще и в такой строгости.

Поднимаю плечо.

— Именно этим я и занималась.

Она ведет меня в свою квартиру, более уютную, чем моя, и всегда прибранную. Стены покрашены в элегантный яблочно-белый оттенок и всюду развешены фотографии семьи в дубовых рамах.

Кровать и вся мебель сделаны либо из того же теплого на вид дерева, либо из оттенка серого, граничащего с розовым. Прийти сюда — все равно, что войти в продолжение семейного дома.

Шарлотта идет на кухню и берет чайник, идеально подходящий по дизайну ко всему остальному. Он треугольный, с синей ручкой в тон тостеру и с маленькой птичкой на носике. Все в этой девушке кричит, что ее любят.

— Почему ты зализываешь раны?

Я напрягаюсь.

— Это так очевидно?

Она снимает крышку с чайника и наполняет его водой.

— Ты превращаешься в отшельника только тогда, когда что-то неладно, так что выкладывай.

Рука тянется к затылку, и я бросаю взгляд в другую сторону, только не на Шарлотту, чьи глаза обжигают мне лицо. Глаза пекут, и я моргаю, решив не плакать.

Меня называли похуже, чем блядью, и глупо, что я позволяю себе так расстраиваться из-за одного-единственного слова, которое он даже не сказал. Но именно эти крупницы правды стирают меня, как наждачная бумага.

— Что-то снова случилось с отцом? — спрашивает Шарлотта.

Я качаю головой.

— На этом фронте никаких изменений. Он до сих пор не вышел на связь.

— Тогда горячий парень?

Мои плечи поднимаются к ушам.

— Парня больше нет.

Она делает долгий выдох.

— Что случилось?

Я поворачиваюсь к окну с открытыми шторами, и смотрю на лужайки кампуса. Даже если я смирилась с тем, какой меня видит профессор, все равно трудно признать, что это правда.

Тишина длится до тех пор, пока чайник не издает пронзительный свист, который вырывает меня из ментального болота. Поворачиваюсь к Шарлотте и выдавливаю из себя улыбку.

— Скажем так, я слышала, как он и еще один парень говорили кое-что, что мне показалось нелестным.

Она хмурится.

— Какой мудака.

Я провожу пальцами по волосам, глубоко вздыхаю и сосредотачиваюсь на паре мужских носков у неубранной кровати.

— Материал пройден. Урок усвоен.

— Феникс?

Я жду, когда Шарлотта закончит свой вопрос, но она молчит, а я поворачиваюсь и смотрю ей в глаза. Они светятся таким сочувствием, что мне приходится сглотнуть, чтобы размягчить комок в горле.

— Что?

— Ты была так счастлива. Ты уверена, что он говорил о тебе? Я имею в виду, что он мог такого сказать, чтобы все испортить?

Я прикусываю нижнюю губу. В нашем мире обмен секретами может привести к арестам, а аресты могут привести к возмездию за выданный секрет. Как бы я ни доверяла Шарлотте, осмотрительность укоренилась в моей голове раньше, чем я научилась говорить.

— На самом деле ничего важного, — бормочу я.

Ее телефон гудит, и она прыгает к сумке.

— Наверное, это Аксель, — Шарлотта открывает ее и достает телефон. — Мы провели вместе все выходные... О!

— Что? — подхожу к ней и хмурюсь.

— Я получила «пять» по финансам и бухгалтерскому учету, — она поворачивается ко мне с округлившимися глазами. — Думала, что получу тройку. А может быть, даже двойку.

При смене темы у меня немного сжимается грудь, и я дарю ей первую искреннюю улыбку. Редко кто-то получает высший балл. «Четыре с плюсом» — это уже здорово. «Четыре с минусом» — среднее значение, а «тройка» означает, что вы ошиблись, но недостаточно, чтобы совсем уж завалить все к чертям.

— Вау, поздравляю, — говорю я.

— Что ты получила?

— Ммм... — я возвращаюсь к своей сумке. Требуется несколько попыток, чтобы найти телефон среди всех книг, бумаг и прочего дерьма, но, когда включаю его, появляются десятки уведомлений от профессора Сегала.

Игнорируя их, я нажимаю на главный экран, где над приложением Университета светятся три уведомления.

— Давай же, — она подбегает ко мне. — Если у меня пять, то у тебя точно пять с плюсом.

— Такого не бывает, — бормочу я и запускаю приложение. — Возможно, будет «четыре с минусом», или даже с «плюсом». Я не мыслила ясно с тех пор, как папа пропал.

— Та-ак? — Шарлотта удлиняет слог и кладет подбородок мне на плечо.

Я смотрю на экран, мой желудок падает на пол.

— «Три», — хриплю я.

— Что? — визжит Шарлотта. — Но ты же богиня бухгалтерского учета.

Мои ноздри раздуваются.

— Профессор Сегал поставил мне «три».

Я убью этого ублюдка.

МАРИУС

Кожаное кресло скрипит, когда я наклоняюсь к журнальному столику, локти затекают под неудобным углом, когда печатаю. Это единственное место в кабинете, где я не был с Феникс, и единственное место, где я могу закончить оценивание заданий.

Одним словом, я жалок.

Ее проект по оценке инвестиций был выполнен безупречно, а описание теории включало пункты, не вошедшие в учебники. Она даже адаптировала свои ответы к специфике организованной преступности. Очевидно, ее отец, бухгалтер-мафиози, дал инструкции о том, как управлять финансами незаконного бизнеса.

Однако все остальные написали отвратительно. Я имел несчастье прочитать работу Вира Бестлэссона, которая была плохо просчитана и по пунктам пересказывала учебник Грегга, Уошера и Торнбуша. Для любого очевидно, что он не годится для управления бизнесом.

И даже не хочу вспоминать кузин Грейс. Просматриваю еще одно ужасное эссе и ставлю «три». И это щедрость.

Система выводит другое эссе. Я сейчас на студентах, чьи фамилии начинаются на «Э»,

и надеюсь, что это будут последние. Перечитываю первый абзац снова и снова.

Ни одно из предложений не задерживается в голове. Ничего не получится, пока мой разум продолжает возвращаться к последним словам, которыми я перекинулся с Феникс. Они бегают по моей голове, как муравьи.

Она использовала стоп-слово. Касается не только сессий, но и отношений в целом. Она не дала мне объясниться, но правда о воскресном утре не покажется ей более приемлемой.

— Хватит, — шепчу я. — Это к лучшему.

Резко выдохнув, снова сосредоточиваю внимание на оценках. Этот шутник скопировал и вставил выдержки из интернета и даже не попытался исправить разные шрифты.

— Чему их учат? — бормочу я, готовый подвергнуть весь документ проверке на наличие копирования.

Громкий стук в дверь отвлекает меня от плагиатора.

— Входите.

Дверь распахивается, и внутрь врывается Феникс.

Красные пятна расплываются на ее щеках и над переносицей. Цвет растекается вниз по щеке, ключицам и к синему топу с запахом, который одновременно разделяет и демонстрирует ее нагло красивую грудь.

Мой взгляд задерживается на ее стройных бедрах, которые обнажает возмутительно короткая джинсовая юбка. Когда жар приливает к члену, я осознаю свою ошибку и снова перевожу взгляд на ее лицо.

Когда Феникс останавливается, не обнаружив меня за столом, она бросает взгляд на диван, а затем снова на кресло.

— Мисс Шталь? — поднимаюсь со своего места. — Чем я обязан вашему визиту?

Ее красивое лицо затвердевает.

— Я знала, что ты ублюдок-садивист, но «тройка» из-за того, что я решила уйти?

— Присядь, — указываю на диван.

Она подчиняется, но хмурое выражение, промелькнувшее на ее лице, говорит мне, что она сделала это рефлекторно, о чем теперь сожалеет.

Я обхожу комнату по периметру и запираю дверь изнутри. На всякий случай, прислоняюсь к твердой поверхности.

— О чем ты говоришь?

Она встает с дивана и сжимает руки в кулаки. Никогда не видел ее такой свирепой. Основная часть моего мозга хочет описать ее как сексуальную кошечку с когтями. Я заталкиваю это дерьмо обратно в тайники своего разума и напоминаю ему о Криусе.

Одна только мысль об этом ублюдке и мой член теряет чувствительность, а разум проясняется.

— Ты поставил мне «три», — она указывает на что-то в приложении Университета.

— Итак, телефон у тебя все же есть, — говорю я.

Ее лицо мрачнеет, когда в моих словах звучит обвинение. В понедельник я провел несколько совершенно безумных минут в агонии, звоня и отправляя сообщения, надеясь, что Криус не свяжется со мной с ее номера с хитрым ультиматумом. Если она злилась, то могла бы избавить меня от страданий и отправить сообщение, в котором просила бы отъебаться.

Секундой позже ее черты становятся резче.

— Дерьмовая оценка — твой способ наказать меня за использование стоп-слова?

Я горько смеюсь.

— Если бы я хотел наказать тебя, то сделал бы это так, чтобы нам обоим понравилось.

Она опускает ресницы, ее соски твердеют, превращаясь в горошины, выпирающие сквозь блузку. Когда она сжимает бедра, что-то глубоко в моей груди удовлетворенно урчит, и жар устремляется на юг. На этот раз никакие мысли о Криусе не могут остановить возбуждение.

Феникс Шталь — воплощение искушения, и знание того, что она наслаждается моими самыми темными желаниями, только усугубляет ситуацию.

— Перестань, — бормочет она.

Я поднимаю брови.

— Что именно?

— Делать эти шулки голосом, — она переводит взгляд на стену. — Это отвлекает.

Мой пульс учащается. Только непреодолимая потребность в ее безопасности удерживает меня на месте. Если я сделаю шаг к Феникс, уверен, что смогу поставить ее на колени. После этого отпустить ее будет невозможно.

Святой ад. Мне нужно вернуться на правильный путь.

— Я поставил тебе высший бал, потому что расчеты были безупречны, и ты продемонстрировала понимание теории, заслуживающее самой высокой оценки.

— Правда? — она смотрит на меня краем глаза.

— Это работа, достойная Лондонской школы финансов, — отвечаю я. — Склонность применять теоретические концепции к реальной жизни, и глубина исследований легко делают тебя достойной кандидаткой на получение степени магистра в любом престижном учебном заведении.

Ее губы раздвигаются со вздохом. Половина меня рвется вперед, желая запечатлеть этот красивый рот в поцелуе. К счастью, с того угла, под которым я стою, гравитация удерживает меня спиной к двери.

Феникс проводит дрожащей рукой по волосам.

— Тогда почему ты поставил мне «три»?

— Очевидно, система перепутала твой результат с одним из множества тех, что я сегодня проверил. Как только ты уйдешь, я исправлю ошибку и потребую, чтобы ответственный за сообщение оценок ученикам, провел полную ревизию.

Выдох.

— Это все? — спрашивает она, ища меня глазами.

— Расстроена? — скрещиваю руки на груди.

— Ну, я думала, что «тройка» — это способ заманить меня сюда.

Мои губы сжимаются.

— Ты разорвала сделку, и я согласился. С этого момента наши отношения имеют только один формат: лектор и студент.

Воздух сгущается от напряжения, которое давит на грудь. Я точно знаю, что прячется за этими словами. Мой комплимент опроверг то, что было сказано рано утром в понедельник, и теперь Феникс хочет начать все сначала.

Я не безжалостный человек. Легкое наказание могло бы вылечить привычку Феникс исчезать без разрешения, но оно не защитит ее от опасности быть использованной в качестве пешки.

Она остается на месте, ожидая, когда я возьму свои слова обратно. Вместо этого я отхожу от двери, давая ей возможность потянуть за ручку.

— Верно, — она кивает, ее губы сжимаются. — Тогда я пойду.

Феникс пересекает комнату, расправив плечи. Когда она приближается на расстояние вытянутой руки, я говорю:

— Еще кое-что.

Ее огромные серые глаза встречаются с моими.

— Что?

— Держись подальше от Вира Бестлэссона.

Ее брови опускаются, и она поднимает подбородок с вызывающим взглядом.

— Почему?

— Потому что он и его семья опасны.

Феникс фыркает от смеха.

— Все здесь связаны с одним или несколькими крупными преступными кланами. Это тебе не Лондонская школа финансов.

— Следи за тоном, — рычу я.

Она делает шаг вперед, затем еще один и кладет обе руки на бедра. Все признаки покорности исчезают, сменяясь чем-то свирепым.

— Ты не можешь указывать мне, что делать. Наша договоренность была чисто деловой.

— И все же ты недовольна именно тем, что кто-то, кроме меня, назвал тебя шлюхой.

Она вздрагивает.

— Но ты не отрицал этого.

— Думай, Феникс, — я похлопываю ее по голове. — Примени свой блестящий ум к чему-то, кроме курсовой работы.

Феникс поджимает губы и раздувает ноздри, как будто то, что я сказал, было оскорблением. Она дышит так тяжело и быстро, что я сопротивляюсь желанию уложить ее на диван. Вместо этого я хватаю ее за запястье, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

— Отпусти меня, — она пытается выдернуть руку.

— Нет, пока ты не послушаешь, что я скажу.

— Что? — рявкает она.

— Человек, который вошел в мой дом, был соратником моего злейшего врага, — я говорю сдержанно, потому что слишком подробные разговоры о Криусе заставляют меня терять самообладание.

— Кого?

— Тебе не нужно этого знать, — отвечаю я. — Только хочу сказать, что мой выбор не бросаться защищать тебя был стратегическим.

Ее горло напрягается, когда она сглатывает.

— Тогда почему ты мне платишь?

Теперь моя очередь удивляться.

— Кажется, я припоминаю, как надменная юная леди ворвалась в мой кабинет, шантажируя меня деньгами и сексуальными услугами.

Румянец на ее щеках становится восхитительно пунцовым. Понятия не имею, о чем она думает, и использует ли она вообще рациональное мышление, но, очевидно, слово «шлюха» зацепило.

— Тебе не приходило в голову, что денежное вознаграждение — это обмен властью?

— Что это значит?

— Деньги — это способ выразить признательность другому человеку. Я оплачиваю

расходы матери, но это не предполагает никаких сделок. При помощи денег я пытался сделать твою жизнь комфортной.

Она моргает быстрее, чем обычно, словно обдумывая мои слова.

— Значит, ты никогда не воспринимал меня, как проститутку? — шепчет она.

— Если бы ты была оплачиваемым профессионалом, мы бы заключили соглашение и обсудили все подпункты, — говорю я, сохраняя спокойствие. — У нас все было спонтанным, и я подумал, что тебе нравится играть со мной так же, как и мне с тобой.

Ее губы дрожат, а глаза становятся влажными. Вид ее такой расстроенной — как удар под ребро. Вновь приходится вспомнить о матери в лапах этого ублюдка, чтобы не притянуть Феникс в объятия.

— Тогда почему ты позволил этому мужчине назвать меня шлюхой? — последнее слово вырывается болезненным хрипом, который скрежещет по моей совести.

Если бы только Феникс знала, что я сделал с тем мужчиной наверху на кухне. Зубы сжимаются. Если она узнает, то не перестанет кричать от ужаса. Я должен заставить ее уйти сию же минуту, но она должна знать, что мое молчание в понедельник утром никоим образом не было знаком согласия.

— Я вел себя так, будто ты наемная сабмиссив, и чтобы быстро увести его подальше от тебя.

— Значит, ты не думал, что я шлюха? — спрашивает она, как будто мой первый ответ не был достаточным подтверждением.

— Никогда.

Она сокращает расстояние между нами и вот, мы уже дышим одним воздухом. Примерно в этот же момент я понимаю, что все еще держу ее за запястье, но не могу отпустить. Напряжение в комнате нарастает, давит с силой, которой я едва могу сопротивляться.

— А деньги были чем-то вроде языка любви?

— В каком-то смысле.

— Оу.

— Ты будешь держаться подальше от Вира Бестлэссона?

— Конечно, — говорит она хриплым шепотом и кладет руку мне на грудь.

Тепло ее ладони просачивается сквозь хлопок рубашки и заставляет мое сердце биться быстрее. Стояк упирается в ширинку, сообщая, что я облажался. Я перестарался, заверяя Феникс, что не считаю ее шлюхой, и теперь она хочет, чтобы я вернулся.

Было бы так легко возобновить наши отношения, рыкнуть на нее, заставить встать на колени и сосать мой член. Еще проще нагнуть ее над столом и трахать до тех пор, пока она не поклянется жизнью никогда не связываться с Бестлэссонами.

Но я не могу.

Зрачки Феникс расширяются, радужные оболочки превращаются в крошечные серые кольца. Готов поспорить на каждый свой биткоин, что она мокрая.

Я сжимаю челюсти так сильно, что боль распространяется вниз по шее. Соблазн настолько силен, мне приходится еще раз напоминать себе о фактах. Пока я не найду Криуса и не закопаю его в землю, он будет использовать любые мои привязанности в качестве рычага для контроля.

Этот человек потерял своего законного сына в тюрьме «Сикрофт», и он отчаянно нуждается в его освобождении. Я не позволю Феникс попасть в его лапы.

Когда она движется вперед и поднимается на цыпочки, я крепче сжимаю ее запястье, пока она не вздрагивает.

— Можете идти, мисс Шталь, — протягиваю я. — Вы более не представляете для меня интереса.

Я поворачиваю голову, не желая видеть, как искажается болью это красивое лицо.

— Иди на хуй, — рычит она и выбегает из комнаты.

ФЕНИКС

Я выхожу в коридор, оборачиваюсь, чтобы сказать последнее слово. Но тут мягкое тело врезается сзади, и я поворачиваюсь, встречаясь с озорными темными глазами Талии Грейс.

— Чего так спешишь? — говорит она, и ее слова полны намеков.

— Что тебе надо? — швыряю в ответ я.

Она отстраняется и морщит нос.

— Прощу прощения?

Я перевожу взгляд с профессора Сегала, стоящего в дверях, на Талию, которая искоса смотрит на румянец, растекшийся по моей груди, так, будто она только что раскрыла мой самый грязный секрет.

Дерьмо.

— Я пришла пожаловаться, что получила «тройку», — выпаливаю я.

— Забавно, — говорит она с легкой улыбкой. — Профессор Сегал поставил мне «пять».

— Я отчетливо помню, что Ваше эссе не заслуживало даже «три», — говорит он. — Обсвободите коридор и передайте сокурсникам, чтобы они не приставали ко мне с оценками.

Он исчезает в кабинете и закрывает дверь. Механизм проворачивается со щелчком,

говоря, что он больше не в настроении болтать.

— Какого хрена, — бормочет она.

Я поворачиваюсь на каблуках и иду по коридору к лестнице.

— Эй, ты, — говорит она.

Я почти оступаю, но пытаюсь не останавливаться.

— Что?

— Меня он не подпускал к своему кабинету, с чего вдруг впустил тебя?

— Не знаю, — говорю я не задумываясь. — Может быть, потому что я лучше справляюсь с эссе?

— Или лучше лижешь банан.

— Ну да, ты точно знаешь, — ответ уровня детской площадки срывается с губ. Отчасти потому, что ее обвинение правдивее, чем она могла себе представить, но в основном потому, что из меня дерьмовая врунья, так ко всему я еще и краснею.

— Эй, — она хватает меня за руку.

Я направляю весь свой гнев в сильный толчок, который отбрасывает ее к стене. Пока она пытается не упасть, я исчезаю на лестнице.

Это, вероятно, знаменует собой начало вендетты между мной и всеми девушками, даже отдаленно связанными с «Ураном», ну и пусть идут в зад.

Единственное, что мне теперь осталось потерять — это диплом.

Кровь шумит в ушах, заглушая эхо шагов, когда я мчусь вниз по лестнице и выхожу через пожарный выход. Даже ухоженные сады или свежий морской бриз не могут охладить мою кровь.

К черту профессора Сегала, к черту кузин Грейс, к черту всех, кого знаю. Я возвращаюсь в квартиру.

Мои ноги топают по приятно хрустящим гравийным дорожкам, создающим мелодию созвучную моему стучащему сердцу.

Профессор Сегал — худший из людей. Он даже хуже моего отца. По крайней мере, отец был предсказуемым ублюдком. Он никогда не относился ко мне по особенному, поэтому его оскорбления всегда были подобным тупым ударам, и никогда не напоминали острые лезвия.

Значит, профессор не считает меня шлюхой. И он промолчал, когда тот человек назвал меня блядью только потому, что хотел защитить. Эта часть имеет смысл, особенно после того, как он объяснил, что деньги были подарком.

А все остальное?

— Вы более не представляете для меня интереса, — говорю я голосом мистера Дарси. — Кто, черт возьми, так говорит?

Моя челюсть сжимается.

— Кретин.

— Феникс, — кричит мужской голос с расстояния в несколько метров.

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что Вир бежит ко мне в обтягивающих джинсах и лоскутной джинсовой винтажной куртке с лацканами, которые подпрыгивают вверх и вниз при каждом шаге.

— Отлично, еще один любитель посылать, — бормочу я. — Для полной истерики не хватает только неожиданно вернувшегося папы.

Развернувшись, я иду по дорожке, ведущей к многоквартирному дому. Да, я грубо отвернулась от него, но я не в настроении говорить с мужчинами, которые вначале

занимаются сексом с девушками, а только потом сообщают, что они вне зоны досягаемости.

Его длинные руки обвивают мою талию и поднимают в воздух.

— Какого черта? — кричу я, заставляя всех в радиусе пятидесяти метров повернуться и посмотреть в нашу сторону.

— Ты мой счастливый талисман, — он опускает меня и целует в щеку ароматным спиртным поцелуем.

Я кладу ладонь ему на плечо и держу на расстоянии вытянутой руки.

— Ты пьян?

— Отмечал, — он снова заключает меня в объятия, наполняя ноздри ароматом плесени и нафталина.

Фух. Он не чувствует своей силы. И с каких это пор кто-то покупает одежду пятидесятилетней давности, не отправив ее предварительно куда-нибудь в химчистку?

— Хорошо, — несколько раз сильно хлопаю его по спине. — Тогда что за новости?

Наконец он отпускает и смотрит на меня косящими зрачками. Я сосредотачиваюсь на точке у переносицы, потому что не хочу потеряться в его глазах.

— Это была ты, не так ли?

Я делаю шаг назад.

— Видимо, нет. О чем ты?

— Об этом, — он выворачивает лацкан и показывает серебряный значок, на котором выгравированы очертания мужских волос, ресниц и зигзаг, идущий по левой стороне лица.

Я прищуриваюсь, замечая, что изображение окружено слабым очертанием звезды.

— Что это такое? Что-то в духе Дэвида Боуи?

Его лицо грустнеет.

— Это не от тебя?

Я качаю головой.

— Похоже, у тебя появился тайный поклонник.

Плечи Вира поникли. Не смею предположить, почему, ведь этот человек уже как-то заявил, что я не вариант для женитьбы.

Не то, чтобы я хотела его, но отказ все еще жалит.

— Что ж, встретимся позже, — я поворачиваюсь.

Он кладет руку мне на плечо.

— Подожди.

— Что?

— Спасибо за вчерашний день, — его слова вылетают цепочкой склеившихся слогов. — Я имею в виду, за поддержку.

Я оглядываюсь через плечо.

— Ты говорил с отцом?

— И дядей, — он выпячивает грудь. — Я сказал, что управление бизнесом не для меня, и что я собираюсь жить за счет музыки.

Взгляд у него выжидательный, а поза выдает сдержанное волнение, он немного напоминает Тигра из Винни-Пуха. Никогда не видела, чтобы Вир вел себя так оживленно, поэтому я думаю, что он будет говорить лишь позитивные вещи.

— Как прошел разговор?

— Они оба сказали «нет». Дядя Один даже угрожал приехать в университет, чтобы разобраться, но папа сказал отложить вопрос до конца семестра.

— Это хорошо, правда?

Он ухмыляется и кивает.

— Я еще не добрался до лучшей части.

— Которой? — энтузиазм Вира заразителен, и я не могу не улыбнуться.

— Концертная площадка в городе хочет, чтобы мы выступили с утренним воскресным шоу. — улыбка исчезает на секунду, как будто то ли место, то ли время суток не идеальны, но он маскирует разочарование еще одной широкой улыбкой. — Ты придешь?

— Куда? — тут же сожалею, что предположила, будто меня это может заинтересовать.

— «Уирли». Знаешь это место?

— На самом деле, я сейчас в поисках работы на выходные. Если кто-то возьмет меня, то, возможно, я буду работать в воскресенье.

— Будем надеяться, что не возьмут, — он качает головой. — Я не это имел в виду.

Мое лицо напрягается.

— Да, ну, не у всех нас есть такие привилегии, как у тебя.

Радость исчезает с его лица, и он смотрит на меня широко открытыми глазами.

— Извини, — бормочет он.

Я качаю головой.

— Забудь.

На этот раз, когда я ухожу, Вир не следует за мной и не говорит больше ни слова.

Комментарий был действительно дерьмовым. Я никогда никому не завидую из-за денег или лучшей жизни, но то, что произошло между нами, на первом курсе, до сих пор гноится, как инфицированная рана.

Мне нужно отступить, привести голову в порядок и стряхнуть с себя это негодование, если я хочу выглядеть достаточно презентабельной, чтобы найти работу.

Если бы я хоть немного думала раньше, я бы, черт возьми, знала, что полагаться на кого-то, кто позаботится обо мне, — это просто напрашиваться на разочарование.

МАРИУС

Я прислоняюсь к закрытой двери и хмуро слежу за разговором, происходящим в коридоре. Феникс лучше не делать намеков такой девушке, как Талия Грейс, но неизвестно, как она реагирует, когда расстроена.

Чувство вины копошится в животе, сожалением выгрызая все внутри и оставляя пустоту.

Наконец-то я нашел девушку, которая идеально мне подходит, ту, чьей компанией я наслаждаюсь как в игровой комнате, так и за ее пределами. А теперь ее нет.

Мой гнев медленно кипит. Слишком много преград между нами. И губительных, и смертельных.

Лучше закончить все так. Феникс сможет продолжить обучение, не будучи пойманной, исключенной или использованной в качестве рычага давления.

В одной из больных игр моего отца.

Раздается стук в дверь. Либо мисс Грейс, либо доктор Ксандер, либо любой из надоедливых ублюдков, которые, кажется, не могут понять, что их присутствие нежелательно.

Второй стук добавляет масла в огонь, который уже разлился по моим венам.

Я распахиваю дверь, готовый уничтожить любого, но от неожиданности остаиваюсь. На пороге стоит мой работодатель и выглядит так, будто вот-вот схватит сердечный приступ.

— Декан Уэстмор? — спрашиваю я, и гнев уплывает на задний план.

Старик вытирает лоб огромным носовым платком. Я почти уверен, что его шантажировали или заставили уволиться, чтобы управлять Университетом королевы Марии, потому что не вижу другой причины, по которой такой уважаемый человек, как Декан Уэстмор, может покинуть такое престижное учебное заведение, как Королевский колледж.

Наконец он говорит:

— Извините, что прерываю Вас, профессор, но дело касается наших основателей.

— Что случилось?

— Племянник одного из основателей сделал тревожный телефонный звонок, доложив, что не хочет продолжать учебу.

Я напрягаюсь. Насколько мне известно, единственный основатель, чей родственник кажется таким незаинтересованным в учебе, — это тот, кого я хочу обменять на свободу матери.

— О каком студенте идет речь? — спрашиваю я, сохраняя размеренный тон.

— Мистер Вир Бестлэссон, — декан шаркает ногами, не в силах встретиться со мной взглядом.

Мои глаза сужаются.

— Если вы пришли просить, чтобы я поговорил с мальчиком или обратил на него особое внимание...

— Нет-нет-нет, — он поднимает обе руки.

— Тогда что?

— Его отец и дядя хотели бы получить краткий отчет о его успехах.

— Вы же понимаете, что я пробыл здесь недостаточно долго, чтобы узнать всех своих студентов, — говорю я, потому что технически это правда.

Плечи декана опускаются.

— Пожалуйста, отправьте по электронной почте все, чем вы можете поделиться, независимо от того, насколько это незначительно. Я обращаюсь ко всем преподавателям.

— Я могу отправить по электронной почте комментарии, которые я оставил к его последнему эссе.

— Какая была оценка?

— Мистер Бестлэссон даже до «тройки» не дотянул.

К тому времени, когда Декан Уэстмор ушел по коридору к кабинету доктора Ксандера, моя ярость испарилась, оставив только пепел раскаяния.

Неужели я действительно должен был так бессердечно отмахнуться от Феникс?

В мире, где слово «нет» не должно подкрепляться насилием, единственный способ чисто разорвать соглашение — это капля жестокости.

Боль в ее глазах, когда я произнес те слова, была подобна ножу в животе. Бедную юную девушку только что жестоко бросил ее отец, а теперь и я.

Но разве не лучше быть убитым горем, чем таким человеком, как Криус?

Я возвращаюсь в кресло, сворачиваю программу оценивания и включаю систему безопасности университетского кампуса.

Нахожу кадры ее краткого разговора с Талией Грейс, прежде чем переключаюсь на

размытые изображения ее бега по лестнице. Внешние камеры показывают, как Феникс марширует к своему многоквартирному дому, но останавливается.

У меня сводит челюсть от ее разговора с высоким блондином, которым может быть только Вир Бестлэссон. Встаю с кресла, чтобы проверить резервный телефон, на котором Квинн оставила сообщение.

К: Все будет на месте сам знаешь когда. Позвони мне.

Из загадочного текста я могу только предположить, что Вир Бестлэссон не только принял предложение об утреннем концерте, но и получил устройство слежения, и наденет его в день похищения.

На экране Феникс спешит к своему многоквартирному дому, а Бестлэссон смотрит ей в спину.

Надеюсь, что «Один» не передаст Криусу информацию о тюрьме «Сикрофт» слишком быстро. Я хочу, чтобы Вир Бестлэссон убрался подальше от Феникс навсегда.

Оставшаяся часть недели размыта. Феникс не приходит на лекцию в четверг, но отправляет задание по электронной почте за несколько дней до его сдачи. Это еще одна прекрасно выполненная работа, хотя и с гораздо меньшим энтузиазмом, чем предыдущая.

Воскресенье нависло надо мной, как гильотина. Когда Крус получит мальчика, он освободит мать. Такова договоренность.

По крайней мере, до тех пор, пока он снова не заставит меня выполнять его приказы.

К счастью, Квинн подтвердила, что мальчишка Бестлэссон носит устройство слежения, и именно оно приведет меня прямо к Криусу, и я смогу наконец засадить ему пулю между глаз. Как бы мне ни хотелось разрезать его на мелкие кусочки и насладиться страданиями, я не могу допустить, чтобы он выжил.

Мой старший брат продолжит томиться в тюрьме «Сикрофт», если проживет достаточно долго. Жаль, потому что любой, кто отвергает Криуса, является своего рода моим союзником, но «Один» не поместил бы его туда, если бы он был невиновен.

Каждую ночь я провожу в игровой комнате в одиночестве, рассуждая, упаковывать ли игрушки, купленные в «Красной комнате», или нет.

Все кончено.

Профессор Экхарт скоро вернется в университет, и я смогу уйти без подозрений.

Цветочно-ванильный запах Феникс уже исчез с шелковых простыней, но трусики, которые я срезал с ее тела в нашу первую совместную субботу, все еще пахнут.

Я лежу на спине, глядя вверх на балдахин, с клочком кружева в одной руке, и твердым членом в другой.

Одним глубоким вдохом я наполняю ноздри оттенками Сансер и ее ароматом мускуса. Закрываю глаза, мысленно то трахаю ее горлышком винной бутылки, то своим членом.

Ускоряю движения рукой, шлифуя ствол длинными движениями. Она должна быть на мне, сверху, представляю, как бы подпрыгивала ее грудь перед моим лицом, пока я шлепаю ее по заднице хлыстом, приказывая двигаться быстрее.

Бедра двигаются по направлению к кулаку, и это почти похоже на то, как ее узкая маленькая киска сжимала бы меня со всех сторон.

Представляю, как мое тяжелое дыхание заглушает ее мягкое мяуканье, представляю, как румянец растекается от ее щек по шее и груди, представляю, как эти твердые соски трутся о мою грудь, когда она трахает меня под низким углом.

Я так много всего хотел с ней попробовать, больше игрушек, больше поз, но не только секс.

Блять, я хочу пригласить ее на ужин, водить в фетиш-клубы, я хочу накормить ее воскресным обедом и помыть вместе посуду. Я хочу прогуляться по Лондону с ней рука об руку, где она могла бы быть моей открыто и без риска последствий.

Жар приливает к основанию позвоночника, дыхание учащается, а яйца напрягаются. Больше всего я хочу прикоснуться своими губами к ее губам и дразнить ее языком. Удовольствие взрывает мой член, разбрызгивая сперму мне на грудь и пресс.

— Пиздец, — бормочу я. — Кончить от мысли о поцелуе — жалко даже для тебя.

В субботу мой стационарный телефон не умолкает. Я назло игнорирую телефон, искушая Криуса прислать кого-нибудь, кого я смогу убить.

К вечеру кто-то стучится в дверь. Я надеваю пару серых спортивных штанов, толстовку с капюшоном и пристегиваю пистолет к поясу сзади.

Но когда открываю дверь, то вижу декана Уэстмора, стоящего у меня на пороге, все еще одетого во вчерашнюю рубашку и галстук. Мужчина выглядит так, будто спал в офисе, если вообще спал.

— Прошу прощения, что беспокою Вас дома, — он заламывает руки. — Наш основатель созвал срочную встречу с профессорско-преподавательским составом.

— Разве это не могло подождать до утра понедельника?

Он кашляет.

— Еще раз примите мои извинения, профессор. Мистер Бестлэссон хочет, чтобы мы все встретились с ним и его братом за воскресным обедом.

Требуется секунда, чтобы понять, что он говорит об Одине. Один чертов Бестлэссон, самый могущественный гангстер Британии, придет в Университет королевы Марии в тот самый день, когда я устроил похищение его племянника.

Блять.

ФЕНИКС

Утро субботы, четыре дня с тех пор, как он изо всех сил пытался объяснить, что не видел во мне шлюху и, одним словом, дал понять, что не склонен к постоянству. Четыре дня яростной ненависти ко всему мужскому роду.

Я не буду плакать. Не буду плакать.

Я не пролью и слезинки из-за этой сволочи.

Черт, я даже имя его не произнесу.

— *Вы более не представляете для меня интереса,* — бормочу я себе под нос. — *Можете идти, мисс Шталь.*

Какого хрена?

Морской бриз дует на Марина-Хай-стрит, охлаждая мой гнев, но как только тучи расходятся и утреннее солнце освещает лицо, тепло разжигает ярость, шипящую под кожей.

Мужчины все одинаковые. Они рассматривают женщин как объекты, с которыми можно поиграть, сломать, а затем выбросить. Неважно, как они это делают — по-дружески, по-отечески, по-фетишистски — результат все равно один.

Я останавливаюсь у бургерной «Марина», оживленной забегаловке, в которой нет

вакансий. Мне так же отказали в бистро, мясной лавке, и пекарне.

Может быть, стоит больше улыбаться. Вести себя так, будто я способна быть приятной собеседницей, а не источником гноящегося негодования. Такими темпами я вернусь в университет без работы.

Когда прохожу мимо «Красной комнаты», меня вырывает из мыслей настойчивый стук в окно.

Я оборачиваюсь и вижу, что длинноволосый продавец, с которым я познакомилась три недели назад, жестом просит остановиться. Окей, это странно. Мы оба идем к двери, и мужчина отпирает ее изнутри, прежде чем распахнуть.

— Привет, — говорит он, запыхавшись. — Ты в порядке?

— Ага, — потираю затылок, гадая, он так со всеми своими покупательницами себя ведет или только со мной.

Он цепляется большим пальцем за плечо.

— Мы говорили несколько недель назад. Я был у стойки, а ты искала доминанта?

Мои внутренности сжимаются, когда я вспоминаю, как действовала, чтобы привлечь внимание профессора Сегала. Этот парень, вероятно, думает, что я саба, которая все еще ищет верхнего.

— Вообще-то я ищу работу, — отвечаю я.

Его лицо мрачнеет.

— Оу, — он сводит брови вместе. — Если тебе нужна работа, я мог бы помочь.

— Правда?

Если бы половина магазинов на главной улице не отказала мне, я бы извинилась и ушла. Четырехзначной суммы от профессора Сегала хватит на весь учебный год, но мне все равно нужна финансовая подушка.

Последнее, что меня сейчас манит, это впасть в отчаяние и принять предложение в преступном мире. Не каждый мафиози найдет применение женщине-менеджеру.

— Сюда, пожалуйста, — говорит он с улыбкой.

— Ник, да?

Его выпуклые глаза сверкают, и он перекидывает каштановые локоны через плечо.

— Ты помнишь.

Я вздрагиваю, жалея, что не промолчала, потому что теперь он слишком заинтересован.

— Что случилось с тем парнем? — спрашивает он. Спустя мгновение добавляет: — Крутой, который вел себя как агент ноль-ноль-семь, Джеймс Бонд.

— Ничего не вышло, — качаю головой.

— Ну и в задницу его. Какой опытный дом будет покупать новые игрушки на тысячи фунтов?

У меня так и чешется язык, чтобы защитить профессора Сегала и сказать, что люди, которые продают кнуты, не должны осуждать тех, кто их покупает, но закрываю рот.

Я ничего не должна этому человеку.

Даже если он утверждает, что это не была сделка, его напутственное слово говорило об обратном. Может быть, если бы я исключила эмоции из нашей договоренности, то не чувствовала бы себя таким дерьмом.

Не желая этого, я спрашиваю:

— Что плохого в том, чтобы скупить весь магазин, если он может себе это позволить?

Он поднимает плечи.

— Ничего, только большинство домов обычно уже имеют собственное оборудование прежде, чем заманивать к себе сабу. Судя по всему, он был новичком, который просто болтал о своих заслугах.

Я смотрю на невнятное лицо Ника, которое теперь похоже на пустую маску, и думаю, что на самом деле стоит за его словами. Ревность, предупреждение или ложь?

Профессор Сегал никак не мог собрать эту игровую комнату за неделю из предметов, которые он якобы купил в Красной комнате. И ничто в человеке не говорило о том, что он неопытен.

Но, оглядывая витрины, я узнаю все предметы из его игровой комнаты.

— Значит, вы продаете мебель? — спрашиваю я, перебирая в уме каждую единицу оборудования.

— Нет, — его взгляд устремляется к двери слева. — В любом случае, ты сказала, что ищешь работу.

— Да.

— Ты саба, да?

— Почему ты спрашиваешь?

Он тянет руку к двери.

— Я сдаю подвал внизу профессиональным господам. Они берут двести пятьдесят фунтов в час, но всегда ищут сабмиссив для двойных сеансов. К этому добавляют еще двести, которые ты можешь полностью оставить себе.

В животе образуется узел, и я сглатываю.

— Как это работает?

— Ну, они платят пятьдесят за аренду подвала, поэтому их прибыль составляет двести. Поскольку наличие второй девушки в комнате снижает их нагрузку, для них это беспроигрышный вариант.

— Я имею в виду, что там происходит?

— Госпожа всегда главная, и то, что происходит в течение часа, зависит от того, является ли клиент сабмиссив или свитчем. Иногда она будет приказывать доминировать над второй. В других случаях она позволяет ему доминировать над собой.

Мои брови сошлись вместе.

— Она, конечно, все контролирует, — он проводит пальцами по волосам. — Я намеренно неточен, потому что каждый клиент индивидуален. Одни хотят плетей, другие «золотой дождь». Некоторым просто нравится ПЯЧ.

— Что это такое? — я хриплю.

— Пытка яиц и члена.

Мой желудок опускается. Идея пнуть какого-нибудь парня по яйцам звучит неплохо, но я не думаю, что у меня хватило бы терпения на нечто подобное тому, что Профессор сделал с теми девайсами для клитора.

— Ммм, нет, — делаю шаг назад к двери. — Это слишком сложно.

— Ты могла бы работать со мной за прилавком, — выпаливает он.

— Спасибо, но нет, — разворачиваюсь на каблуках и бегу к выходу.

БДСМ звучит великолепно в книгах, но мысль о том, чтобы позволить клиенту за плату прикоснуться ко мне или касаться его, вызывает мурашки по коже.

— Феникс...

Остальную часть фразы Ника я не слышу, потому что уже закрыла дверь. Он мог бы

предложить мне две тысячи в час, и ответ все равно был бы отрицательным. Я иду по главной улице, давая ветру освежить мою разгоряченную кожу.

Если бы только у меня был номер тюрьмы «Сикрофт». Папа был бы шокирован тем, что я отказалась от предложения в двадцать раз больше минимальной заработной платы. Оказывается, не все его слова обо мне были правдой.

Замедляю шаг, чтобы посмотреть на витрину гастронома. Это старомодный магазин со стеклянными прилавками, прошутто и салями, свисающими с потолка веревок с перцем и чесночные нитки.

Мой взгляд падает на доску с колбасными изделиями, которая и вполтину не так тщательно продумана, как та, которую готовил для меня профессор, и я вдруг вспоминаю слова Ника.

— Какой опытный дом будет покупать игрушки на тысячи фунтов? — говорю это вслух, потому что до сих пор не понимаю, почему у профессора Сегала была вся мебель, но не было игрушек.

В горле противно першит. Почему, черт возьми, все так сильно напоминает мне о *нем*?

— Феникс, — кто-то кричит сзади.

Шарлотта шагает ко мне, а Аксель следует за ней по пятам.

— Привет, — поднимаю руку.

Она крепко обнимает меня.

— Чувствуешь себя лучше?

Я даю ей уклончивый кивок.

— Могло быть и хуже.

Она знает, что все плохо кончилось с определенным мужчиной, но я до сих пор не набралась смелости, чтобы раскрыть его личность. Может быть, когда профессор Экхарт вернется, я что-нибудь скажу. Пока мысль о том, что профессор вернется в Лондон, ранит, не хуже ножа.

— После вашей ссоры Вир был очень подавлен, — говорит Аксель.

Я смотрю на высокого басиста, который так хмурится, будто я пнула его друга по яйцам.

— Мы не... — качаю головой, вспоминая неловкую перепалку во вторник, когда я была в ярости из-за того, что меня бросил профессор Сегал. — Что он передал?

— Что он сказал что-то оскорбительное, и ты, вероятно, больше никогда с ним не заговоришь.

Я нахмуриваю брови, не совсем веря, что это были слова человека, едва замечавшего мое присутствие.

— Почему он вдруг забеспокоился? — спрашиваю я.

Аксель поднимает плечо.

— Он уходит из семьи. Это включает в себя отказ от их образа жизни.

Я бросаю на Акселя пустой взгляд, потому что Вир вспомнил о своих семейных ценностях только после того, как лишил меня девственности.

Аксель хлопает меня по плечу.

— Да ладно, вы с Виром хорошо смотрелись бы вместе. И тебе нравится музыка.

Глаза Шарлотты сверкают.

— Представь двойные свидания.

Мои губы сжимаются. Отношения — это нечто большее, чем внешний вид, хотя было бы неплохо больше не прятаться. Но не с Виром. Не с парнем, который может переспать с

девушкой, а затем пару лет ведет себя так, как будто ничего не произошло.

— Мы с Виром просто друзья.

— Уверена? — спрашивает Аксель.

Мой взгляд переключается на Шарлотту, которая умоляюще смотрит на меня.

— Чего именно вы двое хотите от меня?

— Просто скажи, что будешь на концерте в воскресенье, — говорит Аксель.

Шарлотта кивает и смотрит на меня щенячьими глазами.

— У «Оловянных солдатиков на Плутоне» будет VIP-кабинка на всю ночь.

— После выступления мы все сможем наслаждаться едой и напитками, наблюдая за другими группами, — добавляет Аксель.

— Если мой новый работодатель не пригласит меня завтра на работу, я пойду с вами на концерт.

Они обмениваются ухмылками.

— И я иду только потому, что вы двое не затыкаетесь.

— Ура!

Шарлотта крепко обнимает меня.

Затем присоединяется Аксель, тиская нас обеих.

Вот дерьмо. Во что я ввязалась?

ФЕНИКС

В воскресенье утром меня жутко рано будят тяжелым удар кулака в дверь. Я набрасываю подушку на голову, чтобы заглушить звук, но кто бы это ни был, он продолжает стучать.

— Феникс, — кричит Шарлотта. — Просыпайся.

— Зачем? — я рычу. — Сейчас полночь.

Она смеется.

— Что? Сейчас восемь утра.

— И?

— Ну давай же.

Кто-то издает быстрый стук, похожий на барабанный бой. Слишком ритмично, чтобы это могла сделать Шарлотта.

— Аксель, это ты?

— Проснись, проснись, — отвечает низкий голос.

— Нет, — я замуриваюсь и сжимаюсь в клубок. Подобные вещи должны быть незаконными.

— Открой дверь, мы просто хотим подремать с тобой, — кричит голос из коридора.

Аксель и Шарлотта хохочут и продолжают стучать. Я скриплю зубами. Это обратная сторона учреждения, связанного с преступным миром.

Хотя мы, студенты, технически равны, это не так. Каждый из нас привязан к семье, и у каждой семьи есть свое место в иерархии.

Если вы достаточно хорошо устроились, вам может сойти с рук такое дерьмо, как разбудить целый коридор людей в безбожный час, ведь никакой безумец не захочет начинать вражду.

Я слышала, что у Акселя есть связи с семьей Бестлэссонов, и он лучший друг Вира племянника «Одина». Отец Шарлотты — Киран Бресс, двоюродный брат Деклана Дагды, управляющего ирландской мафией.

Папа решил зарегистрировать меня анонимно, но он использовал девичью фамилию моей матери, которая относится к семье низкого ранга, отдаленно связанной с «Одином».

Короче, я никто.

— Иду, — кричу я.

Стук внезапно прекращается.

Когда я подхожу к двери и открываю ее, Шарлотта проталкивается внутрь.

— Извините за вторжение, но дерьмо только что попало в вентилятор.

Я отступаю назад и протираю глаза.

— Что случилось?

— «Один» приедет на воскресный обед.

Я моргаю, чтобы проснуться.

— Зачем?

— Ваш разговор придал Виру смелости сказать отцу и брату, что он не будет работать в организации, — Аксель говорит с ухмылкой. — Милая ночнушка.

— Это все равно не объясняет, почему ты так рано вламываешься, — бормочу я.

— Мы должны увезти Вира до прибытия «Одина», — Шарлотта роется в моем гардеробе, который уже куда лучше организован после использования студенческой прачечной.

— Хорошо, — зеваю. — Дайте мне полчаса, и встретимся снаружи.

— Двадцать минут.

Полчаса спустя я сижу на заднем сиденье фургона в стиле «Скуби-Ду» с клавишником «солдатиков» слева от меня и их барабанщицей справа.

Я не вижу Вира, но Аксель уже объяснил, что тот лежит под кучей оборудования, потому что охрана кампуса заинтересована только передвижением людей, а не предметами или тем, что спрятано под ними.

Я наклоняюсь к единственной участнице группы женского пола.

— С Виром все будет в порядке?

Она пожимает плечами.

— Это не первый раз, когда мы вывозим его из кампуса под задним сиденьем автомобиля.

— Разве он не мог одолжить чье-то удостоверение личности?

Аксель оборачивается с переднего сиденья.

— Мы пробовали, но каждый сотрудник и охранник знает его в лицо.

— Черт, — бормочу я. Папа и дядя Вира хуже моих. По крайней мере, я лишь частично была пленницей.

Аксель подъезжает к окраине Марина-Виллэдж, залитой утренним солнцем. Здания в этой части города расположены плотно, высотой в пять или шесть этажей, с отдельными магазинами на нижних этажах и квартирами на верхних. В самом конце улицы виднеются далекие проблески моря.

Он паркуется возле «Уирли», который, что неудивительно, закрыт, но затем выпрыгивает из фургона и открывает заднюю дверь. Клавишник тоже выходит.

— Эй, чувак, зал закрыт, — слышу я его голос из-за спины.

Раздается громкий скрежет, сопровождаемый легким покачиванием фургона, когда участники группы раздвигают предметы, чтобы освободить своего солиста.

Я вытаскиваю свой телефон. Без пяти минут девять утра. Сомневаюсь, что в таком сонном городке, как Марина-Виллэдж, кто-то просыпается так рано.

— Вы взволнованы? — Шарлотта крутится на переднем сиденье, ее карие глаза сверкают.

— Еще рано, — бормочу я.

Барабанщица рядом со мной прикрывает рукой рот, чтобы подавить зевок.

— Я говорила им, что они перебарщивают. Если бы мы вышли в десять, как я предлагала, мы бы не устали так сильно.

Ее зевок заразителен, и мои глаза слезятся, когда я тоже следом зеваю.

— Должны быть открыты места для завтрака.

Шарлотта хлопывает меня по плечу.

— Отличная идея. Я скажу Акселю.

Входная дверь открывается, и клавишник садится рядом с Шарлоттой. Затем открывается задняя пассажирская дверь, и Вир садится на сиденье рядом со мной.

— Привет, — он смотрит на меня сквозь пелену длинных светлых волос.

В памяти всплывают вчерашние слова Акселя:

«После вашей ссоры Вир был сильно подавлен».

Это был просто обмен словами между двумя людьми, которые едва знали друг друга. И его настроение до сих пор не имеет для меня никакого смысла, учитывая то, как он вел себя первые два года после нашего знакомства.

Более скептическая часть меня задается вопросом, вдруг он не обращал на меня внимания просто потому, что думал, будто я никуда от него не денусь.

— Привет, — смотрю на свои колени.

— Ради всего святого, мы можем уже идти? — бормочет барабанщица.

— Аксель вас познакомил? — спрашивает Вир.

— Я оставил эту честь тебе, — пожимая плечами, говорит Аксель, садится на переднее сиденье и запускает двигатель.

— Ингрид, — барабанщица протягивает руку. — Я в группе только потому, что я родственница Вира, и они заменят меня ровно в тот момент, когда найдут кого-то с членом.

Я пожимаю ей руку и сочувственно улыбаюсь.

— Рада встрече.

— Ингрид — близнец Акселя, — говорит Вир.

— Оу, — смотрю на пару, не замечая большого семейного сходства, кроме цвета волос.

Вир кладет руку на плечо клавишника и представляет его как Эрика, который также является его дальним родственником.

После этого наступает напряженная тишина. Шарлотта время от времени оборачивается, переводя взгляд с Виры на меня, как будто играет молчаливую сваху.

Я сжимаю руки вместе, желая, чтобы она не старалась так сильно.

Вероятно, она помнит, как сильно я злилась из-за того, что Вир не замечал меня, и теперь хочет все исправить, но все шансы иссякли восемнадцать месяцев назад.

Мне приходит в голову мысль, что профессор Сегал никогда бы не стал играть в такие глупые игры. Этот человек никогда не говорил смутно о том, чего хочет, даже когда узнал, что я его студентка.

Странно, как мужчина может выхаживать девушку с похмелья, ничего не требуя взамен, выплачивать щедрое пособие на жизнь, потому что это его язык любви, гоняться за ней, когда она уходит, и изо всех сил стараться доказать, что она не шлюха в его глазах и все только за тем, чтобы в итоге выдать *«Вы более не представляете для меня интереса»*.

Хотела бы я стереть его из своей памяти, но то короткое время, что мы провели вместе, стало минимальным стандартом. Если мужчина не умеет принимать решения, то он становится для меня невидимым.

Аксель едет по главной улице, ища место, открытое воскресным утром в девять, и все, что он находит, это гостиница, в которой по умолчанию должен подаваться завтрак, но портье бросает один взгляд на то, как одета группа, и говорит, что завтрак только для гостей отеля.

В конце концов находим засаленное кафе, хозяину которого все равно, как мы все одеты. Я стараюсь сесть с Ингрид в самом дальнем конце стола подальше от Виры.

Когда мы все заказываем английский завтрак, он оказывается лишь наполовину прожаренным и полностью покрытым маслом. Даже тост подрумянился только с одной стороны.

— Эй, — говорит Ингрид в середине завтрака. — Разве ты не та девочка с бананом?

Я беру кружку с чаем.

— Ты изучаешь финансы и бухгалтерский учет?

— Нет, но было видео, на котором ты выходишь из кабинета того профессора, — отвечает она с ухмылкой. — Я слышала, что Аттена заставила его унижаться.

— Это не совсем так, — бормочу я.

— Он такой чертовски горячий, я бы пососала его банан.

Я даплюсь чаем.

— Ингрид, — шипит Аксель с другой стороны стола.

Она поворачивается к своему брату.

— Отвали.

— Ну, Фи думает, что он ужасен, — она бросает на Виру обнадеживающий взгляд. — Не так ли?

Я качаю головой, не подтверждая и не опровергая ее слова. Одной из причин, по которой я пошла с группой, было то, что я забываю о профессоре Сегале. И последнее, что мне сейчас нужно, это напоминания.

Мы сидим в кафе больше полутора часа, а мальчишки заказывают все больше и больше мерзкой еды, чтобы хозяин нас не выгнал. Ингрид заполняет тишину, объясняя, что она

научилась играть на барабанах, когда была младше, и единственный способ тусоваться с мальчиками — это играть на музыкальном инструменте.

Вир поднимается со своего места.

— Менеджер «Уирли» только что сообщил, что он на месте.

Аксель возвращается к кафе, где мы встречаем длинноволосого мужчину, одетого в цветочную рубашку и очки в стиле Джона Леннона. Он ведет нас на улицу за домом, к стоянке на полсотни машин.

Здесь уже стоит несколько белых фургонов, которые, я думаю, были припаркованы с ночи. Прежде чем я успеваю задаться вопросом, почему у них у всех одинаковые номерные знаки, мой желудок урчит.

Теперь я жалею, что не съела жирный завтрак.

— В «Уирли» подают еду?

— Банч-меню есть на их веб-сайте, — говорит Аксель.

Я бросаю сумку на колени, готовая включить телефон, когда менеджер открывает заднюю дверь зала и приглашает войти.

Аксель, Эрик и Ингрид начинают заносить инструменты в зал, а Шарлотта берет пару сумок с одеждой, в которых, как я полагаю, находятся их костюмы.

Я тянусь за гитарой, но Вир кладет руку мне на плечо.

— Феникс, можно тебя на пару слов?

— Что случилось? — поворачиваюсь, чтобы встретиться с его обеспокоенным взглядом.

— То, что я сказал на днях, — он делает глубокий вдох, выглядя так, будто вот-вот начнет отрететированные извинения.

— Я не обиделась, — выпаливаю я, прежде чем он успевает закончить предложение. — У меня просто был дерьмовый день, и то, что я сказала, прозвучало слишком резко.

Один из фургонов позади нас открывает двери. Я оглядываюсь через плечо и вижу, что из машины выходит парень в грязном белом комбинезоне, похожий на маляра или декоратора.

Повернувшись к Виру, я натянуто улыбаюсь ему.

— Серьезно, не беспокойся о...

Между нами проносится маляр и хватает Виру.

Я оборачиваюсь.

— Что Вы делаете?

Он игнорирует меня и продолжает идти к своему фургону.

Мой пульс подскакивает, посылая прилив крови в конечности. Я беру футляр для гитары и с удовлетворительным треском замахиваюсь им над головой мужчины.

— Блять, — рычит он.

Сильные руки обвивают меня за талию и отрывают от земли.

— Помогите!

Огромная рука зажимает мой рот и заглушает крик.

— Что делать с ней? — спрашивает мужчина.

— Забирай.

Из второго фургона выходит еще одна пара мужчин, каждый с оружием. Мой желудок подпрыгивает, и я перестаю сопротивляться. Одно дело бороться со случайным человеком, но это не может быть совпадением.

Воскресное утро.

Изолированное парковочное место.

Оружие.

Нет, это нападение преднамеренное, и я полагаю, что целью является Вир. Я сжимаю сумку под мышкой, надеясь, что никто не догадается проверить у нас мобильные телефоны.

Потому что, как только нас закроют в кузове этого белого фургона, я отправлю наши координаты в полицию.

МАРИУС

Я на девяносто пять процентов убежден, что анонимное сообщение Квинн Виру Бестлэссону о том, что его отец вот-вот должен приехать, не дошло, иначе несчастный мальчик решил бы поддаться требованиям семьи и принял бы участие в воскресном обеде.

Остальные пять процентов я оставляю на то, что «оловянные солдатики» нашли способ сбежать из кампуса и приехать, доставив Вира Бестлэссона Криусу и его людям.

Возможно, к лучшему, что я иду на воскресный обед с Одним, его братом деканом Уэстмором и остальными преподавателями.

Если моя оптимистичная оценка верна, то пребывание здесь будет железным алиби.

Каждый сотрудник, обучавший именитого племянника, стоит у входа в большой зал университета, оформленный по образцу фойе отеля викторианской эпохи, с огромной стойкой администратора из красного дерева и черно-белыми плиточными полами. Потолок украшают латунные люстры.

Мы выстроились в линию, как в эпизоде «Аббатства Даунтон», когда слуги приветствовали своего хозяина, вернувшегося из долгого путешествия.

Дверь со скрипом открывается, и один из охранников просовывает голову.

— Мистер Уэстмор, прибыли господа Бестлэссоны.

Услышав объявление, декан вытирает обильное количество пота со лба. Я смотрю вперед, изображая безразличие. Один — самый опасный человек в Великобритании. Последнее, что мне нужно, это его внимание.

Дверь открывается, и внутрь входят две фигуры.

Один — суровый мужчина лет сорока с острым взглядом и еще более острыми скулами. Для человека с такой огромной властью в преступном мире он одет скромно, в угольно-серый костюм и белую рубашку, больше подходящие для утра в местной церкви.

Его брат, с другой стороны, выглядит как минимум на десять лет моложе, с менее резкими чертами лица и каштановыми волосами древесного цвета без намека на седину. Отец Виры одет в черный костюм, который я бы, пожалуй, надел, совершая убийство.

Дин Уэстмор идет рядом с братьями, заикаясь и бормоча приветствие. Если бы мне пришлось рискнуть предположить, я бы сказал, что этот человек либо задолжал семье Бестлэссонов нечестивую сумму денег, либо он стал жертвой шантажа.

— Где мой сын? — спрашивает младший из пары.

Декан откашливается.

— Я послал сотрудников службы безопасности посетить его апартаменты в доме основателей.

Уил Бестлэссон одобрительно хмыкает и идет в столовую.

Это просторный зал с белым мраморным полом и черной мебелью с гравировкой из сусального золота. Изысканные люстры обеспечивают освещение несмотря на то, что из высоких арочных окон проникает достаточно солнечного света.

Один фыркает.

— Вот на что ты тратишь наши деньги?

— Декор был подарком мистера Белуса, — отвечает декан.

Один и Уил обмениваются взглядами, и по этому взгляду я могу сказать, что договор между главными семьями — единственное, что сдерживает пренебрежительные комментарии об «Уране».

Каждый из них сидит на противоположных концах стола, а декан Уэстмор жестом показывает нам, чтобы мы заняли свои места.

— Профессор Сегал, — говорит он. — Пожалуйста, присоединитесь ко мне и присядьте рядом с почетным гостем.

Я скорее сел бы рядом с доктором Раринг, но на моем лице появляется маска профессионализма.

Когда я приближаюсь, Один поднимает голову, чтобы изучить мои черты. Сейчас я понимаю, что он видит более молодую и темноволосую версию Криуса. По словам моего отца, они работали вместе с начала девяностых. Религиозные убеждения Одина означают, что он никогда не занялся бы торговлей людьми или публичными домами, однако он по-прежнему снабжает Криуса наркотиками, алкоголем и «защитой».

— Мы встречались? — спрашивает Один с любопытством в голосе.

— Не могу сказать, что имел удовольствие, — отвечаю я.

— Профессор Сегал находится в творческом отпуске в Лондонской школе финансов, — говорит декан Уэстмор, и его голос разрывается от гордости. — Он здесь заменяет профессора Экхарта, пока тот восстанавливается после аварии.

Когда глаза Одина сужаются, я понимаю свою ошибку. Ученый не выдержит взгляда

криминального авторитета. Нет, только если он совсем не имеет понятия о происходящем.

Я вежливо улыбаюсь Одину.

— Судя по всему, профессор Экхарт идет на поправку, что положит конец этой небольшой прибыльной командировке. Я так понимаю, вы занимаетесь ликеро-водочным бизнесом. Как обстоят дела с экономикой?

Часть напряжения уходит с лица Одина, и он отмахивается от меня ни к чему не обязывающим комментарием.

Когда обслуживающий персонал приносит суп из кресс-салата, все расслабляются в тихой беседе.

Дверь открывается, я поднимаю глаза и вижу, как входит сотрудник службы безопасности, заламывая руки.

— Что случилось? — голос Одина пререзает вежливую болтовню.

— Юного мистера Бестлэссона не было в квартире...

— Вы отследили его удостоверение личности? — спрашивает его отец.

Напряжение в легких тает, и я наконец могу выдохнуть.

Если у Криуса есть хоть капля здравого смысла, то он приказал своим людям нанести удар до того, как мальчишка Бестлэссон получит шанс выйти на сцену. Облегчения, которое я чувствую, почти достаточно, чтобы рассеять опасения по поводу того, что в студенческих билетах есть трекеры.

— Мы зафиксировали перемещение его пропуска, сэр, — охранник покачивается на ногах. — Он в его квартире.

— Тогда мой племянник где-то в кампусе, — говорит Один. — Потому что ни один студент не может войти или выйти без своих карточек.

Охранник хватается за живот и начинает кашлять, а мои пять процентов оптимизма увеличиваются до пятидесяти.

Декан Уэстмор встает со своего места и торопливо обходит стол.

— Что ты обнаружил?

Уил Бестлэссон тоже поднимается.

— Да, — шипит он. — Расскажи нам.

— Вероятно, он ушел с другими членами своей группы...

— Группы? — спрашивает Один.

— «Оловянные солдатики на Марсе»...

— Плутоне, — говорит доктор Ксандер.

Взгляд Одина устремляется к другой стороне обеденного стола, где доктор Ксандер окрашивается в темно-красный цвет.

— Это дань уважения Дэвиду Боуи. Там участвуют близнецы Габриэльссон, Эрик Хейи и, конечно же, Вир.

Тишина растягивается на несколько мгновений. Я остаюсь совершенно неподвижным.

Уил глубоко вздыхает.

— Вы позволили моему сыну уйти после того, как мы отдали приказ, запретить ему покидать кампус.

Охранник вздрагивает.

— Это только предположение. Мальчишки ушли со своими девушками...

— Какими девушками? — спрашивает декан.

Он лезет в карман и достает телефон.

— Шарлотта Бресс и Феникс Шталь.

Фамилия бьет как пуля в живот. Требуются все усилия, чтобы не сжать руки в кулаки. Я приказал ей держаться подальше от мальчишки Бестлэссона, и теперь братья будут допрашивать ее о его похищении.

— Бресс? — шипит Один.

Даже я знаю, что это известная фамилия в ирландской мафии. Такой человек, вероятно, уже прикидывает, как конкурирующая банда может навредить его племяннику. Если бы только Один знал, что угроза исходит от одного из его давних союзников.

— Шталь, — говорит Уил, но я едва слышу слова из-за гула крови между ушами. — Почему звучит так знакомо?

Один ходит вокруг стола.

— Что более важно, почему вы не проверили, не увозят ли они моего племянника из кампуса?

Прежде чем охранник успевает объяснить, что проверка транспортных средств не является обязательной, Уил хватает его за горло и вжимает спиной в стену.

Декан Уэстмор и все остальные в комнате вздрагивают. Меня только удивляет, что братья ведут себя так разумно.

— Куда они делись? — спрашивает Один.

— Не в правилах допрашивать студентов...

— Где они? — рычит Уил.

Мой пустой желудок переваривает сам себя. Через минуту кто-нибудь предложит задать вопросы, проверить электронную почту или позвонить одному из участников группы, чтобы узнать новости. Тогда они выйдут на кафе «Уирли», и план похищения превратится в кусок дерьма.

— Мистер Бетслэссон, — декан Уэстмор сгибается пополам, как будто вот-вот умрет, и для равновесия хватается за спинку кресла доктор Раринг. — Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, мы найдем вашего племянника.

Один поворачивается, чтобы остановить декана взглядом, способным перерезать глотки.

— Лучше бы так и было.

Доктор Раринг поднимает руку.

— Если группа уже выступает, мы могли бы найти ребят до того, как они закончат свой концерт.

— Что ты знаешь? — Один приближается к ней.

Декан отступает, и доктор Раринг поднимается с места, пытаясь отдалиться от Одина.

Та часть меня, которая могла бы чувствовать себя виноватой в этом беспределе, дремлет. Я не испытываю сочувствия к Одину, его брату или любому другому, кто позволил бы такому человеку, как Криус, разрушать бесчисленные жизни женщин во имя прибыли.

Вир Бестлэссон будет потрясен похищением, но Криус освободит мальчика, как только Один откроет местонахождение тюрьмы Сикрофт.

— Говори, — рычит Один.

Доктор Раринг складывает руки под грудь, подчеркивая декольте. Несмотря на то, что этот жест отвлекает декана Уэстмора от нервного срыва, взгляд Одина остается прикованным к лицу женщины.

Она облизывает губы.

— Я слышала, как студенты говорили об утреннем концерте, который состоится сегодня. Теперь, исходя из контекста, я могу предположить, что это «Оловянные солдатики на Плуtone».

Мои пальцы сжимаются в кулаки. Если они найдут мальчишку до того, как до него доберется Криус, я могу попроситься с любыми шансами когда-либо спасти мать. После этого декан Уэстмор усилит охрану кампуса, и выманить Вира Бестлэссона для второго похищения будет невозможно.

— Позвони им, — говорит Один.

— Но у меня нет их номеров, — шепчет доктор Раринг.

— Сейчас же, — он произносит это слово с такой угрозой, что моя рука дергается в сторону одного из пистолетов, спрятанных за поясом.

Мой девяностопятипроцентный пессимизм сегодня утром посоветовал мне прийти с оружием на тот случай, если мероприятие окажется засадой.

Доктор Ксандер поднимается со своего места с поднятым телефоном.

— Я нашел их номера в интернете, — выпаливает он. — И я звоню мисс Шталь.

Снова слышу ее имя и чувствую, как кулак впивается мне в живот и скручивает внутренности. Я стискиваю зубы и сохраняю нейтральное выражение лица.

Доктор Ксандер ставит трубку на громкую связь. Идет гудок, но звонок переходит прямо на голосовую почту. Мое дыхание становится поверхностным. Нет ничего необычного в пропущенных звонках в концертном зале. Многие приглушают сигнал, чтобы не прерывать исполнителей.

— Была еще одна девушка, — говорит Один. — Позвони ей.

Шарлотта Бресс поднимает трубку после первого гудка.

— Алло? — слово выходит спешно. — Вир, это ты?

— Где мой сын? — спрашивает Уил.

Мисс Бресс замолкает.

Мои глаза сужаются. Криус, должно быть, уже похитил мальчика, если его подруга в панике.

Один обходит стол и останавливается у телефона. Он держит руки за спиной и резко вдыхает.

— Я полагаю, Вы дочь Лиама Бресса?

— Кто это? — спрашивает она.

— Один Бестлэссон, — отвечает он. — И мне не нужно описывать Вам широкомасштабные последствия сокрытия моего племянника, поэтому давайте не будем тратить время на уклончивость и скажем, где он находится.

— Вот в чем проблема, — говорит она, всхлипывая. — Его нет уже несколько часов.

— Что? — рычит Уил.

Мышца на челюсти Одина напрягается, но это его единственная реакция на новости.

— Объясни.

— Мы думали, что он вернулся в отель вместе с Феникс, потому что она тоже пропала, но он бы обязательно вернулся к концерту.

Один зажмуривает глаза, а кулак в моем животе тянется к легким.

Люди Криуса схватили Феникс. Это единственное объяснение того, почему она тоже пропала.

Мой оптимизм падает до одного процента. Одного единственного шанса, что Криус

приказал ее забрать, потому что она дочь нового надзирателя тюрьмы, Гордона Гофаннона.

Скорее всего, она мешала или проще было взять их обоих, чтобы не оставлять свидетелей.

И мой девяностодевятипроцентный пессимизм знает, без тени сомнения, что Феникс Шталь — именно тот тип красоты, который Криусу нравится разрушать.

ФЕНИКС

Холодная паника разливается внутри, и я тяжело дышу, пытаюсь замедлить пульс. Все не так уж и плохо, должна сказать я себе. Я связана, но это не ново. Мне больно, ну и что? И это не первый раз, когда я просыпаюсь в незнакомом месте.

Ледяная металлическая поверхность подо мной грохочет от движения фургона, а в боку колет оттого, что эти ублюдки швырнули меня на заднее сиденье машины.

Я не так сильно сопротивлялась, но они все равно усмирили меня кулаками. Теперь я лежу, руки связаны за спиной веревкой, которая трется о кожу, как проволока.

К счастью, эти похитители — новички. Узлы профессора Сегала были бы намного крепче, и ему не пришлось бы заставлять меня подчиняться.

Что бы мне ни надели на голову, оно воняет потом, а петля на шее натирает. Держу пари, что, представляя все возможные передряги, в которые я могу попасть, папа ни разу не воображал даже близко что-то похожее на данную ситуацию.

Вир издает приглушенный стон. Вероятно, ему заткнули рот кляпом, единственным в наличии, потому что все, что досталось мне, это распухшая челюсть и угроза, что мне сломают шею, если буду шуметь.

Я не настолько глупа, чтобы проверять.

Единственный способ сохранять спокойствие в такое время — притвориться, что это одна из игр профессора. Может быть, он совсем одичал и решил похитить меня куда-нибудь для жесткого траха.

Между бедер вспыхивает жар. Я сжимаю их и сдерживаю стон. Сейчас не время волноваться, но если я думаю о сексе, то не беспокоюсь о похитителях.

Мои мышцы расслабляются, освобождая пространство и ослабляя веревки. Поздравив себя с тем, что задержала дыхание и сопротивлялась, когда этот ублюдок связывал меня, я вращаю запястьями взад-вперед.

Веревки немного ослабевают, и я продолжаю движение до тех пор, пока не появляется достаточная свобода действий, чтобы сделать скручивающее движение. Вир стонет так, будто ему больно, и я ускоряюсь.

Как только освобождаю одну руку, я развязываю узел на шее и ослабляю веревку. Ткань, которую похитители использовали в качестве мешка на голове, оказалась огромной толстовкой, которую они завязали сверху. Я отбрасываю ее и анализирую обстановку.

В задней части фургона темно, крошечные струйки света пробиваются сквозь щели в задней двери. Ни моей сумки, ни телефона, который был в ней, не видно, но Вир лежит позади меня, его запястья скованы металлическими наручниками.

Я морщусь. Это будет сложно.

— Вир.

Он напрягается.

— Эй, — кладу руку ему на плечо. — Это Феникс. Я освобожу тебя.

Он издает ряд приглушенных звуков, но я не понимаю ни слова. Я переворачиваю его на живот и прощупываю веревку, которую они обвязали вокруг его шеи. Эти узлы более тугие, более замысловатые, и похоже, что головорез, связавший его, имел немного больше опыта, чем тот, кто связал меня.

Фургон наезжает на выбоину, и мы подпрыгиваем. Я падаю вперед, тяжело приземляясь на ребра Вира.

Его болезненный стон ранит мое сердце.

— Прости, — шепчу я. — Петля сложнее, чем я думала.

Дрожь пробегает по его телу, которое начинает конвульсивно биться. Я не знаю, является ли это чем-то серьезным с физической точки зрения или полномасштабной панической атакой.

Конечно, он сходит с ума. Он ничего не видит, не может двигаться, и, если этот кляп настолько серьезный, насколько я себе представляю, он, вероятно, не может дышать.

Сев на корточки, я копаюсь в волосах и вытаскиваю шпильку. Может быть, мне больше повезет с инструментом, потому что видимость здесь дерьмовая.

— Вир, — шепчу я. — Мы справимся с этим.

Он издает болезненный стон.

— Я знаю, — нежно провожу круговыми движениями по его плечу.

Фургон быстро поворачивает, и мы оба перекатываемся на другую сторону салона. Я держусь за шпифт, как будто это единственное, что отделяет нас от жизни и смерти, и жду, пока водитель продолжит движение по прямому участку дороги.

Наконец фургон выравнивается, и я встаю на колени.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Стон, который он мне издает, ничего не объясняет, но паника точно растет. Требуется

несколько попыток, но, в конце концов, я ослабляю узел настолько, что появляется крошечная щель.

Стягиваю тканевый мешок и нахожу кожаный ремешок, обвивающий основание головы. Мои пальцы нащупывают три пряжки и, наконец, отпускаю кляп.

— Помогите! — кричит Вир.

— Прекрати, — хлопаю ладонью по его слюнявому рту и гримасничаю.

Он борется, пытаюсь вырваться, но я цепляюсь за него, как отчаянная коала.

— Подумай, — шиплю я. — Фургон мчится по закоулкам воскресным утром, и все либо досыпают в церкви, либо слишком заняты, чтобы прислушиваться к приглушенным голосам. Все, кроме наших похитителей.

Вир не двигается.

— Более того, — говорю я, заимствуя интонацию у профессора Сегала. — если они узнают, что я пытаюсь освободить тебя, они остановят фургон и убьют меня.

Он вздрагивает.

— Ты будешь сохранять спокойствие? — спрашиваю я, зажав обеими руками его рот.

Он кивает.

— Я не шучу, — говорю я низким голосом. — Эти люди уже ударили меня по лицу. Нужно вести себя хладнокровно, потому что у нас может быть только один шанс сбежать.

Он говорит что-то непонятное, но кивает.

— Ладно, — отдергиваю руку.

Вир сгибается пополам, сильно кашляя, и я чувствую себя дерьмом из-за того, что сдерживаю его дыхание.

— Извини, — отхожу от него в поисках своей сумки. — Но я не могла рисковать.

— Что случилось? — спрашивает он между хриплыми вздохами.

— Тебя похитили, а заодно и меня прихватили.

Он поворачивается ко мне, широко раскрыв глаза.

— С чего ты взяла, что я был целью?

Мои губы сжимаются, и я продолжаю водить рукой по темному салону в поисках следов моей сумки.

Вир явно отрицает это. Я подыгрываю, потому что разговор с кем-то в такой ужасной ситуации успокаивает.

— Есть причины, по которым я думаю, что они хотят тебя, а не меня.

— Продолжай, — хрипит он.

— Во-первых, я никто из ничтожной семьи. Во-вторых, я покидала академию каждые выходные с первого курса, и никто даже не обратил на меня особого внимания. В-третьих, они схватили тебя и подумали взять меня только тогда, когда я попыталась напасть на твоего похитителя.

— Оу, — он склоняет голову.

— Где твой телефон?

— Во внутреннем кармане, — он поворачивается в сторону. — Сможешь достать?

Я подползаю к нему и прощупываю куртку, не находя ничего, кроме горстки бумажек.

— Видимо, они, забрали его.

— Логично.

— У тебя есть что-нибудь еще, например, GPS-трекер?

Вир мнется.

— Что?

— Папа подарил мне часы с GPS, но...

— Но цифровые часы не подходят к *твоей* винтажной эстетике?

— Никогда не думал, что кто-то похитит меня на улице, — бормочет он. — Может, надо было задумываться чаще, потому что это уже случилось дважды.

— Да ну!

— Сначала, когда я был ребенком, а потом, когда мне было восемь, — у него срывается голос, и Вир, заикаясь, рассказывает историю о том, как члены ирландской мафии неделю держали его в заложниках.

В моем организме бурлит адреналин, а пульс стучит так сильно, что я не могу сосредоточиться на деталях. У нас нет возможности связаться с внешним миром, и мое единственное оружие — шпилька, которая едва ли годится для нападения на одного похитителя.

Поскольку я не цель, как только эти ребята отведут Виру к своему боссу, я стану лишним свидетелем. Мое горло сжимается, и кажется, что петля, от которой я освободилась раньше, вернулась, чтобы задушить.

Если повезет, похитители просто прострелят мне голову, а если нет...

По позвоночнику пробегает дрожь.

Другие варианты невысказаны.

Вир замолкает, и я провожу рукой по его плечу.

— Извини.

Палец задевает что-то металлическое.

— Это твой значок с Дэвидом Боуи?

Он кивает.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я сломаю его и посмотрю, смогу ли подточить его до острых краев.

Вир шипит сквозь зубы.

— Только не это.

— Это просто мера предосторожности.

Когда он раздражается икающими рыданиями, более циничная часть моей психики задается вопросом, почему я так долго мучилась из-за этого парня. Его эмоции понятны, но в этом мире паника во время опасности только приведет к гибели и твоей, и других.

Я открепляю значок, у которого сзади есть удобное острие, им я могу проткнуть глаз.

От мысленного образа у меня подкатывает к горлу тошнота, но я сдерживаю ее. Если смогу пройти через это в целостности и сохранности, у меня будет целая жизнь, чтобы потом поплакать.

— Вир, — шепчу я.

— Что?

— Пожалуйста, перестань ныть. Если они поймут, что я освободила тебя от кляпа, они накажут нас обоих.

— Извини.

Фургон едет по ухабистой дороге, и я использую эту возможность, чтобы разбить значок, пока не остается металлическая пластинка, батарейка и цепь в форме пончика из металлических чипов и медных проводов.

— Эй, — поворачиваюсь к Виру. — Ты знал, что в значке есть электрические детали?

— Что?

— Ничего. Забей, — качаю головой. Это сейчас не важно, мне нужно превратить его в оружие. — Ты знаешь, как выбраться из наручников?

— Нет, — говорит он со стоном.

— У тебя хоть ноги свободны? — царапаю стальной пластинкой по металлическому полу фургона.

Когда он колеблется, я шарю по его ногам и проверяю лодыжки. Их скрепляет веревка, и я сжимаю зубы.

Развязать ее — дело быстрое, и после того, как я освободила ему ноги, говорю:

— В конце концов, они остановятся и вытащат нас. Я хочу, чтобы ты бил так сильно, как только можешь.

Я жду, когда он согласится, но он молчит.

— В чем дело?

Прежде чем он успевает ответить, фургон резко останавливается.

МАРИУС

Мне нужно уйти. Покинуть эту комнату, пока Феникс не попала в лапы Криуса. Уйти, пока его люди не причинили ей вреда.

Опрометчивые движения не только убьют нас обоих, но и могут поставить под угрозу спасение матери.

Мисс Бресс замолкает, но Уил начинает хохотать.

— Вир исчез с девушкой? — спрашивает он.

— Та же самая, которая был у него в комнате на первом курсе? — спрашивает Один.

Мой желудок комком падает вниз. *Блять, что?*

— Ответь мне, — рычит он, заставляя окружающих вздрагивать.

— Они переспали на первом курсе, и я слышала, что Вир был влюблен в нее с тех пор. Он ей тоже нравится, хоть она и боится признаться в этом.

Слова девушки сливаются в массу неразборчивых слогов. Я не слышу остальную болтовню, потому что ее слова заглушаются собственнической яростью.

Она с этим длинноволосым гитаристом?

Она с ним с первого курса?

— Куда они делись? — ярость Одина принимает материальную форму, как айсберг на грани раскола. Он бросает на брата холодный взгляд, который прогоняет его веселье, превращая лицо в маску неодобрения.

— Проверьте каждый отель в Марина Виллэдж, — говорит Уил.

— Я мог бы узнать в местных гостиницах, не забронировали ли какие-нибудь студенты комнаты, — добавляет доктор Ксандер, взмахнув рукой.

Один кивает.

— Хорошо.

Моя челюсть сжимается. Время уходит. Они не прячутся где-то в номере. Криус забрал Феникс, и я должен вернуть ее.

Сейчас же.

Я поднимаюсь со своего места, привлекая взгляд Одина.

— Куда вы собрались? — спрашивает он.

Требуется каждая унция самоконтроля, чтобы не возмутиться его безрассудством.

— Набережная Марины — романтическое место, — отвечаю я, стараясь, чтобы это звучало нейтрально. — Если у юной леди и вашего племянника проблемы в отношениях, как предполагает мисс Бресс, то долгая прогулка, чтобы обсудить разногласия, более правдоподобна, чем бронирование отеля.

Если бы моя грудь не болела, как разорванный воронами кусок падали, я бы усмехнулся в ответ на резкий кивок Одина в знак разрешения. Если бы я уже не представлял Феникс плачущей в руках моего садистского ублюдка-отца, я бы назвал Одина лицемером за то, что он установил такие высокие моральные границы для своего племянника, наживаясь на известном обидчике женщин.

Я шагаю вокруг стола, не обращая внимания на домыслы остальных, и выхожу за дверь. Если кто-то из братьев Бестлэссонов последует за мной, я сначала застрелю одного, а потом другого.

Как только я заворачиваю за угол, я начинаю бежать, выхожу из здания и набираю скорость, пока не добегаю до машины.

Я ускоряюсь по подъездной дорожке, граничащей с большой лужайкой, вытаскиваю из бардачка одноразовый телефон и звоню Квинн, которая отвечает после первого гудка.

— У тебя есть трекер пацана? — спрашиваю я.

Она делает паузу.

— Квинн?

— Мы об этом не договаривались, — говорит она четкими словами. — Ты собирался подождать несколько дней, чтобы обойти убежище и дождаться прибытия Криуса.

— Изменение плана, — говорю я. — Они забрали невинную девушку, и мне нужно найти похитителей *сейчас*. У тебя есть трекер пацана?

Она колеблется.

— Кто она?

— Это имеет значение? Ее похитили.

— Мари, — говорит она с усталым вздохом, сокращая мое имя.

Я скриплю зубами. Мы с Квинн годами фантазировали об убийстве Криуса, и она думает, что я разрушу наши тщательно продуманные планы, но Феникс важнее мести.

Черт.

Феникс для меня важнее всего на свете.

Замолчав, я медленно приближаюсь к воротам. Охранник обводит взглядом машину и машет мне через открывающийся шлагбаум.

— Послушай меня, — ровным голосом говорю я, но увеличиваю обороты двигателя и ускоряюсь по дороге вдоль стен безопасности. — Когда ты встретила маму, она уже не была наркоманкой, и шрамы на ее теле зажили. Я ограждал тебя от того, чтобы ты не слышала о худшем из того, что Криус сделал с ней, пока рос, но позволь мне заверить тебя, это было более чем ужасно.

Ее дыхание учащается.

— Но если эта девушка связана с могущественной семьей...

— Нет, Криус посчитает ее никем. Но она как раз из тех невинных, которых он любит развращать, — горло сжимается, когда я произношу эти слова. — Дай мне координаты, и я клянусь, что не успокоюсь, пока этот человек не умрет.

Квинн по-прежнему не отвечает.

Пламя разочарования прожигает мои внутренности, а легкие жжет дымом. Эта девушка — единственное, что стоит между Феникс, пережившей похищение, и судьбой, которая заставит ее молиться о смерти.

Я сжимаю руль, потому что нет времени вытряхивать информацию из Квинн.

— Криусу понадобился всего один телефонный звонок, чтобы переманить мать на свою сторону. Потому что независимо от того, сколько времени она проводит вдали от него или сколько времени лечится в реабилитационном центре, всегда будет какая-то часть ее, которая жаждет его жестокости. Ты хочешь обречь другую девушку на такую жизнь?

Когда я подъезжаю к окраине Марина Виллэдж, слышу, как она сглатывает.

— Ты обещаешь убедиться, что он не похитит других девушек? — спрашивает она. — Вся наша семья отправилась в могилу, так и не узнав, что случилось с моей старшей сестрой.

Глубоко вдохнув, я сдерживаю волну противоречивых эмоций. Я родился в неволе, но до сих пор не представляю, как страдала семья матери в ее отсутствие.

— Клянусь.

— И ты не остановишься, пока он не умрет?

— Я даже привезу тебе сувенир.

— Хорошо, — говорит она. — Я наблюдала за ними последние несколько часов. Они петляют по проселочным дорогам...

— Почему?

Я съеживаюсь. Вот что паника делает с человеком. Тупит мозги. Заставляет не замечать очевидное.

— На случай, если за ними следят? Если кто-нибудь заметит похищение и предупредит полицию, они будут искать фургон на всех основных дорогах. В любом случае, похоже, они направляются к автомагистрали.

— Конкретнее, Квинн, — говорю я.

Она указывает мне дорогу с двусторонним движением, где можно проехать семьдесят миль в час. Я вылетаю почти на пустую трассу на скорости сто миль.

— Они выехали с проселочных дорог?

— Еще нет, — голос замедляется, как обычно, когда она отвлекается. — Они все еще блуждают.

— Его можно назвать жестоким и бессердечным, но он всегда собран, — бормочу я.

— Это хрестоматийная паранойя, — говорит она.

— Нет, если тебя пытаются убить, — полицейская машина стоит в нескольких милях впереди, и я снижаю скорость до семидесяти, чтобы не сработали их датчики.

— Криус знает, что в следующий раз, когда мы встретимся, я не промахнусь.

— Хорошо, сворачивай на следующем съезде.

— Вот этом? — поворачиваю налево.

— Да. Теперь езжай по второй дороге налево, — ее указания продолжают в том же духе еще десять минут. Десять минут погони за похитителями, в игре, где охотники не знают, что стали добычей.

— Если ты сделаешь это на публике, кто-нибудь обязательно вызовет полицию, — говорит она.

— Я верю, что ты взломаешь «Службу лицензирования транспортных средств» и подгонишь запись под мои номерные знаки.

— Вообще-то уже, — говорит она. — Но все же стоит прекратить использовать эту машину.

— Я арендую другую.

— Ладно, поворачивай... эээ?

— Квинн, что случилось? — подъезжаю к бордюру.

— Сигнал GPS только что пропал.

— Как это могло случиться?

— Они, наверное, нашли значок.

— Куда ты хотела, чтобы я повернул?

— Прямо на Алгарве-роуд. Они двигались против направления автомагистрали, но они выбирают улицы так беспорядочно, что я не смогу предсказать, куда они повернут в следующий раз.

— Оставь это мне, — выруливаю, сворачиваю на дорогу и снижаю скорость до тридцати миль в час. Это длинная полоса отдельно стоящих домов, разбитая переулками и тупиками.

Как бы я ни пытался успокоить свой разум, я не могу остановить бурление в животе от беспокойства. Это не то же самое, что беспокоиться о матери.

Криус не причинил бы ей вреда сейчас, когда ему нужен внебрачный сын, чтобы спасти законного. Но у него нет ни единой причины беречь Феникс.

Тревога вспыхивает внутри. Это хуже всего, что я испытал в детстве. Тогда я был слеп к порокам преступного мира. Теперь все, что я видел раньше, словно кислотой в желудке просачивается в вены.

Когда я проезжаю переулок слева, то мельком вижу белый фургон.

Он такого же размера, как тот, который я видел припаркованным позади дома в день, когда Криус послал команду уборщиков. Делаю разворот и слеую за ним.

Это обязаны быть они.

Я не слышу ни звука двигателя своей машины, ни дыхания Квинн на другом конце линии. Все меркнет под учащенным биением сердца.

Дьявол.

Я убил более дюжины мужчин и покалечил собственного отца, но впервые я сделаю это перед той, кого я...

В горле першит.

Моя привязанность к Феникс Шталь может превзойти все, что я испытывал к матери, и

это ужасно. Это означает, что Криус может использовать еще одного человека в качестве пешки.

Отбросив эту мысль, я доезжаю до конца дороги и ловлю задние фонари поворачивающего направо фургона.

Следую за ним, сохраняя скорость сорок миль, пока фургон не въезжает в тупик. Когда он делает резкий разворот, я останавливаю машину посреди дороги.

Водитель подает сигнал. Я тянусь к поясу и достаю пистолет. В нем семнадцать патронов — достаточно, чтобы справиться с водителем, его напарником и любым другим человеком, стоящим на пути к Феникс.

Открываю дверь и выхожу.

Мужчина на переднем пассажирском сиденье открывает дверь и поднимает пистолет.

Я поднимаю свой, нажимаю на курок и напрягаюсь из-за не очень тихого глушителя. Прозвучало, как выхлоп. Не раздумывая, я бью водителя, когда он пытается нырнуть под приборную панель.

Опустив голову, проверяю, мертв ли он. Его невидящие глаза говорят мне все, что нужно знать, и я вытаскиваю ключи из замка и иду к задней части.

Пальцы дрожат, когда я отпираю дверцы фургона. Похитители, вероятно, оставили их обоих без сознания для облегчения перевозки. Я бы поступил так же на их месте.

Мысли о Феникс, лежащей холодной и уязвимой, отданной на милость зверей, потрошат мое сердце.

Открываю дверь, и она летит на меня, орет как банши, раскинув руки. Я хватаю ее за запястья, но она настолько поглощена своей яростью, что продолжает брыкаться и биться в моей хватке.

— Мисс Шталь, — рявкаю я голосом, который, уверен, рассеет ее туман.

Феникс тает на моем теле, ее глаза фокусируются.

— Профессор?

Я ставлю ее на ноги.

— С тобой все в порядке?

— Профессор Сегал? — звучит мужской голос, который я надеялся не услышать.

Блять.

Вир Бестлэссон прислоняется всем телом к двери фургона и выпрямляется, чтобы встать.

— Что вы здесь делаете?

— Я мог бы спросить о том же, — говорит холодный голос сзади.

Отходя от дверцы машины, я задвигаю Феникс за спину и встречаюсь с холодными глазами Одина Бестлэссона.

МАРИУС

Блять.

Ебаный.

Пиздец.

Как, черт возьми, Один так быстро все узнал?

Феникс дрожит у меня за спиной, вероятно, задаваясь вопросом, что, черт возьми, происходит, в то время как я смотрю на самого безжалостного криминального авторитета страны.

Мои внутренности вспыхивают грозой неуверенности. Паранойя всегда спасала меня от неприятностей. Так какого хрена я проехал по окраинам Марины и не заметил Одина?

Я поднимаю пистолет, ствол нацелен ему в горло. Не между глаз, потому что мне нужно отвлечься. Если выстрел, который я сделаю, будет «полулетальным», по крайней мере один из людей Одина не убьет меня и бросится на помощь своему лидеру.

— Дядя? — говорит мальчик Бестлэссон из фургона.

Один даже не дергается, но с другой стороны машины появляется пара мужчин в черном, каждый с оружием в руках.

Когда грохот другой машины заполняет другую сторону тупиковой дороги, мой разум делает быстрые расчеты относительно шансов выбраться из этой засады живым.

Вывод: выхода нет.

— Заберите моего племянника и его невесту, — говорит Один, все еще не сводя с меня взгляда.

Его самонадеянность действует мне на нервы, и когда у Феникс перехватывает дыхание, я не могу понять, то ли это потому, что она выяснила личность человека, стоящего перед нами, то ли потому, что Один объявил ее невестой Вира Бестлэссона.

Один из мужчин вытаскивает мальчика из фургона, в то время как другой направляет пистолет мне в голову, похоже, ставя спасение своего босса выше приказа захватить Феникс.

Один сцепляет пальцы.

— Пожалуйста, опустите пистолет, мистер Ванир.

— Что? — шепчет Феникс.

Значит, она слышала о Криусе?

Конечно, слышала. Отец запугивал ее Криусом, чтобы держать в узде.

— Ты стоишь перед сыном печально известного сутенера Криуса Ванира. Если бы я не остановил его, не сомневаюсь, что такая молодая женщина, стала бы деликатесом на одном из его многочисленных рынков плоти.

Ее резкий вздох наполняет меня волной разочарования.

Стиснув зубы, я процедил:

— Моя фамилия — Сегал.

— Я почти сразу узнал тебя, — говорит Один, невзирая на мои слова. — Глаза. Всегда эти глаза.

Желчь подступает к задней стенке горла. Мятежная часть моей души, которую не волнует надвигающаяся перестрелка, хочет настаивать на том, что я совсем не похож на своего отца.

Один расслабляет пальцы, оставляя сцепленными только указательные, и кладет их на подбородок. За все время, когда я направлял пистолет в головы людей, только однажды я видел, чтобы потенциальная жертва действовала с такой самоуверенностью.

Неудивительно, что Один и Криус такие близкие друзья, хотя я сомневаюсь, что Один все еще считает его другом.

— В конце июля прошлого года мы с Шанго предотвратили уничтожение мафией семьи Ванир, отправив их старшего сына в тюрьму Сикрофт. Ты его брат.

Мой палец зависает над спусковым крючком.

— Вы не правы.

— Я знаю Криуса Ванира так же хорошо, как знаю свой искусственный глаз. Каждый из его незаконнорожденных сыновей умен, высокообразован и психологически отчужден. Ты подходишь под описание.

Осознание того, что есть другие женщины, которых он заключил в тюрьму и оплодотворил, как мать, ударяет меня под дых.

Вздрагивая, я корректирую прицел.

— Опустите пистолет, Ванир, — говорит Один.

— Скажите своим людям, чтобы они убрали свои машины с дороги, и я подумаю о том, чтобы оставить вас в живых.

Его взгляд обостряется.

— Как насчет того, чтобы дать вам повод для сомнений и предположить, что Криус нашел способ заставить вас выполнять грязную работу?

— Откуда вы знаете?

— Он взращивает сыновей, как некоторые копят оружие. Никакая работа не может быть слишком опасной или слишком сложной, когда на карту поставлена жизнь матери, — его взгляд скользит по девушке, стоящей у меня за плечом. — Мой вопрос в том, почему ты перехватил моего сына до того, как он добрался до Криуса.

Адреналин течет по моим венам. 1:1, что я мог бы пристрелить Одина. Второй мужчина вернулся и тоже целится мне в голову из пистолета. У меня все еще может быть шанс выбраться отсюда живым, если я рассчитаю выстрелы, но я не могу рисковать причинить Феникс боль.

Его взгляд переключается на нее.

— Дочь Гордона Гофаннона, я полагаю?

— Да? — хрипит она.

— Подойди ко мне.

Феникс остается неподвижной.

Его губы сжимаются.

— Ты должна понимать, что этот человек спланировал похищение тебя и моего племянника с единственной целью.

Один разжимает руки и кладет их за спину, излучая самоуверенность божества.

— О чем вы говорите? — бормочет она.

— Твой отец внезапно исчез, да?

Феникс не отвечает.

— Гордон Гофаннон — новый начальник тюрьмы «Сикрофт». Я полагаю, что профессор организовал ваше похищение, чтобы заставить его прислать координаты заключенного брата.

У нее перехватывает дыхание, тонкий звук пронзает меня, как колючая проволока.

Глаза Одина блестят от удовольствия.

— Итак, мисс Гофаннон...

— Шталь.

— Шталь, — говорит он, его голос режет, как лезвие бритвы. — Обойди своего профессора и присоединись к моему племяннику на заднем сиденье машины.

— Что вы с ним сделаете? — спрашивает она.

— Поскольку кажется, что ты и Вир не пострадали, мы с профессором просто поболтаем. Клянусь честью, что пока ты будешь сидеть в машине с Виrom, тебе не будет причинен вред.

— Иди с ним, — говорю я.

Не говоря больше ни слова, Феникс широко меня обходит. Я не могу позволить себе сосредоточиться на ней, но поражение в ее движениях говорит мне, что она думает о худшем.

Как только она исчезает за фургоном, маска нейтралитета на лице Одина превращается в маску злобы. Он молчит, и только когда дверь машины открывается и закрывается, он говорит.

— Подождите пять минут после того, как мы уйдем, прежде чем убить его.

— Да, сэр, — хором говорят они.

Пока еще двое лакеев тащат людей, которых я подстрелил, в заднюю часть фургона, варианты событий пронесаются перед моими глазами, как перетасовка карт.

Я могу застрелить Одина сейчас и умереть от рук этих двух мужчин и тех, кто еще стоит за фургоном. Я так же мог бы подождать, пока Один уйдет, прежде чем убить эту парочку, но провести остаток своей жизни, преследуемый семьей Бестлэссонов.

Оба варианта приведут к тому, что Криус выместит свою ярость на матери.

Один выпускает руки из-за спины и поворачивается, чтобы уйти.

— Подождите, — говорю я.

Он поднимает брови.

— Все, что вы сказали, было правдой, — лгу я, потому что, если сказать правду — что Феникс никогда не была моей целью, — ее могут обвинить в сообщничестве.

— Продолжай.

— Моя мать у Криуса. Он попросил меня устроить все это в обмен на ее свободу, — эта часть — чистая правда, а остальное — вымысел. — Мой план состоял в том, чтобы перехватить похищение, освободить заложников и заставить его людей отвести меня туда, где прячется Криус.

— Ты просчитался, — говорит Один. — Криус держался подальше от заложников, чтобы обеспечить себе алиби.

Раздражение подступает, но я подавляю это ощущение. Он действительно думает, что я этого не знаю?

— Ваше прибытие в университет расстроило мои планы, и я просчитался, думая, что Криус подождет до окончания концерта, прежде чем попытается забрать вашего племянника.

Мускул на челюсти Одина дергается. Судя по всему, что я слышал и об этом человеке, он придает большое значение семье.

— Если бы он не забрал мою мать, никакая сила во вселенной не убедила бы меня пойти за Бестлэссонами. Но я бы сделал все, чтобы защитить ее.

— Включая убийство отца?

Мой позвоночник выпрямляется. Должно быть, Один заблуждается, если думает, что я питаю к Криусу хоть каплю верности или уважения. Я бы плюнул ему в лицо, но не хочу умирать, когда так много осталось нерешенным. Вместо этого я формулирую свои намерения таким образом, чтобы умиловить ханжеского лицемера.

— Мужчина, который предаст свою жену и законных детей с несколькими женщинами, — не отец, — говорю я, чеканя каждое слово. — Если вы отпустите меня, я найду Криуса Ванира и подарю вам его голову.

Один переводит взгляд на двух мужчин.

— Если он попытается сделать что-нибудь глупое, пустите ему пулю в череп.

— Да, сэр, — говорит тот, что повыше.

Он поворачивается ко мне.

— Не думай убивать моих людей, чтобы сбежать, если не хочешь провести остаток жизни в бегах.

Я ощетинился.

— Понял.

Один поворачивается на пятках и обходит фургон. Подходят еще двое мужчин в черном, оставляя меня в меньшинстве. Я сталкивался и с худшим. По крайней мере, на этот раз у всех

нас есть общая цель: убить Криуса Ванира.

Я резко поворачиваю голову в сторону фургона.

— Пара, которую я убил, следовала своеобразным маршрутом, но я полагаю, что местоположение убежища запрограммировано в их навигационной системе.

— Уже на шаг впереди, — говорит один из мужчин, который выглядит более молодой, светловолосой и мускулистой версией Одина.

Я могу только догадываться, что это его старший сын — Тор.

Человек, который я предполагаю, Тор, указывает на заднюю часть фургона пистолетом.

— Брось оружие и садись.

— Я поеду с тобой, но оставлю пистолет.

Тор скрипит зубами, мышцы его челюсти напрягаются в том же выражении, что и у Одина раньше. Удивительно, что ни один из них еще не стрелял в меня, но никто не поднимался на такие высокие посты будучи вспыльчивым.

После того, как двое мужчин затаскивают тела в кузов фургона, они идут к домам. Предполагаю, они намерены угрожать жителям, что если те пожалуются полиции, то их убьют.

Другие парни садятся в фургон, а мы с Тором идем к моей машине. Он садится на водительское сиденье, отчего у меня раздуваются ноздри.

— Мари? — спрашивает Квинн.

— Наверное, сейчас самое время избавиться от этого телефона, — говорю я.

Ее вызов прекращается.

Хорошая девочка.

— Любимая? — спрашивает Тор.

— Та, кто ничего не знает об этом мире.

Он фыркает, но мне все равно, верит он или нет. К тому времени, когда кто-нибудь сообразит отследить этот номер, Квинн освободит квартиру, которую она арендовала для выполнения миссии, и переедет в резервную.

Чтобы выстроить машины в линию, требуется несколько минут, но после некоторого маневрирования Тор следует за фургоном по менее окольному маршруту.

— Ты не похож на Виктора Ванира, — говорит он.

— Спасибо.

— Это был не комплимент, — бормочет Тор, когда мы сворачиваем на проезжую часть с двусторонним движением.

Пока мужчины едут по шоссе, я краем глаза изучаю Тора. Он больше похож на спортивную версию своего кузена, когда не наводит пистолет.

Один спокойно спит по ночам, увлекая своих сыновей в мир хаоса и смерти.

В этом отношении Один не лучше Криуса. Он мог быть даже хуже, потому что, по крайней мере, Криус позволил своему законному сыну нормальную жизнь.

— Как выдающийся хирург мог оказаться в тюрьме преступного мира? — спрашиваю я.

Тор проводит пальцами по своим светлым волосам.

— Ты знаешь Виктора?

— Нет.

— Кто-то из организации Криуса связался не с той девушкой. Ее отец был связан с ирландской мафией, и они были недовольны.

— Понимаю.

— Отец девочки хотел нанести ответный удар Криусу, убив его сына, и приказал кому-то перерезать тормоза в его машине. К несчастью для него, Виктор выжил.

— Именно тогда Виктор решил преподать им урок?

— Виктор потерял важного человека в той автокатастрофе. После аварии отец девушки подослал за ним киллера, который потерпел неудачу. Он прожил достаточно долго, чтобы раскрыть имя своего клиента. Виктор выследил человека, который влез в его машину, перерезал ему горло скальпелем и смотрел, как тот истекает кровью.

— Понятно, но это все равно не объясняет, почему ему пришлось отправиться в «Сикрофт».

Выражение лица Тора тускнеет.

— Эта тюрьма — наш способ остановить массовое уничтожение семей. Поскольку четыре лидера выступают посредниками в крупномасштабных спорах, вопросы решаются без большого кровопролития. Любой, кто соблазнится нарушить перемирие ради убийства, будет уничтожен, чтобы сохранить мир.

— Применяется ли это правосудие, если человек, вызвавший спор, является членом семьи Бестлэссон?

Его резкий взгляд на ветровое стекло говорит мне, что Один посадил в «Сикрофт» кого-то из своих. Возможно, брата или еще одного кузена.

Мои мысли возвращаются к Феникс и тому, как она себя чувствует рядом с Одним. Я знал, что Вир Бестлэссон интересуется ею, но она ни разу не сказала, что они больше, чем друзья.

Кислота бурлит у меня в животе при мысли о том, что этот мальчик может прикоснуться к тому, что принадлежит мне. Я резко выдыхаю через ноздри. Он не женится на Феникс. Даже если мне придется убить всех с фамилией Бестлэссон.

Фургон останавливается на узкой дороге, состоящей из отдельно стоящих каменных коттеджей, каждый из которых стоит в двадцати футах друг от друга и окружен живой изгородью.

Тем лучше, приглушит звуки крика.

Я поднимаю пистолет и тянусь к дверной ручке.

— Пойдем.

Тор хватается меня за плечо, в его руке пистолет.

— Подожди.

Водитель и его спутник выходят из фургона и идут по дорожке, ведущей к входной двери коттеджа. Пока мы ждем, пульс учащается, а мышцы напрягаются в предвкушении.

Спустя несколько мгновений один из них выходит из-за живой изгороди и манит нас войти.

Тор глушит двигатель, и мы оба выходим.

В коттедже удивительно уютный интерьер с гостиной с каменными стенами, кремовыми диванами и потрескивающим в очаге огнем. Мужчины ходят вокруг диванов и смотрят на что-то на полу вне поля моего зрения.

— Ты знаешь ее?

Кулак тревоги ударяет меня в солнечное сплетение, и я шагаю вперед.

— Кого?

Обойдя диван, я нахожу мать лежащей на пропитанном кровью ковре. Из раны в горле, которая на первый взгляд кажется бархатной лентой, вытекает красная жидкость.

Вся краска вымылась с ее лица, и она смотрит на меня затуманенными глазами. Криус или один из его людей уложил ее на этот ковер, чтобы я нашел ее. Это месть за провал или саботаж миссии.

Каждая молекула кислорода покидает мои легкие.

Края зрения становятся белыми.

Требуется каждая унция самоконтроля, чтобы не взорваться от смеси гнева и горя. Мне нужно держаться ради матери.

— Вызовите скорую, — рычу я.

— Мы уже это сделали, — отвечает один из мужчин в дверях.

Я падаю на колени рядом с ней и съеживаюсь, когда абсорбирующие гранулы хрустят под моими костями. Они сделали это намеренно, чтобы повторить то, что я сделал с человеком, который прервал нас с Феникс в игровой комнате.

Мое горло сжимается, когда я приподнимаю верхнюю часть тела матери, чтобы замедлить приток крови.

— Что случилось?

Один из мужчин возвращается со связкой полотенец. Я беру одно и накладываю его на рану. Свет льется на ее слишком бледную кожу, которая контрастирует с ее темными волосами и глазами.

— Он сказал, что я его подвела, — говорит она, тяжело дыша.

— Как? — это слово раздражает мои голосовые связки.

У нее не получится выжить. Не после такой потери крови. Из-за того, что полотенце намочено, единственный способ спасти ее — немедленное переливание крови.

— Это я предложила, чтобы ты проникнул в университет.

У меня перехватывает дыхание.

— Это невозможно.

— Мы с Криусом были вместе все это время, — говорит она с хрипом. — Когда я услышала о том, что случилось с бедным Виктором, я поняла, что должна вовлечь тебя.

— Подождите, — говорит Тор. — Вы не заложница?

Глаза матери метнулись к мужчинам, стоящим в дверях.

— Притворяться, что меня забрал Криус, было единственным способом заставить Мариуса согласиться помочь.

ФЕНИКС

Я отхожу от профессора Сегала, в голове гудит. Слишком много всего происходит одновременно. Взгляд Одина не отрывается от взгляда профессора, как и взгляды мужчин, направляющих оружие ему в голову.

Черт, черт, черт.

Такими темпами его убьют.

Когда я подхожу к белому фургону, напряжение скатывается с плеч, сменяясь массой сбивающих с ног эмоций. Облегчение от того, что я больше не пленница, замешательство, потому что все это не имеет смысла, и тошнота.

Густое, кружащееся чувство тошнотворного страха, что я услышу звук выстрела, и это будет знаком смерти профессора.

И предательство под всем этим. Один говорит, что Вир был не единственной целью сегодняшнего похищения. Профессор Сегал также сказал, что папа стал новым начальником тюрьмы «Сикрофт», значит, что я также была полезной заложницей.

Обходя фургон, я нахожу Виру, стоящего рядом с черной машиной, все еще трясущегося.

— Феникс?

Он бросается ко мне, обхватывает длинными руками мои плечи и прижимает к своей худой груди.

Я слабо похлопываю его по спине.

— С тобой все в порядке?

Он отстраняется, его глаза дикие.

— Почему ты была так спокойна?

Съёжившись от его прикосновения, я вытесняю из себя все воспоминания о том, как мне приходилось сохранять спокойствие во время самых ужасных папиных тирад. Я не могла говорить, не могла плакать, не могла отвечать, если только не хотела, чтобы слова переросли в ссору.

Моя рука поднимается, чтобы потереть затылок, и я оглядываюсь через плечо.

— Инстинкт выживания, наверное.

Все, что я вижу вокруг себя, это передняя часть белого фургона. Я не обращаю внимания на торчащую из-под него ногу, чтобы сосредоточиться на двух мужчинах, стоящих по обеим сторонам машин, и оба направляют свои пистолеты на профессора Сегала.

Он действительно все это подстроил, как сказал Один? Ничто в его действиях не говорило о том, что он это сделал. Если он организовал наше похищение, то почему сейчас? Ведь он мог забрать меня в любой из моих визитов к нему домой.

Он мог похитить меня, когда обманом пробрался в мою квартиру и заставил встать на колени.

— Невероятно, — голос Вира вырывает меня из мыслей.

Я поворачиваюсь к нему и хмурюсь.

— Хм?

— Я заподозрил что-то, как только он вошел в лекционный зал.

— Потому что он швырнул стул тебе в голову, когда ты играл на гитаре?

Вир замолкает.

Одна из дверей машины открывается позади нас, и мужчина прочищает горло.

— Мистер Бестлэссон? — я поворачиваюсь, встречаясь взглядом с водителем, который говорит: — Босс хочет, чтобы вы сели в машину.

Вир не обращает внимания на водителя, но адреналин, ранее поддерживавший меня, теперь падает, и я шатаюсь. То, что от меня осталось, наполнено такой тревогой, что мне хочется согнуться пополам и проблеваться.

Что с профессором Сегалом? Я хочу сказать что-то в его защиту, но это бессмысленно.

Мои колени подгибаются. Если я не сяду, то упаду.

Я дергаю Вира за руку.

— Ну давай же.

Водитель открывает заднюю дверь автомобиля. Я залезаю внутрь и сажусь на черное кожаное сиденье, мое зрение темнеет.

— Эй, Феникс, — Вир кладет руку мне на плечо. — С тобой все в порядке?

Его прикосновение слишком тяжелое, слишком горячее, слишком раздражающее. Пульс в голове учащается, каждый удар бьет по нервам, словно молоток. Я отмахиваюсь от него и качаю головой.

— Просто... просто дай мне минутку, ладно?

Он опускает окно, и я хватаю его за руку.

— Пожалуйста, не надо, — шепчу я. — Я больше не вынесу выстрелов.

Он закрывает его.

— Если его убьют, то он сам виноват.

— Что?

— Ты слышала моего дядю? — Вир прислоняется к спинке сиденья и раздвигает конечности. — Профессор все это время был похитителем. Он просто хочет спасти своего брата из тюрьмы, и ему все равно, кто еще пострадает.

— Почему ты уверен, что это правда?

— Я остался, чтобы послушать остальную часть их разговора, — отвечает он.

Этого не может быть. Я склоняю голову и смотрю на свои колени.

— Выглядело так, будто профессор Сегал спасал нас.

Даже когда я произношу слова, они звучат странно.

— Откуда ему знать, где именно перехватить фургон? — спрашивает Вир.

— Если бы он был поблизости и преследовал нас...

— Он должен быть на воскресном обеде с моим дядей, — Вир качает головой. — Почему ты пытаешься оправдать его, если он всегда был ублюдком? Он опозорил тебя перед всем классом.

Я скриплю зубами.

— Есть разница между простым комментарием и организацией нападения и похищения.

— Почему ты вообще его защищаешь?

— Я не защищаю, — отрезаю я. — Но в этой ситуации есть нечто большее, чем то, что говорит твой дядя.

— Тогда продолжай, — он скрещивает руки на груди.

Стук в голове усиливается, кажется, что череп вот-вот взорвется.

— Мне нужно пространство и тишина.

Он делает долгий выдох.

— Прости, Феникс, — он тянется через заднее сиденье и берет меня за руку. — Тебе тоже было тяжело.

— Ага, — убираю руку и запускаю пальцы в волосы.

Возможно, Вир смотрит на эту ситуацию сквозь призму своего негодования, но я не могу поверить, что профессор Сегал мог сделать что-то из того, о чем они говорят.

Горло пересохло, и я кладу руку на основание шеи. Почему он не отрицал этого, когда Один обвинил его в том, что он сын Криуса Ванира? Он только сказал, что человек в тюрьме не его брат.

Я прикусываю нижнюю губу. Профессор Сегал ведь не мог быть связан с этим монстром?

Воспоминания просачиваются сквозь сознание. Воспоминания о напряженных словах, которыми он поделился о своих родителях. Его отец был злейшим ублюдком, а мать — жертвой? Похоже, кто-то преуменьшает злобность Криуса Ванира.

Дверь открывается, и сердце подпрыгивает к горлу. Один залезает и садится на сиденье напротив.

Я не знаю, как описать его присутствие — удушающее, всепоглощающее или магнетическое, но оно засасывает весь воздух в машине, отчего я дышу с трудом.

Он пристально смотрит мне в глаза, и я задаюсь вопросом, не вхожу ли я в список подозреваемых в организации похищения Вира.

— Что вы сделали с профессором Сегалом? — выпаливаю я.

Его взгляд становится жестче, и мои внутренности превращаются в камень.

У Одина самое неприятное лицо в мире. Оно достаточно красиво для мужчины его возраста, но от него постоянно исходит неприятная энергетика. Глубоко посаженные глаза, длинный, тонкий, морщинистый нос, жестокие, опущенные вниз губы и острые скулы.

Если бы это была видеоигра, он был бы главным боссом.

Что в значительной степени подытоживает его положение в британском преступном мире.

— Хедвига Гофаннон, — говорит он с легким акцентом. — У вас с моим племянником был добрачный секс.

Я поворачиваюсь к Виру, открываю рот, но он энергично качает головой.

— Значит, слухи верны, — говорит он.

— Это не так, — выпаливаю я. — Кто вам сказал...

— Тихо.

Моя челюсть щелкает.

— Вир, после выпуска ты женишься на мисс Гофаннон.

— Что?

На этот раз, когда Один смотрит на меня, желудок непроизвольно скручивается.

Нет преступника более могущественного, чем человек, сидящий здесь с нами, но папа всю жизнь меня к этому подталкивал. Я сыта по горло его женоненавистническими разглагольствованиями и не собираюсь взваливать на свои плечи еще более жуткого тирана.

— Если у тебя есть какие-то возражения против брака, ты должна была подумать о них, прежде чем соблазнять моего племянника. Мы примем соответствующие меры с Декланом Дагдой и Гордоном Гофанноном.

Пока машина едет по дороге, я качаю головой из стороны в сторону. Моя тревога за судьбу профессора Сегала смешивается с собственной надвигающейся гибелью. Я не хочу, чтобы Один был моим родственником и, что более важно, я не хочу, чтобы Вир был моим мужем.

Я поворачиваюсь к Виру, который смотрит в окно так, словно не может вынести присутствие своего дяди.

— Скажи что-нибудь, — шиплю я.

Он опускает голову.

— Лучше не спорить.

— Правильно, — говорит Один.

— Что ж, я отказываюсь. — поворачиваюсь к старшему и хмурюсь.

— У тебя нет выбора.

Одину не нужно повышать голос, как папе. Он полная противоположность. Папа — провод под напряжением, плюющийся искрами, Один — вода. Глубокий, опасный поток, настолько чистый, что можно увидеть русло, но как только войдешь внутрь, поток унесет вашу жизнь.

Это не тот человек, которому стоит перечить, но я надеюсь, что он достаточно уравновешен, чтобы понять причину.

— Вир, — я бью его ногой. — Что случилось с парнем, который хотел стать музыкантом? Ты понимаешь, что говорит твой дядя?

Он склоняет голову, скрываясь под щитом светлых волос.

— Вир, — шепчу я.

— Мой племянник размышляет о том, как его глупое поведение могло привести к вашей гибели сегодня, — говорит Один. — Теперь он понимает важность послушания.

Еще одно различие между Одним и папой заключается в том, что Один хоть и по своему извращенно, но заботится о племяннике. А это значит, что он, вероятно, не вытащит пистолет, если Вир неожиданно покажет яйца.

— А как насчет твоей карьеры в музыке? — говорю я Виру.

Его плечи поднимаются к ушам.

Мой взгляд устремляется к Одину, который откидывается на спинку сиденья, как злобный бог, готовый нанести удар.

К черту Бестлэссонов.

Если они не будут слушать мои отказы, то я сбегу.

Тишина, заполняющая заднюю часть фургона, настолько тяжела, что давит на плечи и на шею. Тяжесть в груди заставляет откинуться на спинку кресла. Проходит несколько минут, может быть, даже час.

Мои мысли переносятся к профессору Сегалу. Единственный способ, которым он мог выследить нас во всех этих извилистых поворотах, это если он был на связи с водителем. Но почему он вдруг решил изменить план?

Звонит телефон. Один лезет в нагрудный карман и достает устройство.

— Тор, — говорит он.

— Мы на месте встречи похитителей и нашли мать профессора, — его голос звучит жестко, но все же слышно.

Я наклоняюсь вперед, мои глаза расширяются, но взгляд Одина останавливается на мне, заставляя съежиться.

— И я полагаю, Криуса не видно? — говорит Один.

— Он перерезал женщине горло, — отвечает Тор. — Она истекает кровью на ковре.

У меня отвисает челюсть, но Один даже не моргает.

— Может ли она раскрыть его текущее местонахождение?

— Вот в чем дело, — голос Тора становится тихим. — Мать была в сговоре с самого начала. Судя по тому, что она говорит, это была ее идея заставить профессора взять заложников.

Весь воздух покидает мои легкие, и меня качает на сиденье. Я ожидаю, что черты Одина затвердеют, но они даже не меняются. Мой взгляд устремляется к Виру, который закрывает уши руками.

— Сделай так, чтобы она не пережила эту ночь, но будь осторожен, — говорит Один.

Тор колеблется мгновение.

— А профессор?

— Он находчив и умен. Если он от всего сердца не согласится убить своего отца, то пустите ему пулю в голову.

Вспышка тревоги пронзает изнутри. Мой разум пустеет, пока я жду ответа Тора.

— Конечно, отец, но мне кажется, что он хочет смерти Криуса больше, чем мы.

Звонок обрывается, и я смотрю прямо перед собой, в голове все кружится.

— Значит, он все это спланировал, — говорит Вир тоном, который подразумевает, что он разговаривает со мной, а не со своим дядей.

Один кладет телефон обратно во внутренний карман.

— Кажется, да, но ваш профессор не смог бы устроить такой подвиг, если бы вы слушались отца и дядю.

В любое другое время я бы закатила глаза и рассмеялась над мелочностью Одина. Профессор Сегал только что понял, что его мать манипулировала им, чтобы тот бросил вызов Одину, и теперь женщина, ради спасения которой он рисковал всем, умирает на ковре.

Профессор ничего не мог сделать и выполнял миссию по ее спасению. Но прервал ее.

Я склоняю голову, хватаюсь за виски и возвращаюсь мыслями к нашему последнему разговору.

Вы более не представляете для меня интереса.

Это неправда. Не после огромных усилий, которые он приложил, давая понять, что не считает меня шлюхой.

Я хочу, чтобы ты держалась подальше от этого идиота-блондина с гитарой.

Я сказал тебе держаться подальше от этого мальчика.

Держись подальше от Вира Бестлэссона.

Ты будешь держаться подальше от Вира Бестлэссона?

Он не ревновал к Виру. Он все это время планировал похищение Вира.

Не мое.

Сколько раз он говорил мне держаться подальше от Вира? Все улики указывают на это. Он никогда не предостерегал меня от разговоров с Акселем или любым другим мужчиной. Я просто поверила, что он собственник и контролирующий придурок.

Профессор Сегал организовал похищение Вира и хотел, чтобы я держалась от него подальше, чтобы меня не схватили. Потому что он знал, что я попаду в руки Криуса Ванира, который либо воспользуется моей связью с папой, чтобы попасть в тюрьму, либо использует меня для чего-то похуже.

Моя грудь сжимается.

Он прервал похищение из-за меня.

И теперь Один нацелен на него из-за меня.

Теперь он вот-вот потеряет мать *из-за меня*.

Мне нужно найти профессора. Сейчас же.

ФЕНИКС

Один отказывается выпускать меня, но, когда машина останавливается у ворот службы безопасности университета, дверь распаивается. Младшая, более человечная версия Одина вытаскивает Вира из кресла и заключает в медвежьи объятия.

Наверное, это его отец.

Полуденное солнце освещает их головы, окрашивая концы прядей Вира в цвет золота. Что-то внутри меня рушится.

Я впервые вижу человека в нашем мире, проявляющего столько любви к своему ребенку. Может быть, Вира ценят, потому что он сын, и при этом законный, но меня все равно раздражает, что папа относился ко мне как к эмоциональной боксерской груше.

Он обхватывает лицо Вира обеими руками.

— Я задушу тебя за это.

— Папа, — скулит Вир, его щеки краснеют.

— Не балуй мальчика. Скоро он будет женатым человеком, — Один жестом показывает мне выйти из машины.

Ему не нужно просить дважды.

Уил Бестлэссон отпускает сына и скользит взглядом вверх и вниз по моему телу.

— Добро пожаловать в семью, Хедвига.

У меня по коже пробегают мурашки, и я внезапно осознаю, что моя юбка слишком короткая, майка слишком прозрачная, еще и без колготок.

Вид не такой уж развратный, но по тому, как он поздравляет сына, видно, что он не полностью разделяет религиозные убеждения Одина.

— Феникс, — отступаю назад, натываясь на Одина, который нежно кладет руку мне на плечо.

— До церемонии вы с мои племянником воздержитесь от добрачного секса.

— Но я не выйду за него.

— Не трать время зря на споры, — с ухмылкой говорит отец Вира.

Я зажимаю рот. Он прав. Между сегодняшним днем и концом учебного года достаточно времени, чтобы выскользнуть из этой договоренности.

Отец Вира обнимает сына за плечи и идет вперед, оставляя меня позади с Одином. Я оглядываюсь назад, на процессию людей, на стражников у ворот.

Без телефона или удостоверения личности я не могу покинуть кампус и не могу найти или даже связаться с профессором Сегалом.

— Почему ты не хочешь выйти за моего племянника? — спрашивает Один.

— Он едва ли друг для меня, — бормочу я. — А я была так пьяна в ту ночь, что ничего толком не произошло.

Его взгляд замораживает часть моего лица, сводя на нет солнечное тепло на коже. Похоже, он хочет, чтобы я уточнила.

— Можно подумать, что у такого важного человека, как вы, забот мало.

В тот момент, когда эти слова срываются с моих губ, я вздрагиваю.

К этому времени папа схватил бы меня за горло и прорычал что-нибудь угрожающее, но Один настолько хладнокровен, что его взгляд даже не дрогнул. Тишина между нами растягивается, и боль в груди усиливается вместе с волнением в животе.

Я должна выбраться отсюда и найти профессора Сегала.

— Ты, кажется, необычайно привязана к своему похитителю.

Мои губы сжимаются. Как, черт возьми, он прочитал мои мысли?

— Финансы и бухгалтерский учет — мой любимый предмет.

— Тогда ты идеально впишешься в нашу организацию, потому что ни один из моих братьев не умеет считать, — говорит он.

Черт.

Я не собиралась продавать себя как бухгалтера уголовного бизнеса, а также как невесту. У меня на кончике языка вертится сказать Одину, что у меня было много дикого, извращенного секса с другим мужчиной, но он может потребовать имя.

Профессор Сегал накопил достаточно обид на семью Бестлэссон. Я не хочу давать Одину повод убить его.

Прогулка по кампусу необычайно тихая: студенты сворачивают с дороги, чтобы избежать Одина и его брата.

По моим подсчетам, четверть здешних людей связана с организацией Бестлэссона.

— Есть новости от отца? — спрашивает Один.

— Нет, с тех пор как он исчез, даже записки не оставив, — отвечаю я.

Он кивает.

— Я прослежу, чтобы вы с ним провели некоторое время вместе перед свадьбой.

Блять.

Когда Вир, наконец, обнимает отца за талию, я знаю, что он оставил все надежды стать музыкантом и, вероятно, даже согласится на этот фарс с женитьбой.

— Что, если Вир переспал с кем-то еще после меня или даже раньше? — выпаливаю я.

— По словам его друзей, ты была единственной.

Черт.

— Но если он...

— Свадьба состоится, — стальным голосом говорит Один. — А если камеры слежения поймают тебя и моего племянника за шалостями, я прикажу охранникам провести вас обоих к ближайшему священнику.

Один провожает меня до квартиры, потому что он из тех джентльменов, которые никогда не оставят девушку в затруднительном положении, но без колебаний заманят ее в ловушку нежелательного брака.

Стук в черепе возвращается. Я не могу позволить ему уйти, думая, что я соглашусь на эту свадьбу.

Я набираю код доступа в квартиру и жду жужжания механизма. Это так глупо, но если я не скажу ему что-нибудь совершенно отталкивающее, то либо окажусь в бегах, либо попаду в ловушку жизни еще хуже, чем та, что была у меня с папой.

— Мистер Бестлэссон?

— Один, — говорит он, кивая.

Я резко втягиваю воздух и говорю первое, что приходит на ум.

— Что, если я занималась сексом с другими?

— Что?

— Их было так много... — я прикусываю нижнюю губу. — Не то, чтобы я вела счет. Просто я была так занята десятками мужчин, что даже не заметила внимания милого парня за моей спиной.

Его глаза сузились.

— Ты врешь.

— Нет.

Мой голос дрожит.

Я такая дерьмовая лгунья. Если я не скажу ему правду или что-то близкое к ней, то никогда не избавлюсь от него.

Расширив глаза, я встречаюсь с его жестким взглядом.

— Хорошо, я преувеличила насчет десятков мужчин, но я опускалась на колени и сосала огромные члены, какой-то парень даже засовывал бутылку мне в пизду и пил из моего «священного Грааля». Меня шлепали, били и пороли. И от подобного унижения я кончаю, а что говорить об анале...

Пустое выражение лица Одина заставляет мой желудок сжаться.

Я жду несколько ударов сердца, пока он отреагирует, но он продолжает смотреть.

— Скажем так. Я люблю секс и многое другое. Не только ваниль. Секс должен быть грубым, грязным и извращенным. Сходите в «Красную комнату» на Хай-стрит. Парень, работающий за прилавком, знает меня по имени. Я искала работу, а он пытался найти мне клиентов, чтобы я могла проводить двойные сеансы с профессиональной доминатшей...

— Хватит, — говорит он.

Я зажимаю рот.

Один шагает ко мне, и каждый волосок на шее встает дыбом. Мое дыхание становится быстрым и неглубоким, взгляд скользит вниз по его рукам, и вверх по его суровым чертам.

— Вы исключены из Университета королевы Марии, — говорит он.

У меня отвисает челюсть, и вся кровь отливает от лица.

— Что? Почему?

— Непристойное поведение и развращение одного или нескольких невиновных молодых людей, — уголки его губ с отвращением опускаются. — Я высоко оцениваю вашу честность, мисс Шталь, поэтому даю вам время до следующих выходных, чтобы собрать вещи.

Я задерживаю дыхание, ожидая, когда он уйдет, но он остается на месте.

Может, это блеф, и он хочет, чтобы я выболтала правду?

— Хорошо, — говорю я. — Но мне потребуется возмещение платы за обучение и аренду.

Его плечи немного опускаются. Я могла бы представить, что он выглядит разочарованным. Возможно, ему действительно был нужен способный финансовый менеджер для его организации.

— Теперь я понимаю, почему ваш профессор саботировал похищение, — говорит он.

Мой желудок дрожит. Я сказала слишком много?

— Что вы имеете в виду?

Не говоря ни слова, он возвращается к лифту.

Я вхожу в свою квартиру и прижимаюсь ухом к двери. Как только его шаги исчезают в коридоре, я на цыпочках иду в соседнюю квартиру.

Шарлотта выпытывает из меня подробности. Кажется, она не слишком шокирована тем, что Один хотел, чтобы я вышла замуж за Вира. Может быть, это потому, что ее отец узнал, что она возится с мальчиками, связанными с Бестлэссонами, и сказал ей прекратить общаться с Акселем.

Я рассказываю ей все, что могу, не упоминая профессора Сегала. Простая мысль о нем вызывает комок в горле. Один и его люди могут знать секреты профессора, но есть один, который я могу сохранить.

Когда разговор иссякает, я поворачиваюсь и смотрю в ее печальные глаза.

— Могу я попросить тебя об услуге?

— Что угодно.

— Мне нужно одолжить твое удостоверение личности и телефон.

— Зачем?

— Есть дела в городе.

Брови Шарлотты нахмурились. Похоже, она ждет, что я ограблю Бестлэссонов и оставлю ее удостоверение личности в качестве визитной карточки.

— У меня и так достаточно проблем. Мне звонил папа и сказал, что из-за сегодняшних выходов могла начаться полномасштабная война.

— Я бы не спрашивала, если бы это не было важно.

Она поджимает губы.

— Слушай, я иду в ванную, чтобы сходить в туалет и помыть руки. Если ты возьмешь мою сумку, пока меня нет, и воспользуешься моими вещами, то это не моя вина.

Я обнимаю ее за шею.

— Спасибо.

— Только не позволяй себя обижать.

— Слишком поздно, — бормочу я ей в волосы.

Тридцать минут спустя мое такси подъезжает к Марина-Променад, где пожарные машины блокируют оба входа в Сидней-Кресент.

Над высокими белыми зданиями вздымаются клубы серого дыма. По их направлению я уже догадываюсь, что горящий дом принадлежит профессору Сегалу.

Мое сердце бьется так сильно, что эхом отзывается в салоне машины.

— Что происходит? — спрашиваю я.

Водитель барабанит пальцами по рулю.

— Радионовости сообщают, что пожар начался час назад, но распространился так быстро, что они уже подозревают поджог.

Я сглатываю.

— Кто-нибудь умер?

Он смотрит на меня через зеркало заднего вида.

— Один труп, который был изломан и сожжен до неузнаваемости. Они доставили его в городской морг.

Крик срывается с моих губ.

Что, если своеобразный вопрос Одина о профессоре Сегале был подтверждением его подозрений? Что, если он также сообразил, что профессор саботировал похищение, потому что хотел спасти меня?

Черт. Что, если вся эта чушь, которую я наговорила о минетах и десятках мужчин, разозлила его? Все, что потребуется, — это несколько минут на просмотр камер университета, чтобы увидеть кадры, на которых я выхожу из кабинета профессора, и найти петицию об увольнении профессора Сегала за комментарий о банане.

За то время, которое потребовалось, чтобы вернуться к лифту, Один мог позвонить Тору и передать приказ о казни.

— Вы остаетесь или уходите? — спрашивает водитель резким голосом.

— Извините, — открываю дверь и выхожу.

Воздух едкий, и никакой ветерок с моря не может рассеять зловоние гари.

Я обхватываю себя руками и заставляю ноги делать один шаг за другим, когда сворачиваю за угол и иду к Сидней-Кресент.

Толпы людей собираются в сквере в окружении пожарных и полицейских. Половину автомобилей на улице передвинули, чтобы освободить место для пожарных установок. Конечно же, когда я смотрю в сторону огня, горит дом профессора.

— Сюда нельзя, мисс, — на моем пути появляется крупный мужчина.

— Но я здесь живу, — говорю я.

Он протягивает руку к скверу.

— Если вы беспокоитесь о родственниках, то все жители собрались там.

Даже если мертвое тело не было профессором Сегалом, то, вероятно, кто-то пытался его убить, и он сбежал. Он слишком умен, чтобы стоять и ждать, пока поджигатель вызовет подкрепление.

Я брожу по площади, выискивая его следы, а потом решаю поехать на такси в кампус.

Когда я иду по переулку, чья-то огромная рука зажимает мой рот, а другая обхватывает, поднимая над землей.

ФЕНИКС

Я инстинктивно сопротивляюсь в объятиях похитителя, но ветер дует со стороны моря, унося зловоние гари. И за морским бризом чувствуется запах профессора.

Красное дерево, кожа, сандал. Надежда гудит в моей груди, как топот ног херувимов. Может это действительно он?

Я оборачиваюсь, чтобы мельком увидеть его лицо, но он движется слишком быстро по узкому переулку, идущему вдоль одной из вилл. Если бы его рука не зажала мне рот, я бы что-то сказала, но очевидно, он хочет, чтобы я молчала.

Подавив свои инстинкты драться или бежать, я успокаивающе вдыхаю и жду.

Нам лучше не идти к задней части фургона.

После того, как он заворачиваем за угол, мы оказываемся на мощеной дорожке, окаймленной высокими деревянными заборами. Это пространство между Сидней-Кресент и Аделаид-Гроув.

Наконец он ставит меня на ноги, но прижимает спиной к столбу забора.

Козырек на его бейсболке закрывает глаза, а бандана скрывает нижнюю половину лица, но я узнаю очертания тела профессора Сегала даже в серой толстовке с капюшоном и

спортивных штанах.

— Это ты, — тянусь к бандане, но он хватает меня за руку.

— Я же говорил тебе держаться подальше от Бестлэссона.

Мой взгляд опускается.

— Я не знала, что ты что-то запланировал.

— Посмотри на меня.

Я встречаюсь с его глазами, скрытыми тенью. Тем не менее, их золотые блики прожигают меня насквозь, как огненные кольца. В этих радужках запечатлена смесь эмоций. Горе, ярость, предательство. Мои внутренности переворачиваются при мысли, что все они предназначены мне.

— Профессор, я...

— Молчи, — шипит он.

Я сглатываю.

— Когда я отдаю приказ, ты ему следуешь. Понятно?

Моя немедленная реакция на этот тон голоса — кивок, хотя часть меня помнит, что это тот же человек, который сказал мне, что я больше ему не интересна.

Я отгоняю эту мысль. С тех пор произошло слишком много всего, значит, я что-то для него значу. Он ценит меня, раз прервал похищение ради моей безопасности.

— Понятно? — рычит он.

— Да, сэр, — шепчу я.

Ветер гуляет по переулку, принося с собой едкий запах гари. Я снова и снова моргаю, мои глаза щиплет от огня и от облегчения, что он жив.

Глаза профессора Сегала темнеют.

— Скажи, что произошло.

— Мы приехали на место заранее, и там был фургон...

— С самого начала, — голос у него хриплый. — Объясни, почему Один так полон решимости сделать тебя частью своей семьи.

Моя челюсть сжимается. Он тоже это слышал?

— Он просто хотел бесплатного бухгалтера, наверное. Но я наговорила много грязной чуши, чтобы он передумал.

— *Феникс.*

Не могу вспомнить, когда он в последний раз так ко мне обращался.

— Это была вводная неделя, — говорю я, прерываясь. — Семьи пришли, чтобы представиться и рассказать, чем они занимаются. После долгой презентации люди из организации «Шанго» принесли бочки с пальмовым вином и устроили вечеринку. Я околачивалась с единственной группой людей, которые не танцевали, и...

Я вздрагиваю, когда остальная часть истории срывается с моих губ. Трудно признаться, что напилась перебродившего древесного сока в первую неделю на свободе. Еще труднее признаться, что переспала с первым мальчиком, который проявил ко мне хоть каплю интереса. Но выкладываю все до капли, пока профессор Сегал смотрит на меня и эти темные глаза проникают в душу.

— Это ничего не значило, — бормочу я. — На следующее утро я проснулась с ужасным похмельем. Вир лежал без сознания в ванной, так что я оделась и сбежала. Он вел себя так, будто забыл обо всем, и я понятия не имею, как новости дошли до Одина.

— Когда вы оба пропали, Шарлотта Бресс предположила, что вы уладили свои

разногласия, — говорит он.

Моя грудь сдувается, и взгляд падает на ноги.

— Ох.

Итак, папа был прав насчет опасности делиться секретами в этом мире.

— Что случилось потом? — спрашивает он.

— Что ты имеешь в виду?

— По словам Тора, ты скоро станешь его невесткой, а ты говоришь, что это не так.

Здесь должно быть нечто большее, чем секс на одну ночь.

Я энергично трясу головой.

— Абсолютно ничего. Следующие два года он вел себя так, будто меня не существовало,

и я не гналась за ним.

Профессор Сегал продолжает смотреть на меня сверху вниз, и ложь ворочается у меня в животе.

— Хорошо, я пыталась поговорить с Виrom, потому что я не хотела быть девушкой, у которой интрижки с кем попало. Когда он сделал вид, что не помнит, я отступила.

— Сделал вид?

— На прошлой неделе он извинился, объяснив, что его дядя заставил бы его жениться, если бы узнал.

— И тогда вы возобновили отношения? — от угрозы в его голосе моя кожа натянулось.

— Нет!

— Тогда объясни, почему ты не могла выполнить один простой приказ.

— Шарлотте нравился его друг Аксель, и она хотела, чтобы я тусовалась с ними.

Когда профессор Сегал не отвечает, я выпаливаю.

— Вот и все. Она моя подруга, и я хотела поддержать ее так же, как она поддерживала меня.

Между нами на несколько ударов сердца повисла тишина. Гул транспорта смешивается с болтовней людей, собравшихся в сквере, и далеким рокотом моря.

Я стою спиной к столбу забора, вглядываясь в его скрытое лицо. Невозможно сказать, о чем он думает или почему он так заиклен на связи на одну ночь, которая произошла много лет назад, когда есть много других насущных проблем.

Столько ужасных проблем.

Похищение, поджог, убийство его матери.

Может быть, такой разговор отвлекает. И это его способ оставаться в здравом уме среди хаоса.

Рука, держащая мое запястье, сжимается, вырывая меня из моих мыслей.

— Профессор? Как только я сказала Одину, что была с другим, он отступил.

— Я должен был убить этого мелкого засранца, когда был шанс, — рычит он.

Мои брови сходятся.

— О чем ты...

— Он позарился на мою.

Неглубокие вдохи ласкают верхушки моих легких, но кислород не поступает в кровь. Я качаюсь на ногах, сердце колотится так сильно, приглушая фоновый шум.

— Но... ты приложил все усилия, объясняя, что я не шлюха для тебя, а потом сказал те жестокие слова.

— Если бы я не разорвал нашу связь, ты попала бы в поле зрения опасных людей. Ты бы

стала еще одной пешкой в его дурацкой игре.

— Криуса Ванира? — шепчу я.

Его глаза сужаются, черты лица искажаются хмурым взглядом. Это негласное предупреждение больше не упоминать это имя, но оно настолько известно в преступном мире, что я не могу пропустить эту информацию.

— Он твой отец. Вот почему ты так отреагировал.

Снова тишина, на этот раз давит так сильно, что я едва могу дышать.

— Моя мать была его пленницей много лет, пока я не заслужил ее свободу, — говорит он.

Таким образом, Криус Ванир либо его биологический отец, либо просто вырастил его. Я не смею давить на него. Не после того, как он нашел при смерти мать, за которую так упорно боролся.

— Ты расстался со мной чтобы защититься?

Профессор обхватывает мое лицо теплой рукой и проводит подушечкой большого пальца по моей скуле. Ощущения растекаются по моей коже, и веки закрываются.

— Прости, — слова срываются с моих губ. — Прости, что не слушала. Прости, что заставила тебя выбирать между мной и ей.

Его рука падает с моего лица, и я резко открываю глаза. Он выпрямляется, его тело отдаляется от моего. Холодный ветер дует с другой стороны переулка, увеличивая наше расстояние.

— Ты знаешь?

— Я подслушала разговор Тора с Одином на заднем сиденье машины. Если бы я знала, что ты делаешь, я бы держалась подальше.

У меня на кончике языка вертится вопрос, почему он не доверяет мне информацию, но в нашем мире такие вопросы наивны.

Посмотрите, что случилось с Шарлоттой.

Она была моим доверенным лицом в течение многих лет, и в момент, когда властный Один потребовал ответов, она раскрыла мой секрет.

Положив обе руки ему на грудь, я бормочу:

— Я не могу представить, каково это — пройти через что-то подобное...

— Нет, — профессор качает головой. — Впервые за долгое время мои глаза широко открыты. Есть только один человек, ради защиты которого я бы убил.

Мой пульс набирает скорость. Он же не может иметь в виду меня?

Но сила его взгляда говорит, что так оно и есть.

Нельзя отрицать, кто несет ответственность за те выстрелы, которые я услышала перед тем, как он открыл дверь фургона. Профессор Сегал убил этих похитителей.

Чтобы спасти меня.

Благодарность наполняет мою грудь так, что становится трудно дышать. Глаза жгут от слез. Я сильно моргаю, чтобы не разреветься.

— Есть кое-что, что ты должна знать, — говорит он.

В его голосе звучит зловещая дрожь, от которой сердце замирает. Он хочет сказать то, что мне не понравится.

— Что? — шепчу я.

— Я совсем не такой, как мой отец.

— Конечно, нет, — мои руки скользят к его плечам, и у меня перехватывает дыхание от

осознания, что он действительно сын самого известного в стране торговца людьми и сутенера. — Я слышала всевозможные слухи об этом человеке, но у вас никакого сходства.

Его рука обвивает мою спину, и он сближает нас.

— Спасибо, — говорит он с глубоким вздохом. — Ты ведь знаешь, что я очень тебя уважаю?

Мои глаза расширяются. Почему он так говорит и почему он так похож на мистера Дарси?

— Профессор?

— Ты знаешь, что я тебя уважаю? — спрашивает он с большим нажимом.

— Конечно, но почему...

— Потому что я хочу оттрахать тебя как шлюху прямо здесь, в этом переулке. И выглядеть это будет совсем противоположным образом, — рычит он. — Есть возражения?

ФЕНИКС

Челюсть бьется об землю. Я бы посмотрела по сторонам, но пылающий жидким огнем взгляд профессора все еще парализует меня.

Тепло пробегает по позвоночнику и оседает между ног. Он не может серьезно говорить о сексе в переулке.

Не рядом с сотнями людей, толпящихся на Сидней-Кресент. Только не рядом с его домом, сгоревшим дотла менее чем в ста футах от нас. Не рядом с дорогой, заполненной пожарными, полицейскими машинами и каретами скорой помощи. Не там, где любой прохожий может увидеть, как мы трахаемся.

— Что? — выпаливаю я. — Здесь?

Он стягивает бандану, обнажая губы. Губы, которые я всегда мечтала поцеловать. Я поднимаю руку и обхватываю его лицо.

— Прямо здесь, — он просовывает колено мне между ног, отчего у меня учащается сердцебиение. — Ты помнишь «стоп-слова»?

— Да, но...

Он прерывает меня поцелуем, который передает всю глубину его желания и ярости. Он

жестокий и требовательный, но его бедро давит на клитор, и нервы покалывает.

Мой разум отбрасывает все страхи публичной непристойности. Любая крупница скромности, которую я могла бы удержать, развеялась, как дым на ветру. Мой пульс стучит частым барабанным боем, желая обострить ощущения.

Мне нужен этот мужчина. Нужно, чтобы он трахнул меня прямо сейчас у забора.

Его руки повсюду — на затылке, на бедрах, на талии. Когда он пожирает меня своими губами, он как будто не может насытиться прикосновениями к моему телу.

Я хватаюсь руками за его плечи, удерживая его на месте. Неизвестно, что будет дальше, но мне нужно запомнить этот первый поцелуй, потому что он может стать нашим последним.

Профессор Сегал обхватывает руками мои бедра и поднимает меня выше к столбу забора, так что я обхватываю его своими ногами. Я цепляюсь за него, как будто он единственное, что держит меня в вертикальном положении.

— Ты будешь наказана, — бормочет он.

— Я знаю.

Поцелуй становится глубже, и он исследует каждый миллиметр моего рта языком. Я теряюсь в профессоре. В его прикосновениях, его вкусе, его запахе. Пока он питает меня такой всепоглощающей жаждой, переулочек исчезает, и остаются только я, он и эта бесконечная потребность.

Я просовываю руку под его толстовку и обнаруживаю, что под ней ничего нет. Мои пальцы скользят по его гладкой, обжигающей коже.

— Блять, — стонет он, когда его эрекция прижимается к моему клитору. — Ты меня злишь.

— Извини, — я изворачиваюсь на его твердом члене. Влага пропитала мои трусики, и уверена, что она также испачкала его спортивные штаны.

Что же касается секса, все довольно ванильно. Ни кожаных вещей, ни игрушек, ни мебели для пыток. Просто мужчина, женщина и их обоюдное желание. Это самое близкое, что я когда-либо чувствовала к профессору.

Меня не волнует, что мы на публике. Я никогда не захочу, чтобы это заканчивалось.

Он просовывает руку между нашими телами, его толстый палец касается моего клитора сквозь ткань белья.

— Такая мокрая, — хрипит он.

Мои щеки горят, но это ничто по сравнению с тем, что происходит у меня между ног. Мышцы внутри сжимаются и сокращаются в такт моему пульсу, желая, чтобы его член растянул меня, отчаянно нуждаясь в наполнении.

Я не должна так возбуждаться после сегодняшних событий. Не должна жаждать снять с себя одежду и заставить его трахнуть меня в переулочке, как дешевую шлюху.

Когда его пальцы нежно скользят по моему клитору, я дергаю головой в сторону.

— Скажи мне кое-что, Феникс, — говорит он.

— Что?

— Насколько сильно ты этого хочешь?

Моя челюсть сжимается.

— Ты знаешь.

— Я хочу услышать, как ты умоляешь.

Теперь я скриплю зубами. Так вот, что он имел в виду ранее, говоря об уважении. Это

еще одна его игра. Поскольку он не может привязать меня к какому-то приспособлению и не хочет ставить меня на колени, он хочет, чтобы я унижалась.

— Пожалуйста, — шепчу я.

— Пожалуйста, что?

— Ты знаешь, чего я хочу. — отвечаю я.

Его зубы впиваются в основание моей шеи, посылая заряд возбуждения прямо в сердце. Черт. Это не должно быть так приятно, но все, что этот мужчина делает со мной, похоже на рай.

У профессора был выбор. Он мог бы проигнорировать происходящее и позволить тем людям закончить похищение. Я, вероятно, стала бы случайной жертвой, но он гарантировал бы безопасность своей матери. Второй вариант заключался в том, чтобы рискнуть маминой жизнью, спасая меня от участи похуже похищения или даже смерти.

Он выбрал меня.

Я хватаю его за лицо и смотрю ему прямо в глаза.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня.

Его брови поднимаются.

— Продолжай.

— Блять, профессор...

— Мариус, — говорит он. — Только на сегодня.

Мое сердце трепещет. Я не могу сказать, потому ли, что это наш последний раз. Мысль о том, что я никогда не увижу его после этого, убьет все настроение. Я также не хочу задавать кучу вопросов и портить момент.

Мне это *нужно*, даже если он исчезнет из моей жизни.

— Хорошо, — бормочу я. — Мариус, я хочу, чтобы ты трахнул меня в этом переулке, где каждый может увидеть. Я хочу... — я сглатываю. — Я хочу, чтобы ты красиво и жестко выебал меня, пока я не кончу на твоём огромном члене.

Удовлетворение рокошет в груди. Может быть, я не знаток литературы и не красноречива в достаточной мере, но знание того, что мои слова понравилось ему, вызывает чувство гордости.

Он отодвигает ткань моих трусиков в сторону, обнажая киску.

— Если бы у меня было время, я бы лизал твою тугую маленькую дырочку, пока не сквиртанешь.

— Что ты...

Он входит в меня двумя пальцами, наполняя зарядами удовольствия.

Мой рот открывается в безмолвном крике.

— Тебе так не хватает моего члена.

Каждый мускул внутри киски судорожно сжимается от удовольствия. В течение следующих нескольких секунд даже легкие пульсируют, и я замираю вокруг него, пока наконец не могу выдохнуть.

— Ах, — отвечаю я хриплым голосом. — И что ты с этим сделаешь?

Когда его большой палец касается моего клитора, ощущения поднимаются вверх по позвоночнику, все волоски на затылке встают дыбом. Я вздрагиваю от его широкого тела и шиплю.

— Ты такая отзывчивая, — рычит он мне в ухо. — Мне нравится играть с тобой. Мне нравится видеть, как твое тело извивается по моей команде.

Прежде чем я успеваю сказать хоть слово в свою защиту, он срывает с меня нижнее белье, комкает его в одной руке и засовывает в карман.

— Для чего они тебе? — шепчу я.

— А как ты думаешь?

Я качаю головой, потому что мне действительно нужно услышать слова.

— Каждый раз, когда будем расходиться, я буду кончать, наслаждаясь твоим сладким ароматом.

Мои губы двигаются, но единственный звук, который я издаю, — это стон. Он работает пальцами внутри и снаружи, наполняя меня, растягивая, подготавливая для члена. Его большой палец занят моим ноющим клитором и периодически касается гладких складочек. Мышцы пульсируют и напрягаются вокруг его толстых пальцев, требуя большего.

Я тяжело дышу сквозь приоткрытые губы, желая его члена, но ничего не говоря, потому что отчаянно хочу, чтобы этот момент продолжался. Это чудо, что Один позволил ему жить, а может, и нет. Возможно, профессор убил Тора и других мужчин, прежде чем сбежать.

Он вытаскивает пальцы из моей киски, оставляя ощущение пустоты.

Мои глаза расширяются.

— Подожди, не вынимай их.

Профессор подставляет кончик члена к моему входу, и я дрожу от предвкушения.

— Хочешь мой член?

— Пожалуйста, — шепчу я.

— Насколько сильно?

— Больше, чем что-либо.

— Тогда получай.

Он входит в меня, и тогда я вспоминаю, что у него просто огромный член.

ФЕНИКС

Я дрожу, когда член профессора входит в меня с невероятным растяжением. Я не уверена, что смогу вынести его размер.

— Б-блять! — я издаю задыхающийся звук. — Он огромный.

— Полегче, — говорит он. — Все получится.

Он оставляет нежные поцелуи на моей щеке и шее.

— Дыши, Феникс. Я позабочусь о тебе. Я помогу тебе расслабиться, и он войдет.

Звук моего имени на его губах жжет глаза. Он удивительно нежен, учитывая, что обещал унижающий секс.

Я глубоко вдыхаю, пытаюсь расслабить мышцы.

— Ты отлично справляешься, — его глубокий голос воспаляет мои нервы, но это ничто по сравнению с тем, как его головка входит в меня.

Я трепещу вокруг него, привыкая к наслаждению настолько интенсивному, что оно граничит с болью. Его сердце колотится о мою грудь, когда он входит в меня, дюйм за восхитительным дюймом.

Когда он наполняет меня до отказа, я стону.

Рука, обхватившая мою поясницу, напрягается. Как будто он не хочет меня отпускать.

— Ты восхитительна, — шепчет он мне на ухо. — Я хочу остаться в тебе вот так навсегда.

Глаза профессора встречаются с моими на несколько ударов сердца, пока я сжимаюсь вокруг него. Я так тяжело дышу через ноздри, что, клянусь, оставила конденсат на его плече. Под таким углом кажется, что он полностью поглотил меня.

Когда мое дыхание успокаивается, я киваю, чтобы он продолжал.

— Какое у тебя стоп-слово? — спрашивает он.

— «Красный».

— А если нужно, чтобы я замедлился?

— «Желтый», — отвечаю я. — Но почему...

Профессор отводит бедра назад, и мне почти хочется возразить, прежде чем он толкается с такой силой, что перед глазами взрываются салюты.

— Блять! — кричу я.

Он зажимает рукой мой рот.

Мои мышцы сжимаются вокруг него, и все, что я могу сделать, это цепляться за его плечи, пока он трахает меня у столба забора. Он берет меня жестко и медленно, ритмично толкая бедрами, что заставляет каждый нерв в теле дрожать от электрических разрядов.

Его горячее дыхание наполняет мое ухо, когда он входит, я жажду большего и почти рыдаю.

— Блять, — рычит он. — Такая горячая, влажная и тесная. Что бы ни молили Бестлэссоны, я никогда тебя не отдам.

Где-то в глубине души я надеюсь, что это обещание будет сдержано. Я тяжело дышу, обрабатывая прилив ощущений, пробегающих по телу. Чем больше я хнычу, тем быстрее становится темп профессора, пока он не становится настолько быстрым и беспощадным, что мой рот открывается в беззвучном крике.

Вдалеке звук транспорта смешивается с шумом моря, и я слышу треск и грохот огня сквозь наше дыхание.

Где-то на краю моего сознания я представляю открывающееся окно, и шаги прохожих. Мысль о том, что кто-то поймает нас у забора, приводит мое удовольствие к опасной вершине.

Знакомое давление нарастает внутри, и я так близка к оргазму, что ноги начинают дрожать.

Профессор замедляет движения и обхватывает рукой мое горло.

— Уже хочешь кончить? — говорит он низким от вожделения голосом.

— Пожалуйста, — шепчу я.

— Тогда придется постараться.

Я скриплю зубами, вспоминая, как он заставил меня трахнуть его ботинок. Впиваясь подушечками пальцев в его плечи, я дергаю бедрами, усиливая трение.

Моя киска сжимается, как тиски, вокруг его члена, заставляя его шипеть сквозь зубы.

Прямо сейчас я полна решимости довести его до оргазма.

— Какая нетерпеливая, — рычит он. — Готова где и когда угодно, даже в переулке.

Его насмешки прокатываются через меня, добавляя унижения от того, что меня трахают в общественном месте. Это вызывает такое же смущение, как и бутылка вина, но мое тело воспринимает это как самое сильное возбуждение.

Я зажмуриваюсь, пытаюсь вырваться из его слов, но в глубине души я не отрицаю, как сильно наслаждаюсь унижением.

— Смотри на меня, — рычит он с намеком на то, что может лишить меня члена, если я не подчинюсь.

Мои глаза резко открываются.

Зрачки профессора представляют собой огромные черные дыры, окруженные крошечными голубыми кольцами. Контуры его лица жесткие, напряженные, как будто он сдерживается.

Я хочу, чтобы он кончил в меня в отчаянном порыве. Я хочу, чтобы мы достигли кульминации вместе.

Но я не могу перестать тереть бедрами. Не могу остановить искры удовольствия, пробегающие по клитору.

— Хорошая девочка, — говорит он глубоко и тихо. — Ты вся моя, и сейчас кончишь на моем члене.

Команда в его тоне подталкивает меня к грани. Оргазм сотрясает изнутри, мышцы дрожат вокруг него.

Я кричу, а он проглатывает звук в поцелуе.

Профессор трахает меня в рот своим языком, и в это же время растягивает мой оргазм мощными толчками. Каждый дюйм моего тела дрожит от удовольствия.

Я не могу двигаться, не могу дышать, не могу ничего делать, кроме как переживать ощущения.

Возбуждение стекает по внутренней поверхности бедер, и мое тело обмякает. Ноги соскальзывают с его талии и падают на пол. Единственное, что спасает меня от того, чтобы рухнуть, как сломанная марионетка, — это сильная рука профессора, обнимающая за спину.

Он наклоняет мою голову, заставляя наши глаза встретиться. В его взгляде есть тепло, которого я раньше не замечала.

— Ты выглядишь так мило, запачканная и уставшая.

Мое сердце переполняется похвалой, а грудь затапливает чувством удовлетворения от того, что я могу хоть немного утешить его несмотря на то, что он сегодня прошел через ад.

— Готова к большему? — спрашивает он.

Я энергично киваю.

— Всегда.

— Моя девочка. А теперь повернись лицом к забору.

Я делаю, как он говорит.

— Держись за столб.

Я цепляюсь за бетонный столб обеими руками.

Он отводит мою правую ногу в сторону, открывая киску. Морской бриз обдувает горячую плоть и охлаждает потоки возбуждения, стекающие по бедрам.

— Что ты делаешь? — шепчу я.

— Посмотри вверх и вокруг, — свободной рукой он наклоняет мою голову.

Ряды за рядами высоких окон выходят на переулок. Любой, кто все еще находится в своих домах и не смотрит на сквер, вероятно, может увидеть мужчину в толстовке, трахающего девушку в мини-юбке.

При мысли о том, что за мной наблюдают, щеки снова пылают, и тепло растекается по шее и груди.

Клянусь, румянец согревает и мою киску, потому что теперь она невосприимчива ветру.

— Нравится, что тебя оттрахают на публике, как шлюху?

— Нет, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

Он скользит пальцами между моих складок. Я такая мокрая, что слышен непристойный хлюпающий звук.

— Мне так не кажется.

Я тяжело дышу через раздутые ноздри, мои бедра дрожат.

— Ты трахнешь меня или нет?

Смех, который наполняет мои уши, такой злой и мрачный, что пульс учащается.

Он трется головкой своего члена о набухший клитор, прежде чем поравняться с моим входом.

— Ты пожалеешь о своем требовании.

Прежде чем я успеваю спросить, что он имеет в виду, он толкает в меня свою эрекцию, посылая искры внутрь. Каждая бабочка в животе бунтует при вторжении, и я резко вдыхаю воздух.

Под таким углом все ощущается гораздо глубже. Мышцы вокруг легких напрягаются, а глаза расширяются.

— Дыши, — рычит он.

— Я. Пытаюсь... — отвечаю я сквозь стиснутые зубы. — Но, черт, он такой большой. Я не знаю, смогу ли...

— Сможешь, даже если мне придется разодрать твою пизду.

В горле у меня перехватывает стон, но мой клитор с энтузиазмом пульсирует от угрозы.

Профессор так сильно и быстро трахает меня, что я не могу не закричать. Я упираюсь головой в столб забора, обеими руками хватаясь за него по бокам. Единственная нога, на которой я стою, напрягается и изо всех сил в попытках оставаться в вертикальном положении, пока он дерет меня в бешеном темпе.

— Ты моя, — рычит он, вбиваясь в меня. — Кому ты принадлежишь?

— Тебе.

— Скажи, — *толчок*. — Мое, — *толчок*. — Имя, — *толчок*.

— Профессор Сегал, — кричу я.

— Феникс, — рычит он с предупреждением, которое предполагает, что он может остановиться.

— Я принадлежу Мариусу, — выпаливаю я. — Я принадлежу Мариусу, блять, Сегалу.

Он фыркает, и я уверена, что его это забавляет.

— Каково это, когда тебя трахают так близко к десяткам полицейских? — спрашивает он. — Каково, когда тебя трахает мертвец?

У меня кружится голова.

— Что ты...

— Болтай меньше, — он дергает бедрами, входит в меня так глубоко, что в глазах взрываются звезды. — Используй нужные слова, как хорошая девочка.

По этой команде я теряю всякую нить своей мысли и выпаливаю:

— Это лучше всего на свете, — слова натываются друг на друга. — У меня никогда не было так глубоко и сильно. Я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Он проводит пальцами взад-вперед по моему клитору медленными движениями, посылая крошечные разряды удовольствия вверх и вниз по внутренней стороне бедер. Мои

мускулы пульсируют, а он играет на моей киске, как на инструменте. Каждый раз, когда приближается кульминация, он ослабляет свои ласки и стаскивает меня с края.

Вцепившись в столб забора так сильно, что побелели костяшки пальцев, я смотрю на него через плечо.

— Мариус!

— Хочешь снова кончить? — он сильнее сжимает мои бедра.

Я сжимаю его по всей толстой длине.

— Пожалуйста.

Смех, который он издает, горько-сладкий.

— Как бы мне ни нравилось трахаться с тобой, я должен прервать это randevu.

— Почему?

Его большой и указательный пальцы сомкнулись над моим клитором, потирая чувствительный пучок нервов с обеих сторон.

Оргазм пронзает мое ядро, обрывая слова, и я сжимаю зубы, чтобы прорваться сквозь ощущения. Это действительно последний раз, когда я вижу профессора?

Мои глаза горят — и от печали, и от силы второго оргазма.

— Согнись и держись за лодыжки, — говорит он, вытаскивая все еще восхитительно твердый член.

Выпрямившись, я поворачиваюсь, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Мариус?

Бандана снова накинута на его лицо, а толстовка с капюшоном и бейсболка закрывают глаза.

— Займи позицию.

Я наклоняюсь вперед и вниз, кладу руки на основание голеней.

— Так?

Он задирает мою юбку, обнажая киску и задницу.

Профессор сжимает основание своего члена, его ствол и головка блестят от моих соков.

Кожа нагревается от очевидного возбуждения.

Он разводит мои ноги в стороны, заставляя меня схватиться за лодыжки.

Мой желудок проваливается. Я никогда в жизни так публично не оголялась. Это как катание на американских горках.

— Ты кайфуешь, когда тебя трахают на публике? — говорит он. — Ты еще никогда не кончала так сильно.

— Ты ошибаешься, — лгу я.

Он шлепает мою киску, а мои нервы интерпретируют это как удовольствие.

— Я отъебу тебя так сильно, что на вранье не хватит сил, — рычит он, водя подушечкой большого пальца по моему анусу.

У меня отвисает челюсть, и я в шоке делаю вдох. Только не говорите, что он собирается засунуть свой огромный член в мою задницу без смазки!

Краем глаза я уверена, что вижу вспышку черного и флуоресцентно-желтого цвета, проходящую через другой конец переулка.

Мое сердце пропускает удар. Это была полиция?

Большая рука профессора сжимает мою ягодицу, раздвигая меня в стороны.

— У тебя самая тугая и самая красивая в мире маленькая дырочка.

Мой пульс бьется сильно и быстро, заглушая все окружающие звуки, кроме его голоса.

— Что ты хочешь сделать? — шепчу я.

— Во-первых, поиграть языком с твоей задницей, пока ты не зарыдаешь.

Дыхание перехватывает у меня в горле. Если бы кто-нибудь еще сделал подобное заявление, я бы назвала это чушью, но профессор способен на все.

Я сглатываю, дрожь пробегает по позвоночнику и оседает на копчике.

— Что дальше?

Он опускается на колени и обеими руками хватается меня за ягодицы. Его большие пальцы так близко к моей дырочке.

Когда его горячее дыхание обволакивает меня и пробуждает тысячи крошечных центров удовольствия, мои глаза расширяются.

— Дальше я буду драть тебе, пока не попросишь члена, — спрашивает он.

— Пожалуйста, — шепчу я.

Профессор дышит так тяжело и быстро, что у меня дрожат мышцы. Никто, даже врач, никогда не видел меня настолько обнаженной.

Меня так трясет. Настойчиво, с нуждой, с нетерпением. Я невыносимо жду его язык.

— Мариус, — говорю я дрожащим голосом. — Если ты не отлижешь мне прямо сейчас, я умру.

Это вызывает тихий смешок, и мои внутренности загораются от того, что я подняла ему настроение. Он нежно целует меня прямо в складочку, от чего предвкушение пробегает по спине.

Я прикусываю нижнюю губу.

— Ох, блять.

Икроножные мышцы напрягаются, и я качаюсь вперед на подушечках стоп.

— Осторожно, не теряй равновесие, — говорит он, его теплое дыхание ласкает мою кожу.

— Хорошо, — я переношу вес обратно на пятки.

Профессор крепко хватается меня за бедра, зарывается головой между моими ягодицами, осыпая мою заднюю дырочку поцелуями с открытым ртом, от чего у меня сжимаются пальцы на ногах.

Гребаный дьявол. Я ожидала нежных поцелуев и тонких движений языка — медленного и чувственного нарастания. А не этот штурм.

Мои руки и ноги не перестают дрожать, как от удовольствия, так и от шока.

— Твоя задница на вкус так же хороша, как и киска, — говорит он между облизываниями. — Давай представим, что ты мой последний ужин в жизни?

Профессор делает круг вокруг моего клитора одним большим пальцем, а другим проводит вверх и вниз по влажным складкам. Когда он засовывает язык в мою попку, это вызывает взрыв новых ощущений.

Возбуждение стекает по моим бедрам, киска сжимается и разжимается.

Когда профессор трахает мою задницу своим языком, каждая мышца тела расслабляется. Я никогда не была так открыта с другим человеком, и это более интимно, чем все, что мы делали раньше.

Его язык дает мне чувство, которое говорит громче, чем слова.

Тепло растекается по груди, достигая горла. Я проглатываю эмоции и сосредотачиваюсь на моменте.

Мои эмоции уходят в сторону, когда он вводит два пальца в киску. Ускоряя движения

языком, он ощупывает все, пока не находит то место, от которого я схожу с ума. Мои мышцы трепещут, когда его пальцы трутся вверх и вниз, вверх и вниз, пока давление не достигает предела.

Этого слишком много, но недостаточно.

Я отчаянно нуждаюсь в его члене.

Я должна быть возмущена. Это жутко интимно, неприлично, стыдно. Хороших девушек не трахают в переулках. По крайней мере, не среди бела дня. Но знание того, что любой в этих домах может нас видеть, только добавляет острых ощущений.

— С тебя капает, — бормочет он, все еще уткнувшись лицом в мою задницу.

— Да, — шепчу я.

— Насквозь мокрая.

— Блять.

— Ты кончишь для меня еще раз, — говорит он, сильно нажимая большим пальцем на мой клитор. — Здесь, в этом переулке, с голой задницей, среди бела дня, с полицией за углом и десятками окон.

— Черт.

— Феникс, — рычит он. — Сейчас!

Его большой палец давит на мой клитор, посылая взрыв удовольствия вверх по животу, вниз по ногам и по каждому нерву.

Мышцы моей киски сокращаются вокруг его толстых пальцев, каждое сокращение настолько мощное, что граничит с болью.

Мое зрение становится черным, и весь мир качается с силой кульминации. Я спотыкаюсь, вытягивая руки, чтобы замедлить падение, но профессор подхватывает меня.

— Держу, — бормочет он, его голос — единственное, что удерживает меня на привязи к миру, пока мое тело содрогается от оргазма, который должен иметь свою собственную шкалу Рихтера. — Со мной ты всегда в безопасности.

Его слова погружают мою душу в состояние глубокого расслабления, которое отталкивает мысли о похищениях, насильственных браках и убийствах.

Профессор прислоняет меня спиной к бетонному столбу и спрашивает:

— Готова к еще одному раунду?

— Всегда, — бормочу я, мое тело обмякает.

— Смотри на меня.

Я поднимаю глаза, чтобы встретиться с ним взглядом.

Все следы напряжения ушли, осталось только тепло. Мое сердце замирает при осознании того, что я отвлекла его от проблем... по крайней мере, на несколько мгновений.

— Обними меня руками за шею.

Я цепляюсь за плечи профессора, сжимая его так крепко, что наши груди соприкасаются, и биение наших сердец становится единым целым.

Он обхватывает рукой мою спину и поднимает левую ногу, так что я балансирую на правой, и обвивает ее вокруг своей талии.

Головка члена трется о мой чрезмерно чувствительный клитор, прежде чем касается моего входа.

Волнение пронизывает нервы, зажигая меня, как фейерверк.

— Что бы ты ни слышала обо мне, я ни о чем не жалею, — говорит он жестче стали. — Слышишь, Феникс?

Интенсивность его взгляда заставляет мое сердце биться чаще.

Слова звучат как перед смертью.

Я с трудом сглатываю и изучаю его черты, но все, что я нахожу там, это любовь.

— О чем ты говоришь...

Он обрывает мой вопрос резким толчком, от которого у меня двоится в глазах.

Ох, блять. Вот что он имел в виду, когда говорил об унижительном сексе.

— Т-такой большой, — говорю я сдавленным голосом.

— Ты возьмешь то, что я тебе дам, как хорошая маленькая шлюшка, — говорит он с сильным толчком. — Хочешь знать, почему?

— Почему?

— Потому что ты создана для меня, — рычит он. — Видишь, как идеально мы подходим друг другу?

Он прав. Анальные ласки сделали меня такой мягкой и податливой, что я могу выдержать все.

Каждый толчок вызывает взрывы удовольствия, от которых я вонзаю ногти в его плечи. Либо его толстовка, слишком толстая, либо ему не больно.

Кто-то издалека прочищает горло.

Мое сердце делает четверное сальто назад. Это полиция?

Дыхание профессора учащается, а его толчки становятся беспорядочными. Я прижимаюсь к нему, решив рассчитать время моей следующей кульминации.

Я бросаю взгляд в конец переулка, где стоит темная фигура и смотрит.

Черт.

Кто бы там ни был, он может видеть, как меня трахают у стены.

Унижение обжигает мои щеки, и жар смущения растекается по шее, груди и между ног.

Я теряю контроль над своим дыханием, и мне кажется, что я упаду в обморок. Профессор трахает меня без пощады и ограничений, и мои глаза наполняются слезами.

Пятна танцуют перед глазами, и все мысли о другом человеке в переулке высыпаются из головы.

Он врзается в меня так сильно, что я не могу говорить. Я едва могу даже дышать.

О черт.

Я так близко...

Его толчки становятся неровными несмотря на то, что его темп неумолим. Когда он набухает в моих стенках, я понимаю, что он близко. Я делаю глубокий вдох как раз вовремя, чтобы мое тело взорвалось кульминацией, от которой дрожат колени.

Все мое тело содрогается от силы спазмов. Возбуждение стекает вниз по внутренней стороне бедер.

Рука профессора сжимается вокруг моей талии, удерживая на месте, в то время как его член твердеет, пульсирует, а затем дергается.

Струи горячей спермы заливают меня, и я чувствую, как он пульсирует внутри. Мой оргазм движется в тандеме с его вспышками, и на мгновение мне кажется, что мы стали одним целым.

Это даже более интимно, чем римминг. Я никогда не чувствовала себя ближе к другому человеку чем, как сейчас с ним.

— Я хочу остаться внутри тебя, — говорит он сквозь рваные вдохи. — Наслаждаться этим моментом, но мне нужно спрятать тебя в безопасное место.

— Куда ты собрался? — шепчу я.

— Я положил на твой счет более чем достаточно, чтобы оплатить твои расходы на следующие несколько лет. Если все пойдет по плану, я найду тебя.

Когда он вырывается из меня, в сердце открывается черная дыра, и моя грудь наполняется всхлипом.

Я даже не могу выразить протест, потому что человек в конце переулка делает шаг к нам.

МАРИУС

Тор Бестлэссон идет к нам, засунув руки в карманы. Этот ублюдок даже имеет наглость ухмыльнуться, как будто мы друзья.

— Встань позади меня, — я ставлю Феникс на ноги и притягиваю к себе за спину.

— Разве это не один из людей Одина? — спрашивает она, ее голос настолько тихий, что слышать ее могу только я.

— Его сын, — отвечаю я. — Не переживай.

Я хотел бы сказать, что Тор безобиден, но он так же безжалостен, как и его отец. Единственная разница, которую я вижу между ними, кроме возраста и телосложения, заключается в том, что сын менее суров.

Черты Тора расплылись в ухмылке, которую я хочу стереть с его лица.

— Ну, ну, ты точно знаешь, как найти приключения, — он наклоняется вперед на цыпочках, как будто это дает ему возможность лучше рассмотреть Феникс. — Разве это не девушка моего кузена?

Она хватается за ткань моей толстовки сзади.

— Я уже сказала Одину, куда он может засунуть себе эту свадьбу.

Тор поднимает обе ладони.

— Окей. Я просто пришел за твоим *профессором*.

— А я сказал тебе подождать в машине, — рычу я.

Ухмылка на его лице сменяется чем-то более серьезным.

— Криус делает свой ход. Мы должны добраться до морга раньше него.

— Что происходит? — тихо спрашивает Феникс.

Я оборачиваюсь и смотрю в ее большие серые глаза. Ее зрачки все еще расширены, несмотря на яркий дневной свет. Солнце отражается от выбившихся волос, обрамляющих ее лицо, окрашивая их в насыщенный медный цвет. Я никогда не видел ее такой сияющей.

На ее носу виднеется россыпь бледных веснушек, которые я до сих пор не мог оценить в полной мере, и это растопило последний осколок льда в моем сердце. Ее губы такие красные и опухшие, что я хочу провести остаток дня, потонув в ее поцелуях.

— Мариус? — шепчет она, вырывая меня из задумчивости.

— Мы с Бестлэссонами заключили временное перемирие, — мой взгляд скользит в сторону Тора, который держится на почтительном расстоянии.

— Ты убьешь своего отца, — шепчет она.

В животе образовался узел. Я хочу сказать ей, что это Криус первый напал, но я также не хочу, чтобы Феникс была замешана в том, что, как я надеюсь, в итоге станет жестоким убийством.

— Когда вернешься в университет, я хочу, чтобы ты держалась подальше от этого мальчика, — говорю я, избегая разговора.

— Хорошо, — она опускает ресницы, ее губы сжимаются. — И мне жаль.

— Я должен извиниться за то, что втянул тебя в эту неразбериху, — я обхватываю ее лицо и наклоняюсь, чтобы поцеловать распухшие губы.

Смешанные ароматы цитруса и ванили наполняют мои ноздри. Требуется все усилия, чтобы оторваться от Феникс, но если я хочу будущего с ней, то мне нужно выполнить одно единственное задание.

Тор откашливается.

Он удивительно любезен для человека, который, по слухам, казнил всех высокопоставленных сотрудников казино «Асгард».

Я бросаю на него взгляд через плечо.

— Мы отвезем мисс Шталь обратно в университет.

— А такси нельзя заказать? — спрашивает Тор.

— Если ты хочешь, чтобы оставшаяся часть сегодняшнего дня прошла гладко, то поможешь мне сопроводить эту юную леди обратно в безопасное место.

Менее чем через час, убедившись, что Феникс в безопасности за воротами университета, я стою в вестибюле комнаты обследований в городском морге.

Холодный воздух просачивается через дверь, за которой я прячусь. В двери есть окошко, выходящее на трупы.

Тело матери лежит под белой простыней на металлическом столе, а рядом с ней обугленный труп человека, которого Тор сжег в огне. Он был одним из миньонов Криуса, посланным со смартфоном, чтобы доставить сообщение.

Не было смысла слушать его, нам нужно было вызволить Криуса из его убежища. Криус не сможет удержаться от злорадства, если подумает, что Бетслэссоны убили меня и подожгли виллу.

Тор и его люди прячутся в разных комнатах вдоль коридора. Я не настолько наивен, чтобы думать, будто они оставят меня в живых после того, как я казню Криуса. Вот почему я взял резервный телефон, дополнительное оружие и попросил Квинн организовать машину для побега.

Квинн сама еще пытается выжить. Я не могу винить ее.

Трудно поверить, что мать организовала собственное похищение. Мать скрывала все от Квинн. Теперь же она должна оставаться в тени, пока я не примирюсь с семьей Бетслэссонов.

Горе сжимает мою грудь, пока легкие не замирают, а края зрения не становятся серыми. Облегчение и горе воюют внутри, а я задыхаюсь.

Я смотрю в щель в двери и выдавливаю из себя протяжный вздох.

Мама умерла.

Все кончено.

Есть сотни вещей, которые я хочу спросить у женщины, лежащей под этой простыней, начиная с того, почему она продолжала возвращаться к Криусу несмотря на то, что тот обращался с ней отвратительно.

Она была его пленницей в течение двух десятилетий, запертой в квартире и без позволения уйти. Ее единственной свободой был балкон, и несколько раз Криус выводил ее куда-то только для того, чтобы возвращать побитой и в синяках.

— Мама, — бормочу я через окно прихожей. — Какую власть имела над тобой эта тварь?

Я качаю головой. Несмотря на то, что убийства, которые я совершил, когда был моложе, купили нашу физическую свободу, разум моей матери всегда был пленником одного человека.

Это причина, по которой она продолжала встречаться с ним после того, как он освободил нас, и причина, по которой она придумала этот план, чтобы спасти его законного сына.

Квинн сказала, что мама была настолько приучена быть собственностью Криуса, что никогда не приняла бы свою свободу. Она назвала это «синдромом слоненка» и описала ситуацию так: молодых слонов настолько качественно отучивают от попыток убежать, что, даже будучи достаточно большими, чтобы разорвать цепи, они все равно не предпринимают попыток бегства.

— Теперь ты свободна от него, — говорю я, понизив голос. — Возможно, ты обретешь подобие покоя в смерти.

Ручка двери поворачивается вниз, и у меня екает сердце. Я проскальзываю в вестибюль до того, как она распахнется.

Фигура в черном входит в комнату для осмотра, подходит к телу матери и отдергивает простыню. Голова его склонена, но по спортивному телосложению я уже знаю, что это не Криус. Мой биологический отец слишком осторожен, чтобы войти в комнату без сопровождения.

Мужчина несколько секунд смотрит на тело, прежде чем полезть в карман и достать телефон.

— Сэр, я нашел ее, — он делает паузу, подходит к другому столу, отдергивает простыню и вздрагивает. — Трудно сказать, кому принадлежит второй. Похоже, они проломили ему череп и сожгли заживо.

Затаив дыхание, я отступаю дальше в свое укрытие и надеюсь, что Криус клюнет на приманку.

Я слышу, как мужчина ходит вокруг столов. Он пробует дверь вестибюля, мое сердце учащенно бьется. К счастью, она все еще закрыта.

— Хорошо, сэр. Чисто. Буду ждать.

Он кладет телефон обратно в карман и наклоняет голову, глядя на обугленные трупы.

— Шизик, чертов трус, — бормочет он себе под нос.

Я сглатываю горький смех. Все воспринимается как паранойя, когда живешь безупречную жизнь. Криус Ванир десятилетиями торговал женщинами и держал их взаперти, как скот. Пришло время убить его, как животное.

Ожидание кажется вечностью. Я так сосредоточен на том, кто может войти в дверь, что не удосуживаюсь следить за временем.

В конце концов дверь открывается, и узел в моем животе ослабевает, но снова затягивается, когда в комнату входит мужчина, которого я не узнаю.

— Все чисто? — спрашивает новичок.

Первый кивает.

— Все чисто.

Когда выходит человек номер два, я лезу в кобуру, вытаскиваю пистолет и напоминаю себе не совершить ту же ошибку, что и в прошлый раз. Не промахнуться.

Как только Криус войдет в комнату, у него не будет времени разговаривать, нет времени колебаться. Сначала я должен убрать его охрану и застрелить его, прежде чем он успеет выбежать в коридор.

Не будет ни медленной пытки, ни последних слов. Я убью Криуса и уйду.

— Понятно, Мариус? — шепчу я себе под нос.

Я резко киваю.

Дверь снова открывается, и входит Криус, одетый в черный пиджак с огромным черным галстуком. Он хромает и тяжело опирается на трость, выглядя хрупким по сравнению с человеком, в которого я стрелял в шестнадцать лет.

Мой желудок резко сжимается, и я останавливаюсь, задаваясь вопросом, был ли я причиной его ослабленного состояния.

Когда дверь со щелчком закрывается за Криусом, оставляя его на пути к телу мамы, я беру ключ, который оставил в замке, делаю глубокий вдох и напоминаю себе о быстрой казни.

Из коридора слышны выстрелы. Моя челюсть сжимается. Тор и его люди уже начали.

Криус спотыкается, держась за край стола с трупом для равновесия.

— Вы двое, идите туда.

Оба мужчины лезут в свои куртки и достают пистолеты. Я отпираю дверь и вырываюсь наружу, стреляя сначала в голову меньшему, а затем промеж глаз его более крупному напарнику.

Криус оборачивается, его глаза расширяются, рот приоткрывается. Секундой позже он улыбается. Восторг мерцает в его голубых глазах, как будто он не заперт в морге и не столкнулся со своим злейшим врагом.

— Похоже, слухи о твоей кончине преувеличены, мой мальчик, — его взгляд смягчается. — Я не мог поверить, что именно ты из всех моих сыновей сдался Бестлэссонам. Вот почему я рискнул всем, чтобы увидеть все своими глазами.

Здравый смысл рычит, чтобы я застрелил его. Стрелял в него сейчас, пока он не улизнул от возмездия. Сейчас, прежде чем он вытащит свой пистолет.

Я игнорирую голос разума и иду к Криусу.

— Почему? — рычу я.

Его брови сходятся.

— Что?

— Почему ты убил маму.

Все следы его улыбки исчезают.

— Клянусь тебе, сынок, я не прикасался к твоей матери в последние недели. Ни разу.

Пульс между ушами бьется о барабанные перепонки и наполняет череп резонирующей яростью. Я подхожу к маминому столу и сдергиваю простыню.

— Как что это?

Криус переводит взгляд с лица матери на глубокий порез на ее горле.

— Моника всегда воспринимала мои слова буквально, — вздыхает он. — Когда я сказал, чтобы она умерла для меня, это не являлось прямой инструкцией совершить самоубийство.

— Что? — я поднимаю пистолет, целясь в точку между его глазами.

— Ах, — Криус поднимает тонкую ладонь. — Я бы не стал этого делать, мой мальчик. Ведь у моих людей твоя сестра Квинн.

Слова поражают, как удар под дых. Это невозможно.

Нет, это возможно.

Криус никогда не осмелился бы пойти туда, где я мог бы убить его, если бы у него не было плана на случай непредвиденных обстоятельств.

— Когда ты ее взял? — спрашиваю я.

— Поимку Квинн подтвердили за мгновение до того, как я вошел в городской морг, — говорит он с нежной улыбкой. — Если со мной что-нибудь случится, у моих людей есть указание продать ее с аукциона одному из моих зарубежных партнеров.

У меня сжимается челюсть.

— Потребуется месяцы, чтобы выследить ее, а к тому времени будет слишком поздно, — Криус кивает, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

Края зрения краснеют, и мое дыхание становится поверхностным. Я не смог спасти маму, и теперь я не могу спасти Квинн.

Голос в затылке кричит, чтобы я сосредоточился. Сосредоточился на всем, что я знаю о Квинн. О Криусе Ванире. Сосредоточился на том факте, что он больше не всемогущий дальновидный монстр моего детства, а человек, который скажет или сделает что угодно, чтобы остаться в живых.

— Докажи, — говорю.

Его улыбка мерцает.

— Извини?

— Где ты нашел Квинн? — спрашиваю я. — Как? Покажи мне видео с заложницей. Что-угодно.

— Конечно, мой мальчик, — Криус лезет во внутренний карман пиджака.

Я стреляю ему в плечо, забыв все обещания быстрой казни.

Он зажмуривает глаза и стискивает зубы.

— Мариус. Всегда такой импульсивный.

Рука с кармана падает, как и его пистолет, который летит под стол.

— Ты солгал о Квинн? — рычу я.

Криус выпускает трость и для равновесия хватается за край стола.

— Я надеялся использовать твою слабость к женщинам в своих интересах.

— Ты жалок.

Он хрипит.

— Если это не ты под простыней, то кто?

— Твой человек.

Я убираю пистолет обратно в кобуру, прощаясь с последними мыслями о быстром убийстве.

Стрельба слишком хороша для этого ублюдка.

Он смотрит на меня, его голубые глаза сияют.

— Мариус, мой мальчик...

Мой кулак встречается с его челюстью.

— Ты мне не отец.

Криус падает навзничь, ударяясь о бетон с болезненным шипением.

— Будь благодарен, — хрипит он. — Когда Моника пришла ко мне со своим планом, я позаботился о том, чтобы никто не пострадал и не погиб от моих рук.

Звуки стрельбы стихли, и городской морг погружен в тишину. Быстрые, хриплые вдохи скребут мои барабанные перепонки, когда я приближаюсь к упавшему человеку.

Он выглядит жалко, лежа на полу, пытаясь отползти назад к выходу. Я лезу во внутренний карман куртки и достаю нож.

— Мариус, — хрипит он. — Не делай этого.

— Сколько женщин было на твоём месте? — рычу я. — Сколько из них просили, плакали и умоляли о пощаде?

Он хватается за кровоточащее плечо и вздрагивает.

— Ты пожалеешь, что убил своего отца.

— Ты сбился со счета, сколько жизней погубил? — спрашиваю я сквозь стиснутые зубы.

Дверь со скрипом открывается, и я перевожу взгляд в направлении звука и вижу, что Тор проскальзывает внутрь. Когда он закрывает за собой дверь, я вытаскиваю пистолет из кобуры и снова обращаю внимание на Криуса.

— Могу я попросить об услуге? — шепчет он.

— Нет.

Я становлюсь на колени рядом с ним, поднимаю его за раненое плечо, наслаждаясь его болезненным шипением. Он не вздрагивает, не сопротивляется и не борется. Возможно, он уже знает, что потерпел поражение. Возможно, он не хочет доставлять мне удовольствие показывать свои страдания.

Как бы я ни хотел, чтобы этот момент длился вечно, я все еще окружен врагами.

Поместив нож на три дюйма ниже его уха, я перерезаю сонную артерию. Криус задыхается, когда теплая кровь хлыщет из раны и пропитывает мой рукав.

— Сделай так, чтобы другие мои мальчики не умерли с голоду. Они будут заперты в квартире, если я не навещу их матерей.

Мои ноздри раздуваются при подтверждении того, что я был не единственным.

— Как мне их найти?

— В моем телефоне есть файл. Используй мою сетчатку, чтобы получить к нему доступ.

Пароль — «красота».

Я подавляю свое отвращение, чтобы сосредоточиться на получении информации, необходимой мне для спасения его заключенных.

— В нижнем регистре?

— Да, — хрипит он.

— Есть что-нибудь еще, что я должен знать?

— Не оскверняй мое тело, — он смотрит на меня, его зрачки сужаются. — Отправь его моей жене и семье на похороны.

— Я говорил о мальчиках и женщинах, — рычу я.

Его глаза расширяются, а рот приоткрывается.

— Мариус?

— Ты умрешь незамеченным, неоплаканным, забытым, как и все женщины, которые стали твоими жертвами.

— А мой сын?

Я толкаю его на пол.

— Если бы ты действительно заботился о своем законном отпрыске, у тебя бы не было столько врагов.

— Виктор невиновен, — Криус хватается за рану на шее, пытаясь сдержать прилив крови. — Мой враг пытался добраться до меня через него. Его невесту убили, и Виктор отомстил за ее смерть.

Я смотрю на Тора.

Он кивает.

— Человек, убивший невесту Виктора, был высокопоставленным членом ирландской мафии. Они бы отомстили, а затем Криус нанес бы ответный удар, начав войну, которую никто не может себе позволить. Отец посадил Виктора в «Сикрофт», чтобы сохранить мир.

Моя челюсть сжимается.

— Я сожалею, что не смог убить тебя, когда мне было шестнадцать.

Криус задыхается, выпучив глаза, открывая и закрывая рот, но не издавая ни звука. Я стою над ним, пока рука с его шеи не падает на пол. Свет исчезает из его глаз, и он делает последний вдох.

Воздух в моих легких на мгновение замирает. Я жду, когда он шевельнется или пробормочет последнее слово, но он остается неподвижным.

Наконец-то Криус мертв.

Никакого облегчения или эйфории, которые я представлял себе. Смерть Криуса ничем не отличается от любого другого моего убийства.

Он умер так же, как и любой другой человек.

Тор аплодирует.

— Это было хладнокровно.

Я поднимаю пистолет.

— Что дальше?

— Отец приказал мне убить тебя, если ты не выполнишь свою часть сделки.

— А если выполню?

— Он хочет, чтобы ты передал ему значительную часть файлов собственности Ваниров, учитывая, что его законный сын находится в тюрьме. Никто не знает, куда Криус спрятал дочь. Она, вероятно, ничего не знает о его делах.

— Что-нибудь еще?

Тор пожимает плечами.

— Ты уволен, и он отозвал твой допуск к университету.

— Я обдумывал такой вариант.

Беру себе на заметку отправить Феникс резервный телефон завтра утром первым делом. Она поедет со мной в Лондон.

— Мы договорились? — спрашивает Тор.

— Только если это означает конец всей торговли людьми и борделей.

— Отец будет счастлив закрыть эти предприятия. Его интересует только недвижимость. — говорит Тор, кивая. — Мы будем на связи.

Он подходит к двери и останавливается.

— Кстати, твоя девочка очень умная. Никому никогда не удавалось избежать принудительных браков отца, даже мне. Я не скажу ни слова о том, что видел в переулке.

Мои глаза сужаются, и он с ухмылкой отступает. Я убивал людей за гораздо меньшее, но заставить Тора замолчать в окружении его людей, — это самоубийство.

И я хочу остаться в живых, чтобы позаботиться о Феникс.

Жду, пока он выйдет через дверь, прежде чем опустить пистолет. Все эти файлы Криуса никогда не принадлежал мне, и, если это избавит меня от семьи Бестлэссон, я буду рад пойти на эту жертву.

Входит группа мужчин в белых комбинезонах с сумками и оборудованием. Я отхожу в сторону, позволяя им заняться уборкой.

Я прислоняюсь к стене, наблюдая, как они загружают двух мужчин, которых я подстрелил, в мешки для трупов. Телефон в моем кармане жужжит.

Сообщение на экране гласит:

Выйди через служебный вход в задней части здания. Серебряная Ауди. Ключи в бардачке.

Мои плечи опускаются от облегчения. Криус правда блефовал насчет похищения Квинн.

Я гляжу на бледное тело матери, которое все еще частично выглядывает из-под простыни. Ее предательство меня разочаровало, но я, наконец, свободен. Свободен от призрака отца. От угроз, что Криус причинит вред тем, кого я люблю.

Свободен, чтобы любить Феникс.

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ

Феникс

Я выхожу из ванной в главную спальню и вижу, что Мариус разложил платье на кровати с балдахином. Лососево-розовый наряд из легкого шелка, который развевается на ветру.

Слева открытая обувная коробка, в которой лежат сандалии телесного цвета с ремешками, обвивающими стопу и лодыжки. Слева от платья лежит подарочная коробка «Тиффани» с богато украшенной серебряной манжетой на запястье и инкрустированными бриллиантами серьгами-подвесками.

Мариуса не видно, дверь в его ванную открыта. Вероятно, он внизу, готовит завтрак или все еще собирается к выпускной церемонии.

Мои зубы кусают нижнюю губу. К платью с таким глубоким V-образным вырезом нужно кольцо. Делая мысленную пометку порыться в комод с драгоценностями, я иду через комнату к туалетному столику.

Из глубины моего живота вырывается смешок. Мариус назвал бы это шкафом для драгоценностей. Когда он не занимается всяким дерьмом в преступном мире или играет

злого профессора, он работает над учебником по криптовалюте.

Туалетный столик — антиквариат из Франции. Дерево цвета слоновой кости, украшенное полированным вермелем, стоит на красиво изогнутых ножках. Мариус называет этот стиль «Рококо». Он есть во всех комнатах дома, кроме кухни и подвала.

Я опускаюсь на мягкий табурет, смотрю в зеркало в серебряной раме и улыбаюсь своему отражению. Последние несколько месяцев были напряженными.

После того, как меня исключили из Университета королевы Марии, Мариус потянул за несколько ниточек, и перевел меня в Лондонскую школу финансов. Пришлось сдавать ужасный вступительный экзамен. Но это того стоило, потому что теперь у меня есть первоклассная степень одного из самых престижных университетов Великобритании.

Мариус исполнил предсмертное желание своего отца и с помощью Квинн выследил всех женщин, которых Криус спрятал по всему Лондону. В итоге у него оказалось больше братьев, чем он мог себе представить, и остаток своего творческого отпуска он провел, разыскивая их.

Некоторые из них просто дети, другие взрослые, которые также стремились убить человека, похитившего их матерей.

Первый, кого нашел Мариус, имел серьезное психическое расстройство и взял в заложники девочку, чтобы она была его котенком. Я качаю головой, все еще не веря, как один человек мог разрушить столько жизней.

Шаги Мариуса эхом разносятся по коридору. Я сижу, сердце трепещет. Несмотря на то, что я живу в его доме с того дня, как мы занимались сексом в переулке, я до сих пор испытываю кайф от его присутствия.

Он входит, уже одетый во все академические регалии.

Темно-красная мантия длиной до щиколоток с черным передом и соответствующими полосками на рукавах. Плоский головной убор отсутствует, потому что у него есть докторская степень.

Судя по голым рукам и ногам, под мантией ничего нет.

— Доброе утро, профессор, — мой взгляд падает на длинный фаллоимитатор в его руке. Тот блестит от смазки, и моя задница сжимается.

— Что это у тебя? — спрашиваю я.

— Жезл, — он крутит что-то, и вещица начинает вибрировать. — Это символ полномочий университета присуждать степени. Поскольку сегодня твой выпускной, я подумал, что ты заслужила небольшую награду.

По позвоночнику бегут приятные мурашки.

— А я тут подумала, что ты купишь мне машину.

Мариус ухмыляется.

— Она припаркована снаружи.

— Какой цвет? — поднимаюсь со стула, дыхание учащается.

— Красный.

Не говоря больше ни слова, я мчусь через комнату, мои ноги увязают в серебряном ковре у кровати с балдахином.

Главная спальня находится на верхнем этаже нашего дома, так что невозможно как следует рассмотреть машину. Я не хочу тратить время на то, чтобы спускаться вниз, когда Мариус в таком игривом настроении.

Я останавливаюсь у огромных оконных рам. Они почти такого же роста, как я, и

сделаны из меньших по размеру стеклянных панелей, каждая из которых заключена в раму. Мы живем в Белгравия-Сквер-Гарден, в одном из немногих георгианских домов, не перестроенных в посольства.

Мариус выбрал это место из-за безопасности. Мы живем среди важных иностранных сановников и находимся в полумиле от Букингемского дворца. Улицы кишат телохранителями и всевозможной полицией.

Никто никогда не приходит сюда в поисках неприятностей.

Мой взгляд падает на автомобили, припаркованные напротив зеленой площади. Перед серебристой «Мазерати» Мариуса стоит красный кабриолет с бантом сверху.

Потрескивание в моем сердце превращается в полномасштабное буйство бабочек. Я оборачиваюсь и обнаруживаю, что позади меня стоит Мариус, а его глаза застилает знакомая тьма.

— Спасибо, — я бросаюсь к нему и обхватываю руками его шею, не заботясь о том, что мну его мантию.

Он уже тверд, как камень, его толстая эрекция давит на мой живот. Я тянусь между нашими телами и нежно сжимаю его.

— Вам бы лучше учиться, чем лапать своего профессора, — говорит он укоризненным голосом, от которого моя киска пульсирует.

— Простите, сэр? — я отвечаю с хихиканьем.

— Не думаю, что извинения искренние, — он отстраняется, черты его лица суровы. — На самом деле, я думаю, вы сделали это нарочно, чтобы получить более высокую степень.

Мое сердце переворачивается, как блин на сковородке. Сейчас, наверное, не время напоминать ему, что университет уже наградил меня первой степенью. Пока я провожу языком по нижней губе, Мариус смотрит вниз, следит за движением.

— Наглая девчонка, соблазняющая преподавателя утром в день своего выпуска.

— Ничего не могу поделать, сэр, — говорю я, пытаюсь скрыть улыбку.

Его рука резко взмывает, и он хватается меня за шею, отчего перехватывает дыхание. Хватка крепкая, не сильная, но я все равно покачиваюсь вперед на цыпочках.

Мне не терпится узнать, что будет дальше.

— Это последний день, когда я трахну тебя будучи твоим профессором.

Я киваю.

— Тогда нам лучше сделать это незабываемым.

Мариус идет вперед, оказывая достаточное давление на мое горло, чтобы я могла отступить. Я не вижу, куда иду, потому что потерялась в его ярких голубых глазах. Его зрачки расширяются, и золотые крапинки в радужках становятся темно-зелеными.

Нет ни одной клеточки в этом человеке, которая не вызывала бы у меня слабость.

Задней стороной бедер я касаюсь матраса, и он помогает мне опуститься на кровать. Точно так же он прижал меня к своему столу месяцы назад, когда думал, что я связана с Одним.

Теперь у нас нет секретов. Я знаю все о его детстве с Криусом и о том, как Мариусу пришлось купить свободу, убив кучу соперников своего отца.

Я также знаю, что он убил человека, назвавшего меня шлюхой, чтобы Криус никогда не узнал о моем существовании.

— Ты помнишь стоп-слова? — говорит он с ухмылкой.

Я ухмыляюсь в ответ.

— Делайте все возможное, профессор.

Его лицо каменеет, как будто мои слова щелкнули выключателем. У меня перехватывает дыхание, киска сжимается от возбуждения.

Вот черт.

Это может быть грубо.

Он переворачивает меня лицом вниз на кровать. Поднимаю голову, пытаюсь разглядеть, как он вытаскивает свой член из-под этой мантии, но он разворачивает мою голову обратно к матрасу.

— Будь хорошей девочкой и раздвинь ножки для своего профессора.

С моих губ срывается стон.

Он раздвигает мои ноги, широко разводя в стороны, и поднимает мой халат сзади. Шлепок приземляется на мою ягодицу, посылая ударную волну удовольствия по нервам.

Я задыхаюсь в одеяло.

— Уже мокрая, мисс Шталь? — рычит он, его пальцы скользят по моим влажным складкам.

— Всегда, — говорю я сквозь прерывистое дыхание.

— Мне не хватает твоей хорошенькой задницы, — он хлопает по другой ягодице, так сильно, чтобы я зашипела.

Моя киска сжимается, и я поднимаю бедра, желая его, нуждаясь в нем, тоскуя по его огромному члену.

Он сдергивает пояс моего халата, хватая меня за предплечья и связывает их за спиной. Я дергаю запястьями, проверяя узел, но толку мало.

Знание того, что я теперь совершенно беспомощна и отдана на его милость, посылает волну расслабления по моему телу, которая ослабляет мышцы. Его вес оседает на моей спине, и я чувствую себя будто в коконе.

— Я буду трахать тебя долго и жестко, мисс Шталь, хочешь знать, почему?

По моей коже пробегают мурашки.

— П-почему?

— Потому что ты принадлежишь мне, — он проникает под мое тело и сжимает меня. — Эта великолепная грудь, — другая его рука тянется вниз и скользит пальцем в мою киску. — Эта мокрая дырочка, — его большой палец обводит мой анус, заставляя дрожать. — И эта тугая задница. Всё моё.

— Твоё, — говорю я хриплым голосом.

— Ты знаешь, что я делаю с тем, что принадлежит мне? — он вытаскивает палец и входит в меня одним движением, вызывая взрывы во всех центрах удовольствия.

Мой рот открывается в безмолвном крике.

— Как же ты хороша. Посмотри, как твоя киска приветствует своего хозяина.

Я сжимаюсь и пульсирую вокруг него и пытаюсь покачать головой, но удовольствие от того, что меня так широко растянули, поглощает все. Как бы я ни протестовала, это только часть игры. В глубине души я знаю, что принадлежу Мариусу.

— Блять, — говорю я сквозь стиснутые зубы. — Ты слишком большой.

Мариус кусает меня за шею.

— Ты возьмешь член своего профессора, как прилежная ученица. И не забудь, что я буду ставить оценки за технику.

Я кричу, моя киска сжимается.

От стонов Мариуса моя грудь гудит от удовольствия.

— Черт, мисс Шталь, вы созданы для меня. Такая мокрая, тугая, такая идеальная.

Его похвала заставляет мое сердце петь.

Мариус отводит бедра назад и жестко трахает меня. Он прижимает меня к кровати, кладя руку мне на затылок. Со связанными за спиной руками и непристойно широко расставленными ногами все, что я могу сделать, это лечь на матрас и принять натиск удовольствия.

— О боже, — стону я.

— Бог не сможет тебе помочь, — говорит он с такой силой, что я задыхаюсь. — Но я заставлю тебя молить о пощаде.

Я хнычу, мой клитор набухает, и я прижимаюсь к матрасу. Почему этот мужчина меня так заводит?

Телефон, который я оставила на кровати, звонит. Я смотрю на дисплей звонящего и вижу номер Виры.

Черт.

Мы с Шарлоттой поддерживали связь после того, как я покинула университет, и она дала мой номер Виру. Среди студентов распространилась весть, что Мариуса послали похитить племянника Одина, а он сам был сыном Криуса Ванира. Я не скрывала свои отношения, и они все еще думают, что меня нужно спасти.

Сколько бы раз я ни говорила Виру, что я счастлива с Мариусом, он, кажется, думает, что я в ловушке. Сейчас же я в основном отправляю его звонки на голосовую почту.

— Кто это? — он вращает бедрами, наполняя меня плотными толчками.

— Никто, — запинаюсь я.

— Ответь, — он наклоняется и развязывает ремешок на моих запястьях.

Напряжение в моих руках мгновенно исчезает, и я вскрикиваю, когда он подносит телефон ко мне.

— Ну же!

Я стараюсь не обижаться на Виру. Не его вина, что Один позвонил папе и повторил всю ту чушь, которую я ему рассказала о своей сексуальной жизни. Благодаря Бестлэссонам папа прислал мне бессвязное электронное письмо с описанием того, что я стала такой же, как моя мать.

Потребовалось несколько дней, чтобы мой гнев остыл, прежде чем я смогла отправить ответ, но он не дошел.

Так что я понятия не имею, что с ним стало в той тюрьме, и мне действительно плевать.

— Мисс Шталь, — говорит Мариус предостерегающе низким тоном.

Я не могу сформулировать предложения, пока этот огромный член разрывает меня.

Он запускает пальцы в мои влажные волосы и поднимает меня с матраса.

— Сделай это, — рычит он мне в ухо. — Сейчас же, или я сам с ним поговорю.

— Хорошо, — выдавливаю я и тянусь к телефону.

— Включи громкую связь.

Мои глаза расширяются, но я все равно делаю, как он говорит.

— Привет? — я сохраняю ровный голос, даже когда Мариус толкает бедрами. Мои глаза закатываются к затылку, и приходится сдерживать стон.

— Феникс, — в панике отвечает Вир. — Я пытался связаться с тобой в течение нескольких недель. С тобой все в порядке?

Мариус увеличивает скорость. Я сжимаю руки в кулаки и стараюсь не стонать.

— Я... отлично.

— Ты кажешься напряженной.

Каждый толчок наполняет мое тело взрывами восторга.

— Мой. Выпускной. Сегодня. В полдень.

— Серьезно, что не так?

— В. Половину... — я выдыхаю судорожно. — Чего-то...

Моя рука тянется к телефону, готовая повесить трубку, но Мариус хватается за запястье и заламывает мне руки за спиной.

Он делает паузу, давая мне перевести дух.

Я выпаливаю:

— Но я сейчас немного занята, и у меня напряженный день. Перезвони завтра, хорошо?

Повесь трубку. Пока.

Мариус отстраняется и попадает в точку внутри меня, от которой я вижу звезды. Я зажмуриваюсь и стону:

— Ох, черт.

— Это не мое имя, — рычит он мне в ухо. — Попробуй еще раз.

— П-профессор Сегал, — бормочу я.

— Моя умница.

Мое сердце трепещет, и он продолжает давление на это место своим членом, пока напряжение в моем животе не спадает. Я прикусываю нижнюю губу, тяжело дыша сквозь ощущения.

Мариус безжалостно держит дистанцию, атакуя мою точку «G» снова и снова, пока не напрягается каждая мышца внутри. Затем один сильный толчок перебрасывает меня через край.

Все давление, все удовольствие, все ощущения высвобождаются одновременно в оргазме, от которого у меня перехватывает дыхание. Мои легкие замирают, когда экстаз переполняет мои чувства, и проходит несколько ударов сердца, прежде чем я могу даже закричать.

— Ты такая охуенная внутри, — говорит он, когда я бьюсь в конвульсиях вокруг его члена. — И вся моя.

— Т-твоя, — говорю я, тяжело дыша.

Я так истощена и не чувствую костей. Мое тело рассыпалось бы, если бы оно уже не было приковано к кровати.

Мариус все еще тверд во мне. Он немного отстраняется, и я ожидаю, что он начнет трахать меня, но он раздвигает пальцами мои ягодицы.

У меня кружится голова.

— Что ты...

Что-то длинное и скользкое проталкивается в мою попку, заставляя мои губы приоткрыться в тихом стоне. Это тот самый вибратор.

— От начала до конца, мисс Шталь, — растягивает он. — Я хочу увидеть, насколько глубоко ты готова принять, пока не завопишь.

Я поднимаю бедра, позволяя Мариусу полностью ввести фаллоимитатор.

— Ты создана для двойного проникновения, — говорит он.

— Феникс? — говорит Вир через громкоговоритель напряженным голосом.

— Ты еще здесь? — мой голос повышается на несколько октав.

Я тянусь к телефону, но Мариус снова хватает меня за руку. В любой момент я могу произнести одно из своих стоп-слов, но меня так тошнит от Виры, что я плюхаюсь на кровать и даже не пытаюсь сопротивляться.

— Мистер. Бестлэссон, — говорит Мариус между толчками. — Мисс Шталь не может говорить, она очень занята.

С моих губ срывается стон.

— Не звоните ей, предполагая, что она в опасности. Как вы слышите, Феникс в полной безопасности, — еще один толчок. — И полностью удовлетворена.

— Феникс? — говорит Вир.

— Ради всего святого, повесь блядскую трубку! — кричу я.

— Ты издаешь такие милые звуки, — говорит Мариус, его рука скользит под мое тело и между моих ног. — Покажи мистеру Бестлэссону, кому ты принадлежишь.

Потирая мой клитор быстрыми движениями, он безжалостно трахает меня дилдо и своим членом.

Я забываю о мужчине, слушающем на другой линии, когда второй оргазм разрывает мое судорожное ядро. Это настолько мощно, что мое тело выталкивает фаллоимитатор.

Мариус с рыком входит в меня, но я едва слышу его сквозь шум крови в ушах. Когда он изливается, я тоже пытаюсь встать, но он кладет руку мне между плеч.

— Оставайся внизу. Я не хочу, чтобы ты пролила хоть каплю.

— В конце концов мне придется встать, — бормочу я с одеяла.

Он открывает прикроватный ящик, и тут что-то толстое и резиновое вдавливается в мое отверстие.

— Что это такое? — спрашиваю я.

— Пробка для киски. Моя частичка будет с тобой, когда пойдешь получать диплом.

— Как романтично, — бормочу я.

Он шлепает меня по заднице, заставляя меня сжаться вокруг игрушки.

— Ох, это приятно, — говорю я со вздохом.

— А это?

Пробка вибрирует. Она недостаточно мощная, чтобы довести меня до оргазма, но если это что-то вроде надувной анальной пробки, то Мариус воспользуется пультом, чтобы увеличить интенсивность.

— Ох, блять.

— Я постараюсь не наращивать скорость, когда будешь произносить свою речь.

Мое дыхание останавливается, и я отталкиваюсь от матраса, чтобы встретиться с его улыбающимся взглядом.

— Подожди, — говорю я. — Я не могу выйти на сцену с игрушкой внутри.

Он поднимает бровь.

— Это отказ?

— Я не верю, что ты не начнешь играть с пультом.

— Ты заработала вторую скорость.

Пробка вибрирует сильнее, заставляя меня стонать.

— Ты беспощадный.

Мариус возвращается к тумбочке и открывает ящик. Я смотрю на телефон на матрасе и вижу, что Вир наконец повесил трубку. Когда оборачиваюсь, Мариус стоит передо мной,

держу черную шкатулку с драгоценностями.

Я сжимаю бедра вместе.

— Это ожерелье для меня?

— Подарок на выпускной, — он открывает коробку.

Внутри тонкая серебряная цепочка с кольцом. Мой взгляд поднимается, чтобы встретиться с ним.

— Постоянный ошейник? — мой голос становится хриплым от благоговения.

Тепло в его глазах растопило мое сердце.

— И знак моей вечной любви.

Знак моей вечной любви.

У меня перехватывает дыхание. Мариус всегда хвалит только во время секса или когда дело доходит до учебы. Слова одобрения не являются его обычным языком любви. А лишь подарки и забота.

— Что? — выпаливаю я.

— За последние месяцы ты стала для меня всем. Ты приняла всего меня, начиная с моих извращений до всех грязных начинаний. Никогда не думал, что смогу найти свою идеальную пару. Когда я смотрю, как ты спишь, я все еще не могу поверить, что ты настоящая, но просыпаясь и обнаруживая, что ты все еще здесь, я испытываю безмерную радость.

У меня перехватывает дыхание, на глаза наворачиваются слезы.

Это не может быть правдой.

Мариус смотрит на меня сверху вниз, черты его лица застыли в натянутой маске спокойствия. Как будто он тоже не может поверить в то, что говорит.

— Я чувствую то же самое, — отвечаю я. — Я-я-я... имею в виду, я тоже тебя люблю.

Его грудь сдувается, а уголки его глаз смягчаются в улыбке.

— Феникс, ты согласишься стать моей женой?

— Да, — говорю я срывающимся голосом.

Он надевает ошейник мне на шею.

— Завтра пойдем покупать кольцо.

Когда я оборачиваюсь, он целует меня так сильно, что сгибаются пальцы на ногах.

Я посылаю молчаливое слово благодарности папе. Если бы он не бросил меня все эти месяцы назад и не оставил с долгами, я бы никогда не была так решительно настроена найти себе папика.

Теперь я живу в красивом особняке в центре Лондона, скоро закончу всемирно известный университет, и у меня есть сексуальный жених, который готов убивать, лишь бы защитить меня.

Жизнь не может быть ярче.

КОНЕЦ

Переведено специально для группы: vk.com/towwersauthors

Если вы нашли файл книги на сторонних ресурсах, *пожалуйста*, зайдите в группу и оставьте отзыв или любой отклик переводчику.

Когда вы пишете отзывы в других местах, переводчик этого не видит, и думает, что его труд бесполезен. Для вас это пара минут. А для нас долгий безвозмездный труд. **Спасибо ♥**

Notes

[

←1

]

Паддл, **пэддл** ([англ. paddle](#) — «[весло](#), [лопатка](#)»), **шлёпалка** — [инструмент](#), представляющий собой вытянутую ударную [пластину](#) с [рукояткой](#); [рукоять](#), как правило, плоская и составляет одно целое с пластиной; держа за неё паддл, можно наносить пластиной [шлепки](#) (хлёсткие удары).

[

←2

]

Switch (Свитч) — это человек, который получает удовольствие от верхней и нижней роли в **БДСМ**, между которыми он способен переключаться

[

←3

]

Декстер — персонаж книг и сериала. Работает в полиции, втайне убивает преступников, чтобы утолить жажду убийств.

[

←4

]

Направление в литературе, творческой мысли, самовыражении периода *fin de siècle*, которое характеризуется эстетизмом, индивидуализмом и имморализмом.